

Елена Улбина

ЭТО МОЯ ШКОЛА

Детгиз
1955

Елена Ильина

ЭТО МОЯ ШКОЛА

повесть

РИСУНКИ М. ГОРШМАНА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1955

К МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Есть старая пословица: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

Но нередко бывает и так, что скоро дело делается, да не скоро сказка сказывается.

Пока писалась и печаталась эта книга, в школьной жизни кое-что изменилось. Школа, о которой здесь рассказывается, стоит на том же самом месте, что и раньше. Только теперь там учатся не одни девочки, а также и мальчики. Школьники проходят те же самые предметы. А вот экзаменов стало меньше.

Но попрежнему ребята учатся, устраивают пионерские сборы, мастерят, издают свою газету, веселятся на школьных каникулах. Попрежнему каждый день приносит с собой в класс и счастье крепкой дружбы, и преодоление новых трудностей, и горечь неудач, и радость достигнутых успехов.

О том, как жили и росли изо дня в день в продолжение одного школьного года Катя Снегирёва и её друзья, и рассказывается на страницах этой повести.

Елена Ильина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОПЯТЬ В ШКОЛУ

Солнце грело, точно летом. Только деревья стали пёстрыми — к их зелени примешались жёлтые и красные листья.

Как в летний день, человек в фартуке, шаг за шагом передвигаясь по дорожке бульвара, подтягивал за собой тугой чёрный шланг. Из шланга с шумом вырывалась вода, играя в лучах разноцветными брызгами, и над струёй стояло что-то вроде маленькой радуги.

По залитому солнцем бульвару шли две школьницы.

— Ну вот, мы уже и в четвёртом! — говорила Катя Снегирёва, шагая рядом с подругой. — А я ведь только сейчас по-настоящему этому поверила. Летом, когда меня спрашивали, в каком я классе, я и сама не знала, что сказать — не то в треть-

ем, не то в четвёртом. А вот теперь мы с тобой, Анька, и в самом деле идём в четвёртый класс, в четвёртый «А». Здрóрово!

— Ещё бы! — сказала Аня Лебедева, стараясь идти в ногу с Катей и размахивая обеими сумками — своей и Катиной. — Первая буква из всех букв! А раз первая, значит и наш класс — первый из всех четвёртых. Верно, Катя?

Катя несла обеими руками большой пёстрый букет. От осенних цветов и листьев пахло сырой свежестью земли.

— Буква тут ни при чём, — сказала Катя, вдыхая на ходу этот лёгкий, едва уловимый запах. — По-твоему, выходит, что четвёртый «Д» должен быть на последнем месте? Нет, тут не в букве дело. Главное — какой класс! С четвёртого уже экзамены пойдут! Знаешь, я экзамена по русскому письменному не боюсь, я только арифметики боюсь...

— А я — наоборот! — сказала Аня. — Я согласна на пять уроков арифметики подряд, только бы не было русского письменного... Почему это так? Мы с тобой подруги, с первого класса на одной парте сидим, а у нас всё по-разному.

— Не знаю, — ответила Катя. — Давай, Аня, я тебе буду каждый день диктовку диктовать, а ты мне каждый день задачу задавай. Хочешь? И давай дружить до десятого класса! То есть, что я — «до десятого»!.. И потом тоже.

— Всю жизнь?

— Всю жизнь.

— Ну, это другое дело. А то если только до десятого, тогда какая же это дружба!

Позади послышались голоса, смех, чьи-то торопливые шаги. Девочки оглянулись. Вслед за ними шли девушки, почти совсем взрослые, и тоже несли большие букеты цветов. В этой весёлой, пёстрой толпе Катя увидела свою старшую сестру Таню. Таня была ещё в своём школьном платье, но уже без передника.

— Таня, а ты не опоздаешь? — спросила Катя, когда девушки подошли ближе. — Тебе же надо в институт.

Слово «институт» казалось ей таким новым, интересным, красивым. Подумать только — Таня уже в институте! А давно ли она с Катей ходила в одну и ту же школу и бабушка обeim давала перед уходом по одинаковому пакетику с завтраком!

— В институт мне к десяти, — ответила Таня и озабоченно взглянула на свои ручные часики. — А вот вы, девочки, пожалуйста, и в самом деле опоздаете — скоро восемь.

И Таня прошла вперёд — под руку со своей подругой Лидой.

— Куда это они? — спросила Аня.

— В школу. В нашу школу.

— Вот странно! — удивилась Аня. — Разве окончившие тоже должны быть сегодня в школе?

— Нет, конечно, не должны, — сказала Катя. — Но я бы на их месте непременно пошла. Вчера Таня говорит нашей бабушке: «Десять лет каждый день ходила в школу — и вдруг завтра не идти. Даже грустно». Вот они и сговорились в первый день занятий побывать у себя в школе, то-есть у нас в школе, — понимаешь? Давай, Аня, когда мы кончим десятый класс, мы тоже пойдём первого сентября в школу.

— С часиками? — спросила Аня. — Как у Тани?

— Ну конечно! Ведь у взрослых всегда бывают часы. Ой, Аня, — спохватилась Катя, — мы с тобой говорим про часы, а сами про часы и забыли! Давай бегом!

И девочки пустились бежать по бульвару, обгоняя друг друга.

Мостовая между бульваром и панелью была вся разворочена. Трамвайные рельсы были сняты, и машина, немножко похожая на трактор, укатывала своими тяжёлыми широкими валиками чёрный, ещё совсем мягкий, дымящийся асфальт.

Сверху слышался чёткий перестук молотков — это рабочие устилали крыши домов новыми железными листами. Деловитый звонкий стукоток будто напоминал девочкам, что сегодня их первый рабочий день.

Школьный двор был похож издали на цветник — столько цветов принесли с собой школьницы. Цветник шевелился и гудел. Широкие, чисто протёртые окна поблёскивали стёклами, свежевыбеленные стены казались голубоватыми.

Пробираясь сквозь толпу девочек в коричневых платьях и парадных, только что выглаженных передниках, Катя подняла выше свой букет, чтобы не помять цветов и листьев.

— Где же наши?

— Да что-то не видно... Четвёртый «Б», четвёртый «В»... Ах, да вот же они! — закричала Аня. — Вон и Людмила Фёдоровна! Смотри, Катя!..

— Где?

— Да вон, в конце двора.

Катя взглянула туда, куда показывала Аня, и сразу узнала светлые пышные косы, венком лежащие вокруг головы. Это она, Людмила Фёдоровна! Около неё толпятся девочки. Её почти не видно, но Катя не столько увидела, сколько угадала знакомую улыбку блестящих серых глаз. Во всей школе нет учительницы красивее и веселее Людмилы Фёдоровны.

— Людмила Фёдоровна! Здравствуйте, Людмила Фёдоровна! — ещё издали закричали Катя и Аня.

Учительница обернулась к ним:

— Катюша, Аня! Здравствуйте, девочки!

Школьницы, стоявшие вокруг, расступились. Людмила Фёдоровна обняла сразу обеих — Катю и Аню. Потом слегка отстранила их от себя и, чуть прищурив светлые, с чёрным ободком глаза, внимательно оглядела девочек по очереди.

— Выросли, загорели, — сказала она. — Косы у Анечки ещё длиннее стали. А у тебя, Катюша, совсем выгорели на солнце. Зато сама ты стала коричневая, как жолудь. Спасибо, Катенька, за письма. Молодец — ни одной ошибки!

Людмила Фёдоровна, слегка склонив голову набок, смотрела на своих девочек. Давно ли она встречала их — маленьких первоклассниц — на этом самом дворе? Давно ли, кажется, вот эта кудрявая девочка, Валя Ёлкина, была такая крошечная, что её почти не видно было из-за парты? И давно ли эта загорелая светловолосая Катя Снегирёва сказала на самом первом уроке: «Тётя, я хочу домой»?

А теперь все они — большие школьницы, пионерки. Кончают начальную школу. В будущем году в этот день пойдут уже в пятый класс...

Кате на минуту показалось, что Людмила Фёдоровна чем-то озабочена. Но нет, она такая же, как всегда, — улыбающаяся, бодрая, приветливая.

— А вот и наша новенькая, — говорит Людмила Фёдоровна своим низким, немного хрипловатым голосом и притягивает

к себе круглолицую румяную девочку. — Познакомьтесь. Оленина.

— Наташа, — подсказала девочка.

— Наташа Оленина, — повторила Людмила Фёдоровна. — Сегодня она у нас новенькая, а завтра уже будет, как и вы все, старенькая.

Все засмеялись — не потому, что учительница сказала что-нибудь очень смешное, а просто потому, что хотелось смеяться. Новенькая смутилась и стала ещё румянее. Она искоса поглядывала на свою новую учительницу.

— Ну что же ты, Наташа? Иди знакомься со своими будущими подругами, — сказала Людмила Фёдоровна, оборачиваясь к другим девочкам.

Но Наташа продолжала стоять на месте. Ни она, ни девочки не решались заговорить друг с другом.

Кате стало обидно за эту краснощёкую молчаливую девочку, и она подошла к ней первая.

Тем временем по двору длинной цепочкой двинулись самые маленькие.

— Малыши идут, — сказала Катя. — Посмотри, Наташа, до чего они важные!

Впереди, оборачиваясь на ходу, шли учительницы с красными бантами на груди, и каждая вела за собой свой новый класс — 1-й «А», «Б», «В», «Г».

— Не бойся, дочка, не бойся! — говорила вслед уходящей первокласснице её мама. — Девочки такие славные, учительница такая хорошая...

Первоклассница оглядывалась на мать, волоча чуть ли не по земле свой новый портфель.

— Вот смешные! — сказала Катя, провожая глазами первоклассниц. — У меня маленький братишка тоже сегодня пошёл в школу первый раз. Ночью весь дом разбудил — боялся проспать. На часах без четверти шесть, а он думал — половина девятого.

— А кто у тебя ещё есть? — спросила шопотом Наташа.

— Сестра старшая, мама, бабушка и папа. А у тебя кто?

— Нас с мамой только двое, — сказала Наташа. — Папу

на войне убили. Перед самой победой, за один день. Я тогда ещё маленькая была.

Катя смотрела на новенькую, не зная, что сказать. Она смутилась, словно была виновата в том, что у неё есть и папа, и мама, и бабушка, и сестра, и брат, а у Наташи никого нет, кроме мамы.

«Ещё хорошо, что я о тётях и дядях не сказала», — подумала Катя. И, помолчав, спросила:

— А ты к нам из какой школы перешла?

Наташа покраснела.

— Я не перешла, — сказала она. — Я в этой же школе училась... Вот мой бывший класс. Теперь он — пятый «Б». Только это я не сама осталась — меня мама оставила. У меня была операция, аппендицит. Потом — корь. Вот мама и решила оставить меня на другой год.

— Ну, не беда! — уверенно сказала Катя. — Раз болела, значит не второгодница. Каждый заболеть может. Новенькая — и всё!

Наташа посмотрела на Катю благодарными глазами и тихо сказала:

— Ты-то понимаешь, а другие не понимают. Нельзя же каждому объяснять, что болела. А они ещё спрашивают: «Почему же ты такая румяная?» А если я от природы такая?

— Ничего, — сказала Катя, — я за тебя всем объясню — и почему осталась и почему румяная.

Она хотела ещё что-то сказать, но в эту минуту Людмила Фёдоровна велела классу построиться в пары, и всё пришло в движение. Наташа Оленина отошла в сторонку. Катя кивнула ей:

— Пойдём со мной. — И, оглянувшись, позвала: — Аня! Где ты?

Аня не отозвалась, будто не слышала. Она стояла позади, рядом с белобрысенькой Тоней Зайцевой, с которой никогда не дружила, и всё ещё держала в руках обе сумки — свою и Катину.

— Аня! — ещё раз окликнула её Катя.

Аня не отвечала.

«Обиделась, — поняла Катя. — Ах, какая!..»

Она хотела было объяснить Ане, что вовсе и не думает всегда ходить с новенькой и что она только для того стала с ней рядом, чтобы не оставить её в первый день одну среди чужого, незнакомого класса. Но колонна тронулась, и разговоры прекратились. Девочки молча пошли вверх по широкой лестнице.

Всё кругом было какое-то новое, праздничное. Стены в этом году выкрасили в бледножёлтый цвет, похожий на сливочное мороженое. В прошлом году они были светлозелёные, и это очень нравилось Кате. Но теперь ей больше нравились «сливочные» стены.

На первой же площадке школьниц встречала Вера Александровна, директор, — высокая седая женщина, гладко причёсанная, в очках. А рядом с ней стояла Катина сестра, Таня, со своей подругой.

Проходя мимо директора, девочки от смущения на секунду задерживались и, сказав: «Здравствуйте, Вера Алексанна!», быстро проходили дальше.

Вера Александровна наклоняла в ответ свою седую голову:

— Здравствуйте, здравствуйте, девочки! — И добавляла, слегка улыбаясь: — Только не спешите так, не бегите. Спокойнее, спокойнее...

И девочки шли дальше, поднимаясь по ступенькам всё выше и выше.

Катя посмотрела через перила верхней площадки на нижнюю. Таня и Лида стояли рядом с директором. И первый раз в жизни старшая сестра показалась Кате совсем взрослой.

ПЕРВЫЙ УРОК

Людмила Фёдоровна распахнула дверь. Вот он — знакомый класс, с тремя широкими окнами, с тремя рядами парт, поблёскивающих свежим лаком. Только теперь это уже не третий, а четвёртый «А». Пустой и тихий, только что отремонтированный, класс как будто ждал этой минуты. Всё в нём сразу ожило и зашевелилось.

Захлопали крышки парт, зашуршали страницы новых кни-

жек и тетрадок... Кто-то с шумом уронил пенал, кто-то крикнул тоненько и смешливо: «Ой, Лизка!» — и голос сразу оборвался. Как-никак, а девочки были в классе. Лето кончилось. Сейчас начнётся первый урок первого школьного дня.

Стоя у своего стола, заваленного букетами свежих цветов и красных осенних листьев, Людмила Фёдоровна, чуть улыбаясь, терпеливо смотрела, как её ученицы выбирают себе места и рассаживаются по партам.

— Нет, Леночка, ты лучше садись поближе ко мне, — сказала она худенькой девочке в очках. — Вот тут, в среднем ряду, на первой парте. Будете вместе с Зоей Алиевой помогать мне, когда понадобится.

— Конечно, будем, — отозвалась Зоя, смугло-румяная серьёзная девочка с чёрной чёлкой на лбу и блестящими, как мокрая чёрная смородина, узкими глазами. — Конечно, будем.

Она уселась рядом с Леной Ипполитовой и принялась деловито раскладывать в парте книжки и тетрадки.

Уже почти все сидели на местах, и только Катя Снегирёва ещё не садилась. Она стояла у своей парты и тихонько говорила Ане Лебедевой, поглядывая на стоящую у окна новенькую:

— Потом её куда-нибудь посадят, а пока можно поместиться и втроём, если ты ещё капельку подвинешься.

— Втроём! — усмехнувшись, ответила Аня. — С твоей толстухой и вдвоём не поместишься.

— Она такая же моя, как и твоя! — оборвала подругу Катя. — И совсем она не толстуха, а самая обыкновенная девочка.

Пока они шопотом спорили и препирались, Людмила Фёдоровна взяла Наташу за руку и стала искать глазами для неё парту.

— Ну вот, — сказала она, указывая новенькой место как раз впереди Кати. — В первом ряду слева. Будешь сидеть со Стеллой Кузьминской.

Наташа положила сумку на парту, поглядывая сбоку на свою соседку.

Эта красивая девочка чем-то смущала её. У неё были светло-серые спокойные и как будто насмешливые глаза и волнистые

Катя Снегирёва чувствовала, что новенькой не по себе.

волосы, связанные на затылке широкой лентой. Платье, передник, причёска, школьная сумка и выражение лица — всё было у неё какое-то особенное, не совсем такое, как у других девочек.

Наташа робко села рядом с ней. Стелла немного подвинулась, молча раскрыла толстую, обёрнутую в белую бумагу «Родную речь» для четвёртого класса и углубилась в чтение. Впрочем, изредка Наташа ловила на себе её беглый холодно-ватый взгляд, и от этого ей становилось как-то неловко — она начинала обеими ладонями приглаживать волосы, перекладывать тетрадки, искать носовой платок...

Катя Снегирёва как будто почувствовала, что новенькой не по себе. Когда Наташа обернулась назад, Катя шепнула ей: — Вот мы и рядом. Почти рядом...

В ту же секунду Аня дёрнула Катю за рукав:

— Людмила Фёдоровна на тебя смотрит. Успеешь нагледеться на свою новую подругу и после урока.

Людмила Фёдоровна молча стояла у своего столика и жда-

ла, пока класс успокоится. Когда все притихли, в наступившей тишине раздался её негромкий голос:

— Девочки! Сегодня мы снова начинаем учиться. Поздравляю вас! Это большой день и для вас и для меня. Мы с вами перешли в четвёртый класс. А ведь это последний класс начальной школы. Так что вы у меня, можно сказать, выпускные. В этом году мы будем проходить естествознание, географию, историю, а не только русский язык и арифметику. Вот сколько предметов! Это, конечно, немножко потруднее, но зато очень интересно. Вы узнаете много-много нового...

Людмила Фёдоровна помолчала.

— Ну, а сейчас давайте поговорим с вами о том, кто как провёл лето. Кто из вас хочет рассказать что-нибудь интересное? Весёлое.

Девочки переглядывались, жались и кивали друг на друга:

— Расскажи ты.

— Да я же не умею.

За лето они как будто отвыкли от своего класса, от учительницы и теперь немножко стеснялись.

— Пусть Катя Снегирёва расскажет! — раздался чей-то голос из середины класса. — Она умеет рассказывать.

— Катя Снегирёва! — слышались голоса. — Снегирёк, рассказывай!

— Рассказывай, рассказывай! — невольно крикнула и Наташа и тут же смущённо покосилась на свою соседку.

Но та сидела, опустив голову на руку, и внимательно читала «Родную речь». Должно быть, её не слишком интересовало, кто и что будет рассказывать.

Катя прошла между двумя рядами парт, стала у доски, лицом к классу, и, накручивая на палец пушистый кончик косы, начала:

— Не знаю, что рассказать... Может быть, про то, как мы в лагере в поход ходили?

— Рассказывай, что хочешь, — сказала Людмила Фёдоровна.

Катя подумала немножко и начала скороговоркой:

— Ну так вот... Наш лагерь находился в лесу. А недалеко

были другие лагеря — речников и академиков. То-есть не совсем речников и не совсем академиков, а их ребят...

— Не спеши, Катюша, — прервала её Людмила Фёдоровна, перекладывая цветы со стола на окно. — И оставь в покое свои косы.

Людмила Фёдоровна села и приготовилась слушать, облокотясь на руку. Катя откинула за спину косы и продолжала:

— Мы иногда встречались и с академиками и с речниками — на спортивных соревнованиях, например. На празднике песни... А один раз мы все пошли в поход. Ну не все, конечно, а по отряду из каждого лагеря. Сговорились встретиться на Золотой поляне...

— Там золотая поляна есть? — удивился кто-то.

Катя кивнула головой:

— Ну да, называется так — «Золотая поляна». Вот, значит, встали мы рано утром. Построились. Все — в пионерской форме, за спиной — рюкзаки. Набралось двадцать человек, и девочки и мальчики. Почти все — большие ребята. Мы с моей подругой Верой — самые младшие. Нас сначала и брать не хотели. Но там у нас было такое соревнование — по группам, и мы в своей группе заняли первое место — по бегу и по прыжкам. Поэтому нас всё-таки взяли...

— Молодцы девочки! — сказала Людмила Фёдоровна улыбаясь.

Катя покраснела и засмеялась:

— Да нет, Людмила Фёдоровна, ничего такого особенного... Очень лёгкие были соревнования.

Она по привычке опять было взялась за кончик косы, но вспомнила, что это не полагается, тряхнула головой и стала рассказывать дальше:

— Так вот, значит, собрались мы и пошли. Утро было ясное, на небе — ни тучки. Шли не очень быстро, обыкновенным ровным шагом. Сначала лесом, потом — полем, потом перебрались вброд через речку и опять вошли в лес. И тут кто-то говорит: «А что, если мы не туда идём?» Другие отвечают: «Ну вот ещё! Почему не туда?» — «А так немудрено и сбиться!» И всем почему-то стало казаться, что мы наверняка сби-

лись. Только начальник наш, речник один, из самых старших пионеров, идёт себе и в ус не дует...

Кто-то на задней парте шутливо повторил:

— «В ус не дует». Разве у вас там были усатые пионеры?

Людмила Фёдоровна предостерегающе подняла свою небольшую, очень белую руку. А Зоя Алиева обернулась, грозно посмотрела назад из-под крутой чёлки и сказала сердито:

— Тише вы! Слушать мешаете.

— И вдруг мы видим, — продолжала Катя, — красное полотнище протянуто между деревьями, а на полотнище надпись: «Привет участникам похода!»

Ну, мы очень обрадовались: значит, правильно идём! — и зашагали ещё веселей.

Слышим — кто-то кричит: «Идут... идут! Первые идут!»

Это был начальник лагеря — не нашего, а соседнего, речного. Все начальники лагерей заранее выехали вперёд, чтобы нас встретить. Заиграл оркестр — в нашу честь, — и мы остановились. Смотрим: перед нами эта самая Золотая поляна. Она и правда была совсем золотая — от жёлтых полевых цветов. Цветы эти называются «львиный зев».

Ну, наш начальник похода, Володя Петров, сдал рапорт о прибытии, и все стали нас поздравлять.

Оказывается, мы пришли на двадцать пять минут раньше, чем нас ожидали. Это потому, что мы перебрались вброд через речку, а не пошли в обход. И ещё потому, что шли спокойно, а не бежали и во-время останавливались отдыхать — привалы делали. Потом нам показали, где разжечь костёр, где поставить палатки. Мы сбросили рюкзаки и принялись за дело. Наши мальчишки пошли собирать хворост для костра и ставить палатки, а мы — готовить обед.

И тут опять заиграла музыка. Это стали приходить отряды из других лагерей. Недалеко от нас разместился отряд, где были одни только девочки. От нас до них было так, как вот от дверей нашего класса до конца коридора.

Разожгли мы костёр, сварили обед, поели и на речке посуду вымыли. Вдруг слышим — в соседнем лагере кто-то ревёт.

Посмотрели мы и видим — сидят на корточках возле кучи хвороста какие-то две девочки и чиркают, чиркают спичками, а

ничего у них не загорается. Тут наш пионер, Коля большой (у нас там был ещё другой Коля, маленький), усмехнулся и говорит: «Ну, захныкали девчонки!»

А мне и моей подруге Вере, конечно, стало немножко жалко девочек. Подумать только — мы уже давно пообедали, а они, видно, до сих пор голодные сидят, огонь развести не могут...

«Чем над ними смеяться, — говорит Вера, — лучше бы помогли им костёр разжечь».

И наша старшая вожатая тоже говорит:

«Да, да, мальчики, пойдите помогите им».

Оба Коли согласились и побежали к девочкам. И мы с Верой тоже.

«Ну, давайте разжигать, — сказал Коля большой. — Да только с условием: мы вам костёр разожжём, а вы нам зато щей наварите».

Мы с Верой так и ахнули. Неужели они голодные? Ведь только что пообедали — и как ещё! За троих ели!.. Да и стыдно торговаться: мы вам — костёр, вы нам — щи...

И девочки, видим, смутились. Шепчутся о чём-то, переглядываются.

Я говорю мальчишкам тихонько:

«Как вам не стыдно! Может, у них и запасов-то не хватит, чтобы ещё вас накормить?»

А Колька большой:

«Что такое? Не хватит? Ну, пусть шишек прибавят».

«Каких шишек?»

«Ясно — каких. Сосновых или там еловых...»

Мы говорим:

«Это в щи-то? Шишек?»

А он:

«Ну да, в щи. Очень даже вкусно получится. Мы один раз в походе только шишками и питались. Наберите-ка, девчата, штук пятьдесят, а мы пока костёр разведём».

Принялись наши ребята за дело: такой костёр разожгли — смотреть весело. Лучше нашего. Это уж так всегда: мальчишки любят себя перед чужими показать.

А девочки пока что целую кучу шишек набрали. Принесли и спрашивают:

«Что же теперь делать?»

Мальчишки наши переглядываются и плечами пожимают:

«Как — что? Ставьте котелок с водой на огонь».

«А в воду — шишки?»

«Нет, зачем? Есть у вас мясные консервы?»

«Есть. Две банки».

«Ну вот и кладите. Теперь крупы, соли, перцу».

«А шишки когда?»

«А хоть сейчас! Только не в котелок, а под котелок. Лучше гореть будет!.. Ну, кушайте свои щи на здоровье, а нам купаться пора».

Девочки и спасибо сказать не успели, а уж оба Кольки — бултых в воду...

Катя перевела дух и оглядела класс.

— Вот так щи! — сказала Валя Ёлкина. — И неужели эти девочки совсем не поняли, что мальчишки их разыгрывают? Я сразу догадалась.

— И я! И я!.. — заговорили в классе.

— А я — нет, — простодушно сказала Наташа. — Я думала, что, может быть, в этих шишках какие-нибудь витамины...

— А ты сказку про щи из топора знаешь? — крикнула с места рыженькая Ира Ладыгина. — Думаешь, верно, что и в топоре какие-нибудь витамины есть?

Наташа густо покраснела.

— Тише, девочки, — сказала Людмила Фёдоровна. — Ну что, Катюша, всё? Очень хорошо рассказала. Садись... Кто ещё хочет?

— Пусть Настя Егорова расскажет, — сказала Катя усаживаясь. — Она в колхозе была.

— В колхозе? Очень интересно. А ну-ка, Настенька, иди, рассказывай.

Круглолицая светлоброя девочка, с целой россыпью мелких веснушек под глазами, спокойно и неторопливо вышла к доске.

— Что ж рассказывать-то? — спросила она, задумчиво обводя глазами класс. — Ничего такого особенно интересного не было. Ну, жили мы с сестрой в колхозе. У тётки. Ну, на огородах работали, во время уборки помогали...

— Настя, а кто мальчишку вытащил — вот что в речке тонул? — подсказали ей с места.

— Что, что такое? — спросила Людмила Фёдоровна.

— Ну, там было одно дело, — как бы оправдываясь, сказала Настя. — Трое мальчишек в реке купались. Двое постарше, а один — маленький. Те доплыли до другого берега, а маленький отстал. Нырнул, выплыл и опять нырнул. Я и поняла, что он тонет. Там в реке у нас есть такие места, где вода холодная-прехолодная. Это оттого, что в этих местах ключи бьют. Вот у него от холода ножки-то и свело. Ну, я как была в платье, так и побежала в воду. А потом поплыла — плавать я хорошо умею. Доплыла до того места и ухватила его за рубашонку. Он ещё и захлебнуться как следует не успел...

Настя помолчала.

— То-есть что я? — поправилась она. — Не совсем ещё захлебнулся. Ну, мы его и вытащили. Вот и всё.

— Молодец! — сказала Людмила Фёдоровна. — Молодец Настя, не растерялась.

И все девочки представили себе, как эта неторопливая, спокойная Настя, с круглой гребёнкой в русых, аккуратно подстриженных волосах, бросается одетая в воду и ловит за рубашонку маленького большеголового мальчишку.

БЫВШИЕ ПОДРУГИ

За этот урок весёлая девочка, которую все в классе называли «Снегирьком», ещё больше понравилась Наташе Олениной. Ей нравилось, что Катя такая простая и нестеснительная, что она быстро говорит и громко смеётся, что волосы у неё светлые-светлые и выются на лбу колечками, а лоб совсем тёмный от загара. Нравилось даже то, что у Кати — крупные, широкие зубы и между передними, очень белыми — маленькая щёлочка.

Наташа всё время сидела, слегка повернув голову к Кате, и на лице у неё, словно в зеркале, отражалось всё, что пробегало по Катиному лицу. Стоило Кате нахмуриться, улыбнуться или прикусить губу, как Наташа, сама того не замечая, делала то же самое: хмурилась, улыбалась, закусывала губу...

К концу урока она даже научилась немножко щуриться по-Катиному и накручивать на палец кончик косы.

Когда прозвенел звонок, Катя вскочила с места и выбежала в коридор. Наташа бросилась за ней вдогонку, словно её потянули за невидимую ниточку. Но в коридор уж высыпало столько девочек из разных классов, что Наташа потеряла Катю из виду.

А тем временем Людмила Фёдоровна успела что-то сказать про Наташу двум другим своим ученицам — Насе Егоровой и Вале Ёлкиной, и вот уже им обоим захотелось подружиться с новенькой. Они подбежали к Наташе, заговорили с ней наперебой, и, когда Наташа спросила, где Катя Снегирёва, обе девочки вызвались немедленно найти её и привести.

Но отыскать Катю в эту перемену так и не удалось. Спрятавшись за старой партой в конце коридора, Катя и Аня вели серьёзный разговор.

— Хороша дружба на всю жизнь! — говорила Аня, не глядя на Катю. — Не то что до десятого, а и до четвёртого не дотянула. Стоило этой новой явиться к нам в класс, как меня будто и на свете не стало.

— Ты это о ком? — спросила Катя строго. — О Наташе?

— А то о ком же? Об этой... второгоднице...

— Как тебе не стыдно! — сказала Катя. — Ты разве не знаешь, что она осталась на второй год потому, что болела? Это и со мной может случиться и с тобой... Приятно бы тебе было, если б тебя ни за что ни про что стали называть второгодницей?

Аня пожала плечами и ничего не ответила. Катя решила, что её молчание означает согласие. Она доверчиво дотронулась до Аниной руки и сказала значительно:

— И потом, понимаешь, жалко: у неё никого нет, одна мама.

Но Аня отдернула руку и как-то криво усмехнулась.

— А у меня две мамы, что ли? — буркнула она.

Катя так и вспыхнула:

— Да ну тебя, Аня! С такой, как ты, не только всю жизнь — ни одного дня дружить нельзя!

— Ах, вот как! — проворчала Аня и отвернулась. — Ну и не дружи!

В глазах у неё стояли слёзы.

Катя хотела рассердиться на неё, но не смогла.

— погоди, — сказала она, — ты зря обижаешься... Я тебе сейчас всё объясню...

Но как раз в эту минуту с другого конца коридора донёлся звонок.

Катя и Аня вошли в класс последними, поодиночке. Стоя в дверях, Людмила Фёдоровна пристально посмотрела на обеих девочек.

— Что это с вами? — спросила она. — Неужели поссорились?

— У меня просто голова болит, — сказала Аня чуть слышно.

Девочки расселись по местам, и урок начался. Людмила Фёдоровна стала спрашивать, у всех ли есть учебники.

— У меня две «Неживые природы», — сказала Валя Ёлкина, сидевшая на первой парте.

— Два учебника «Неживая природа», — поправила её учительница.

— Ну да, две книжки. И папа купил, и бабушка. Можно, я одну дам Насте Егоровой?

— Конечно, — ответила Людмила Фёдоровна.

Ещё одна рука потянулась вверх:

— А у меня два английских языка — старый и новый.

— Два учебника английского языка, — опять поправила Людмила Фёдоровна.

Пока учительница проверяла учебники, две девочки занимались совсем другим делом. Это были Аня и Катя. Они вели между собой переписку, так как на перемене не успели сказать друг другу всё до конца.

«Ты воображаешь, — писала Аня на клочке бумаги, прикрывая его рукой, — что я очень добиваюсь твоей дружбы. А я сама не хочу водиться с тобой, если ты будешь водиться с твоей второ...»

Последнее, не дописанное до конца слово было зачёркнуто, а вместо него сверху нацарапано: «Наташкой!!!»

Оттого, что строчки шли вкривь и вкось и чуть ли не в каждом слове была одна, а то и две ошибки («воображашь», «добеваюсь», «водица» — вместо «водиться»), письмо показалось Кате ещё обиднее и неприятнее.

«Ничего я не воображаю, — приписала Катя под Аниными каракулями. — Это все глу...»

Она не успела дописать последнее слово.

— Снегирёва! — строго сказала Людмила Фёдоровна. — О чём я сейчас говорила?

Катя опустила голову:

— Простите, Людмила Фёдоровна, я не слышала. Мы думали про другое.

— Кто это «мы»? Ну, а ты, Аня, слышала, о чём я говорила?

— И я тоже думала про другое...

Людмила Фёдоровна подошла к Ане и Кате.

— Так вот, чтобы вы не думали на уроке про другое, — сказала она, — я вас рассажу. Лебедева, возьми свои книжки и пересядь к Стелле Кузьминской. А ты, Наташа Оленина, перейди на место Лебедевой.

Наташа так и просияла от радости. Собрав книжки, она пересела назад, на Анино место.

Аня, оглянувшись, посмотрела на неё и Катю с таким отчаянием, словно теперь Наташа разлучила её с Катей навеки — добилась-таки своего! Когда в классе стало тихо, Людмила Фёдоровна сказала:

— Девочки! Я хотела бы, чтобы вы меня слушали внимательно. Говорить громко мне трудно. Врачи запретили. У нас в классе должна быть полная тишина.

Девочки с тревожным любопытством посмотрели на Людмилу Фёдоровну. И как это они раньше не заметили, что её глуховатый голос звучит сегодня особенно глухо и хрипло?

Все сразу притихли.

— А теперь, — сказала учительница, легонько покашливая, — давайте работать. Лена Ипполитова, открой книгу и прочитай нам стихотворение «Утро на берегу озера».

Худенькая девочка в очках встала и начала читать по книге еле-еле слышно:

— «Утро на берегу озера». Стихотворение Никитина...

— Постой, Ипполитова, — прервала её Людмила Фёдоровна улыбнувшись. — Почему ты говоришь шопотом?

И она обратилась ко всему классу:

— Девочки! Вы не поняли меня. Это мне нельзя говорить громко, а не вам. Шуметь не нужно, а читать и отвечать урок вы должны полным голосом, чтобы всем было слышно. Понятно?

Девочки только головами кивнули.

Лена стала читать стихотворение немножко громче, но всё-таки вполголоса:

Ясно утро. Тихо веет
Тёплый ветерок;
Луг, как бархат, зеленеет,
В зареве восток.

В классе было так тихо, и утро за окном стояло такое ясное, что Кате показалось, будто и в самом деле повеяло тёплым ветерком. Она посмотрела на бледноголубое небо в окне, и ей вспомнилось недавнее лето, пронизанный солнцем лес, малиновка, словно спрашивающая: «вить-вить?», и крутая гора, заросшая высокой пахучей травой. Бывало взберутся ребята на гору, один рассказывает сказки, а другие греются на солнце и провожают глазами высокие летние облака. Вспомнилось Кате и тихое озеро, как будто вприсонках поглаживающее песок...

Тишине и солнцу радо,
По равнине вод
Лебедей ручное стадо
Медленно плывёт... —

читала Лена, и всем казалось, что они и в самом деле видят лебедей, медленно плывущих по озеру.

Девочки одна за другой читали стихи. Потом Людмила Фёдоровна задала к следующему разу переписать это стихотворение. И нетерпеливый звонок снова ворвался в класс. Он трезвонил всюду, не думая о том, что шуметь в этом классе нельзя.

— Не забудьте принести завтра всё, что вы собрали за лето

для школьного музея, — сказала громко Людмила Фёдоровна, и девочки испуганно переглянулись.

— Ой, что вы это, Людмила Фёдоровна! — сказала с упрёком Настенька Егорова. — Ведь вам врачи запретили...

Людмила Фёдоровна засмеялась, кивнула девочкам головой и прикрыла ладонью рот.

В этот день уроков больше не было.

Катя медленно собирала книжки, изредка незаметно поглядывая на Аню. Словно почувствовав её взгляд, Аня обернулась, бросила на Катину парту скомканную бумажку и убежала. Катя развернула записку и прочла:

«Принеси завтра мой «Белеет парус одинокий». Твоя бывшая подруга А. Лебедева».

Слово «принеси» было написано через три «и». Вместо «белеет» — «белет». И даже в фамилии «Лебедева» была пропущена одна буква — «Лебдева».

«Что это с ней? Совсем разучилась писать за лето, — подумала Катя. — Или, может быть, это у неё от волнения? Наверно, от волнения. Есть из-за чего волноваться!»

Катя, хмурясь, положила записку в карман и вместе с Наташей вышла из класса.

— Где ты живёшь? — спросила Наташа, когда они спустились вниз по лестнице.

Катя не сразу ответила. На душе у неё было беспокойно. Она сердилась на Аню и ещё больше на себя — за то, что сердится.

«Вот глупая Анька! — думала Катя. — И зачем она со мной поссорилась? Так славно было бы сегодня пойти вместе домой! А ещё хотели по русскому письменному вместе заниматься».

Ласковый сентябрьский ветер пахнул Кате в лицо, потрепал и взъерошил волосы, и ей стало как будто немного веселей.

— Знаешь что? — сказала она. — Давай обгонять всех прохожих и считать, сколько народу мы обгоним. Ладно?

— Ладно! — с удовольствием согласилась Наташа. — Но старушки пусть не считаются. Они очень медленно ходят.

— Хорошо. Пусть не считаются.

Они обогнали семерых взрослых (не считая двух старушек) и четырёх школьников. Одного мальчишку и одного лейтенанта им так и не удалось обогнать.

— Ну, вот мы и пришли, — сказала наконец Катя. — Видишь — вон там, на третьем этаже, четыре окна? Где ящики с цветами. Это — наши окна. Только цветов осталось мало. Я сегодня почти все отнесла в школу.

Катины окна смотрели на бульвар, жёлтый от осенней листвы, и поблёскивали на солнце. Дом тоже был светложёлтый, с ящиками на карнизах. Из ящиков ещё выглядывали кое-где реденькие лиловые и красные цветочки. Девочки постояли у подъезда.

— Ну, до свиданья, — сказала Наташа нерешительно.

— Погоди!

Катя на минуту задумалась. Если бы они возвращались из школы с Аней, Аня непременно зашла бы к ней, и они бы, наверно, целый час проболтали о том, что и как было сегодня в школе и что будет завтра и послезавтра... Ах, Анька!.. И чего она обиделась?

Катя невольно прищурилась и покачала головой.

— Ты что это? — спросила Наташа.

— Нет, я так, ничего, — чуть смутясь, ответила Катя. — Давай зайдём к нам. Теперь ведь ещё совсем рано...

— Ой, что ты! — сказала Наташа испуганно, словно боясь, как бы Кате не удалось её уговорить.

— Ну, на одну минутку! — настаивала Катя. — Твоя мама, наверно, и не знает, что у нас было только два урока, — она не будет беспокоиться.

— Да она на работе.

— Ну, тем лучше, — сказала Катя. — А у нас дома сейчас одна только бабушка. Идём, не бойся!

Наташа подумала немножко и согласилась.

ДОМА

Дверь открыла бабушка. Она была полная, низенькая, с тонкой сеткой морщин под глазами, а глаза у неё были чёрные, весёлые и живые. Родилась она и провела юность на Кавказе.

— Бабусенька, это моя новая подруга! — сказала Катя.

Бабушка чуть улыбнулась и пригладила смуглой морщинистой рукой растрепавшиеся Катины волосы.

— Ну, и хорошо, — сказала она. — Знаете, что старая половица говорит? «Нет друга — ищи, а найдёшь — береги». А где же Аня? Уж не обиделась ли она на тебя?

— Откуда ты знаешь, бабушка? — удивилась Катя.

— Поживи на свете столько, сколько я, — ответила бабушка, — будешь кое-что понимать. Ты уж смотри не бросай старого друга.

— А я и не бросаю, — сказала Катя. И чтобы перевести разговор на другое, спросила: — А Миши ещё нет?

— Сейчас пойду за ним, — сказала бабушка. — А ты пока угости подружку. В буфете — хлеб, масло, яблоки. Да переодеться не забудь. Формочку повесь в шкаф.

Бабушка вышла в переднюю, а Катя убежала в другую комнату — переодеваться. Наташа осталась одна. От нечего делать она принялась оглядывать всё вокруг. Комната очень понравилась ей, хоть и показалась не совсем обыкновенной. На стене, возле письменного стола, висела, как в школе, большая карта СССР. Полки вдоль стен были уставлены книгами с длинными, мудрёными названиями на корешках. На письменном столе под стеклом были разложены фотографии. Наташа разглядела на них каких-то загорелых людей в больших белых шляпах. Они стояли возле палаток, или сидели у костра, или ехали куда-то на верблюдах. Очень интересные фотографии! Но ещё больше понравились Наташе рисунки, развешанные над диваном. Это были картины — не картины, а всякие узоры и яркие цветы.

— Кто это у вас так хорошо рисует? — спросила Наташа, когда Катя прибежала обратно.

— Это моя мама. — Катя была в летнем, очень коротком, выгоревшем от солнца платье. В обеих руках она держала по яблоку. — На, возьми.

И Катя протянула Наташе яблоко, холодное и румяное.

— А зачем у вас эта доска? — спросила Наташа, показывая на гладко обструганную доску, лежавшую на небольшом столе у окна.

— Сейчас объясню, — ответила Катя, надкусывая хрустящее яблоко. — Видишь ли, моя мама художница. Только не

просто художница, как Васнецов или там Айвазовский, а по текстилю. К этой чертёжной доске мама прикалывает бумагу в мелкую-мелкую клеточку и рисует всякие узоры. Эскизы — называется. Понимаешь? А на фабрике по этим эскизам печатают рисунки, вот что на материях, — понимаешь?

Она поглядела на Наташу, и ей, должно быть, показалось, что та не особенно хорошо поняла.

— Да вот постой, я тебе сейчас покажу образцы.

Катя выдвинула один из ящиков письменного стола и вынула из него целый ворох всяких лоскутков.

— Вот это маркизет, — сказала Катя, кладя на стол и разглаживая лоскут лёгкой ткани с тёмными крупными цветами, разбросанными по белому полю. — Это так и называется: «Цветной орнамент». Идёт на летние платья.

Наташа удивилась и обрадовалась:

— У моей мамы как раз такое же платье! Ну прямо в точности! Значит, твоя мама нарисовала этот узор? Вот странно! А я думала, что все материи так и делаются на фабрике — сразу с узорами, что иначе и не бывает.

Катя засмеялась:

— Так многие у нас в классе думали. Все, кроме Настеньки Егоровой.

— Это какая же Егорова?

— Неужели не помнишь? Ну, та девочка, что летом малыша спасла. У неё мама — ткачиха на той же самой фабрике, для которой работает и моя мама.

Катя перебирала лоскутки, один другого наряднее.

— Вот этот яркий с полосками, — говорила она, — идёт на халаты для Узбекистана. А вот этот — на обивку мебели.

Наташа погладила ладонью шелковистую ткань, идущую на халаты, а потом взяла в руки лоскуток ковра. На тёмносиней плотной ковровой ткани пестрели жёлтые осенние листья.

— Как много лоскутков! — сказала Наташа. — Из таких что хочешь можно смастерить — и абажур, и коврик, и сумочку... А уж кукольных платьев сколько выйдет!.. Мама, наверно, даёт тебе лоскутки?

— Да, некоторые, — ответила Катя. — Когда она приедет, я попрошу и для тебя. Она уехала в дом отдыха. В Крым. А мой

папа знаешь где? Ещё дальше, чем мама, — в пустыне, в Приаралье. Я его давно-давно не видела — целое лето!

Сказав это, Катя вспомнила, что Наташа своего отца никогда больше не увидит. Она испуганно посмотрела на подругу и спросила, чтобы переменить разговор:

— А ты ещё играешь в куклы?

— Как тебе сказать... — ответила Наташа. — Играть не играю, а шить на них люблю.

— И много у тебя кукол?

— Нет, — сказала Наташа. — Я уже всех раздарила. Осталась одна-единственная. Целлулоидная, очень маленькая. Её так и зовут — Дюймовочка.

Катя понимающе кивнула головой:

— Это как в сказке Андерсена.

— Ну да! Её по этой сказке и прозвали. Только это не я придумала, а один доктор.

И Наташа стала рассказывать, как она лежала в больнице, как ей делали операцию и как мама однажды прислала ей в передаче эту самую куколку в больничном халатике и в косынке.

— Её в больнице все, все знали! — рассказывала она с удовольствием. — И няни, и сёстры, и даже старый доктор, Василий Тимофеевич. Он ей и прозвище такое дал — «Дюймовочка». Придёт к нам в палату, остановится возле моей кровати и спрашивает: «Ну, как твоя Дюймовочка? Поправляется?» Я говорю: «Спасибо. Она уже совсем здоровая — гулять хочет». — «А ты как?» — «И я хочу». — «Ну вот и молодцы! Держи-ка! Я вам обеим по конфетке принёс». И пойдёт себе дальше. А я поставлю Дюймовочку на подушку и заставляю её кланяться... — Наташа засмеялась. — Право, иной раз даже как-то жалко бывает, что мы уже большие и нам нельзя теперь играть в куклы.

— Нет, отчего же? — сказала Катя. — Большие тоже могут иногда в куклы играть, когда у них есть время. А можно нам с Аней завтра прийти к тебе — посмотреть Дюймовочку?

— Ну конечно, можно! — обрадовалась Наташа. — Вы когда придёте?

Но Катя спохватилась:

— Ах, да! Ведь мы с Аней поссорились. Я и забыла!

— А из-за чего вы поссорились? — спросила Наташа и, не дождавшись ответа, прибавила: — Знаешь, я сегодня после первого урока хотела к ней подойти, а она отвернулась и убежала — как будто сердится на меня. Как ты думаешь, почему это?

— Так просто. Воображает, — ответила Катя.

Ей не хотелось объяснять, из-за чего у них с Аней произошла ссора. Но, к счастью, в эту самую минуту из передней донёсся звонок. Она обрадовалась и бегом побежала отворять.

В дверь стучали, звонок заливался на всю квартиру.

— Да сейчас, сейчас, открываю, открываю! — кричала Катя.

А в дверь, в нижнюю филёнку, кто-то изо всех сил барабанил кулаками, а может быть, и пятками.

Наташа не выдержала и выглянула в переднюю. Она увидела на пороге круглоголового мальчика, в курточке с белым отложным воротником и в длинных отутюженных брюках. За ним вошла бабушка. Наташа заметила, что глаза у мальчика такие же чёрные, как у бабушки.

— Тише, Мишенька, успокойся! — приговаривала она.

Но Миша, видно, не мог успокоиться.

— Мне в школе книжку подарили! — закричал он, высоко подняв свой новенький портфель. — Называется «Гайдар»! Это потому подарили, что я уже немножко грамотный. Немножко тоже считается! А один мальчик — Шаповалов, такая у него фамилия, — сказал, что он грамотный, ему тоже дали книжку, а он только одну букву знает: «о».

Катя засмеялась:

— Эх ты, первачок-новичок!

— А ты у нас больно взрослая! — оборвала её бабушка.

Но Миша не обиделся на Катю.

— Когда урок кончился, — продолжал он, — Наталья Петровна нам сказала: «Идите на перемену». Мы пошли с Шаповаловым, а наперемена — длинная-предлинная, прямо как улица!

— Это ещё что за «наперемена»? — спросила Катя и переглянулась с Наташей.

Тут только Миша заметил чужую девочку и сразу замолчал.

— Ну, я пойду, — тихо сказала Наташа.

— Пообедай с нами, — предложила бабушка.

Наташа не отвечала. Ей не очень-то хотелось уходить, но с первого раза оставаться обедать было как-то неловко. Она нерешительно переминалась у порога с ноги на ногу.

— Вот ты какая стеснительная! — удивилась бабушка. — Не то, что наша Катюша. Оставайся, оставайся! Сейчас я вам всем супу налью...

— Нет, спасибо!

Наташа взяла со столика свою школьную сумку и уже более твёрдым голосом повторила:

— Нет, спасибо, я пойду! Мама скоро вернётся.

Она оделась и стала медленно спускаться по лестнице, а Катя стояла на площадке и махала ей рукой.

Прежде чем закрыть за собой тяжёлую дверь парадной, Наташа закинула голову и, приложив ко рту ладонь трубочкой, крикнула:

— Катя!.. Приходи завтра пораньше!

— При-ду-у! — донеслось сверху.

И две двери — одна на площадке третьего этажа, другая внизу — разом захлопнулись.

Наташа бегом побежала домой, а Катя вздохнула и пошла обедать. Она невольно подумала, что Аня вот точно так же всегда кричала ей снизу: «Приходи пораньше!» Что-то она сейчас делает, Аня? С кем пошла домой? Неужели одна?

Чтобы не думать об этом, Катя поскорей доела сладкий пирог и взялась за уроки. Села за большой стол в комнатке, которая называлась у Снегирёвых «Катемишиной», раскрыла чистую тетрадь и принялась осторожно выводить, словно вышивать, букву за буквой, строку за строкой.

...Лебедей ручное стадо
Медленно плывёт... —

вывела Катя и сама залюбовалась написанными строчками. Тонкие, слегка наклонённые вправо буквы сами походили чем-то на стройных, медленно плывущих лебедей.

— Ой, Миша, только, пожалуйста, не толкай стол! — на всякий случай говорила Катя. — А то у меня волосяные толсто выходят. Совсем как нажимы!

Чем старательней она писала, тем спокойнее становилось у неё на душе. Завтра она в самом деле придёт пораньше, чтобы поговорить с Аней, и всё опять будет хорошо...

Взобравшись коленками на стул, Миша по другую сторону стола читал книжку, которую ему подарила перед отъездом мама. Другая книжка, подаренная сегодня в школе, лежала рядом.

Миша медленно водил пухлым пальцем по строчкам и, пытаясь, читал шопотом:

— «Жил ста-рик... со сво-ею ста-ру-хой...»

— Ты мне мешаешь со своей старухой, — сказала Катя. — Читай про себя.

Миша удивлённо посмотрел на Катю:

— Про меня? Разве есть такая книжка?

— Не про тебя, а про себя! — объяснила Катя. — Я же всегда читаю про себя.

— Про тебя? — опять спросил Миша.

Катя сердито засмеялась:

— Вот бестолковый! Читать про себя — это значит читать без голоса, только глазами. Понял?

Миша покачал головой:

— Я так не умею.

И он опять принялся с великим трудом одолевать пушкинскую сказку о рыбаке и рыбке.

На этажерке мерно постукивали часы-будильник. Из кухни доносился сладкий тёплый запах только что испечённого пирога — пахло ванилью и сдобным тестом.

«А как же быть с гербарием? — вдруг неизвестно почему подумала Катя. — Ведь Анин гербарий у меня. Сбегать к ней, что ли, отнести? Пускай завтра сама отдаст Людмиле Фёдоровне...»

Но когда Катя кончила уроки, пришла Таня, и уходить уже не захотелось.

Вытирая лицо полотенцем после умыванья, Таня весело рассказывала:

— Устала невероятно! Народу в метро — тьма-тьмушая! Еле добралась!

И всё это Таня говорила так бодро и радостно, глаза у неё так блестели, что со стороны могло показаться, будто это очень

приятно, когда народу «тьма-тьмущая», когда так трудно куда-то добраться и от этого устаёшь «невероятно».

«Счастливая! — подумала Катя. — Всюду ездит одна, куда хочет. Вот потому-то ей, наверно, так весело об этом говорить».

А Таня между тем уселась за стол и, уплетая за обе щеки суп, жаркое и яблочный пирог, принялась рассказывать про своего профессора, который «совершенно замечательно» прочёл вступительную лекцию.

— Прочёл? — удивилась Катя. — А я думала, ваши профессоры и так всё знают, без книжки. Наша Людмила Фёдоровна никогда нам по книжке не объясняет.

Таня, прищурилась, посмотрела на младшую сестру.

— Читать лекцию, к вашему сведению, — сказала она, отчеканивая каждое слово, — вовсе не значит читать по книжке.

— Ну уж ладно, — вмешалась бабушка. — Только не спорьте. Шутка ли, какой день у нас сегодня! Танюша в институт пошла, Мишенька — в первый класс.

— А Катя перешла в четвёртый «А», — вмешался Миша. — У них там читают только про себя!

ЖИВАЯ И НЕЖИВАЯ ПРИРОДА

Наступило второе школьное утро. Вместо праздничного белого передника Катя надела чёрный, вместо белых лент вплела в косы коричневые, но от этого радость нового дня нисколько не стала меньше.

Ровно в восемь часов Катя вышла из дому. В одной руке она несла новенькую сумку с новенькими книжками, а в другой, бережно прижимая к себе, держала пухлый альбом в глянцеви́том голубом переплёте.

Небо, казалось, тоже сняло с себя вчерашний праздничный наряд — синеву и белые лёгкие облака — и надело большой тёмный передник. Тучи то и дело закрывали солнце. Но солнечные лучи от времени до времени прорывались сквозь тучи и заливали всё вокруг осенним мягким светом.

— Что ты принесла?.. Что у тебя за альбом? — слышалось со всех сторон, как только Катя переступила порог класса.

— Потом увидите! Не смотрите! — ответила Катя и направилась прямо к Аниной парте.

Стелла Кузьминская раскладывала по всей парте свои книжки и тетради.

— Это Анино место, — строго сказала ей Катя. — Ты тут не одна сидишь.

— Когда Аня придёт, я переложу, — спокойно ответила Стелла.

— Нет, сейчас переложи! — рассердилась Катя. — Это не твоя половина!

Стелла тихо проговорила: «Собственница!» — и передвинула книжки на свою половину.

— Ты сама собственница! — сказала Катя. — Я же не о себе беспокоюсь.

И Катя осторожно положила альбом в Анину парту.

В этот день все собрались особенно рано. Во-первых, кому охота опаздывать, да ещё с самого начала года? А во-вторых, каждому интересно поглядеть, кто что принёс для школьного музея.

Одной Ани всё ещё не было, и Катя с тревогой поглядывала на дверь. Она едва слышала очень интересные разговоры о том, как лучше сушить цветы (под прессом или под тёплым утюгом) и чем лучше кормить рыбок с вуалевыми хвостами.

Рядом Наташа что-то весело рассказывала, часто трогая её за рукав, но Катя в ответ только кивала головой. Что ж это, в самом деле, случилось с Аней?..

И вот раздался звонок. Девочки притихли, беспокойно поглядывая то на Людмилу Фёдоровну, то на свои коробки, тетрадки и альбомы.

Каждой хотелось, чтобы учительница поскорей взяла в руки именно её работу и поскорей сказала, хорошо это или плохо.

Людмила Фёдоровна, должно быть, догадалась, о чём думают девочки.

— Не торопитесь, не торопитесь, — сказала она улыбаясь. — Всё посмотрим по порядку.

Коробки и коробочки, альбомы и распухшие от вклеек тетрадки были разложены по крышкам парт и подоконникам. А кое-кто положил свои коллекции даже на учительский стол.

Людмила Фёдоровна взяла в руки коробку, стоявшую как раз посередине её стола, и прочла надпись, чётко выведенную на белой бумажной наклейке:

— «Стелла Кузьминская. Образцы топлива». Ну что ж, очень толково. Посмотрите, девочки, какую занятную коллекцию собрала Стелла.

Коробка Стеллы пошла по рядам, и девочки с таким интересом рассматривали её и читали названия на этикетках, словно первый раз в жизни видели и уголь, и торф, и хворост. Но всё это называлось теперь «коллекцией топлива». Под связочкой тоненьких хворостинок была аккуратная подпись: «Дрова», а под кусочками угля — «Древесный уголь». И все эти «образцы» торжественно покоились в ячейках, устланных ватой.

Коробка Стеллы наконец вернулась к ней, и она взяла её спокойно, как человек, давно привыкший к успеху.

— Ну, а у тебя что? — спросила Людмила Фёдоровна, подойдя к Лене Ипполитовой, которая уже несколько минут сидела с вытянутой вверх рукой.

— У меня гербарий, — ответила Лена и, поправляя очки, вскочила с места. — Лекарственные травы. Мы собирали их в лагере и потом сдали в аптеку. А некоторые я засушила. То-есть не некоторые, а все... То-есть не все, а по листику от каждой травки... То-есть не от каждой...

— Ну да, понятно, — спокойно сказала Людмила Фёдоровна. — Ты засушила по одному растению каждого вида. Покажи-ка!

Людмила Фёдоровна взяла в руки толстую общую тетрадь и стала перелистывать её. На каждой странице были наклеены сухие зелёные листья на тонких стеблях, с белыми, розовыми, жёлтыми, фиолетовыми цветочками. Листья были самой разнообразной формы: одни были похожи на растопыренные пальцы, другие — зубчатые, третьи — узкие и острые, как ножи.

Лена так и впилась глазами в учительницу.

— Молодчина, Лена! — похвалила её Людмила Фёдоровна. — Прекрасный подбор, и высушено очень хорошо.

— Тоже нашла что собирать! — донёсся вдруг насмешливый голос с задней парты.

Все обернулись назад.

Людмила Фёдоровна, прищурясь, окинула взглядом класс:
— Кто это сказал? Ты, Клава Киселёва?

Высокая девочка в переднике с пелеринкой и с большими бантами в коротких косичках (банты качались под самыми ушами) небрежно откинула крышку парты и встала с места.

— Что значит твоё странное замечание?

Клава молчала, опустив голову. Теперь её банты покачивались над партой, отражаясь в лакированной крышке, словно в тёмном пруду.

— Неинтересно, — пробормотала она.

— Что — интересно?

— Собирать траву какую-то...

— Вот как? Ну, а ты что собрала? Покажи-ка, покажи! Может быть, у тебя что-нибудь поинтереснее?

Клава Киселёва молчала.

— У неё ничего нет, — слышался шопот.

Людмила Фёдоровна подошла поближе.

— Ты летом куда-нибудь уезжала? — спросила она.

— Уезжала, — ответила Клава. — Недалеко. На дачу.

— Так разве ты там ничего не нашла?

— А что там интересного — на даче-то!

— Конечно, — сказала Людмила Фёдоровна, — если ничем не интересоваться, то ничего интересного и не найдёшь.

И учительница подошла к Катиной парте:

— Ну, Катюша, что у тебя?

— У меня тоже гербарий, только не совсем такой, как у Лены, — сказала Катя, встав с места. — Это мы вместе с Аней собирали. Стелла, достань, пожалуйста, альбом из Аниной парты.

Людмила Фёдоровна взяла в руки тяжёлый альбом и, положив на край учительского стола, откинула крышку переплёта.

— Так, — сказала она, слегка склонив голову набок и внимательно рассматривая первую страницу. — Это ты рисовала?

— Я, — сказала Катя и немножко покраснела.

— Очень хорошо. Большие успехи сделала.

На первой странице альбома была нарисована акварелью ветка цветущей яблони, а сверху буквами, как будто бы сделанными из листиков и хвойных иголок, выведено: «Наш лес».

— Очень хорошо! — повторила Людмила Фёдоровна. — Посмотрим, что будет дальше.

Две следующие страницы были разделены тщательно вклеенным листом папиросной бумаги. Слева был нарисован старый, ветвистый клён. Справа наклеены широкий лапчатый лист, тонко срезанный кусочек коры, распластанная ножом веточка и полупрозрачная, нежнозелёная двукрылатка, в которой прячутся семена клёна.

На следующих страницах пашли себе место дуб, осина, берёза, сосна, ёлка...

— Кто же из вас это придумал? — спросила Людмила Фёдоровна, разглядывая страницу за страницей.

— Уж наверно Катя, — сказала Настенька Егорова, приподнимаясь на парте и стараясь издали заглянуть в альбом. — Она у нас такая выдумщица!

— Нет, нет! — Катя решительно замотала головой. — Это мы вместе!

— Да ведь Аня и рисовать-то не умеет!

— Ну и что ж такого? Рисовала я. А придумывали, собирали, сушили и наклеивали мы вместе. Аня даже больше, чем я. Это всё было ещё до того, как я в лагерь поехала. Я тогда у Ани на даче гостила.

— Отличная работа! — сказала Людмила Фёдоровна. — Альбом — прямо на выставку!

— А можно нам посмотреть? — закричали девочки. — Людмила Фёдоровна, дайте и нам посмотреть!

— Нет, подождите... Сначала скажи мне, Катюша: как этот альбом очутился в парте у Ани?

Катя удивилась:

— Да очень просто. Это я положила.

— Когда?

— Только что. Вот перед самым началом урока.

— А сегодня утром ты заходила к Анс?

— Нет. Не успела.

— А вчера вечером?

— И вчера не успела.

Катя смущённо опустила голову. Ей казалось, что Людмила Фёдоровна с упрёком смотрит на неё и думает: «Хороша подру-

га! Собирали, сушили, наклеивали вместе, а подаёт работу одна, как будто Аня тут ни при чём!»

— Я ведь не знала, что она не придёт, — словно оправдываясь, сказала Катя. — Когда я приехала из лагеря, мне захотелось опять посмотреть на наш гербарий, кое-что подрисовать. Вот я и взяла его у Ани на несколько дней. Думала — мы вместе подадим.

— Значит, ты не ходила к Ане? — тревожно переспросила Людмила Фёдоровна. — Ни вчера, ни сегодня? Ну и хорошо, если не ходила.

— Почему?

— Аня серьёзно заболела, — сказала Людмила Фёдоровна. — Мне вчера её мама звонила. Ходить к Ане нельзя ни в коем случае!

Катя так и села на парту: «Нельзя к ней ходить. Заболела!» На душе у неё стало беспокойно и невесело.

А ведь только что она была так рада, что Людмиле Фёдоровне понравился их альбом. Теперь эта радость как-то съёжилась и потускнела. Аня-то ведь не узнаёт, что их похвалили...

Альбом переходил из рук в руки. Девочки ахали: «Ах, как хорошо! Ах, как красиво нарисовано! Людмила Фёдоровна, правда, берёзка у неё как живая?»

Людмила Фёдоровна улыбалась и кивала головой:

— Да-да, я же сказала: отличный альбом! Будет просто украшением нашего музея!

И вдруг с задней парты послышалось негромкое:

— Ещё бы ей плохо рисовать!

Людмила Фёдоровна обернулась на голос:

— Ты хочешь что-то сказать, Клава?

Клава Киселёва встала и, передёрнув плечами, начала тем же обиженным тоном, каким говорила про лекарственные травы Лены Ипполитовой:

— Ничего удивительного нет, что Снегирёва умеет рисовать. Ей мама помогает. У неё мама художница.

Все зашевелились, зашептались. Одна Катя сидела неподвижно, словно и не слыхала, что сказала Клава.

— Ну, в чём дело, девочки? — спросила Людмила Фёдоров-

на. — Успокойтесь!.. Ты хочешь сказать что-то, Валя Ёлкина?.. И ты тоже, Настя Егорова? Ну подожди, пока Валя скажет.

Валя вскочила:

— Катина мама лечиться уехала, — начала она, — и Катя всё до последней веточки рисовала сама. Мы с Настей это хорошо знаем.

Настя Егорова не вытерпела и тоже вскочила:

— Киселёва и в прошлом году всем завидовала и в позапрошлом. Ещё совсем маленькая была, а всем завидовала. Мы с Ёлочкой, то-есть с Валею Ёлкиной, это давно заметили.

— Никому я не завидываю! — крикнула с места Клава.

Людмила Фёдоровна подняла руку:

— Тише! Во-первых, говорят не «завидываю», а «завидую». А во-вторых, если ты даже не завидуешь, то, во всяком случае, не умешь радоваться чужой удачной работе. И знаешь почему? Потому, что ты сама не хочешь и не любишь работать.

Катя слушала, что говорит Людмила Фёдоровна, и думала о том, как старалась Аня сделать альбом получше, покрасивее. Даже плакала один раз, когда клей проступил тёмным пятном на другой стороне листа. Про себя Катя в эту минуту совсем забыла. Ей и в голову не пришло обидеться на Клаву за то, что та сказала, будто мама помогала ей рисовать деревья. Она только удивилась: «Вот чудачка эта Клава! Мне-то какой же будет интерес, если мама за меня всё нарисует?»

Тем временем Людмила Фёдоровна пересмотрела одну за другой все разложенные по партам и подоконникам работы.

— Ну, а у тебя что, Ира Ладыгина? — спросила она наконец, заметив ещё одну поднятую руку.

Тоненькая, шустрая девочка, с зеленоватыми озорными глазами и золотисто-красной, похожей на шапочку подберёзовика, головкой, осторожно вытащила из парты коробку от папирос, приложила к уху и прислушалась.

— Что там у тебя? — спросила шопотом её соседка, Тоня Зайцева, и от любопытства её круглые глаза под белыми бровками стали ещё круглее.

— Живая природа, — серьёзно ответила Ира и открыла крышку.

В ту же минуту большой чёрный жук, со страшными челю-

стями и зубчатыми рогами на голове, упал на парту. Тоня Зайцева в ужасе отскочила. А Клава сказала:

— Подумаешь, жуки! У нас на даче их было сколько угодно.

Держа коробку в одной руке, Ира другой рукой смело перевернула жука на спину и вдруг взвизгнула на весь класс. Жук вцепился ей в палец. Ира выронила коробку, и жуки так деловито поползли в разные стороны, словно, сидя в коробке, давным-давно условились, кому в какой угол спрятаться. Девочки повскакали с мест, с грохотом откидывая крышки парт. Людмила Фёдоровна оторвала жука от Иринога пальца и громко крикнула:

— По местам!

Но тут же она схватилась за горло и совсем охрипшим голосом сказала:

— Девочки! Я не хотела говорить вам об этом в наши первые школьные дни. Но вижу теперь, что мне придётся сказать вам всё. Я очень нездорова. Если у нас не будет полной тишины и строгой дисциплины, мне нельзя будет вас учить — я должна буду уйти из школы. Надеюсь, что больше напоминать вам не придётся.

По классу пронёсся тревожный шопот, и все замерли.

Только некоторые девочки поглядывали по сторонам, следя за путешествием жуков по классу.

Из коридора донёсся разноголосый шум. Перемена.

Смущённые, не решаясь взглянуть в глаза Людмиле Фёдоровне, девочки понесли свои коробки и альбомы к ней на стол, а дежурная, Лена Ипполитова, вместе с учительницей принялась убирать коллекции в шкаф.

Людмила Фёдоровна подозвала к себе Иру.

— Нельзя коллекционировать живых жуков, — сказала она. — После уроков заходи в учительскую. Я дам тебе книжку, — в ней объясняется, как собирать коллекции насекомых.

Следующий урок был арифметика. В классе решали задачи. Но ни на этом уроке, ни на остальных Катя не переставала думать об Ане. «С такой, как ты, ни одного дня дружить нельзя». И как это она могла сказать Ане такие обидные слова? Ане, наверно, и вчера уже было плохо. Она ведь говорила, что у неё голова болит. И недаром она так плакала, так плакала...

Катя потихоньку вытирала глаза платком, а Наташа чуть слышно шептала ей:

— Катя, ну Катя, ты чего? Не надо, Катя!

ДЮЙМОВОЧКА

На другой день в классе не учились. Людмила Фёдоровна задала побольше уроков — четыре столбца примеров, две задачи, велела выучить наизусть длинное стихотворение — и сказала, чтоб в школу не приходили: будет дезинфекция. А на третий день всё уже было по-старому, только в классе сильно пахло каким-то лекарством. Людмила Фёдоровна, встречая девочек у дверей, сказала им, что у Ани скарлатина и её ночью отвезли в больницу.

«Ночью отвезли! — с тревогой подумала Катя. — Кто отвёз? Почему ночью?»

Ей представилась машина скорой помощи. Машина вихрем мчится по улице, тревожно завывая. Кругом огни, огни — красные, жёлтые, зелёные. Автомобили выстроились в ряд, ждут светофора, а «скорой помощи» всюду дают дорогу, потому что внутри машины, на носилках, лежит больная девочка. И Катя поняла: теперь её с Аней разлучила не какая-то глупая ссора, а долгая — может быть, опасная — болезнь, от которой в классе так тревожно пахнет дезинфекцией...

В этот день Катя была невнимательна на уроках, и Людмила Фёдоровна несколько раз сделала ей замечание и даже назвала её не Катей, а Снегирёвой.

Из школы Катя вышла вместе с Наташей Олениной.

Можно было подумать, что неожиданно наступил вечер — так сильно вдруг потемнело. Тяжёлые, низко нависшие тучи заволокли всё небо. Девочки не успели даже перейти улицу, как брызнул дождь. Они забежали в ворота соседнего дома, и в ту же минуту с шумом разразился ливень. Сразу стало холодно. Ветер порывами загонял под ворота беловатые столбы водяных брызг, пробирался в рукава, за воротник, леденил щёки.

Наташа жалась к стенке, стараясь укрыться от дождя и ветра, а Катя стояла у самого выхода на улицу, не замечая, что

шумный ручей, выбегающий со двора, подмачивает её башмаки, а водяные брызги усыпают мелким бисером лицо, волосы и пальтишко.

— Катя, Катенька, ну, не надо! — жалобно говорила Наташа, и голос её даже дрожал от сочувствия. — Я ведь понимаю — это ты всё из-за Ани расстраиваешься...

Катя, не отвечая, кивнула головой.

— Ну вот! А я ж тебе говорю, что в больнице совсем не страшно. Уж я-то знаю — больше месяца лежала. Мне даже весело было. Не веришь? Ну, честное пионерское!

— Да нет, я верю, — хмуро ответила Катя. — Но если бы только мы с ней раньше не поссорились!.. Ну вот, подумай сама: она уж больная была, а я ей сказала, что она плохая, что с ней дружить нельзя. Она и сейчас, наверно, думает, что я её своей подругой не считаю...

От огорчения и досады на себя Катя даже сморщилась, зажмурила глаза и изо всех сил ударила себя по ноге сумкой.

— Хоть бы ещё одно словечко ей сказать... Дура я, дура! Даже письмо не догадалась передать, пока её не увезли!

— А письмо можно послать и в больницу, — сказала Наташа успокоительно, уверенным тоном опытного человека. — И не только письмо — там, знаешь, два раза в неделю передачи принимают.

Катя с удивлением посмотрела на подругу:

— А разве письма в больницу носят?

— Конечно, — усмехнулась Наташа. — Надо будет только узнать, в каком корпусе и в какой палате она лежит, и написать на конверте.

Катя схватила Наташу за руку.

— Ох, Наташа! Да это же замечательно! — закричала она. — Мы потом пошлём ей большую передачу от всего класса. Я знаю: все захотят! А пока просто письмо — по почте, да? Только вот что бы такое ей ещё послать, кроме письма? Такое, чтобы в конверте поместилось?

Девочки задумались.

— Может быть, моточек шёлку, иголочку и несколько красивеньких-красивеньких лоскутков? — спросила Катя. — Это подходит, а?

— Нет, — сказала Наташа, покачав головой. — Шить ей не скоро позволят.

— Может быть, записную книжечку и карандашик? Бывают такие маленькие, тоненькие карандаши...

— Нет, и писать ей пока не позволят.

— Тогда я не знаю...

— А я знаю! — вдруг весело сказала Наташа. — Пошлём ей мою Дюймовочку! Если взять конверт побольше, она в нём поместится.

Катя пристально посмотрела на подругу:

— Твою Дюймовочку?

— Ну да, а что? Она у меня привыкла к больнице. Пусть теперь поживёт в Аниной палате. Ведь в сказке Дюймовочка тоже всё время путешествовала. И помнишь, как она вылечила ласточку?

Катя покачала головой.

— Я давно читала, — ответила она.

— И неужели совсем позабыла? Ну, помнишь, все ласточки улетели в тёплые края, а одна ласточка не могла лететь и осталась. Дюймовочка за ней ухаживала, сплела для неё коврик из травы, кормила её потихоньку... А потом ласточка выздоровела и тоже полетела к своим. Вот пусть и моя Дюймовочка ухаживает за Аней в больнице. Только не знаю, отпустят ли после скарлатины Дюймовочку домой. Ну да ладно, пусть она в больнице останется, если уж она у меня такая больничная кукла.

В небе показался голубой островок. Он становился всё шире, шире, и вот уже дождь прошёл, выглянуло солнце, и оставшиеся кое-где тучи осветились изнутри, словно у тёмных туч была светлая подкладка.

Перепрыгивая через лужи, девочки снова пустились в путь. Им сразу стало тепло и весело.

Держась крепко за руки, прошли они через шумную Арбатскую площадь в скверик у станции метро. Сквер был весь устлан живым ковром из розовых, синих и жёлтых цветов. Посреди небольшого бассейна стоял бронзовый голый мальчик, похожий на арапчонка. Казалось, что он изо всех сил старается удержать в руках бронзовую рыбу. Из зубастого рыбьего рта высоко и шумно бьёт упругая водяная струя.

Девочки остановились у фонтана, глядя на светлые брызги, озарённые солнцем.

— А Дюймовочкин больничный халатик у тебя цел? — спросила Катя.

— А то как же? Мы его тоже в больницу пошлём. Да и все Дюймовочкины платья. На что они мне без Дюймовочки? — сказала Наташа и о чём-то задумалась.

Катя осторожно тронула её за руку:

— Послушай, Наташа, а над ней там не будут смеяться? «Вот, — скажут, — такая большая девочка, а её куклу прислали...»

— Нет, нет, что ты! — Наташа решительно замотала головой. — Смеяться никто не будет. Во-первых, это не для игры, а так просто — на память, а во-вторых, знаешь, в больнице и большим иногда кажется, что они маленькие... А ты сегодня очень торопишься домой?

— Нет, не очень. Бабушка сказала, что обедать будем не раньше трёх.

— Так давай зайдём ко мне. Я тут недалеко живу, по бульвару... Соберём Дюймовочкины вещи, склеим большой конверт... Ладно?

— Ладно, пойдём.

Они пошли по дорожке, влажной от недавнего дождя.

На каждом углу стояли лотошники. Перед ними в лотках и на земле громоздились фрукты — румяные яблоки, темнолиловые сливы, полосатые арбузы; в решётах — прозрачные гроздья винограда.

А с клёнов и лип на бульваре сыпались и сыпались мокрые, жёлтые, загнутые по краям листья.

— Хорошо! — грустно сказала Катя. — И надо же было ей заболеть, когда всё так хорошо...

— Это всегда так бывает, — рассудительно ответила Наташа. — Все болеют не во-время. А если хочешь заболеть — ни за что не заболеешь... Ну, мы пришли. Сюда — в ворота!

Наташа жила в первом этаже деревянного домика, прятавшегося в глубине двора. Дверь открыла большая, толстая девочка лет пятнадцати, в коричневом платье и в чёрном переднике. На плече у неё сидел огромный пушистый рыжий кот.

— Уже из школы? — спросила она, пересаживая кота на другое плечо. — Фуфа, сиди!

И, напевая что-то, она медленно пошла по коридору и скрылась в одной из комнат.

— Это — Мура, наша соседка, — сказала Наташа Кате, осторожно всовывая тоненький ключик в отверстие замка.

Дверь в комнату легко, будто сама собой, открылась.

— Мама тебе позволяет брать с собой ключ? — удивилась Катя.

— А что же в этом такого? — спросила Наташа.

— И ты не теряешь?

Наташа только плечами пожала:

— Вот ещё! Ключи терять! Да что я—разиня какая-нибудь?

— А у нас бабушка даже Тане ключей не даёт, — со вздохом сказала Катя. — Говорит: «непременно потеряете». А ведь Таня уже в институте!

Наташа слегка улыбнулась и покачала головой:

— Нет, это только так говорится: «потеряете, потеряете»! Вовсе она этого не думает, твоя бабушка. А просто вам с Таней незачем брать с собой ключи. Ведь у вас всегда кто-нибудь дома. Ты позвонишь — тебе сразу откроют. А у нас не так. Мама до шести часов на службе, а иной раз и позже задержится. Что ж бы я стала делать, если б у меня ключа не было?

Она говорила просто, спокойно, как большая. Катя невольно с уважением и любопытством посмотрела на свою новую подругу.

Дома Наташа была совсем не такая, как в школе. Стоило ей переступить порог этой небольшой, чисто выметенной и тщательно прибранной комнаты, как на лице у неё появилось какое-то другое выражение — деловитое, немного озабоченное и в то же время уверенное.

— Раздевайся! — сказала она Кате и, ни слова не говоря, раскинула на вешалке Катину пальто так, чтоб оно скорее просохло.

Потом она быстро сняла через голову своё коричневое форменное платье, переделалась и, схватив Катю за руку, потащила её в угол, где на табуретке, аккуратно накрытой вышитой салфеточкой, стояли игрушечный зеркальный шкаф и железная

кровать, постланная по всем правилам. Под ватным стёганным одеялом лежала розовая и блестящая куколка.

— Это и есть твоя Дюймовочка? — спросила Катя.

Наташа кивнула головой:

— Ага!

Она открыла дверцу игрушечного зеркального шкафа и достала оттуда настоящий белый халатик с карманами спереди и тесёмками сзади.

— Этот халатик мы на неё наденем. А другие платья положим в коробочку.

— Да ведь коробочка не войдёт в конверт!

Наташа на секунду задумалась.

— И сама Дюймовочка в конверте не поместится, — сказала она, повертев в руках куколку. — Мы с тобой лучше вот что сделаем: завернём всё в бумагу, перевяжем верёвочкой и отнесём к воротам больницы. Там берут и пакеты и письма.

Она заботливо оправила простынки и одеяльце на кукольной кровати и припёрла поплотнее дверцу опустевшего зеркального шкафа.

— Ты ещё играешь иногда в игрушки? — спросила Катя.

— Нет, уже не играю, — слегка вздохнув, сказала Наташа. — Некогда, знаешь... Да не выбрасывать же их! Всё-таки как-то жалко... Ну вот, я и решила: пусть ещё год постоят. А когда перейду в пятый класс, подарю кому-нибудь... — Наташа как-то грустно усмехнулась. — Если бы я в этом году не осталась, а перешла, ничего этого у меня, наверно, уже не было бы... — Она тряхнула головой, как будто для того, чтобы отмахнуться от неприятной мысли, и озабоченно поглядела на часы. — Ой, Катенька, уже скоро три, а я ещё и за дело не бралась. Мне надо картошку почистить и суп на плиту поставить.

— А уроки когда же?

— А вот картошка будет вариться, а я буду учиться. — Наташа засмеялась: — Как складно вышло — правда? Ну, пойдём со мной на кухню. Мне картошку чистить веселей будет.

— Ладно, пойдём. Только на минутку. Уже домой пора.

— Успеешь! Долго ли тебе дойти до дому? Минут десять — не больше.

— Даже меньше!

И девочки побежали по коридору на кухню.

У белой газовой плиты стояла худенькая седая женщина и переворачивала на сковороде котлеты. Катя подумала, что это чья-нибудь бабушка, но Наташа шепнула ей, что это не бабушка, а мать той самой Муры, которая открыла им дверь. Масло на сковороде плевалось и брызгалось, суп в кастрюле бурлил, выбрасывая клубы пара.

— Мура! — крикнула мать, выглянув в коридор. — Принеси тарелку, я тебе супу налью. Слышишь, Мура?

— Слышу, — отозвалась из комнаты Мура. — Не глухая.

Не дождавшись её, мать сама побежала за тарелкой.

А Наташа в это время стояла у своего столика и ловко — неторопливо, но быстро — делала своё дело. Картофелины одна за другой послушно поворачивались у неё в руке, оставляя под ножом длинную тонкую ленточку шелухи, и звучно падали в кастрюльку, полную воды.

В коридоре опять раздались частые шлёпающие шажки. Мурина мать суетливо вошла в кухню и стала наливать в тарелку суп.

— Мама, — донёсся из комнаты сонный и недовольный голос Муры, — я не буду есть, я спешу! Три часа ты разогреваешь этот несчастный обед... Фуфка, не царапайся!

— Да ведь я уже несу! — крикнула мать с отчаянием в голосе и почти побежала в комнату, неся на вытянутых руках дымящуюся тарелку с супом.

Наташа и Катя переглянулись.

— Вот всегда она так! — сказала Наташа, когда девочки опять остались одни. — Барыня какая! Смотреть противно!

— Ещё бы! — решительно подхватила Катя и вдруг сразу замолчала.

Ей стало жарко, покраснели уши, кровь прилила к щекам... Она вспомнила, как третьего дня после обеда бабушка попросила её помыть посуду. Она сказала: «сейчас», и стала дочитывать страничку в одной очень интересной книжке. Дочитала и незаметно перескочила на другую страницу, потом — на третью...

«Что же ты, Катенька?» — спросила бабушка.

«Сейчас. Вот до главы дочитаю».

«Да ведь вода остынет».

«Ах, бабушка, какая ты!.. Я же сказала: сейчас».

Бабушка ничего не ответила, встала и вышла из комнаты.

...А когда Катя дочитала главу и, заглянув в конец следующей, прибежала на кухню, посуда была уже вымыта.

Бабушка перетирала последние тарелки. Не глядя на внучку, она сказала:

«Ступай, ступай себе! Твоё дело — обедать, а постряпают да приберут другие. Ты у нас барыня!..»

Неужели же она, Катя, похожа на эту противную Муру? Нет, ни за что!

Она быстро соскочила с высокой табуретки, на которую было присела.

— Вот что, Наташа: ты захвати Дюймовочку завтра в школу. На большой перемене мы и письмо вместе напишем и пакет приготовим. А сейчас я пойду. Уже поздно. Бабушка из-за меня второй раз обед греть будет...

Наскоро попрощавшись с Наташей и застёгивая на ходу пуговицы пальтишка, Катя выбежала на улицу.

Круглые электрические часы на углу показывали ровно четыре! Большая стрелка подскочила и передвинулась, прямо на глазах, ещё на одну минуту дальше. Катя со всех ног побежала домой.

«И что я за человек такой! — с досадой думала она на бегу. — Наташу пожалела — так Аню обидела. Про Аню думаю — так про бабушку забыла. Не умею я как-то про всех думать сразу!..»

Одним духом она взлетела по лестнице и нажала кнопку звонка. Дверь открыла бабушка.

— Пообедали уже? — с тревогой крикнула Катя.

— А что — проголодалась очень? — ласково спросила бабушка. — Ну, иди, иди, покормлю. А мы с Мишенькой хотели было Танюшу подождать. Она с минуты на минуту вернётся.

Катя перевела дух.

— Ну, так и я буду ждать! — сказала она весело. — Хоть до завтрашнего дня! А после обеда я всю посуду перемою. И кастрюли вымою и сковородку вычищу. Хорошо, бабушка?

Бабушка из-под очков поглядела на неё и вдруг засмеялась.
— Да уж чего лучше! — сказала она. — А ты что это сегодня такая сознательная? Где ума-разума набралась?

Катя смущённо усмехнулась и вместо ответа спросила:

— А ты, бабушка, почему такая догадливая? Где ума-разума набралась?

Бабушка хитро прищурила свои чёрные живые глаза.

— А там же, где ты, внученька, — сказала она. — На людей посмотрю и себе заметку сделаю.

ЗА СТЕКЛЯННОЙ СТЕНОЙ

В вечерней полутьме больничной палаты было как-то особенно тихо...

Аня очнулась на незнакомой белой кровати. Всё кругом было странно и удивительно. Она лежала одна — и не одна: в комнатке были стеклянные стены, и за стеной виднелась такая же комнатка. А за той стеклянной стеной открывался ещё длинный ряд стеклянных стен.

«Почему здесь всё стеклянное?» — подумала Аня.

Что-то приятно холодило её тяжёлую, горячую голову. Она с трудом приподняла руку и нащупала на лбу завернутый в полотенце небольшой резиновый пузырь. Он был наполнен хрустящими кусочками льда. Аня провела рукой по коротко остриженной голове.

«Нет кос, остригли!» — поняла она и сквозь слипшиеся ресницы посмотрела по сторонам.

За ближайшей стеклянной перегородкой сидела на кровати девочка. Шея и ухо у неё были забинтованы. Заметив, что Аня уже не спит, девочка пододвинулась поближе к стеклу и спросила:

— Как тебя зовут? А? Ты в каком классе учишься?

Но Аня молчала. Что-то душное, тяжёлое словно навалилось ей на грудь, сковало руки и ноги, налило свинцом голову, затуманило глаза. Даже одно какое-нибудь словечко Ане было бы трудно выговорить. Хотелось лежать не двигаясь, хотелось, чтобы девочка ни о чём не спрашивала, а лучше сама рассказа-

ла бы обо всём — и почему здесь всё стеклянное, и давно ли её, Аню, привезли в больницу, и не видела ли девочка Анину маму.

Но не было сил расспрашивать. Аня опять закрыла глаза, и ей представилось, будто она снова дома. Мама осторожно одевает её, чтобы везти в больницу. Одевает как маленькую — натягивает на ноги длинные чулки, вместе с папой приподнимает её, чтобы завернуть в одеяло. Аня слышит их голоса, ласковые, встревоженные, но никак не может разобрать, что они говорят. А потом её укладывают на носилки, и два санитар в белых халатах, в высоких сапогах поднимают носилки и бережно несут из комнаты. Чуть покачиваясь, Аня как будто плывёт куда-то, а мама идёт рядом и поправляет на ходу Анино одеяло. Вот и ступеньки лестницы, по которым ещё так недавно она весело сбежала вниз, отправляясь в школу.

Школа! Первое сентября! Как хорошо, как весело началось это утро и как грустно кончилось! Подумать только — она поссорилась со своей самой лучшей подругой, с Катей! А ведь они дружат так давно, даже не с первого класса, а ещё раньше — со старшей группы детского сада...

«И что я наделала! — думала Аня, перебирая горячими неловкими пальцами край простыни. — За один день всё успела — и Кате наговорила не знаю что и новую девочку обидела. Из-за этой глупой ссоры Кате попало от Людмилы Фёдоровны. Рассадили нас... А всё из-за чего?»

Аня напрягла память, вспоминая.

«Из-за чего же?»

Но вспомнить было трудно. Перед глазами вставало румяное лицо Наташи, робко поглядывающей на Катю и Аню, и сама Катя, сначала такая весёлая, счастливая, а потом недовольная, хмурая. И во всём, как всегда, виновата она, Аня! Взяла и сама испортила всем праздник! И теперь, конечно, все на неё сердятся. «Это кто такая Аня? — спросила, наверно, Наташа. — Та противная девчонка, что так задаётся?» — «Да, — сказала, должно быть, Катя, — та самая. Только раньше она такой не была. Не знаю, что с ней сделалось».

И Катя, конечно, не захочет с ней больше дружить. Ещё бы, кому охота водиться с такой злючкой? А ведь всё могло быть так хорошо! Катя сама обещала помогать Ане по русскому

письменному, они бы часто-часто бегали друг к другу — и уроки готовить и просто так, поиграть. А теперь ничего этого не будет. Она заболела, сильно заболела, может быть на целый месяц, на два, на три. За три месяца так отстанешь от класса, что уж и не догнать, как ни старайся. Чего доброго, ещё на второй год оставят. На второй год! Второгодница...

Аня заметалась, застонала. И сейчас же девочка за стекляннной стеной стала громко звать няню:

— Нянечка, няня! Новенькой плохо!

«Новенькой», — подумала Аня. — А я не могла назвать Наташу «новенькой». «Второгодницей» её обозвала. А ведь она болела, как и я...

Дверь из коридора приоткрылась, и к Ане лёгкими быстрыми шажками подошла маленькая старушка-няня.

Она была вся в белом, только тапочки у неё были чёрные. И Аня вдруг почувствовала, что она не может смотреть на чёрное — от этого голова начинает ещё сильнее болеть. И Аня подняла глаза на белый нянин халат.

— Что, доченька, что? — спросила няня, склонившись над ней. — Головушка болит? Может, попить хочешь? — И няня поднесла к Аниным пересохшим губам ложечку с чаем. — Не надо, детка, плакать. Скоро поправишься, опять в школу пойдёшь.

— Нянечка, — с трудом выговорила Аня, — можно мне письмо послать?

— Письмо? — удивилась няня. — Маме, наверно? Да мама завтра и сама к окошку подойдёт. Она и нынче приходила, всё на тебя смотрела.

— В школу... письмо, — чуть слышно произнесла Аня. — Подруге.

Няня осторожно поправила подушку под Аниной головой:

— В школу, деточка, писать нельзя. Это болезнь прилипчивая. Заразиться могут подруги.

— И большие могут заразиться?

— Бывает, что и большие заражаются.

— Значит, и учительнице нельзя написать?

— Никому нельзя, — строго сказала няня. — А сюда — пожалуйста, сколько угодно.

«Сюда!.. — подумала с горечью Аня. — Станет ей Катя писать сюда после всего, что было!»

Ах, что же ей теперь делать? Что делать? Если бы она хоть пять минут могла поговорить с Катей, она бы всё, всё объяснила... Сказала бы, что у неё и тогда уже сильно болела голова и это, наверно, от болезни она была такая плохая. И Катя, конечно, всё бы сразу поняла и перестала сердиться. Только бы пять минут!.. Так нет! Нельзя повидать Катю и на одну минутку.

В письме так хорошо не напишешь, как на словах скажешь. Но всё-таки хоть бы позволили записку написать! Да ведь не позволят. И просить-то даже нельзя: болезнь, говорят, прилипчивая... Что же делать? Маме сказать? Через стекло? Ничего она через стекло не разберёт. Только будет кивать да говорить: «Хорошо, деточка! Лежи спокойно, деточка!» А разобрать — не разберёт.

И, значит, все три месяца Катя так и будет думать про неё, что она скверная, злая, противная — самая плохая в классе. Будет так думать и разлюбит её совсем. И все девочки разлюбят. И Людмила Фёдоровна, наверно...

Она всхлипнула, и слёзы ручейками потекли у неё по щекам — в рот, в уши, за воротник больничной рубашки.

Во рту сделалось солоно и горько. Горячая наволочка под щекой смокла.

— Кто у нас тут плачет? — вдруг услышала Аня чей-то ласково-сердитый голос и увидела над собой тоненькую девушку в белой пышной косынке.

— Это — наша новенькая, — ответила за стеной девочка. — Тётя Муся, я к ней нянечку позвала.

Тётя Муся — это была медицинская сестра — осторожно вытерла полотенцем Анины глаза и щёки, перевернула подушку и сменила потеплевший и потяжелевший пузырь. Ане опять стало как-то прохладнее и легче.

Потом тётя Муся присела на табуреточку возле Аниной постели и стала говорить, что никто из детей не плачет, даже самые маленькие, и что скоро Аню переведут из бокса — так называются эти стеклянные комнатки — в общую палату. А там весело — ребята и в разные игры играют и книжки читают.

И даже ходить им позволяют, как будто это и не больница вообще, а детский санаторий.

Аня хотела было рассказать этой ласковой тётке Мусе, что она не скучает и не боится, а плачет совсем из-за другого. Но у неё не было сил говорить, да и всё равно тётя Муся не поняла бы, наверно, всего, что случилось. Она закрыла глаза. Пузырь со льдом так славно охлаждал лоб. Кругом было тихо, и Аня уснула под мерный, убаюкивающий голос тёти Муси.

А утром, когда она проснулась, все эти стеклянные комнатки заливало весёлое солнце. Из-за стеклянной стены смотрела на неё девочка — та самая, с обвязанной головой, — которой так хотелось вчера вечером поговорить с Аней.

— Тебе лучше? — спросила девочка. — Хочешь, я тебе книжку прочитаю? Интересная!

Но Ане всё ещё трудно было не только разговаривать, но даже слушать. Ей хотелось лежать на спине и смотреть, как за окном кружатся на лету жёлтые сухие листья.

Засыпая и снова просыпаясь, она смутно, сквозь сон, чувствовала холодное стекло термометра у себя подмышкой. Чувствовала, как няня умывает её, даёт пить, и вдруг, совсем неожиданно, увидела перед собой высокого незнакомого человека в белом халате, белой полотняной шапочке и поняла, что это доктор. Рядом с ним стояла тётя Муся, и Аня сегодня как будто впервые увидела её, хотя тётя Муся уже мерила ей рано утром температуру. Тётя Муся была беленькая, голубоглазая и такая молодая, что её можно бы звать просто — Муся. Поодаль, у дверей, стояла та самая старушка-няня, которая вчера раньше всех подошла к Аниной постели. В руках у неё была какая-то плетёная корзинка с пакетами.

— Ну-ка, стрижка-брижка, — весело сказал доктор, присаживаясь возле Ани, — как дела? Говорят, ты весь бокс слезами затопила. По маме скучаешь?

— Да нет... я не оттого, — шопотом сказала Аня.

— Отчего же?

Аня молчала.

— О школе она всё беспокоится, — сказала негромко старушка-няня. — Давеча даже письмо туда писать собиралась.

— Ишь ты какая! О школе скучаешь? Так вы, нянечка, от-

дайте ей поскорей посылку... Пусть поглядит. А я сюда ещё зайду.

И доктор вышел из бокса, широко шагая своими длинными, журавлиными ногами. За ним почти побежала тётя Муся.

Старушка-няня достала из корзинки аккуратно покрытую вошанкой пузатую баночку и поставила на столик возле постели:

— Это тебе от мамы. Яблочки. Печёные. А это — из школы.

И она положила на Анино одеяло небольшой пакетик.

Аня схватила его обеими руками. Ослабевшие от болезни пальцы не слушались. И няне пришлось самой развязать верёвочку и развернуть бумагу.

Под бумагой оказалась небольшая картонная коробка и тщательно заклеенный конверт с надписью: «Ане Лебедевой в 4-е отделение». Буквы были продолговатые, стройные, слегка наклонные. Так красиво могла написать только Катя.

Аня тихонько засмеялась от радости. Осторожно, стараясь не повредить красивые, знакомые буквы, она распечатала конверт и развернула листок, вырванный из тетради в две линейки.

Развернула и стала читать.

«Дорогая, милая Анечка, — писала Катя, — мы все очень огорчились, когда узнали, что ты заболела, — и я, и Наташа, и Людмила Фёдоровна, и все девочки. Мы решили по очереди записывать для тебя уроки и, когда ты поправишься, поможем тебе догнать класс. Ни о чём не беспокойся — ты непременно догонишь. Только, пожалуйста, ни о чём не беспокойся! А куколку посылает тебе Наташа. Её зовут «Дюймовочка». Она уже один раз была в больнице, поэтому у неё есть халатик и косынка...»

Тут Аня не выдержала и открыла коробочку. В коробочке лежала крошечная целлулоидная куколка, одетая в белый халатик. Её белокурая круглая головка была повязана марлевой косыночкой, такой же белой и лёгкой, как у тёти Муси.

«Наташа посылает!.. Не обиделась на меня. И Катя не сердится, — с облегчением подумала Аня. — Какие же они все хорошие! И куколка до чего миленькая! В халатике!»

Она не успела вдосталь налюбоваться своей куколкой, как в дверях опять появился высокий доктор.

— Ну что? — спросил он Аню, слегка прищурив один глаз и как-то лукаво поглядывая на неё. — Получила известия?

— Получила! — громко ответила Аня.

Ей стало сразу легко и весело. Она вынула куколку из коробки и протянула ему:

— Вот! Поглядите!

— О-о! — удивился доктор. — Медсестра в полной форме. И очень похожа на нашу тётю Мусю, только поменьше немножко.

— Правда, правда! — в восторге закричала Аня. — Очень похожа! Если бы её уже не звали «Дюймовочка», я бы назвала её «маленькая тётя Муся».

— Ну так мы будем называть нашу тётю Мусю «большая Дюймовочка», — предложил доктор. — А ну-ка, большая Дюймовочка, подложите ей под спинку подушку да усадите её повыше... Вот так!

Тётя Муся подала ему большой матовый стакан, из которого торчали какие-то блестящие штучки — щипчики, ложечки, крючки. Не глядя, он взял из стакана инструмент, похожий на маленькую лопаточку, и присел на табуретку возле Аниной постели.

— Раскрой-ка рот пошире и скажи «а». Умеешь говорить «а»?

— Умею! — усмехнувшись, ответила Аня и так хорошо показала горло, что доктор даже удивился и похвалил её.

— Молодец! — сказал он. — Так мы с тобой всю азбуку повторим. А когда доберёмся до конца, ты у нас совсем поправишься и домой пойдёшь. Ладно?

— Ладно, — сказала Аня.

ПЕРВЫЙ СБОР

Шла третья неделя нового школьного года. Уже позади остались сборы звеньев. На сборе своего звена Катя сделала коротенький отчёт о работе за прошлый год, и девочки снова избрали её звеньевой.

И вот наступил день сбора всего отряда — первого сбора в новом школьном году.

Кончился четвёртый — последний — урок, и в классе широко распахнули окна. Свежий ветер ворвался со двора в класс, прошелестел страницами чьей-то забытой на парте тетради, приоткрыл дверь и, как будто испугавшись, торопливо захлопнул её опять.

Девочки высыпали в коридор. Только две ученицы — Тоня Зайцева и Клава Киселёва, — взяв сумки, ушли домой.

— Почему они уходят? — спросила Наташа у Кати.

— Они ещё не пионерки, — сказала Катя. — Разве ты не заметила, что они без галстуков?

— Заметить-то заметила, да как-то не обратила внимания, — ответила Наташа. — А почему их до сих пор не приняли?

— Потому что они в прошлом году учились хуже всех, чуть на второй год не остались. — Катя сказала это и сразу же спохватилась. — Только не по болезни, — прибавила она. — Ну, идём, уже пора.

Девочки вернулись в класс. Сегодня — по случаю выборов в совет отряда — класс был украшен празднично. По стенам были развешаны отрядные стенгазеты, выпущенные в прошлом году, и лучшие из прошлогодних плакатов и рисунков, сделанных к 7 ноября, к 1 мая и Новому году. На учительском столе и подоконниках опять, как в первый день школьного года, лежали летние работы девочек — гербарии, альбомы, коробки с коллекциями, отрядные дневники.

Это был как бы отчёт пионеров третьего класса пионерам четвёртого.

Все три звена выстроились в три шеренги — между рядами парт. Впереди каждой шеренги стояли звеньевые — Катя Снегирёва, Настя Егорова и Валя Ёлкина.

И вот дверь отворилась. В класс быстро вошла отрядная вожатая Оля. Катя хорошо знала её. Оля была старшая сестра Настеньки Егоровой и училась в восьмом классе.

Когда раньше — всего каких-нибудь две недели назад — Катя видела её в школе, на улице или у Егоровых дома, эта большая, широкоплечая девочка с толстой косой вовсе не казалась ей какой-нибудь там особенной. Восьмиклассница как восьмиклассница! Но теперь она была отрядная вожатая, и Катя глядела на неё с интересом и уважением.

Вожатая Оля быстрым взглядом осмотрела все три звена, зачем-то переложила с места на место пухлый альбом и остановилась у стола, глядя на дверь.

Девочки тоже невольно посмотрели в ту сторону. Но в дверях никого не было.

Чёрненькая Зоя Алиева, член совета отряда и староста класса, вышла вперёд. Сегодня она была особенно серьёзна — ей предстояло принять рапорты звеньевых и сделать отчёт о работе отряда вместо председателя совета Муси Ларичевой, которая со своими папой и мамой переехала на Урал.

Отдавая салют, Катя торжественно и чётко начала:

— Товарищ член совета отряда! Звено номер один прибыло на сбор, посвящённый перевыборам совета отряда... — по привычке Катя чуть не прибавила: «в полном составе», но во-время спсихватилась: — в количестве десяти человек. Одна пионерка отсутствует по болезни.

«Это бедная моя Аня отсутствует! — подумала Катя. — Всё, всё без неё, даже такой важный сбор!»

Чуть прищурив узкие блестящие глаза, Зоя внимательно, даже строго, выслушала рапорты звеньевых, а потом, круто повернувшись к Оле, отрапортовала сама о прибытии отряда на сбор.

И тут дверь отворилась. В класс вошли Людмила Фёдоровна и старшая пионервожатая, Надежда Ивановна.

Рядом с Людмилой Фёдоровной Надежда Ивановна казалась маленькой и худенькой. С первого взгляда её можно было принять за десятиклассницу. Но стоило посмотреть, как уверенно и твёрдо она ходит, какими спокойными, пронизательными глазами вглядывается во всё, что её окружает, стоило прислушаться к её звучному, сильному, неторопливому голосу, чтобы стало ясно, что она давно уже не школьница.

И в самом деле, Надежда Ивановна была уже студенткой, да ещё последнего курса.

Слегка кивнув Оле гладко причёсанной тёмнорусой головой, Надежда Ивановна прошла вместе с Людмилой Фёдоровной к учительскому столу и уселась рядом с ней, внимательно поглядывая на девочек большими карими, очень ясными и очень серьёзными глазами.

А тем временем все рапорты были уже приняты, и Оля, решив открыть сбор, предоставила Зое Алиевой слово для отчёта.

Пионерки сели за парты, а Людмила Фёдоровна и Надежда Ивановна придвинулись поближе к столу и приготовились слушать.

Заглядывая в тетрадку и обращаясь к вожатой Оле, Зоя деловито начала:

— Все девочки нашего отряда перешли в четвёртый класс...

— Постой, Зочка, — перебила её Надежда Ивановна. — Ты ведь не урок отвечаешь, а отчитываешься перед отрядом. Говори же отряду, а не одной Оле, чтобы всем слышно было.

Зоя обернулась лицом к отряду и продолжала:

— Сборы отряда у нас были такие: сначала был, конечно, сбор, посвящённый выборам совета отряда. Потом у нас был, конечно, сбор, посвящённый народным сказкам...

Обе вожатые и Людмила Фёдоровна внимательно выслушали Зоин отчёт со всеми его «потом» и «конечно».

А когда она кончила, Надежда Ивановна встала. Опершись руками о стол, она оглядела весь отряд и спросила:

— Всё ли ты сказала, Зочка? Разве тебе нечего рассказать о работе звеньев?

Катя невольно чуть-чуть вздрогнула и приподняла голову. Она знала, что бояться ей нечего: на перевыборах звеньевых её звено все хвалили. Но всё-таки слушать, как обсуждают твою работу, всегда отчего-то страшновато и неловко.

Наташа заметила её движение.

— Ну что ты? — шепнула она успокоительно. — Твоё звено будут хвалить. Не беспокойся!

А Зоя, кивнув головой в ответ на слова Надежды Ивановны, уже продолжала так же деловито и серьёзно, как начала:

— Самое лучшее звено у нас, конечно, первое, и звеньевая Катя Снегирёва избрана второй раз.

Все посмотрели на Катю. От радости и смущения Катя наклонила голову, и сидящие позади увидели, как у неё покраснела шея под светлыми завитками волос.

— Девочки первого звена, — докладывала Зоя, — помога-

ли подклеивать книги для школьной библиотеки, потом сделали вон те два плаката — к седьмому ноября и к Первому мая, — самые наши лучшие...

Она на минуту задумалась, припоминая:

— А ещё они вырастили цветы на окне... Но только во втором звене, у Настеньки Егоровой, ещё лучше цветы вырастили.

Все невольно обернулись и посмотрели на окна. На одном из подоконников цветы в горшках зеленели особенно густо и пышно. Это и были цветы второго звена — цветы Настеньки Егоровой.

А Зоя уже начала рассказывать о третьем звене и об его вожатой Вале Ёлкиной:

— У Вали Ёлкиной цветы, правда, не такие красивые, но зато она за птицами ухаживала в живом уголке и за кроликами очень хорошо ухаживала. Её тоже выбрали второй раз. И Нас-тю Егорову второй раз выбрали...

Зоя не скупилась на похвалы звеньевым, а Надежда Ивановна, слушая её, почему-то становилась всё серьезнее и как будто озабоченнее. Она что-то тихо сказала Оле, и Оля спросила:

— Кто из вас, девочки, хочет ещё что-нибудь сказать о работе звеньев или отряда?

Сразу поднялось несколько рук:

— Можно мне?.. Можно мне?..

Оля присела на краешек парты рядом с Валей Ёлкиной, а девочки, вставая, принялись по очереди добавлять то, о чём забыла сказать Зоя: она не рассказала, какое интересное письмо отряд получил от пионеров Чехословакии; Зоя совсем забыла, что в день Советской Армии в отряд приезжал папа Ани Лебедевой и рассказывал, как он защищал Сталинград; Зоя не упомянула о том, что к восьмому марта все девочки вышили своим мамам по салфеточке.

Когда все замолчали, Надежда Ивановна поднялась и сказала:

— Всё это очень хорошо, девочки. Но вот мне бы ещё хотелось знать: обсуждали ли вы в своих звеньях какие-нибудь интересные книги?

Звеньевые переглянулись друг с другом.

— Нет, — сказала Настя. — В моём звене не обсуждали.

— А ведь это очень интересно — обсуждать, — сказала Надежда Ивановна. — Тут и поспорить можно, и разные случаи из своей жизни вспомнить, и о будущем помечтать...

— Да, наверно, это хорошо... — сказал кто-то задумчиво и негромко.

— А твоё звено, Катя? — спросила Надежда Ивановна. — Часто вы собирались?

Катя покраснела.

— Нет, не очень часто... Можно даже сказать, довольно редко. Очень трудно бывает всех собрать. Только назначишь сбор, а девочки и разбегутся...

Надежда Ивановна очень серьёзно и даже строго посмотрела на Катю.

— А как ты думаешь, Катя Снегирёва, отчего они разбегаются? — спросила она.

— Не знаю, — тихо ответила Катя.

— А в других звеньях тоже разбегаются?

— Разбегаются, — мужественно сказала Настенька Егорова.

А Валя Ёлкина только вздохнула.

— Так. — Надежда Ивановна посмотрела на всех трёх звеньевых по очереди. — Давайте-ка попробуем разобраться, в чём тут дело. Скажи мне, Катя, охотно твоё звено работало в библиотеке?

Катя на минутку задумалась.

— Сначала охотно, — сказала она. — Первый раз все пришли и работали почти два часа. Бумагу резали, клей варили... на электрической плитке. Марья Степановна нам объясняла, как надо подклеивать книжки по-настоящему, чтобы было точно из переплётной.

Надежда Ивановна кивнула головой:

— Что ж, это интересно. Ну, а во второй раз как было?

— Тоже ничего... Только уже не все пришли и раньше разошлись.

— А под конец?

— Под конец почти никого не осталось... я да Аня Лебедева.

— И долго вы ещё работали?

— Нет, не особенно. Марья Степановна скоро сказала нам, что больше не надо.

Губы у Надежды Ивановны чуть-чуть поморщились, как будто она хотела улыбнуться.

— Пожалела вас, должно быть?

Катя смущённо пожала плечами. А Надежда Ивановна повернулась к Настеньке Егоровой:

— Ну, а теперь ты, Настя, скажи мне по совести: как девочки у тебя в звене ухаживают за цветами?

— Обыкновенно, — сказала Настя и с некоторым удивлением посмотрела на Надежду Ивановну. — Когда надо было принести чернозём, горшки, отростки достать — все достали и все принесли. А Людмила Фёдоровна учила нас, как рассаживать...

— Понятно. Ну, а как вы цветы поливаете? По очереди, наверно?

Настя кивнула головой:

— Да, по очереди. Только девочки часто забывают. Я больше сама поливаю. — Она виновато поглядела на старшую вожатую. — А вот Катины цветы и Ёлочкины, то-есть Вали Ёлкиной, я иной раз не успею полить, и они от этого хуже растут...

Надежда Ивановна засмеялась. У неё были очень хорошие зубы — белые, ровные, тесно поставленные, и когда она смеялась, всё лицо у неё точно освещалось. Засмеялась и Людмила Фёдоровна своим милым хрипловатым смехом, и Оля засмеялась, но при этом она почему-то хмурилась и смущённо поглядывала на сестру.

— Ну, что ж это у нас выходит, девочки? — всё ещё улыбаясь, спросила Надежда Ивановна. — Выходит, что звеньевые у нас очень хорошие — цветы поливают, книжки подклеивают. А вот звенья у них неважные — не хотят работать. Разбегаются, да и всё тут... Может так быть?

— Не может! — в один голос сказали Катя, Настя и Валя.

— Не может, а случилось. И знаете почему? Потому что вы совсем не заботились о том, чтобы на сборах всем было интересно. Вот, например, если бы во время подклейки кто-нибудь из вас читал вслух хорошую книжку, работать было бы куда приятнее. А если бы поливку цветов вы поручили тем девочкам,

которые это любят, они бы этого не забывали. Ведь вот Валя Ёлкина не забывает кормить птиц...

— Никогда! — закричали девочки.

— Сама не позавтракает, а уж птиц накормит, — сказала Настя.

— Ну, вот видите. Надо, значит, понаблюдать, кто что любит и чем интересуется.

Надежда Ивановна быстрым, еле уловимым взглядом посмотрела на Олю, но Оля поймала её взгляд и понимающе кивнула головой.

— Так выходит, что мы совсем плохо работали — просто никуда! — с огорчением сказала Настенька. — А мы и не знали.

Надежда Ивановна усмехнулась:

— Ну вот уж и «совсем плохо»! Не плохо, но можно работать лучше. Подумайте хорошенько и беритесь за дело — весело, с выдумкой. Весь год у вас впереди.

Она говорила так спокойно и уверенно, что девочки опять ободрились и повеселели. А вместе с ними повеселела и Людмила Фёдоровна. Видно было, что она вместе с каждой из своих звеньевых пересмотрела во время этой беседы весь прошлый год.

В классе на одну минуту стало тихо.

— Ну, девочки, — сказала громко Оля, выходя вперёд, — давайте перейдём к перевыборам. Напомню вам: в совете должно быть пять человек — председатель, редактор, два члена совета и вожатая отряда. Вожатую, конечно, выбирать не надо. Она... то-есть я, — Оля смущённо улыбнулась, — вхожу в совет и так, без выборов. Значит, нужно выбрать четырёх человек. Подумайте хорошенько, кого бы вы хотели выбрать.

Девочки не стали долго думать. Все сразу задвигались, зашептались.

— Давайте Зою Алиеву!

— Катю Снегирёву...

— Настю Егорову...

Девочки шептались, дёргая друг друга за рукава, за лямки передников.

—Тише, девочки, не шумите! — остановила их Оля. — Звеньевых не выдвигайте. Они в совет не входят.

— Почему?

— Потому что они и так достаточно заняты. Хватит с них работы в звене. К тому же они всё равно будут приходиться на совет отряда. Ну, а Зою Алиеву запишем. Она как староста класса обязательно должна войти в совет. Кого ещё вы предлагаете?

— Лену Ипполитову! — раздался дружный хор голосов.

И девочки, вставая с мест, принялись по очереди расхваливать Лену: она и отличница и подруга хорошая. А сколько стихов наизусть знает!

Оля взяла в руки кусочек мела и аккуратно вывела на доске две фамилии: «Алиева» и «Ипполитова».

— А ещё кого? — спросила она, обернувшись к отряду.

— Нину! Нину Зеленову надо! — серьёзно сказала Валя Ёлкина. — Во-первых, у Нины почти все пятёрки. А во-вторых, она и в танцевальном кружке учится и физкультурница очень хорошая. Она такой будет флажконосец!..

Оля чуть недоверчиво посмотрела на маленькую кудрявую девочку, которая с такой настойчивостью выдвигала свою кандидатуру. Но всё-таки подошла к доске и написала третью фамилию: «Зеленова».

А с места уже поднялась Лена Ипполитова.

— Я предлагаю Кузьминскую, — сказала она. — Кузьминская учится на круглые пятёрки, она очень серьёзная девочка, много читает — больше всех...

Стелла обернулась к сидящим позади неё Кате и Наташе и прошептала тихонько:

— Ой, зачем меня? Не надо!

Но Оля этого не слыхала. Она кивнула Лене головой, сказала: «Очень хорошо», и написала на доске: «Кузьминская».

«Что это за Кузьминская? — думала Оля, морща лоб. — Кажется, я уже знаю у них всех отличниц: Лена, Стелла, Катя Снегирёва, наша Настасья, Валя Ёлкина... А вот Кузьминскую, хоть убей, не помню...»

Ей почему-то и в голову не пришло, что Кузьминская — это и есть та самая Стелла, про которую так часто рассказывала

дома её сестрёнка. Настенька недолюбливала Стеллу, говорила, что она «воображает», и очень смешно показывала, как та щурится, улыбается одним уголком рта и медленно прогуливается по коридорам на перемене.

Но если Оля, которая всего две недели тому назад стала вожакой в четвёртом «А», недостаточно знала свой отряд, то девочки знали друг дружку очень хорошо.

Волна шороха пронеслась по рядам. Девочки стали оглядываться, перешёптываться. Многие вопросительно поглядывали на Лену, Катю, Настю...

Но Лена держалась уверенно и смотрела на подруг сквозь свои круглые очки с таким видом, как будто хотела сказать: «Да, я предложила её в совет и считаю, что это правильно».

Настя не сводила глаз с сестры — не то хотела подать ей какой-то знак, не то просто волновалась за неё. А Катя сидела, хмуро опустив голову, и о чём-то думала.

Наташа тихонько потянула её за рукав:

— Катя! А Катя!..

Но Катя ничего не ответила, словно не слыхала.

Наташа удивилась:

«Что это с ней? Неужели огорчилась, что её звено сегодня не похвалили?»

Но это было не так. Катя была озабочена, а не обижена. Она решала в уме две довольно трудные задачи.

«Как это я сама не могла догадаться, что девочки разбегаются оттого, что им скучно? — думала она. — И ведь сколько раз папа говорил: «Скучных дел не бывает — бывают скучные люди». Может быть, в звене у меня было скучно потому, что я сама скучная? Нет, все говорят — я весёлая. И ведь мне-то было интересно... Отчего ж это?..»

Вторая задача была не легче первой.

«Сказать или не сказать, что Стеллу не надо выбирать в совет отряда? — спрашивала себя Катя. — По-моему, она для этого совсем не подходит. А может, мне это только кажется, оттого что мы с ней никогда не дружили? Недаром же её так хвалит Лена! Стелла ведь и вправду такая способная, такая начитанная. С первого класса круглая отличница... Уж не завищую ли я ей?..»

А шорох и шопот в классе всё не утихали.

— Ну в чём дело, девочки? — спросила Надежда Ивановна, заметив беспокойство класса. — Если кто-нибудь из вас не согласен с Леной, пусть скажет, почему. Смело говорите своё мнение.

Девочки молчали. Некоторые подталкивали друг дружку, перемигивались, но ни одна не решалась выступить.

— Ну, значит, все четыре члена совета у нас выдвинуты, — сказала Оля. — Больше вы никого не хотите предложить?

И вдруг с одной из парт Катиного звена донёсся шопот, но такой отчётливый, что все услышали:

— Выберите меня!

Девочки оглянулись. Положив руку на грудь, рыженькая Ира Ладыгина смотрела на старшую вожатую и на Олю умоляющими глазами.

Надежда Ивановна, еле сдерживая улыбку, переглянулась с Людмилой Фёдоровной и с Олей. Оля засмеялась.

— Сами себя не выдвигают, — сказала она. — Нужно, чтобы твои подруги хотели тебя выдвинуть. А теперь, девочки, перейдём к голосованию. Давайте по алфавиту. Кто за Алиеву?

Все подняли руки.

— Все! — торжественно объявила Оля. — Единогласно. Кто за Зеленову? Тоже все. За Ипполитову? Тоже все. Кто за Кузьминскую?

Кто-то поднял руку, другие, подняв, сразу опустили и снова подняли, оглядываясь на подруг. И тут Катя решилась. «Не хочу быть несправедливой», — подумала она и твёрдо, уверенно подняла руку. Это решило дело. Все почему-то сразу успокоились, и целый лес рук поднялся над партами.

Оля пересчитала поднятые руки.

— А теперь — кто против?

Только две девочки подняли руки: Настенька да Ира Ладыгина.

— Против — меньшинство... Значит, совет отряда у нас избран. Теперь надо из членов совета избрать прежде всего председателя. Кого же мы изберём?

— Лену! Лену Ипполитову! — заговорили сразу со всех сторон.

— Кто за Кузьминскую? — спросила Оля.

— Нет, Лену надо бы в редакторы, — задумчиво сказала Валя Ёлкина. — Лена стихи пишет...

— Конечно, в редакторы! — уверенно подтвердила Зоя Алиева. — У неё и почерк хороший, и ошибок она никогда не делает.

— Лену выбрать редактором!.. Редактором! — зашумел класс.

Оля подняла ладонь:

— Тише, девочки! Ну, пусть Лена будет редактором. Но ведь мы сейчас не редактора, а председателя выбираем.

— А Нину Зеленову надо выбрать флажконосцем! — крикнула опять Валя Ёлкина. — Нина в председатели не годится — тихая слишком, а флажконосцем будет очень хорошим.

— Верно, верно! — заговорили все. — Нина пусть будет флажконосцем.

— Так кто же — председателем? — слегка растерявшись, спросила Оля. — Ипполитова — редактор, Зеленова — флажконосец, Алиева — староста... Значит, председатель — Кузьминская? Так, что ли?

— Конечно, Кузьминская, — поднимаясь с места и поправляя очки, сказала Лена Ипполитова.

— Почему это «конечно»? — сердито спросила Настенька.

— Да потому, что она круглая отличница, — спокойно ответила Лена. — Она учится лучше всех.

— Как это — лучше всех? — слышались голоса. — Лучше всех учишься ты!

Лена замотала головой:

— Ну что вы! У меня четвёрка по рисованию, а у Кузьминской и по рисованию пять.

Лена села на место. И тут поднялась сама Стелла. Щёки у неё горели. Видно было, что она волнуется.

— Я боюсь, что не справлюсь, — сказала она, искоса поглядывая на Настеньку. — И потом, у меня уроки музыки, уроки английского... Я и так очень занята.

— Все очень заняты, — сказала Оля, — но никто не отказывается из-за этого от общественной работы.

— Никто — никогда! — с убеждением сказала Валя Ёлкина. — Вот Нина Зеленова учится даже в этой... как её?.. в хо-

реогра... ну, в общем, в танцевальной школе, — а там очень трудно учиться, — и то она не отказывается.

— А Катя Снегирёва рисованию учится и в хоровом кружке участвует, — сказала Наташа.

— А Наташа дома всё хозяйство ведёт. Это потруднее хорового кружка, — сказала Катя.

— Ну, вот видите! — поддержала девочек Оля. — Значит, у Кузьминской нет особых причин отказываться. А что касается того, что она не справится, так ведь мы все ей поможем. Правда, девочки?

— Конечно, поможем! — сказала решительно Лена Ипполитова.

Оля положила на место мел.

— Ну, всё, — сказала она с облегчением и принялась вытирать платочком руки.

И тут с места встала Надежда Ивановна.

Лицо у неё было озабоченное и как будто не совсем довольное. На гладком лбу между бровей легла вкось морщинка. Но голос был спокойный, бодрый и даже весёлый.

— Вот вы и выбрали новый совет, девочки, — сказала она. — Очень хорошо. Доверяйте ему и помогайте чем можете. Если кому в голову придёт какая-нибудь интересная затея, выдумка, то сразу же об этом и скажите. Не ждите, чтобы всё за вас делали члены совета или звеньевые. Ну, а если надо будет что-нибудь придумать сообща или там посоветоваться, — приходите ко мне. Ясно?

— Ясно! — ответили хором девочки.

— Ну, желаю вам успехов! — Надежда Ивановна повернулась к Оле. — Олечка, мне надо с тобой кое о чём поговорить... Людмила Фёдоровна, если у вас найдётся несколько свободных минут, я бы и вас попросила заглянуть ко мне в пионерскую комнату.

— Хорошо, — сказала Людмила Фёдоровна. — Девочки, давайте уберём альбомы в шкаф, и без шума отправляйтесь одеваться. Пора по домам. Зоя! Я на тебя надеюсь!

Обе вожатые, а следом за ними и Людмила Фёдоровна вышли из класса. А Зоя со своей обычной добросовестностью стала поторапливать девочек:

— Ну, что ещё за разговоры? Завтра поговорим. Теперь домой пора!

Но девочки всё не расходились. Даже Стелла — и та медлила возле своей парты. Она, должно быть, чувствовала, что выбрали её словно по ошибке, и ей как будто хотелось поговорить с девочками. Но она почему-то так и не решилась ни с кем заговорить. Постояла, постояла и тихонько пошла из класса, помахивая своей красивой, необыкновенной сумкой.

Настенька Егорова с досадой поглядела ей вслед.

— Поплыла! — насмешливо проговорила она. — Нечего сказать, хорошего председателя выбрали! Даже в такой день ей не о чем с нами разговаривать. А всё ты виновата! — накинулась она на Лену Ипполитову. — Если бы ты не выскочила: «Кузьминская — такая, Кузьминская — сякая», её бы ни за что не выбрали. А уж от тебя, Катя, — она сердито нахмурила свои светлые, будто выгоревшие брови, — я этого никак не ожидала! Тянет руку чуть ли не до потолка... А сама всегда говорила, что Стелла — самая неактивная пионерка у вас в звене.

Катя смущённо отвела глаза:

— Я просто подумала, что ведь она и вправду очень развитая девочка... И потом, Лена зря не скажет.

— Конечно, не скажу! — Лена спокойно и уверенно кивнула головой. — И что ты, Настя, всё на неё нападаешь?

— Потому что воображает много.

— И ничего такого не воображает. Просто она немного странная, оттого что дома у неё очень плохая жизнь.

— Это у неё-то плохая жизнь? Вот уж ни за что не поверю.

— Да нет! — Лена досадливо поморщилась. — Я не говорю, что они плохо живут, они очень хорошо живут, но жизнь у них плохая.

— Что? Что? — Валя Ёлкина с удивлением смотрела на Лену. — Как это так: «живут хорошо, а жизнь плохая»?

— А вот так! — Лена значительно посмотрела на подруг. — Стеллу дома берегут, будто она стеклянная. Никуда не пускают, ничего не позволяют. Я-то знаю: мы в одном парадном живём, я к ней иногда захожу... Как она хотела в этом году в кружок юннатов записаться, плакала даже, — нет, не позволили! На экскурсии в музей и то не пускают.

— Неужели не пускают? — Валя Ёлкина круглыми глазами поглядела на Лёну. — А я думала: сама не хочет.

— Сама? Скажешь тоже! Да разве это может быть?

— Нет, не может, конечно, — рассудительно сказала Настя. — А почему всё-таки её не пускают?

— А потому, наверно, что её мама совершенно не понимает наших дел. Сама на экскурсии не ходила и Стеллу дома держит.

— Просто ужас! — сказала Катя.

— А я что говорю? — Лена достала из парты туго набитый портфельчик и деловито щёлкнула замком. — Вот я и подумала, — прибавила она, — что если мы выберем Стеллу в совет, то она — хочет не хочет — привыкнет к общественной работе, и мама её тоже, может быть, немножко перевоспитается.

— Ну, не знаю... Может быть, — с сомнением покачала головой Настенька. — Но я бы всё-таки больше хотела, чтобы председателем была ты.

СТАРШИЕ И МЛАДШИЕ

Лето и осень этого года были для Снегирёвых совсем не такими, как всегда.

Обычно, с тех пор как Таня перестала ездить в лагерь, Снегирёвы летом жили на даче. Они снимали под Москвой две комнатки с террасой, в сосновом лесу. Сергей Михайлович ещё весной уезжал в экспедицию, зато Ирина Павловна с детьми и бабушкой проводила на даче всё лето. Только отдыхать ей приходилось мало. Она в первый же день ставила на террасе столик с чертёжной доской и по целым часам рисовала эскизы для летних тканей — ромашки и маки на фоне неба, лесные ягоды среди зелёных листочков или просто какие-нибудь узоры. Иногда она уезжала в Москву, на фабрику, — сдавать работу, и тогда по вечерам дети ходили на станцию встречать её.

Бабушка нередко говорила Ирине Павловне:

— Поехала бы ты, Иринушка, куда-нибудь отдохнуть от всех нас. Хоть на две недельки путёвку бы попросила. А то и в прошлом году отпуск у тебя зря прошёл, и нынче так же пройдёт. Дома-то ведь без дела сидеть не будешь.

Ирина Павловна соглашалась, но когда подходило время отпуска, оказывалось, что ребята совершенно обносились и надо им кое-что пошить, что диван, на котором спит Таня, вытерся до неприличия и старую обивку необходимо заменить новой и что если осеннее пальто Ирины Павловны перелицевать, то его ещё можно будет носить год, а то и два. Подумавши, Ирина Павловна решительно заявляла, что не намерена звать портниху и обойщика: выйдет дороже и хуже. Она отодвигала в сторону лёгкий столик с чертёжной доской и ставила на террасе другой — потяжелее: со швейной машинкой. Это значило, что отпуск её начался. За неделю до его окончания она одна на несколько дней уезжала в город, и когда все возвращались с дачи в Москву, диван, к общему восторгу, был перебит, подоконники заново выкрашены белой, как снег, масляной краской, а над столом висел новый пёстрый абажур... Бабушка всплёскивала руками, покачивала головой и вздыхала:

— Золотые руки у тебя, Иринushка! А только отпуск опять пропал. Я же говорила...

Но в этом году всё пошло по-другому. Дачи не сняли, потому что на семейном совете ещё весной решили отправить Мишу за город с детским садом, а Катю — в пионерский лагерь («В лагере и вселей, — сказал Сергей Михайлович, — и для здоровья полезней, и с дисциплиной лучше»). После выпускных экзаменов уехала и Таня — на дачу к подруге. Все разъехались в разные стороны, и мама с бабушкой остались одни в городской квартире.

И вдруг, совсем неожиданно, Ирину Павловну премировали на фабрике путёвкой в Крым. Сначала она отказалась наотрез. Как уехать перед началом учебного года! А кто соберёт детей в школу? Нет, нет, ни за что! И думать нечего.

Но в фабкоме не стали и слушать её. «Езжайте — и всё тут! У вас взрослая дочь, и другие дети не маленькие, бабушка дома, проживут месяц и без вас».

И маме пришлось уехать за несколько дней до возвращения домой Тани, Кати и Миши.

Обычно, когда время подходило к осени, Ирина Павловна начинала готовить девочек в школу: удлинять им форменные платья, шить новые передники, покупать портфели — если ста-

рые бывали уже изношены. А в этом году у неё была такая срочная работа перед отъездом, что она не всё успела сделать для детей, и позаботиться о Кате и Мише теперь должна была Таня.

Как только они приехали домой, начались сборы в школу. Но что это были за сборы! В самый последний день, накануне первого сентября, Миша хватился, что у него нет пенала, и Таня помчалась покупать пенал перед самым закрытием магазинов. Миша плакал до тех пор, пока Таня не вернулась и не сунула ему в руки долгожданный пенал.

Катя хоть и крепилась, но тоже чуть не плакала: ей не хватало одного учебника — по географии, и к тому же Таня забыла купить ей белую ленту для кос. А в первый день учебного года к белому переднику полагается вплетать в косы белые ленты.

Всё в доме шло не так, как всегда. Особенно чувствовала это Катя в последнее время, приходя из школы домой.

Бывало — при маме — прибежишь и начнёшь рассказывать о классных делах. Ирина Павловна стоит, нагнувшись над чертёжной доской, но чуть разговор коснётся чего-нибудь важного, сразу поднимет голову. Даже кисточку отложит в сторону.

«Ну а ты — что? — спросит. — А она — что? А Людмила Фёдоровна — что?»

Станешь подробно рассказывать, а мама: «Нет, Катенька, ты неправа. Тебе надо было сказать то-то и то-то, и никого бы ты не обидела и сама была бы спокойна. А Людмила Фёдоровна не могла поставить Ане больше, раз она отвечала с запинками, и нечего было Ане обижаться». И пойдёт разговор с мамой — обо всём, обо всём! Мама всех девочек в классе знает по именам, и всех учителей, и нянечек. Недаром мама — член родительского комитета школы. К школьным спектаклям она помогает делать костюмы и декорации, и в школе говорят про маму, что она «свой человек».

Да и в самом деле — свой. Уж до того свой!..

А теперь, без мамы, некому рассказать про школу, не с кем посоветоваться, поделиться. С бабушкой не сговоришься. Ста-

нешь ей рассказывать, что Людмила Фёдоровна рассадила её с Аней, а бабушка: «Болтали, верно?» И уж обязательно какую-нибудь старую пословицу припомнит: «Слово — серебро, а молчанье — золото»; или: «Сболтнётся — не воротится». Начнёшь рассказывать ещё про какие-нибудь неприятности, а бабушка опять: «Ничего, перемелется — мука́ будет».

И никогда бабушка не расспросит, что же это за неприятности такие. Ей лишь бы только не двойка и не тройка. А остальное — всё ничего. «Перемелется да перемелется». А покажется бабушке, боже упаси, что у Кати или Миши насморк или кашель начался, и уже сразу — градусники, горчичники, как будто насморк или кашель важнее всех школьных дел!

Можно бы, конечно, поговорить с Таней, но ей всегда некогда. Начнёт Катя рассказывать ей что-нибудь, а она только усмехнётся: «Пустяки, ничего страшного».

А кому же приятно, если все его дела считают пустяками?!

И вот наконец до приезда Ирины Павловны осталось всего два дня.

Бабушка и Таня уже привели всё в порядок. Тётя Нюша, соседка со двора, вымыла окна. Кате оставалось только сложить книги на этажерке да убрать в ящиках стола и на подоконнике. Ведь от мамы ничего не скроешь — мама сразу заметит, где какой непорядок.

Возвращаясь из школы, Катя думала: «Сегодня какой день? Пятница. Значит, ещё один-единственный денёчек, и послезавтра рано утром поедem на вокзал встречать маму».

У Кати даже сердце на секунду замерло при мысли о том, какое это будет счастье — стоять на перроне и ждать того мгновенья, когда вдали покажется паровоз маминого поезда...

И Кате ясно представилось, как они все стоят на перроне. У Тани в руках — букет цветов. Медленно подходит поезд, и вот в окошке вагона — мама! Таня сразу ей — цветы в руки, а сама хватается мамин чемодан. А потом все садятся в машину «Победа», с шашечками на борту, и едут домой. Это уж Таня так решила — взять такси, чтобы со всеми удовольствиями! Заодно уж и Катя с Мишей покатаются...

Катя ускорила шаг. Скорей, скорей домой! Надо прибрать всё так, чтобы мама осталась довольна.

Открыла Кате бабушка. В передней было темно (должно быть, перегорела лампочка).

— Бабушка, — сказала Катя, сбрасывая пальтишко, — я сейчас примусь за уборку. А то времени мало осталось.

Бабушка усмехнулась:

— Что ж, лучше поздно, чем никогда.

— Да почему же поздно? Ведь ещё только послезавтра мама приедет. До послезавтра столько всего сделать можно!..

— Нет, боюсь, что не успеть тебе, Катюша, — сказала опять с усмешкой бабушка.

В голосе её Кате послышалось что-то странное — таинственное, добродушно-насмешливое... Катя встревожилась, заторопилась в комнату и в темноте наткнулась на что-то большое, твёрдое.

— Ой, что это? Чемодан!..

Ещё не веря себе, Катя подбежала к вешалке, и, хотя в передней было почти совсем темно, глаза её сразу различили — вернее, угадали — знакомый серенький плащ.

— Мама! — вскрикнула Катя не своим голосом и в тот же миг уткнулась в маму. Уткнулась и повисла у неё на шее.

— Мамоchка, мусенька, — говорила Катя, целуя её, — мы так мечтали поехать на вокзал — встречать тебя! Почему ты приехала раньше?

— Так ведь сегодня же день рождения бабушки, — сказала Ирина Павловна. — Вы что, забыли? — Она с ласковым упрёком посмотрела сперва на Катю, а потом на Мишу (Катя только теперь его заметила: он стоял, подсунув голову под мамину руку).

— Бабушкино рождение? — Миша так удивился, что даже вытащил голову из-под маминой руки и заглянул ей в лицо. — А я и не знал, что у бабушки тоже бывает рождение.

— А я знала, конечно, — сказала Катя, — только у меня совсем вылетело из головы. Что же теперь делать? Ведь мы ей никакого подарка не приготовили.

— Нехорошо, конечно, — сказала Ирина Павловна. — Ну, да так и быть. Я привезла ей с юга большой шерстяной платок. Скажем, что это от нас всех. А теперь идёмте распаковывать

мои вещи. Я хочу угостить кое-чем вкусным и бабушку, да и вас заодно.

И, опустившись на колени, Ирина Павловна принялась вынимать из плетёной корзинки узкие, твёрдые, похожие на стаканчики крымские яблоки, тяжёлые нежные груши в жёлто-коричневой веснушчатой кожице и посыпанные опилками большие прозрачные кисти винограда.

Катя прижалась щекой к маминой загорелой руке:

— Мусенька, да какая же ты хорошая! Ты разве не устала с дороги?

— Нет, я славно выпалась в вагоне, — ответила Ирина Павловна.

И на самом деле, она делала всё так быстро, ловко, как будто ни чуточки не утомилась от двухдневного пути. Тёмные волосы её были гладко, аккуратно причёсаны, и вся она была, как всегда, бодрая и свежая.

Ирина Павловна положила на тарелку несколько яблок, груш и длинную тугую кисть винограда.

— Вот, Мишенька, — сказала она, — отнеси бабушке и помоги ей помыть.

Миша ушёл, а мама притянула дочку к себе:

— Выглядишь ты хорошо, моя девочка. Ну расскажи, как было в лагере?

— Нет, раньше ты расскажи. Про море. Какое оно?

— Потом всё расскажу... Ну как вы без меня жили? Кто тебя тут причёсывал?

— Сама! — сказала Катя и хитро посмотрела на маму. — Я научилась сама заплетать косы.

Ирина Павловна засмеялась:

— Ну, сразу и видно, что сама — вон куда пробор заехал...

У неё так ярко блеснули зубы, что Катя даже удивилась маминому загару.

— Мусенька, а ты привезла ракушки?

— Привезла — и ракушки и камешки. Ну, давай распакуем чемодан и заодно обо всём поговорим.

— Да-да, мамочка, поговорим! — подхватила Катя. — У меня столько всего накопилось!..

Мама вышла из комнаты и вернулась, неся свой чемодан.

Она поставила его на стул. Щёлкнул блестящий металлический замочек, и крышка открылась.

— Ну, рассказывай, — напомнила Ирина Павловна, осторожно вынимая из чемодана аккуратно сложенные в нём вещи и развешивая на спинки стульев летние платья. Она протянула Кате коробочку, всю обклеенную, как чешуёй, ракушками. В коробочке оказались отполированные морскими волнами камешки. Одни были круглые, похожие на картошку, другие — овальные, как яйцо, третьи — плоские, гладкие, как маленькие плитки шоколада.

Катя не знала, на что смотреть раньше.

— Ой, какие красивые, гладенькие камешки! — говорила она, перебирая их в руках. — А это шляпа? Какая огромная!

Ирина Павловна вынула из чемодана мягкую войлочную шляпу. Катя сразу же надела её на голову и оказалась под шляпой, словно под крышей.

— Это от солнца, — сказала мама. — Ну выкладывай, что у тебя тут без меня «накопилось».

— Без тебя было плохо, — донёсся голос из-под шляпы. — Я так скучала без тебя! Ты понимаешь, мамочка, тебе всегда всё интересно, а бабушке начнёшь рассказывать, а она ничему не удивляется. Ну, решительно ничему!

В комнату вбежал Миша.

— Бабушка не позволяет есть виноград! — сказал он разочарованно. — Говорит, скоро — обед.

— И правильно, — сказала Ирина Павловна. — Я совсем забыла. Вот и тебе, Мишенька, коробочка с ракушками и камешками. Пойди поиграй, а мы тут с Катей поговорим.

Миша заглянул Кате под шляпу:

— Какая смешная шляпа! Как зонтик! А можно и мне её поносить?

— Можно. По очереди, — сказала Ирина Павловна. — А пока иди.

Миша, взяв подарок, убежал показывать его бабушке, а мама спросила:

— И это всё, что у тебя «накопилось»?

— Нет, мамочка, — донеслось опять из-под шляпы. — Я тебе должна сказать ещё самое главное. Очень плохое!

Мама присела на стул возле чемодана:

— Ну? Что случилось?

— У нас с Таней... испортились отношения.

— Что? — удивилась Ирина Павловна. — Как же это они могли так сразу испортиться?

— А очень просто. С тех пор как Таня стала студенткой, она так воображает! Только станешь ей что-нибудь рассказывать, а она на часы смотрит. То ей в читальню надо, то на лекцию, то к подруге, то ещё куда-нибудь. Скажешь ей: «Мне надо тебе что-то рассказать», а она: «Потом, сейчас не могу». Всегда, всегда ей некогда, и все мои дела для неё — пустяки. Ну вот ты не поверишь — я осталась без учебника географии. Новый предмет, такой трудный, столько названий разных, а я должна заниматься книжку у девочек... Уж сколько раз я Тане жаловалась, а она всё только обещает да обещает...

Рассказывая, Катя и на самом деле почувствовала, как у неё растёт обида на Таню. По-настоящему она с Таней не ссорилась, но сейчас просто очень приятно было рассказывать маме, как трудно жилось без неё, и видеть, что мама, и не говоря ничего, отзывается на каждое слово.

Ирина Павловна слушала серьёзно, внимательно, но потом потёрла глаза — один, другой, и тут Катя заметила, что мама всё-таки устала с дороги, что ей хочется спать, и ещё поняла, что огорчила её.

— Нет, Катенька, — сказала Ирина Павловна, снимая с неё шляпу и приглаживая ей волосы, — ты напрасно обижаешься на Таню. Ты тоже должна понять, что ей сейчас нелегко в новой обстановке. Нужно привыкнуть к профессорам, студентам... Учиться в институте не так-то просто, ты не думай! Это в школе учителя заботятся о каждом ученике, а в институте всё надо самому — и конспекты составлять по книгам и лекции записывать... Если уж хочешь говорить серьёзно, то раньше Таня о тебе всегда заботилась, а теперь ты сама должна подумать о ней.

В эту минуту из передней донёсся звонок.

— Наверно, это она! — обрадовалась мама. — Подожди, Катюша, я сама открою.

Она быстро пошла, почти побежала к дверям, но дверь открылась не сразу. Ключ почему-то сейчас не поворачивался в

руках у Ирины Павловны, хоть руки у неё были такие уверенные, ловкие — «золотые».

— Танюша, ты? — спросила она, и за дверью сейчас же раздался такой неистовый, счастливый вопль, что даже бабушка в кухне услышала и, прибежав, помогла маме справиться с непослушным ключом.

Это, конечно, была Таня. Она крепко обняла свою маму — и тут только заметила, что почти доросла до неё.

— Ну что у тебя в институте? — спросила Ирина Павловна, с улыбкой глядя на свою почти уже взрослую дочь.

— Скоро стипендию получу! — с гордостью ответила Таня. — А пока я заняла у бабушки немного денег... — Таня оглянулась и добавила шопотом: — На подарки.

— Кому же подарки? — спросила мама.

— Прежде всего самой же бабушке, — всё так же тихо ответила Таня. — Ведь сегодня её рождение.

Вместе с мамой она пошла в комнату и положила на стол свой портфель. Катя и Миша сразу оказались тут как тут, словно только и ждали этой минуты.

Таня вынула из портфеля узкую длинную коробочку и протянула её брату.

— Это тебе, — сказала она, — цветные карандаши.

— А бабушке что? — спросил Миша.

— Сумочка, — сказала Таня. — А то на бабушкину смотреть страшно.

Катя и Миша осторожно погладили чёрную, блестящую сумочку.

— А вот это тебе, Катюша. Учебник географии. Наконец-то удалось достать. Уже четвёртый раз в магазин забегаю.

Катя покраснела.

— Ой, спасибо! — тихонько сказала она, боясь встретить мамин взгляд, и взяла в руки новую книжку. На серовато-голубоватом переплёте были нарисованы высокие сосны, зелёные ёлочки, жёлтые берёзки и мягко синела гладь реки.

— А это ещё один маленький подарок Кате, — сказала Таня, вынув из портфеля что-то завернутое в бумагу.

— Опять — мне?

Катя ещё больше смутилась.

Из свёртка выпала, разворачиваясь и мягко струясь, белая атласная лента.

— Красивая какая! — прошептала Катя.

Таня посмотрела на Ирину Павловну:

— Понимаешь, мамочка, скоро у нас в школе большой вечер. Медали будут давать. И вот я подумала, что у Кати нет хорошей ленты.

— При чём же тут Катя? — улыбаясь, спросила Ирина Павловна. — Ведь медаль, насколько мне известно, будешь получать ты, а не Катя.

— Да, но нам сказали, что пригласят по несколько учениц из каждого класса. Хороших, конечно. И прежде всего тех, у кого сёстры — медалистки. И бабушку нашу пригласили. И, конечно, тебя, мамочка.

Катя захлопала в ладоши.

А Миша подумал и спросил:

— И меня?

Мама и Таня переглянулись. А Катя сказала:

— Правда, мамочка, возьмём его с собой.

Мама пожала плечами:

— Не знаю, Мишенька. Как-то неудобно... Получится вся семья.

Миша нахмурился.

— Да-а, — протянул он, — когда вы все — так не семья, а когда со мной — так уже семья?

Кате стало жалко Мишу.

— Знаешь, Мишенька, — сказала она, — там будет неинтересно!

— Ну и пускай! — проговорил Миша, и у него задрожал подбородок. — Я очень люблю, когда неинтересно!

Мама притянула его к себе:

— Не горюй, сынок! Помнишь, папа говорил, уезжая, что он на тебя надеется. Ты ведь теперь единственный мужчина в доме и должен вести себя мужественно. Разве ты видел когда-нибудь, чтобы папа плакал по пустякам?

— Он вообще не плачет, — сказал Миша.

— И ты вообще не плачь. Ну, Танечка, расскажи, что слышно у тебя?

В этот день Ирина Павловна и дети никак не могли наговориться друг с другом.

— Ох, мамочка, сколько у меня всего накопилось! Без тебя так трудно жилось!

— И у тебя «накопилось»? — улыбнулась мама и, чуть прищурившись, посмотрела на Катю. — И тебе трудно жилось?

Катя отвела глаза, взяла свою книжку, ленту и потихоньку вышла из комнаты.

«Ладно, — подумала она, — пусть уж теперь Таня рассказывает».

В этот день Ирина Павловна и дети никак не могли наговориться друг с другом.

Когда все уселись за стол обедать, она вспомнила, что Миша ещё ничего не успел рассказать.

— Ну что, Мишенька, — спросила она, разливая суп по тарелкам, — нравится тебе школа?

— Ничего, нравится, — ответил Миша. — Я уже получил целых три отметки! А другие мальчики — только по две или по одной.

— Какие же у тебя отметки?

— Просто пять, пять с минусом и четыре с плюсом! — гордо сказал Миша.

Все засмеялись. Но Миша этого даже не заметил.

— Школа у нас — такой большой-большой дом, — говорил он с жаром, размахивая ложкой, — но там никто не живёт, а все только учатся.

— А с кем тебя посадили? С хорошим мальчиком?

— Сначала с хорошим, а потом с плохим.

— Почему же с плохим? — удивилась Ирина Павловна.

— Чтобы я учил его хорошему.

— А чем же этот мальчик плохой?

— Он на уроке завтракает.

Все опять засмеялись.

— Он на уроке завтракает, а ты за обедом разговариваешь, — заметила бабушка, — и ложкой размахиваешь. Значит, и ты не очень-то хороший.

На минуту за столом стало тихо. Но Ирина Павловна сама уже не могла удержаться, чтобы не спросить:

— А из детского сада, с дачи, не жалко тебе было уезжать?

— Очень жалко! — сказал Миша. — Только я хотел скорей домой.

— И мне тоже под конец захотелось домой, — сказала Катя. — Я очень обрадовалась, когда увидела Таню из окошка нашего автобуса. Она как раз возле твоей фабрики меня ждала. Там и все родители собрались.

— Знаешь, мамочка, как было всё торжественно! — перебила сестру Таня. — Ребятам встречали с музыкой. Представь себе — духовой оркестр играет, и вдруг подкатывает новенький

автобус. Из всех окошек пионеры выглядывают — загорелые, чёрные, как воронята, а в руках целые снопы полевых цветов. И вот смотрю: наша Катюшка выскакивает. Выскочила — и прямо мне на шею. «Распишись, — говорит, — что меня получила». Как будто она телеграмма или груз какой-нибудь.

— Не какой-нибудь, а очень ценный, — сказала Ирина Павловна, хлопывая сидящую с ней рядом дочку по спине. — Потому и с музыкой встречали. Ну, «вся семья», доедайте котлеты, на сладкое у нас — пирог.

— А какой? — спросила Катя. — С чем?

Она знала, что бабушка всякий праздник отмечает каким-нибудь пирогом: день рождения детей — обязательно кренделем, день рождения папы и мамы — слоёным пирогом, ватрушкой или даже настоящим — точно из кондитерской — тортом. А вот какой пирог приготовила она ради своего рождения?

— Знала бы, что мама приедет, — сказала бабушка, — испекла бы что-нибудь лучше. А так — просто пирожок с повидлом.

— Самый мой любимый, — сказал Миша.

Бабушка погладила его по голове:

— Ты у меня молодец. Что ни дай ему — всё у него самое любимое. Нарежь, Иринушка.

Ирина Павловна придвинула к себе блюдо с пирогом, на минутку задумалась и потом уверенно и решительно провела ножом по румяной корочке.

— Ну что ж, придвигайте тарелки, отпразднуем день рождения бабушки.

Бабушка вздохнула:

— Какой тут праздник без папы! Вот если бы и он дома был! Правильно говорит пословица: «Семья вместе — душа на месте».

— Ничего не поделаешь, — сказала мама. — Уж придётся нам этот пирог без него съесть... А когда он приедет, другой испечём.

— Он с капустой любит, — сказал Миша.

Катя замотала головой:

— Нет, с яблоками.

— И с яблоками испеку и с капустой, — успокоила их бабушка. — Только бы приезжал поскорей.

ТАНИН ПРАЗДНИК

Настал день Таниного праздника. Уже с самого утра Катя волновалась так, словно медаль и в самом деле предстояло получить не Тане, а ей. Людмила Фёдоровна сказала вчера, что хорошо было бы, если бы Катя на школьном вечере поздравила сестру. И Катя, придя из школы, начала придумывать своё выступление.

Дома была та весёлая суета, которая всегда бывает перед большими праздниками. Таня гладила, мама на кухне месила тесто, бабушка взбивала белки, а Катя в большой комнате колола для торта грецкие орехи. Ради Таниной медали бабушка решила испечь свой самый знаменитый «новогодний» торт.

Все были заняты, и Катя, не стесняясь, могла говорить вслух всё, что придёт в голову.

— «Дорогая сестра, поздравляю тебя!» — повторяла она, делая ударение на каждом слове и щёлкая щипцами орехи. — «Обещаю тебе учиться...» Нет, не так! — Она поморщилась, нажимая на щипцы. — «Обещаю тебе, что буду учиться так же, как ты, и тоже получу золотую медаль». Золотую! А вдруг никакой не дадут? «Обещаю тебе учиться только на пять».

Катя вздохнула. Приветственная речь не получалась. Надо было немножко подкрепиться. Она отправила в рот половинку ореха, но орех оказался горьким, и пришлось съесть ещё два, чтобы заглушить горечь.

«Что же делать? — думала Катя. — Что сказать?»

Советоваться со своими ей не хотелось. Не спросишь ведь: «Таня, как мне тебя поздравлять?» Она скажет: «Не надо никак». У мамы спросить? Тоже как-то неловко... «Спрошу у Людмилы Фёдоровны», — решила Катя.

Она отнесла на кухню две тарелки — одну с ядрышками, другую со скорлупой, — умылась, причесалась, надела белый передник и с белыми пышными лентами в косах пошла в школу. Ждать, пока выберется из дому «вся семья», было выше её сил.

Несмотря на ранний час, школьный зал был уже заполнен школьницами. В первом ряду перед сценой чинно сидели со своей учительницей самые маленькие — первоклассницы. Их было семь, и каждая из них держала в руках по букету цветов.

Катя обошла весь зал, ища глазами Людмилу Фёдоровну. Учительницы нигде не было.

Стали собираться гости. Вера Александровна, директор школы, встречала гостей. Среди них был один, очень высокий человек со звездой Героя на светлосером пиджаке.

— Артёмов! — строго и чуть улыбаясь сказала ему пожилая учительница в очках. — Почему ты явился без пионерского галстука?

— Простите, Марья Семёновна! — ответил высокий, вытянувшись перед ней, как провинившийся школьник, и шаря в кармане. — Я не успел его выгладить к празднику...

Все засмеялись. А Вера Александровна пошла навстречу новым гостям. Тут было много незнакомых Кате людей, и вдруг она увидела своих — маму, бабушку и Мишу (всё-таки пришли всей семьёй!). У бабушки на плечах была старинная кружевная шаль, а в руках — новая сумочка. Вера Александровна усадила бабушку и Мишу в первом ряду, а маму взяла под руку и увела на сцену, где уже собрались за длинным столом, накрытым красной скатертью, учителя и гости.

Катя пробралась к своим одноклассникам. За рядами стульев, где расселись гости, на скамьях лесенкой выстроились школьницы: впереди — поменьше ростом, за ними — побольше, а у стены — самые большие.

Внезапно наступила тишина. Пронёсся шопот: «идут!» — и в зал одна за другой вошли семь девушек — семь медалисток. Среди них шла и Таня.

На сцене и в зале все поднялись и стоя захлопали. Девушки совсем смутились и поглядывали друг на друга, не зная, что им теперь делать. Наконец зал утих, и медалистки прошли на приготовленные для них места.

И странное дело, в эту минуту Кате почему-то стало жалко Таню. Ей вспомнилось, как перед выпускными экзаменами Таня говорила, что она «ровно ничего не знает», и всё расстёгивала и застёгивала пуговку под воротничком. Ей вспомнилось, сколько дней Таня просидела за книгами и тетрадями, и сейчас, может быть, в первый раз Катя по-настоящему поняла, как много терпения и труда нужно было потратить Тане и её подругам, для того чтобы заслужить право на сегодняшний праздник.

А тем временем Вера Александровна уже успела поздравить своих бывших учениц.

— Я не сомневаюсь, что им предстоит большая, интересная, полезная жизнь, — сказала она. — Из стен нашей школы вышло немало людей, которыми гордится вся наша страна. Вот и сейчас среди наших гостей находится наш бывший ученик, Герой Советского Союза — Андрей Артёмов.

Весь зал так и загремел. Школьницы хлопали изо всех сил. Андрей Артёмов встал и, обернувшись к Вере Александровне и к учителям, тоже захлопал.

Катя оглядывалась по сторонам, ища глазами Людмилу Фёдоровну, но её почему-то всё ещё не было...

«Дорогая сестра!» — начала Катя снова сочинять в уме своё поздравление, но волна новых аплодисментов заставила её прислушаться к тому, что делалось на сцене. Это приветствовали завуча Марью Семёновну.

Суховатая и резкая, Марья Семёновна была грозой всей школы. Её все боялись, но в то же время и уважали, а самые старшие, дойдя до последнего класса, обычно начинали её крепко любить. Поправив на носу очки, Марья Семёновна поднесла к глазам какую-то бумагу и начала читать вслух:

— «Выписка из приказа по Московскому городскому отделу народного образования...»

И когда Катя услышала:

«За выдающиеся успехи и отличное поведение наградить золотой медалью

Снегирёву Татьяну Сергеевну», —

она очень удивилась, что Таня вдруг стала «Татьяной Сергеевной» и что о ней знают в Московском городском отделе народного образования.

Кончив читать приказ, Марья Семёновна дрогнувшим голосом сказала:

— Мне трудно сейчас говорить. Вы и без слов понимаете...

Она махнула сердито рукой и, вынув платок, протёрла стёкла очков.

Из-за стола поднялся старый учитель. Он подошёл к краю сцены и, опираясь на палочку, тихим голосом начал:

— Ну что же сказать вам? Я не умею красно говорить. Ведь я — математик...

И он должен был остановиться, потому что раздались аплодисменты, хотя он ничего ещё не успел сказать.

— Сейчас осень, — продолжал он. — Правда, только по календарю. А на самом деле погода стоит такая, как весной. И здесь — весна. — И старый учитель посмотрел на девушек-медалисток. — Настоящая весна.

И ещё он сказал, что некоторые из его учениц выбрали профессию математиков и что он этому искренне рад.

«Он-то рад, — подумала Катя, — а вот им каково? Всю жизнь задачи решай! Нет, я бы ни за что не согласилась».

А между тем учителя один за другим вставали перед своими ученицами. Преподавательница литературы, которую в школе все называли «литератор», сказала, что для учителя самая большая награда за его труд — это радость видеть, как растёт человек, как он идёт всё дальше и дальше.

Наконец настала самая торжественная минута. Вера Александровна и Марья Семёновна сошли по ступенькам в зал и встали у маленького столика — слева у сцены. И тут только Катя заметила, что на столике разложены красные коробки.

— Логинова Лидия — золотая медаль! — объявила Марья Семёновна.

И Танина лучшая подруга, Лида, с длинными светлыми косами, в синем бархатном платье, подошла к столику. Вера Александровна протянула ей коробочку, пожала руку, и Лида уже хотела убежать, но Марья Семёновна вернула её обратно:

— Расписаться забыла!

Лида взяла ручку и нагнулась над столиком, и как раз в это время к ней подошла одна из первоклассниц с букетом.

— Я хочу сказать поздравление, — проговорила она, и все, затаив дыхание, прислушались.

Лида, улыбаясь, смотрела на первоклассницу, похожую на большую куклу в школьной форме.

— Дорогая девочка! — продолжала первоклассница, закинув голову. — Горячо поздравляю тебя с весёлой наградой!

— С весёлой? — улыбаясь, переспросила Лида.

— С высокой, — подсказал шопотом кто-то из учителей.

— С высокой, — спокойно повторила первоклассница и начала снова: — Дорогая девочка! Горячо поздравляю тебя с высокой наградой — с золотой и серебряной медалью!

— Сразу с обеими? — засмеялись в зале.

— Желаю тебе, — продолжала девочка, несколько не смутившись, — в вашей будущей жизни...

Весёлый смех заглушил последние слова её «речи». Она спокойно посмотрела по сторонам и пошла на место, унося с собой букет.

— Цветы, цветы отдай! — закричали ей со всех сторон.

Девочка вернулась и сунула Лиде в руки цветы.

Катя тихонечко слезла со скамейки и прошла вперёд. Она знала, что теперь уже совсем скоро ей придётся выступать. Ей было и страшно и весело. «Ну, если первоклассницы не боятся, то мне и подавно нечего», — решила Катя.

Наконец вызвали к столу Таню. От радости и волнения Таня, так же как и Лида, забыла, конечно, расписаться, и для неё, так же как и для Лиды, нашлась «пара» — маленькая первоклассница. У этой была тёмная чёлка на лбу, а на голове — пышный бант. Белый передник её торчал спереди пузырём.

— Дорогая девочка! — сказала баском первоклассница и вдруг замолчала.

— Ну что, маленькая? — спросила Таня, не зная, как ей помочь.

— Я... — начала опять первоклассница, — я... я... букет!

И она протянула Тане цветы, но не ушла, а продолжала стоять, закинув голову.

— Иди, иди на место! — донёсся шопот со сцены.

Первоклассница оглянулась, сказала спокойно:

— Отдала!

И, сообразив наконец, что больше от неё ничего не требуется, убежала.

А Таня, обхватив одной рукой цветы, а другой прижимая к себе красную коробочку с медалью, оглядела весь зал и прерывающимся от волнения голосом начала:

— Я не готовилась к своему выступлению...

— Вот и хорошо! — сказал старый учитель.

Таня засмеялась и вздохнула. Катя хорошо знала эту привычку старшей сестры — волнуясь, вздыхать и смеяться попеременно.

— Не падай духом, Танюша! — подбодрила её Вера Александровна. — Говори смелее!

— Я и не падаю, — сказала Таня и перевела дыхание. — Мне хочется сказать вам, Вера Александровна, и вам, Марья Семёновна, и вам, Виктор Петрович, и всем, всем учителям нашим — спасибо за всё! — Таня опять перевела дыхание. — Я в детстве хотела обязательно стать лётчицей. Как Марина Раскова. Потом мечтала стать артисткой. Но вот прочла книги великого русского педагога Ушинского, Макаренко, стала приглядываться к труду учителей в нашей школе — и поняла, какой это увлекательный и благородный труд... труд учителя. — Она хотела ещё что-то сказать, но вдруг встряхнула головой и неожиданно закончила: — Ну, в общем...

И все поняли, что это «ну, в общем» значит, и дружно захлопали. Таня уже собралась убежать, но тут она увидела рядом с собой Катю и с удивлением на неё посмотрела.

— Дорогая сестра! — начала Катя прерывающимся от волнения голосом и, увидев, что бабушка плачет, растерялась. Она секунду помолчала и снова начала, но совсем не теми словами, которые она придумывала дома. — Танечка, — сказала она, — поздравляю тебя! Я знаю, как ты умеешь учиться. И всего добиваться. А вот я ещё так не умею... Но я постараюсь.

Таня чуть-чуть улыбнулась.

— Нет, правда, постараюсь! — сказала Катя. — Вот увидишь...

Вокруг зашумели аплодисменты. И Катя, забыв, что она ещё хотела сказать, не оглядываясь, побежала на место.

Когда же она немножко успокоилась, то увидела, что раздача медалей уже кончилась и Вера Александровна и Марья Семёновна опять заняли свои места за столом президиума.

— А теперь, — сказала Вера Александровна, обращаясь к залу, — у нас будет урок. Да-да, не удивляйтесь, — самый настоящий урок! Представьте себе, что мы не в зале, а в классе, и что перед нами доска. Предлагаю учителям вызвать кого-нибудь из своих бывших учеников, и пусть они расскажут, при-

годились ли им в жизни наши уроки. И я надеюсь, — Вера Александровна поглядела с улыбкой на сидящих за столом учителей, — что вы на этот раз будете не слишком строгими. Виктор Петрович, начните-ка вы.

Старый учитель вынул из кармана записную книжечку, заглянул в неё, словно в классный журнал, и вызвал:

— Артёмов, прошу к доске!

Андрей Артёмов кивнул головой и, улыбаясь, поднялся с места. Он не пошёл к трибуне, а чуть облокотился на спинку стула и начал просто и непринуждённо:

— Мне особенно приятно выступить сегодня на вашем вечере потому, что я сам учился в этой школе и окончил её. Это ещё было до войны. Когда на нашу страну напали гитлеровские полчища, мне пришлось воевать. А когда война кончилась, я поступил в Строительный институт и вот теперь участвую в строительстве одного из самых больших зданий в Москве — нового здания университета...

Андрей говорил так, словно ничего особенного не было в его судьбе: воевал... работаю... Дело обычное! Все воевали и все работают...

Но когда он окончил, старый учитель сказал:

— Молодец. Пять с плюсом!

РАССКАЗ О ГЕРОЯХ

На следующий день, в воскресенье, с утра до ночи лил дождь. Но и этот день всё равно был очень хороший. Все были дома — и старшие и младшие. Таня никуда не торопилась, долго разбирала свои школьные тетрадки и одну из них — самую красивую, «общую», в коленкоровом переплёте и ещё нетронутую, только с надписью на первом листке: «Т. Снегирёва», — подарила Кате. А после вечернего чая все долго сидели за столом, рассматривали Танину медаль, говорили про учителей и вспоминали о том, что было на школьном вечере. И было даже как-то особенно уютно оттого, что по стёклам змеились искристые полоски дождевых капель и форточка поскрипывала от ветра.

— После вашего ухода, — продолжала Таня, неторопливо перемывая чашки, — мы опять танцевали, как летом на выпускном балу. Только не так долго...

Ирина Павловна, с чайным полотенцем в руках, ждала, что Таня протянет ей чашку. Но Таня всё ещё вертела и вертела её в полоскательнице.

— А потом, когда все стали расходиться, — продолжала она, — мы вышли втроём: Лидка, я и Андрей Артёмов...

— Дай же мне чашку, Танюша, — сказала мама. — Ну, вышли вы втроём... А дальше?

— Вышли мы с Андреем Артёмовым, — повторила Таня, протягивая маме чашку. — Помните, кто этот Артёмов? Тот самый Герой Советского Союза, который нашу школу кончил и теперь строит университет на Ленинских горах. Вот, значит, выходим мы, а Лидка моя — она смелая — прямо с места в карьер и спрашивает его: «За что вы получили Героя?» — «За дела боевые», — отвечает Андрей. А Лидка опять: «Почему же вы ничего не рассказали нам об этом на вечере?» — «Ну, знаете, — говорит Андрей, — на таком весёлом празднике больше хотелось говорить о мирных делах». — «Ну, а теперь о войне расскажите!» — попросили мы с Лидой. Андрей сначала отказывался: «Лучше расскажите что-нибудь вы, это будет повеселее». Но мы пошли на хитрость. Начали расспрашивать его о том о сём, он нечаянно разговорился и всё нам рассказал. Потом, на прощанье, шутил. «Вы, — говорит, — меня штурмом взяли». Ночь была удивительно тёплая. Мы долго-долго ходили с ним по улицам, по набережной, и Андрей всё рассказывал. Да только мне так хорошо не рассказать.

— Ничего, всё равно Расскажи! — попросили Катя и Миша.

— Ну ладно, — сказала Таня. — С чего же он начал? Ах да, с университета... Знаете, это будет целый город науки! Уже сейчас можно увидеть издали его стальной каркас. Андрей — инженер, вот он этот самый каркас и строит. И знаете, он с таким жаром рассказывал нам об этой стройке, а потом вдруг задумался на минутку и говорит: «Эх, горько подумать, что не дожил до этих мирных дней, до этого строительства товарищ мой Алёша Решетников! Как бы он радовался! Ведь мы вместе собирались поступить после войны в Строительный институт».

Мы с Лидой говорим: «Расскажите про вашего товарища». Вот он нам и рассказал.

— А теперь ты нам Расскажи! — решительно потребовал Миша.

Таня кивнула головой.

— С Алёшой Решетниковым, — сказала она, — Андрей познакомился и подружился ещё в танковом училище. Они поступили туда сразу же как только началась война. Оба потом попали на Ленинградский фронт, и оба участвовали в прорыве блокады.

— Как это — «в прорыве блокады»? — спросил Миша.

Таня поглядела на Мишу и Катю:

— Ленинград был окружён врагами, понимаете?

— Ага, — сказал Миша.

— Ну, вот прямо как будто железное кольцо сдавливало его со всех сторон. Люди жили без воды, в холоде, в темноте. Хлеб и другую еду доставляли на самолёте. А сколько же можно доставить на самолётах? Конечно, самую малость... Но, несмотря ни на что, Ленинград не сдавался.

Таня рассказывала, а Ирина Павловна перетирала чашки и думала о том, что недаром её старшая дочка решила стать учительницей. Как она хорошо — спокойно и просто — умеет разговаривать с детьми. Ребята отлично её слушают — слово бояться проронить. А чем лучше слушают они Танин рассказ, тем лучше рассказывает и Таня.

— И вот пришло время перейти от обороны к наступлению, — торжественно сказала Таня и строго поглядела на Катю и Мишу. — Это наступление должно было прорвать блокаду. Накануне, одиннадцатого января, Андрея и его товарища Алёшу приняли в партию. Андрей говорит, что они просто не могли уснуть в ту ночь. Алёша был сдержанный, молчаливый и даже с Андреем застенчивый. Но в ту ночь он много рассказывал Андрею о своей жене и маленьком сыне.

— У него был мальчик? — подхватил Миша. — А как его звали?

— Серёжа, — ответила Таня.

— А сколько ему было лет? — спросила Катя.

— Года три, кажется.

— Ещё маленький, — сказал Миша. — А где он жил?

— До войны они жили где-то под Москвой, — продолжала Таня. — Алёшина жена работала на заводе. А когда началась война, завод эвакуировался на Урал, и Алёшина жена тоже уехала туда с Серёжей. Алёша первое время столько получал писем от жены, что у них в части даже немножко завидовали ему. И вдруг письма перестали приходить. Алёша написал на уральский завод, и ему ответили, что жена его тяжело заболела. А потом пришло письмо, что она умерла.

— Ой! — вскрикнула Катя. — А как же Серёжа?

— Серёжу взяли в детский дом.

— В какой?

— погоди, Катюша, — прервала её мама. — Рассказывай по порядку, Танечка.

— Хорошо, только пусть Катя и Миша меня всё время не перебивают, — сказала Таня. — Вот я и забыла, на чём остановилась.

— Серёжу взяли в детский дом, — подсказала Катя тихонько.

Таня призадумалась.

— Ну да, только я ведь не на этом остановилась.

— Ты рассказывала про ночь накануне наступления, — подсказала Ирина Павловна.

— Да-да. Всю эту ночь Андрей и Алёша говорили о том, что будет, когда кончится война, — как они вернутся в Москву, как будут учиться, работать, а по праздникам ходить в Большой театр, в оперу. Думали, какая будет хорошая жизнь, когда кончится война. А на другой день началось наступление. Погода в то утро была ясная, солнечная. Дул холодный ветер. И вот началось! Артиллерия открыла огонь...

Бабушка уважительно поглядела на Таню и слегка покачала головой.

— И всё-то она знает, наша Танечка, — проговорила она тихонько.

Таня смутилась:

— Так это же я со слов Андрея...

— Ну, ну! — заторопил её Миша. — Значит, первой ударила артиллерия, а дальше что?

— А дальше — по Неве ринулись танки. По льду, конечно. Одновременно перешли в наступление части Волховского фронта. Ленинградцам и волховчанам нужно было во что бы то ни стало прорвать вражеское кольцо и соединиться. Танкетка Андрея и Алёши сошла на лёд и помчалась вслед за передними танками... Ах, да, — спохватилась Таня, — я совсем забыла сказать, что у них был не танк, а танкетка. Андрей говорит, что уже к тому времени танкетки устарели. В бой шли большие, тяжёлые танки. Но тогда, в блокаду, даже и для старых машин находилось дело. Их как-то там ремонтировали, подновляли и опять пускали в ход. Андрей был стрелком и командиром машины, а его товарищ Алёша — водителем.

— А какая она, танкетка? — спросил Миша. — Совсем как танк, только маленькая?

— Нет, нет! Андрей нам объяснял, только я не совсем поняла. В общем, в танке стрелок помещается наверху, в башне, а водитель внизу; ну, а в танкетке оба сидят рядом, разделяет их только мотор. Так вот, сидит Андрей рядом с Алёшей и ведёт огонь из своего пулемёта. И вдруг танкетка попала под такой ливень огня, что обоих тяжело ранило. Андрея — осколком снаряда в спину и в руку, а его товарища в лицо, через смотровую щель — кажется, так она называется.

— Ну да, смотровая щель, — кивнул головой Миша. — Так и называется. А как же ещё?

Все невольно улыбнулись. Таня потрепала братишку по затылку, но Миша вывернулся из-под её руки.

— Да ну, рассказывай же! Что же ты замолчала на самом интересном месте?

Таня кивнула головой:

— Ладно, ладно! Так вот, значит, ранило их обоих. Но, конечно, Андрей и Алёша только потом поняли, что случилось. Андрей говорит, что сразу потерял сознание. А когда очнулся, почувствовал, что танкетка стоит на месте. Он попробовал пошевелиться — не может. Его точно сковало. А мотор дрожит, как живой. Вдруг Андрей слышит слабый голос Алёши: «Ты жив?» — «Жив куда, — отвечает Андрей, — только ни рукой, ни ногой двинуть не могу. А ты как?» — «Опалило меня, — говорит Алёша. — Не вижу ничего. Может, ослеп...»

Не успел Андрей подумать, что делать, как Алёша сказал: «Надо идти дальше. Ничего, я поведу машину». Андрей сначала даже не понял: как же Алёша поведёт машину, ничего не видя перед собой? Но каким-то образом Алёша ошупью нашёл рычаги мотора. Спрашивает: «Ты можешь указывать направление?» — «Могу», — отвечает Андрей. Алёша нажал рычаги, и машина двинулась дальше. Андрей кричал Алёше: «Правей, левей, прямо!» Кричать приходилось, конечно, громко, в самое ухо Алёше, потому что кругом стоял ужасный грохот — от стрельбы, от лязга гусениц. В общем, не знаю, от чего... Андрей и сам удивляется теперь, как только их танкетка выдержала. Ведь пулемёт-то молчал, и машина была беззащитна, не могла вести огонь. Но ещё удивительнее то, что вёл машину слепой водитель!

— Батюшки мои, слепой! — повторила бабушка.

А Катя и Миша опять заторопили старшую сестру:

— Рассказывай, рассказывай дальше!

— Ну и вот... — Таня перевела дух. — Как они проскочили, я прямо не представляю себе. Да Андрей и сам не знает. Неожиданно он увидел людей в белых маскировочных халатах. Это были наши. Андрея и Алёшу вынесли из машины, и тут Андрей опять потерял сознание. Наверно, от большой потери крови, а может быть, от сильного напряжения. Очнулся он только спустя несколько дней. Увидел, что лежит на койке, и понял, что это госпиталь. У постели сидела незнакомая девушка — медсестра. Она поздравила Андрея со званием Героя. Андрей, конечно, сейчас же спросил про Алёшу. Девушка не сразу ответила, а потом сказала, что Алёша тоже получил звание Героя, но уже посмертно. После того как его ранило, он прожил недолго. Умирая, он всё беспокоился об Андрее и вспоминал своего маленького сына...

— Серёжу, — подсказала Катя.

— Ну да, Серёжу...

Таня замолчала. А Катя, подумав, спросила:

— Где же теперь этот Серёжа? В каком детском доме? Разыскал его Андрей Артёмов?

— Нет, — ответила Таня. — Всё ещё разыскивает. Говорит, что нашёл несколько мальчиков с именем Серёжа и фа-

милией Решётников, но отчества у них другие, да и возраст не тот.

— Значит, того самого Серёжу пока не нашёл? — опять спросила Катя.

— Я же и говорю, что не нашёл, — повторила Таня.

— А как ты узнаешь, если он его найдёт? — не унималась Катя.

— Уж как-нибудь постараюсь узнать.

— А как?

— Успокойся, дочка, — остановила Катю мама. — Ложись-ка лучше спать. Что-то вы нынче поздно засиделись.

— Собирайся, собирайся, Катенька! — добавила бабушка. — Утро вечера мудренее.

— Почему же я первая? — запротестовала Катя. — Миша ведь меньше, пусть он первый идёт...

— А тебе раньше сказали, — отозвался Миша, — значит, ты раньше и должна идти.

— Тогда идите оба, — разрешила их спор мама.

...В этот вечер Кате долго не спалось. Она всё думала и думала о том, как бы поскорее узнать, где живёт Серёжа Решётников.

«Тане всё некогда, — думала Катя, — когда-то она ещё встретится с Андреем Артёмовым! Если он даже и разыщет Серёжу, Таня может об этом не узнать... Что, если послать Артёмову письмо — прямо на стройку, где он работает? Да ведь он говорил Тане, что эта стройка большая, прямо как целый город. Наверно, надо знать точно, где там этот Артёмов работает, а то, пожалуй, письмо и не дойдёт. А если даже дойдёт — всё равно Серёжиного адреса мы не узнаем. Ведь и сам Артёмов пока что не знает, где Серёжа... Нет, видно, придётся подождать».

Катя вздохнула. Больше всего на свете она не любила ждать.

«Надо что-нибудь затеять!» — решила она и, закрыв глаза, стала думать. Но как только веки её опустились, мысли сами собой улетучились из головы. Вокруг стало тихо-тихо, и Катя крепко уснула.

МОЛОДЫЕ ГРАЖДАНЕ

Таню никто не посылал спать, хотя часы уже отсчитали одиннадцать, а потом, в полной тишине заснувшего дома, звучно отбили половину двенадцатого.

С тех пор как Таня стала студенткой, она сама распоряжалась своим временем и могла спокойно посидеть за письменным столиком над книгами и тетрадями, куда она аккуратно переписывала лекции.

Но на этот раз ей не хотелось ни читать, ни заниматься. Да к стати всё у неё было готово к завтрашнему дню.

Однакоже и спать ей не хотелось. Слишком много было у неё за последнее время нового, интересного: первые лекции в институте, студенческая, ещё непривычная жизнь, да вдобавок ко всему это неожиданное, не семейное, а только её, Тани, собственное знакомство со взрослым человеком, да ещё с каким — Героем Советского Союза, строителем университета!

Таня мысленно перенеслась опять в школьный зал и, вспомнив «речи» маленьких первоклассниц, невольно засмеялась. И опять, уже не в первый раз за сегодняшний день, она раскрыла красную коробочку, достала из шёлкового гнездышка свою медаль и полюбовалась на маленькие выпуклые букочки: «За отличные успехи и примерное поведение», венцом окаймляющие раскрытую книгу и лавровую ветку.

«Вот удастся ли так же учиться в институте? — подумала она с тревогой. — В школе тебя точно за руку вели. А здесь сама идёшь. Попробуй-ка пойми, хорошо ли ты знаешь что-нибудь или плохо. До первого доклада на семинаре, до первого зачёта ничего неизвестно... В институтском коридоре чувствуешь себя самой младшей, ну прямо точно первоклассницей, — а ведь вчера в школе мы были среди девочек самые старшие. Взрослые. «Старушки»... А всё-таки жалко школу!»

Таня вытащила из бокового ящика стола большой конверт с фотографиями. Вот 10-й класс, 9-й, 8-й, 7-й, 6-й, 5-й... Чем старше были школьницы, тем новее, свежее были фотографии.

«Можно подумать, что это не я, а Катя, — думала Таня, всматриваясь в фотографию 5-го класса, — только у Катюши волосы светлее».

На этой карточке Таня сидела у ног сидящей в первом ряду учительницы, на ковре. Её форменное платье было выше колен, белый передник с крылышками, на ногах — носки...

«Да, да, совсем точно Катя... Ах, Катюшка, как хорошо она вчера сказала! «Я знаю, как ты умеешь учиться. А вот я ещё так не умею...» А ведь Катя способнее меня. Только вот усидчивости у меня больше...»

Таня разложила карточки на столе. Вот и самая последняя, снятая в день выпускного бала, 25 июня. Эту карточку Таня рассматривала особенно долго. В первом ряду сидели, как всегда, учителя, а девушки, уже не в тёмных платьях, а в белых, тесно прижавшись друг к другу, стояли полукругом за стульями.

Таня всматривалась в лица подруг и учителей — знакомые до мельчайших чёрточек. Ещё так недавно казалось, что эта привычная жизнь никогда не кончится, что школьная семья, со всеми учителями и нянечками, никогда не распадётся — так же как и родная семья, домашняя. Но вот школьная жизнь уже стала отходить в прошлое... Тане вспомнилась последняя ночь, когда девушки после выпускного бала вышли из школы на улицу. Каждая захватила с собой немного цветов — кто веточку сирени, кто пион, кто пучок красных гвоздик.

Было уже три часа ночи. Начинало светать. Но разве можно разойтись по домам в такую летнюю ночь, когда цветут липы и так сладко пахнет мёдом, когда так легко дышится и трепещут при лёгком ветерке белые платья, когда хочется и смеяться, и плакать, и петь, и танцевать — и всё сразу!

— Идёмте гулять по Москве! До утра! — предложил кто-то.

— Да ведь уже утро! — отозвалось сразу несколько голосов.

— Ну так до солнца! Идёмте на Красную площадь!

И большая, нарядная, говорливая толпа двинулась по улице.

Ах, милая, родная улочка, ведущая в школу и из школы! Сколько школьников видела ты и видишь каждый день! Видишь ты и весёлые лица и озабоченные. Как недавно ещё Таня и Лида ходили взад и вперёд по этой улочке, повторяя вслух историю, литературу, геометрию. Кажется даже, что камни этой мостовой запомнили навсегда всех французских Людовиков и все геометрические теоремы. Сколько было в те дни тре-

вог, волнений! Но в эту летнюю ночь, после выпускного бала, представляется, что все школьные дни были такими же счастливыми и беззаботными, как самый последний день.

И всё-таки всем почему-то чуть-чуть грустно. Чувствуется, что вместе со школьными днями ушло из жизни что-то очень большое, очень дорогое. Конечно, на смену придёт новое, ещё большее, впереди — целая жизнь. Но что прошло, то прошло.

Таня обернулась назад. Во всех окнах притихшего школьного дома уже погас свет... И тогда-то они с Лидой и решили побывать первого сентября в школе, чтобы ещё раз, уже издали, поглядеть, как проходит этот милый праздник — новый год школы.

Но вот уже короткая, знакомая до каждого камня улочка осталась позади. Весёлая толпа бывших школьников вышла на открытую, широкую улицу. Светало, но фонари ещё горели лёгким, прозрачным, уже не нужным светом. Откуда-то снизу, с бульвара, донеслись голоса, смех, и навстречу хлынула ещё целая толпа девушек в белых платьях. Такие же выпускницы, как они, и тоже, видно, решили бродить по Москве до солнца. Обе школы встретились, перемешались, и, знакомясь на ходу, двинулись дальше. Пошли, обнявшись, широкими шеренгами по аллее бульвара.

Вот и памятник Пушкину.

Таня осторожно положила к подножию памятника букетик красных гвоздик. И сейчас же со всех сторон посыпались к ногам поэта гроздьи лиловой и белой сирени, пунцовые и розовые пионы, и ещё много живых цветов...

И вдруг — что это? По улице Горького, такой пустынной в этот час, медленно движется ещё новая толпа. Можно подумать, что это идут демонстранты. Но разве бывают демонстрации в пятом часу утра? Да это же опять школа, только не женская школа, а мужская. У них, верно, тоже только что кончился школьный вечер. Им тоже, должно быть, не хочется расставаться друг с другом.

— Какая школа? — крикнул кто-то из юношей.

— Имени Крупской! — звонким хором откликнулась Таня — на школа.

И далеко вокруг разносятся шумные приветствия и поздравления.

Скоро все перезнакомились друг с другом, и начался разговор — полусерьёзный, полушутливый — о том, кто куда собирается поступить.

— Это у нас будущий астроном, — сказал высокий, худощавый парень, похлопывая по плечу молчаливого, застенчивого товарища. — Про него не скажешь, что он звёзд с неба не хватает. Хватает!

— И много уже нахватал? — спросила Танина подруга, Лида.

— Да, немало.

— А вы сами кем будете?

— Я? — переспросил высокий юноша. — Ясно кем — строителем.

— Еще бы не ясно! — подхватил какой-то широкоплечий круглолицый паренёк. — Он вместо крана стоять будет. Видите, какой вымахал — на добрых два метра. И всё ему мало — растёт и растёт!

Высокий укоризненно покачал головой:

— Помалкивай ты, пищевая промышленность! Другие о звёздах думают, а ты о чём? О сосисках да макаронах.

Но круглолицего не так-то легко было смутить. Он слегка прищурился и ответил уверенно:

— Ну, одними звёздами сыт не будешь. Нужны не только астрономы, но и гастрономы.

Все ещё дружной засмеялись, и кто-то даже захлопал в ладоши.

Но вот, откуда ни возмись, — милиционер. Он в белом свежем кителе, словно тоже нарядился по случаю школьного праздника.

— Молодые граждане, — говорит он, поднося руку в белой перчатке к козырьку фуражки, — что ж это вы нарушаете порядок? Все люди спят, а вы...

Но «молодые граждане» не дают ему договорить.

— Товарищ милиционер, поймите — ведь такая ночь бывает только один раз в жизни!

— И ведь уже не ночь, а почти утро!

— Оно конечно, — задумчиво говорит милиционер, — для кого ещё ночь, а для кого уже утро. Утро жизни, как говорится...

— Да он философ! Поэт! — восклицает будущий строитель. — Товарищ милиционер, разрешите пожать вашу руку!

Милиционер торжественно пожимает руки вчерашним школьникам и отходит в сторону. Должно быть, он понял, что такая ночь и на самом деле бывает у человека только один раз в жизни.

БЕЗ ЛЮДМИЛЫ ФЁДОРОВНЫ

Катя пошла в школу раньше, чем всегда. Ей очень хотелось поскорей, ещё до начала уроков, рассказать Наташе, Настеньке и другим девочкам о Танином школьном вечере, об Артёме, о Серёже...

«Девочки, наверно, тоже захотят разыскивать Серёжу, — думала Катя. — Вот мы вместе и придумаем, с чего начать. Пусть Артёмов ищет Серёжу, и мы искать будем».

Но когда она вошла в класс, все эти мысли сразу вылетели у неё из головы. Её удивило и встревожило, что Людмилы Фёдоровны в классе не оказалось. Обычно она приходила раньше всех своих учениц и ждала их в коридоре у дверей класса. А сегодня все уже собрались, расселись по партам; кто-то успел нарисовать на доске домик с трубой и дымом и положить мел на место, а Людмилы Фёдоровны всё не было.

Прошло ещё пять минут. Дежурная Валя Ёлкина сбегала в учительскую, принесла глобус, указку и стёрла с доски домик с трубой. Людмила Фёдоровна всё ещё не показывалась.

«Странно, — думала Катя, — и на школьный вечер она не пришла, и сейчас её нет...»

Наконец дверь открылась. Все разом встали. Но, к общему удивлению, в класс вошла не Людмила Фёдоровна, а старшая вожатая Надежда Ивановна.

— Здравствуйте, девочки, — сказала она своим спокойным, звучным голосом. — Садитесь.

Девочки смотрели на неё с недоумением. Почему она пришла в такой неурочный час? Ведь во время уроков не устраиваются сборы отряда.

— Какой у вас первый урок? География? — спросила Надежда Ивановна, взглянув на глобус.

— География, — ответили ей.

— Хорошо. На чём вы остановились в прошлый раз?

Маленькая кудрявая Валя Ёлкина подняла руку.

— Мы дошли до китов, — сказала она.

Надежда Ивановна чуть-чуть улыбнулась.

— А где же Людмила Фёдоровна? — не вытерпев, спросила Катя. — Разве её сегодня не будет?

— Не будет. Она нездорова.

Настенька всплеснула руками:

— А что с ней?

— Что с ней?.. Что с ней?.. — подхватили во всех углах.

— Тише, тише, девочки. — Надежда Ивановна подняла руку. — Не тревожьтесь. Ничего опасного нет, но всё-таки Людмила Фёдоровна больна довольно серьёзно. Разве вы сами не заметили, как трудно было ей в последнее время говорить? Должно быть, Людмиле Фёдоровне придётся сделать горловую операцию.

— Ой, горло резать! — сказала Валя Ёлкина тихонько. — Я бы ни за что не дала...

— Перестань глупости говорить, — остановила её Настенька. — Если надо, так надо!

— Совершенно верно, — сказала Надежда Ивановна. — Если надо, так надо. Людмиле Фёдоровне сделают операцию, и она поправится. Только ей придётся недели две молчать. Даже шопотом нельзя будет говорить.

Девочки так и ахнули:

— Ой, две недели молчать!

Надежда Ивановна улыбнулась, и от улыбки лицо её, как всегда, словно осветилось.

— Я знаю, — сказала она, — вам и пять минут бывает трудно помолчать, не то что две недели. — И добавила очень серьёзно: — Может быть, Людмиле Фёдоровне уже до самого конца года не придётся работать в школе, чтобы не утомлять горло.

— Мы её не будем утомлять!.. Ни за что не будем! — заговорили девочки наперебой. — Мы будем сидеть тихо-тихо —

как будто нас и нет... Пускай она хоть шопотом говорит или совсем не говорит, а пишет на доске. Передайте ей...

— Хорошо, хорошо, девочки, — сказала Надежда Ивановна и села за учительский стол. — Обязательно передам. Ну, а сейчас мы с вами почитаем дальше по учебнику. Потом, если останется время, я расскажу вам, как ездила прошлым летом на север и видела, как там охотятся на морских животных.

— На китов? — спросила Валя Ёлкина.

— Нет, на моржей и тюленей. Ну, найдите-ка ваших китов.

Все в классе сразу оживились. Девочки раскрыли свои учебники и скоро нашли страницу, где была напечатана картинка, изображающая плывущего среди бурного моря кита.

Надежда Ивановна подошла и села рядом с Кузьминской — на пустовавшее место Ани Лебедевой. Заглянув в раскрытый учебник Стеллы, она сказала:

— Начнём с того места, на котором вы остановились. Читай, Валя. Можешь сидя.

Валя встряхнула своими кудряшками и звонко начала:

— «В летнее время в северных морях появляется много разной рыбы и мелких животных. Изредка встречаются самые большие в мире животные — киты...»

Но не успела Валя перевернуть страницу, как дверь опять приоткрылась, и в класс заглянула нянечка, тётя Ариша.

— Сидите, доченьки, — сказала она и обратилась к старшей вожатой: — Надечка, вас директорша зайти просит. Говорит, по срочному делу.

Надежда Ивановна сразу же встала:

— Сейчас иду. Спасибо, тётя Ариша.

Все разочарованно посмотрели на старшую вожатую. Значит, не придётся читать дальше?

— Опять дошли только до китов, — сказала, вздохнув, Валя Ёлкина.

— Что ж поделаешь, девочки, — проговорила Надежда Ивановна, озабоченно оглядывая класс. — Я постараюсь скоро вернуться, и тогда мы и почитаем и поговорим. А что, Зои Алиевой, старосты, нет сегодня в классе?

— Нет, Надежда Ивановна, Алиева второй день не приходит — простудилась.

— Тогда вот что. Стелла Кузьминская, поручаю следить за порядком тебе. Ты — председатель совета отряда, и я на тебя надеюсь. Смотри, чтобы в классе был порядок и чтобы все были заняты делом.

Надежда Ивановна торопливо вышла из класса. Девочки остались одни.

— Ну, что мы будем делать? — слышались голоса.

Кто принялся доставать из сумок и портфелей книжки, кто — переговариваться друг с другом.

Стелла подошла к учительскому столу и громко сказала:

— Девочки! Вы очень шумите, а Надежда Ивановна велела мне следить за порядком. Хотите, я буду вас спрашивать по географии?

На минутку в классе стало тише, потом из разных концов класса донеслись голоса:

— Всё равно порядка не будет.

— Почему ты думаешь, что будет порядок, если спрашивать?

— Очень просто, почему, — ответила Стелла. — Нельзя же шуметь, когда в классе урок.

— А какой же у нас урок? — спросила с места рыженькая Ира Ладыгина, та самая девочка, которая принесла однажды в класс живых жуков. — Нет же у нас урока!

— Будет, — спокойно проговорила Стелла. — Сейчас я начну вас вызывать и спрашивать.

— А мы не будем отвечать, — донеслось из глубины класса.

— А тому, кто не будет отвечать, — сказала Стелла, — я поставлю двойку.

В классе задвигались, зашумели.

— Не имеешь права ставить отметки в журнал! Ты не учительница.

— А я и не буду ставить в журнал, — так же уверенно ответила Стелла. — Я буду записывать в тетрадку. Там у меня как раз полный список фамилий всех девочек нашего отряда.

— И ставь, пожалуйста! — крикнула опять Ира Ладыгина. — Себе в тетрадку можешь ставить что хочешь. Хоть единицу с пятью минусами, хоть четырнадцать с плюсом.

Все засмеялись.

— Нет, я буду ставить самые обыкновенные отметки, — сказала Стелла. — А потом скажу Надежде Ивановне, как вы отвечали: кто на двойку, кто на пятёрку.

Девочки переглянулись, и в классе стало тише. Но вот раздался голоса:

— Надежда Ивановна собиралась сегодня рассказывать, а не спрашивать.

Но Стелла не обратила внимания на то, что говорили в классе.

Подойдя к своей парте, она, не торопясь, достала тетрадку, карандаш, а потом преспокойно уселась за стол Людмилы Фёдоровны.

Стелла держалась серьёзно и важно. Прищурившись, она медленно вела карандашом по тетрадке сверху вниз, словно не зная, на ком остановиться.

— Только смотри, Кузьминская, — раздался предостерегающий голос Настеньки, — не придирайся и не сбивай!

— Ну конечно, — согласилась Стелла, чуть улынувшись одним уголке рта, — само собою разумеется...

— Ишь как разговаривает! — прошептала Настя. — Будто она десять лет в десятом классе преподавала.

Стелла всё ещё вела карандашом по тетрадке:

— Сейчас будет отвечать... будет отвечать... Киселёва.

Клава Киселёва только качнула своими пышными бантами, торчавшими над ушами, и осталась сидеть за партой.

— Киселёва! — ещё громче повторила Стелла. — Возьми указку и иди отвечать.

— Сама себе отвечай, — насмешливо ответила Клава. — А я тебе отметки ставить буду. Тоже в свою тетрадку.

— Нет, девочки! — рассердилась Стелла, вставая с места. — Это никуда не годится. Надежда Ивановна велела мне с вами заниматься, а вы не слушаетесь.

— Ну, иди, Клава, так и быть, — предложила Настя, обращаясь к ней. — Чего ты боишься?

— Иди, иди, — подхватили и другие девочки.

Всем уже захотелось посмотреть, что выйдет из Стеллиной затеи.

Клава нехотя встала и враскачку пошла к столу, дёргая девочек по дороге — кого за косу, кого за лямку передника.

— Покажи мне, пожалуйста, — начала Стелла медленно, словно наслаждаясь своей властью, — Уральские горы, Алтайские и Кавказские.

— Зачем же все горы сразу? — заговорили в классе.

— Так надо.

Клава подумала немножко и решительно ткнула указкой в Алтайские.

— Это какие? Уральские? — спросила Стелла.

— Вот ты и сбиваешь! — крикнула Настя.

Но Стелла даже не обернулась к ней.

— Ага, не знаешь? — протянула она, с усмешкой глядя на Клаву. — А какие реки текут в Чёрное море?

— Мало ли какие! — ответила Клава. — Тоже ещё учительница выискалась! Не буду отвечать — и всё!

— И этого не знаешь! — торжествующе сказала Стелла и, подбежав к столу, поставила в тетради такую большую, жирную двойку, что даже близорукая Лена Ипполитова увидела её со своей парты. — Очень плохо. Два!

— Пусть хоть двадцать два, — сказала Клава и пошла на место, нарочно громко топая.

Пока Стелла спрашивала Клаву, Катя то и дело поглядывала на свою соседку — Наташу, хмурилась и покусывала губы. Ей уже давно хотелось сказать Стелле, что не надо вызывать и спрашивать, что гораздо интереснее было бы что-нибудь читать или рассказывать. Она молчала только потому, что не хотела мешать Стелле следить за порядком. Но внутри у неё всё так и кипело.

«Рада вклеить двойку! — думала Катя. — Да ещё не какую-нибудь, а побольше, пожирней. Людмила Фёдоровна подумала бы раньше, сколько вопросов задала бы наводящих, а уж потом только вздохнула бы и поставила маленькую двоечку, а эта воображала рада поиздеваться».

Должно быть, Наташа понимала Катины мысли — она сочувственно кивала ей головой и бросала в сторону Стеллы неодобрительные, осуждающие взгляды.

А между тем Стелла уже вызвала другую ученицу, Тоню

Зайцеву — тихую, робкую девочку, соседку Иры Ладыгиной по парте.

— О чём мы говорили на прошлом уроке? — спросила Стелла.

— О Северном Ледовитом океане, — чуть слышно ответила Тоня, испуганно глядя на Стеллу своими круглыми глазами.

— А на позапрошлом?

— О Великом Тихом океане, — ещё тише сказала Тоня.

— А на позапозапрошлом?

— Тоже об океане, только о каком — не помню. Забыла.

— Почему забыла?

— У меня память плохая.

— Это неуважительная причина, — заметила Стелла.

— Как это — «неуважительная»? — спросила Настя. — Почему?

— Потому что неуважительная.

Тут уж Катя не выдержала. Она вскочила с места.

— Уж если спрашиваешь, — сказала она, задыхаясь от возмущения, — спрашивай справедливо! Людмила Фёдоровна напомнила бы, о чём говорилось даже на прошлом уроке, а тебе ещё зачем-то понадобилось вспомнить позапрошлые...

— Тише, Снегирёва! — остановила её Стелла. — Я тебя не вызывала.

— Ну так вызови!

— В другой раз.

— Другого раза не будет, — сказала Катя, села на своё место и решительно отвернулась к окну.

— Нарочно слабых учениц вызывает, — сказала она вполголоса. — Хороших труднее сбить.

Ещё одна двойка появилась в Стеллиной тетрадке — против фамилии «Зайцева». Но Стелле и этого показалось мало. В скобках она приписала: «По неуважительной причине».

Видно, ей приятно было разыгрывать из себя учительницу, да ещё такую строгую.

Играть в школу Катя и сама любила. Но сейчас ей было не до игры. Кому охота играть, когда на душе так грустно! Ещё и Аня не выздоровела, а уже заболела Людмила Фёдоровна, да

так опасно! Шутка ли — горло резать... Нет, играть не хотелось. Да это и не была игра. Не игра и не урок.

Только сейчас поняли девочки, как интересно было на уроках у Людмилы Фёдоровны. Каждый день в последнее время, даже каждый час, каждая минута приносили что-нибудь новое.

Кате и в голову не приходило раньше, что самая большая гора на земном шаре — это всё равно, что пылинка на мяче, а самая глубокая впадина — всё равно, что царапина на арбузе, и что на Южном полюсе вовсе не жарко, а очень холодно...

И вот теперь Людмилы Фёдоровны нет. Во всех классах по-прежнему идут уроки, а у них, в четвёртом «А», всё словно остановилось.

Так бывает, когда в пути, на маленьком полустанке, внезапно остановится скорый поезд. Мимо деловито проносятся другие поезда, а этот стоит, и неизвестно, когда двинется дальше...

Уже и Стелла не знала, что ей делать теперь — кого вызывать и что спрашивать.

Но тут, к счастью, вернулась Надежда Ивановна.

— Простите, девочки, — сказала она, — мне пришлось задержаться. Вера Александровна вызвала меня по очень важному делу. Оно касается вас...

— Нас?..— Все так и впились глазами в Надежду Ивановну.

— Да, девочки. Вы же сами понимаете — Людмила Фёдоровна вернётся не скоро, а вам нельзя долго оставаться без учительницы.

— Кто же у нас будет?

— Новая учительница, тоже очень хорошая.

— А может быть, Людмила Фёдоровна ещё поправится?

— Конечно, она поправится. Но чем дольше она будет отдыхать, тем лучше для неё.

— И хуже для нас, — сказал кто-то.

Надежда Ивановна слегка нахмурилась:

— Ну, а что вы без меня делали? Успели что-нибудь?

— Нет, — ответили девочки. — Ничего не успели.

— А надо было хоть что-нибудь успеть. Взяли бы да почитали какую-нибудь книжку. Или порисовали.

— Я спрашивала их, — немного смущённо сказала Стелла.

— Что спрашивала?

— То, что уже прошли...

Надежда Ивановна посмотрела вокруг и увидела по лицам девочек, что они не очень довольны Стеллиным уроком.

— Спрашивать — это не такое простое дело, — сказала она. — Иной раз потрудней, чем отвечать.

Стелла опустила глаза и слегка покраснела. Но Надежда Ивановна этого как будто не заметила.

— Ну, ничего! — сказала она успокоительно. — Сейчас у вас будет рукоделие, потом английский. Всё пойдёт своим порядком.

— А завтра приходить?

— Конечно, приходите. Обязательно. Завтра у вас — пение, физкультура.

— А уроки кто нам задаст? Вы, Надежда Ивановна?

— Да, я. Леночка, дай-ка мне сюда твои книжки.

Надежда Ивановна села за стол и, перебирая страницы учебников, стала говорить девочкам, что им прочесть, что переписать и какую решить задачу.

ЛУЧШЕЕ НАЗВАНИЕ

На следующий день в классе было так же неуютно, как и накануне. Всё было как будто в порядке: класс проветрен, доска протёрта начисто, мел приготовлен. Но не хватало чего-то самого важного и главного — будто хозяйка ушла из дому.

В других классах двери уже закрылись, стало тихо, и только в четвёртом «А» дверь всё ещё стояла распахнутая, точно поджидая кого-то. Девочки поминутно выбегали на цыпочках за порог, чтобы поскорей узнать, придёт ли к ним опять Надежда Ивановна или, может быть, уже явилась новая учительница. Какая она? Старая или молодая? Добрая или строгая? Никто ничего не знал, но все были уверены, что она будет, конечно, хуже Людмилы Фёдоровны.

— Ой, идёт! — вдруг пронеслось по классу.

Катя вместе с другими выглянула за дверь, но в конце коридора показалась не учительница, а какая-то стриженная длинноногая девочка с сумкой в руках...

— Аня!..

Аня — это и в самом деле была она — вбежала в класс и, бросив сумку на парту, принялась по очереди здороваться с подругами. Её обступили со всех сторон. Кто мерился с ней ростом, кто проводил ладонью по её стриженной голове, кто просто тормозил, прыгая возле и приговаривая: «Ой, Анечка вернулась!»

— Катя, — сказала наконец Аня, освободившись от дружеских объятий, — ты, значит, не сердишься на меня? Нисколько-нисколько? А я, знаешь, простить себе не могла, что вела себя тогда так глупо. Но ведь я сама не знала, что уже заболела. Мне всё казалось, что меня обижают, не любят, а это было просто от болезни.

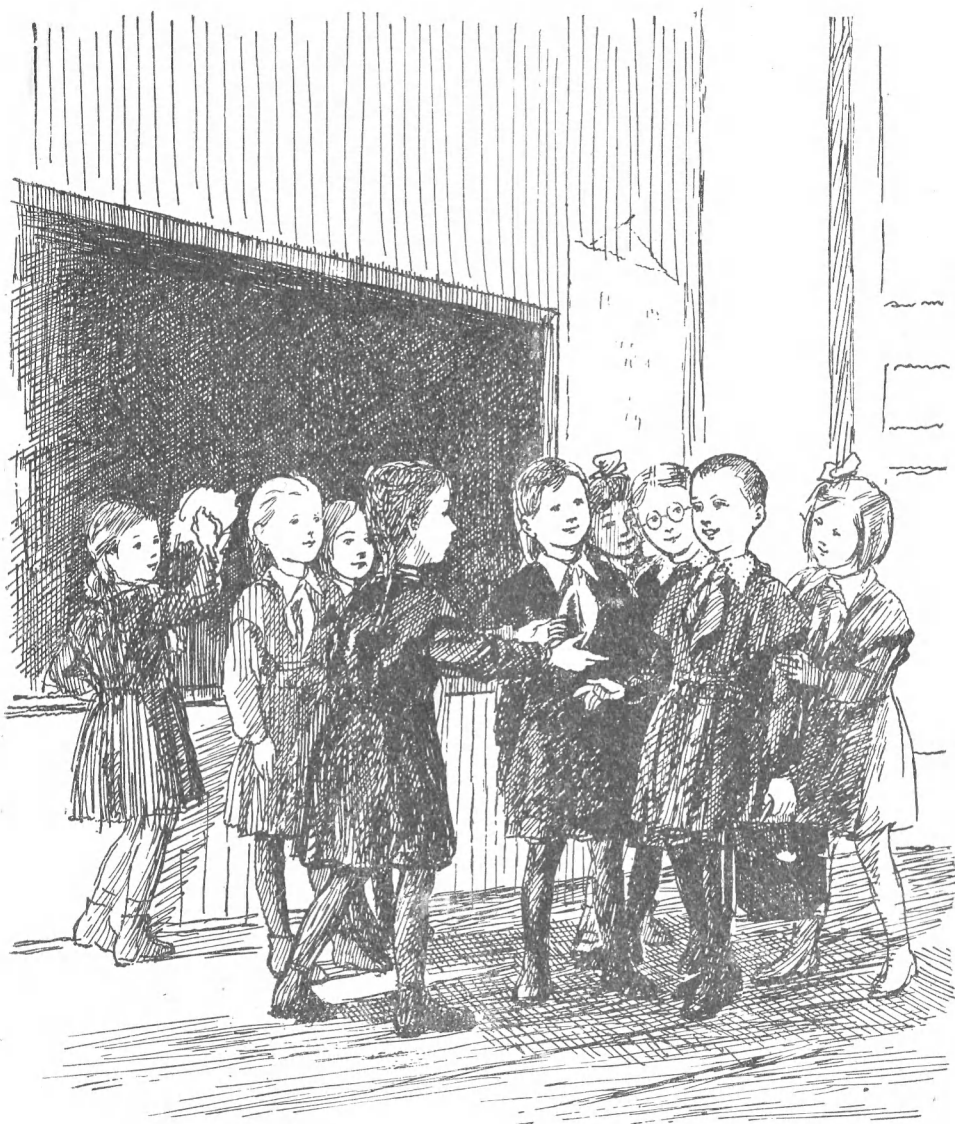
— Да что ты, Анечка! — говорила Катя. — Я так и поняла. И Наташа тоже.

— Нет, вы не знаете, — сказала Аня, прижимая оба кулака к груди и обращаясь сразу к Наташе и Кате, — нет, вы не знаете!.. У меня тогда всё так запуталось! Если бы меня не взяли в больницу, я бы могла всё распутать, поправить в тот же самый день. Или хоть на другой день. В школу бы пришла и всё объяснила бы. А вот когда я заболела и меня в больницу забрали, да ещё в заразное отделение, — тут уж я ничего не могла сделать. Хотела вам письмо написать — говорят: нельзя. Хотела, чтобы кто-нибудь ко мне пришёл, — опять: нельзя. Всё нельзя да нельзя! Хорошо ещё, что вы сами догадались мне письмо написать!.. Разворачиваю посылочку — и вдруг на колени мне падает твоя Дюймовочка, Наташа. Я сразу поняла, что вы не сердитесь, и так обрадовалась, так обрадовалась! Только одно досадно — обратно её уж не выпустили, твою Дюймовочку. Такое отделение!

— Да я уж знаю, — спокойно ответила Наташа. — Из этого отделения ни книжек, ни игрушек не отдадут. Ну что ж, пусть себе наша Дюймовочка так и будет больничной куклой — недаром ей моя мама вместо платья белый халатик сшила. Достанется она какой-нибудь другой девочке, потом третьей...

Аня улыбнулась.

— Уже досталась, — сказала она. — Одной маленькой девочке, первокласснице. Я дала ей поиграть, а она как взяла,

Аня вбежала в класс и принялась по очереди здороваться с подругами.

так потом из рук её и не выпускала. Только ни за что не хочет называть твою куколку Дюймовочкой. Ты уж извини, Наташа, теперь её Люсей зовут.

— Всё равно. Люсей так Люсей!

— Пойдите, девочки, — вдруг сказала Аня, оглядываясь по сторонам. — А почему у нас урок пустой? Я уж думала, что опоздаю, а Людмилы Фёдоровны ещё нет...

— И не будет, — сказала Клава Киселёва, потряхивая бантами.

— Как это — «не будет»?

— Заболела. А вместо неё придёт другая учительница. Новая.

— Ой, девочки! — Аня грустно покачала головой. — Как же так? А я-то думала — всё будет, как прежде. И вас увижу и Людмилу Фёдоровну...

— Нет, теперь всё по-другому, — серьёзно сказала Валя Ёлкина.

Как раз в эту минуту кто-то легко, почти неслышно ступая, прошёл по коридору, и на пороге класса появилась Надежда Ивановна. Она строго посмотрела по сторонам и спросила:

— Что у вас тут за шум? В других классах уроки идут...

— Надежда Ивановна, Аня выздоровела!.. Аня Лебедева вернулась!.. — заговорили все разом.

— Ну, очень хорошо. Здравствуй, Анечка!

Надежда Ивановна улыбнулась, и её большие карие глаза, которые только что казались такими тёмными и серьёзными, даже как будто посветлели.

— А шуметь всё-таки не следует. Завтра у вас будет новая учительница. Мы ждали её сегодня, но придётся подождать ещё денёк. А пока стройтесь и потихоньку идите в зал. У вас будет урок пения.

— Пения?

Девочки очень удивились. Пение у них всегда бывало последним уроком, а первым — никогда. И, кроме того, уж если из-за болезни Людмилы Фёдоровны отменили урок арифметики и русского письменного, так неужели же после этого можно петь? Но они всё-таки пели и даже разучили довольно весёлую песню: «В саду ягода-малинка, калинка моя».

На втором уроке, когда по расписанию должна была быть арифметика, в класс вошла вожатая Оля и сказала:

— Девочки, второго урока у вас не будет. А третий — физкультура.

— А что мы будем делать сейчас? Надежда Ивановна придёт?

— Нет. С вами останусь я.

— Тоже спрашивать будешь? — сказала Настя задорно.

Оля усмехнулась, а Стелла искоса посмотрела на Настю. По Настиному вопросу она поняла, что Оля уже всё знает от своей младшей сестры.

— Нет, — сказала Оля, — спрашивать вас будет ваша новая учительница, а мы с вами займёмся нашими пионерскими делами.

Она осторожно поправила свою причёску (наверно, для того чтобы казаться постарше, она сегодня подобрала свои толстые косы и уложила их на затылке кренделем), тряхнула головой и подошла к столу.

— А сегодня Аня пришла из больницы, — сказала Валя Ёлкина.

Оля поглядела в ту сторону, куда повернулись все девочки.

— Ну, вот и хорошо, Анечка, — сказала Оля. — Да тебя прямо не узнать. Настоящий мальчишка!.. Так вот, девочки, нам пора выпустить отрядную газету, а у нас ещё ничего не готово, нет даже названия. Сейчас весь отряд в сборе, и мы можем все вместе придумать это название. Только помните, оно должно быть короткое, звучное, простое и должно выражать самое главное. Понятно?

— Понятно, — не совсем уверенно отозвался кто-то.

— Ну вот. Подумайте и скажите, что вы предлагаете.

В классе стало тихо.

Оля раза два прошлась по классу, потом присела на минуту у стола.

— Ну что, девочки?

Все молчали.

— Я не тороплю. Думайте, думайте.

Она подошла к окошку и несколько минут постояла, глядя на школьный двор.

А за спиной у неё тем временем началось какое-то лёгкое движение, шорох, шопот...

Оля обернулась:

— Ну, придумали? Кто хочет сказать? Лена Ипполитова, ты у нас редактор, скажи первая ты.

Лена поднялась с места, поправляя на своём маленьком носу большие очки.

— Я придумала два названия. Только они, кажется, не подходят...

— Почему же? Посмотрим.

— Первое: «Пионерки», — неуверенно сказала Лена и тут же возразила сама себе: — Но ведь есть журнал «Пионер», и «Пионерскую правду» все называют «Пионеркой». Будет очень похоже.

— Да, да, — заговорили все разом. — Очень похоже! Не годится.

— Ну, а второе название? — спросила Оля.

— Второе — «Звезда».

Это название всем понравилось.

— Красиво! — сказала Зоя Алиева. — Пусть так и будет. Хорошо, Оля?

— Такое название тоже есть. Журнал для взрослых, — сказала, не поднимаясь с места, Стелла Кузьминская.

Оля кивнула головой:

— Да, есть. Подумаем ещё.

— Ну и что ж, что есть? — крикнула Валя Ёлкина. — Пускай у больших будет «Звезда», а у нас «Звёздочка».

— Нет, не годится. Это уж очень для маленьких.

— А если так назвать: «Отличницы» или «Лучший класс»? — предложила Зоя.

— Нет, — подумав, ответила Настя. — Какие же мы отличницы? У нас и троечниц довольно много, да и двоечницы водятся. А уж «Лучший класс» совсем не подходит. Что ж ты думаешь, Зоя, лучше нас никого нет?

Зоя покраснела.

— Совсем не так думаю. Я думаю, что надо стараться быть самым хорошим классом.

— Значит, так и надо сказать.

— А как же это сказать?

Настенька задумалась:

— Не знаю... Может быть, «Вперёд, за хорошую учёбу!»

— Лена Ипполитова! — вызвала Оля. — Подойди к доске и записывай все названия, какие предлагают. Бывает, что название-то и неудачное, а наведёт на хорошую мысль.

Лена вышла к доске и начала аккуратно записывать все названия: «Будущая жизнь», «Все вместе», «Салют», «Ступенька за ступенькой», «Учёба и отдых»...

— Нет, девочки, — сказала Ира Ладыгина. — Это всё как-то скучно. Назовём газету «Кузнечик» или просто «Скакалка»!

Все с удивлением переглянулись. Кто-то засмеялся.

— Как же так? — сказала Лена. — Ведь название должно выражать самое главное, и вдруг — «Кузнечик»!

— А как же у больших есть журнал «Крокодил»? И очень даже интересный.

— Можно мне? — Катя подняла руку.

— Говори, Катюша.

— Я вот что думаю, — медленно сказала Катя, склонив голову набок и накручивая, по обыкновению, кончик косы на палец. — «Кузнечик» — хорошее название. Только оно подходит для весёлого журнала, а не для газеты. Ведь тут мы будем писать и про школьные дела, и про учёбу, и про всё самое главное. А вот если бы в конце газеты у нас был такой отдел — смешной, с разными шутками и карикатурами, вроде приложения, — его хорошо было бы назвать «Кузнечик».

— Верно, — согласилась Оля. — Давайте так и сделаем. Запиши, Лена.

Лена аккуратно записала:

«Кузнечик» — весёлый отдел».

Но тут с места поднялась Настя.

— Что ж это получается? — сказала она, разводя руками.

И Оля невольно улыбнулась. Точно так же говорит и разводит руками их бабушка.

— Что же это получается? Для приложения название есть, а для газеты нету.

— Не всё сразу, — суховати ответила Оля, но лицо у неё сделалось озабоченным. Она привыкла прислушиваться к то-

му, что говорит её маленькая сестрёнка. Да и не она одна. Все в семье Егоровых знали, что десятилетняя Настенька — рассудительный, серьёзный человек. Даром слова не скажет. А уж что скажет, то и сделает.

«На меньшую нашу, — говорила часто бабушка, — как на каменную гору положиться можно».

Оля иной раз даже подшучивала над сестрой: «Ну ты, каменная гора!»

Но в душе она знала, что в Настеньке есть что-то, чего в ней самой не хватает: спокойная неторопливость, умение не заботиться слишком о том, что подумают и скажут о ней другие, и какая-то, редкая даже для взрослых, проницательность. Сама Оля каждый год увлекалась новой подругой, без конца рассказывала о ней, расхваливала на все лады. Дома только и слышали: «Тося, Тося, Тося», или «Зиночка, Зиночка, Зиночка»...

А Настя бывало посмотрит и сразу скажет: «Эта твоя чёрненькая — умная и простая. А та — с локонами — просто факсон держит».

«Да она же не завивается! — с раздражением говорит Оля. — У неё от природы волосы красивые».

Настя только пожимает плечами:

«А я и не говорю, что она завивается. Я только говорю, что тебе с ней скоро надоест».

И в самом деле, через месяц Оле уже не о чем было говорить с кудрявой красавицей.

Зная всё это — может быть, даже не столько зная, сколько чувствуя, — Оля во время собрания искоса поглядывала на младшую сестру. Не то чтобы она искала у неё одобрения, но по её лицу, словно по барометру, следила за тем, всё ли в порядке. Ведь и теперь она была, пожалуй, права, Настенька. Сначала надо сделать главное дело, а потом заботиться о приложениях и прибавлениях.

— Ну, девочки, кто ещё хочет сказать?

Лена Ипполитова положила на полочку мел и, вытирая пальцы, задумчиво сказала:

— Отчего это так получается, что все самые хорошие названия уже придуманы? Вот я хотела предложить «Дружные ребята», потому что наш класс не очень-то дружный, а было бы

хорошо, если бы мы крепче дружили. Да вот и такое название уже есть.

Стелла Кузьминская насмешливо фыркнула и отвернулась к окну.

Этот смешок почему-то ужасно задел Олю. С самого начала собрания она следила за Стеллой. Ей хотелось знать, как будет вести себя эта девочка, прекрасная ученица, пятёрочница, которую она, Оля, довольно-таки опрометчиво выдвинула в председатели совета отряда.

За всё время Стелла не предложила ни одного названия. Только однажды она вставила своё слово: напомнила, что журнал с названием «Звезда» уже есть. Зато каждое предложение её подруг вызывало лёгкую усмешку на её красивом личике. Она слегка пожимала плечами, морщилась, презрительно выпячивала нижнюю губу.

Оля видела это, и её досада на себя и на Стеллу становилась всё сильнее.

Стараясь говорить как можно спокойнее, она повернулась к Стелле:

— Ты, кажется, что-то хочешь сказать, Кузьминская?

Стелла удивлённо поглядела на неё:

— Нет.

Оле очень хотелось вызвать Стеллу на разговор, но в это время Катя опять подняла руку:

— Оля, можно мне предложить?

— Да, да, говори.

— Мне кажется, — начала Катя, — Лена очень правильно сказала: нам непременно надо стать дружнее. В прошлом году мы очень часто ссорились, да и в этом году случалось. И, по моему, для нас самое главное — наладить хорошую пионерскую дружбу. Вот я и подумала: а что, если так и назвать газету — «Пионерская дружба»?

— Верно, — сказала Настенька. — Чего там ещё голову ломать! Хорошее название.

— Хорошее, хорошее!.. Подходит!.. — заговорили все разом.

— Ну что ж, — сказала Оля, — как будто название выбрали. Кому нравится, поднимите руки.

Все живо подняли. Только Стелла подняла руку вяло, как-

то нехотя, и сейчас же опустила. Потом опять подняла, но лениво и небрежно. Даже нельзя было понять толком, голосует она за это название или нет.

Оля, прищурившись, посмотрела в её сторону:

— Ну, а ты, Кузьминская, за или против? То поднимаешь руку, то опускаешь.

Стелла пожала плечами:

— А я ни за, ни против... Уж очень это название какое-то такое... обыкновенное.

— А тебе ещё какое нужно? — крикнула с места Ира Ладыгина. — Подумаешь, «обыкновенное»! Сама-то ты уж очень необыкновенная.

— Тише, Ира! — сказала Оля, невольно взглянув на Стеллину необыкновенную сумку, лежавшую на парте, и на её какой-то особенно нарядный передник.

Она вышла на середину класса и сказала спокойно:

— Девочки! У нас ещё есть время. Если кто-нибудь не согласен с предложением Кати, можно поспорить, предложить другое название. Ну-ка, Стелла, мы ждём.

Но Стелла, видимо, не собиралась спорить и воевать.

— Пусть называют газету как хотят, — процедила она обиженно. — Я не редактор. Какое мне дело...

Тут уж загудел весь класс:

— Не редактор, а председатель отряда! Председателю до всего должно быть дело.

А кто-то из середины класса добавил:

— Только умеешь учительницу из себя разыгрывать!

Оля подняла руку:

— Тише, девочки! — и опять повернулась к Стелле. — Вот что, Кузьминская: это ты, конечно, сказала не подумавши. Как же так? Решается общее дело. Всем интересно, тебе одной всё равно. Не может этого быть. Просто ты, должно быть, не совсем довольна предложениями своих подруг, у тебя, наверно, есть получше. Я ведь заметила, что ты посмеивалась, когда говорили другие. Ну, смело! Выкладывай, что ты придумала. Нам всем очень интересно послушать.

Стелла испуганными глазами посмотрела на Олю и уставилась себе под ноги.

— Ну?..

Стелла молчала.

Она чувствовала на себе насмешливые, выжидающие взгляды одноклассниц, и багровая краска заливала её щеки.

— Ага, — сказала Валя Ёлкина, — смеяться над другими легче, чем самой придумывать!

Стелла прикусила губу и отвернулась.

«Это ты у меня надолго запомнишь», — с удовлетворением подумала Оля и краешком глаза посмотрела на сестру.

Настенька ответила ей одобрительным и даже каким-то удивлённым взглядом, и это заставило Олю гордо и радостно улыбнуться.

Но она сейчас же подавила улыбку и сказала серьёзно:

— Ну, значит, новых и лучших предложений у нас нет. Садись, Кузьминская. Газета нашего отряда будет называться: «Пионерская дружба».

АННА СЕРГЕЕВНА

— Здравствуйте, девочки, я — ваша новая учительница. Зовут меня Анна Сергеевна.

Так сказала новая учительница, войдя в класс.

Все встали.

— Садитесь, девочки, — сказала Анна Сергеевна.

Новая учительница была намного старше Людмилы Фёдоровны. Высокая, худая, в больших очках, с двумя резкими, глубокими морщинами между бровями, она казалась хмурой и суровой. Здороваясь с классом, она слегка улыбнулась, и от этого возле губ у неё тоже появились две морщинки, а глаза остались такими же строгими и суровыми. Держалась она как-то чересчур прямо. Гладкие тёмные волосы с проседью были крепко-накрепко стянуты на затылке в тугий маленький узелок.

Новая учительница положила на стол классный журнал и большой, туго набитый портфель и пошла по рядам. Внимательно всматриваясь в лица и спрашивая у девочек их имена и фамилии, Анна Сергеевна что-то отмечала в своей записной книжечке.

— Та-ак, та-ак, — говорила она протяжно, переходя от парты к парте. — Егорова Анастасия, Ёлкина Валентина. Киселёва Клавдия...

Людмила Фёдоровна никогда не называла девочек полными именами, а всегда уменьшительными, по-домашнему: Клава, Валя, Настя.

И, должно быть, от непривычки, называя своё полное имя, девочки смущались и опускали глаза.

Дойдя до Лебедевой Анны, Анна Сергеевна на минутку задержалась и, поглядев на стриженные Анины волосы и на её похудевшее лицо, спросила:

— Ты болела недавно?

— Да, — чуть слышно ответила Аня. — Скарлатиной.

— Значит, много пропустила?

— Да.

— Придётся догонять, — сказала Анна Сергеевна и пошла дальше.

Ах, совсем, совсем по-другому встретила бы вернувшуюся после болезни Аню милая Людмила Фёдоровна!

Девочки невольно переглянулись. Анна Сергеевна заметила это. Она чуть-чуть улыбнулась и спокойно продолжала свой обход, терпеливо переспрашивая, если сразу не могла расслышать имя или фамилию.

Обойдя все парты, Анна Сергеевна сказала ровным и твёрдым голосом:

— Девочки! Нам с вами придётся в этом году очень серьёзно поработать. Мы должны помнить, что весной у нас — экзамены.

Класс встрепенулся. Поднялось несколько рук.

— А разве Людмила Фёдоровна не вернётся к нам до экзаменов? — спросила Ира Ладыгина, встав с места.

— К сожалению, в этом году, скорее всего, нет, — всё так же спокойно ответила Анна Сергеевна.

«В этом году!» — с ужасом подумала Катя. — А ведь в будущем году и наверно уже её у нас не будет. Мы перейдём в пятый класс, а там все учителя будут другие. По всем предметам!»

И Катя с такой нескрываемой обидой посмотрела на Анну

Сергеевну, как будто новая учительница была виновата и в болезни Людмилы Фёдоровны и в том, что в пятом классе все учителя будут другие.

Анна Сергеевна поняла, что тревожит девочек.

— Ничего не поделаешь, — разводя руками, сказала она. — Если вы любите вашу учительницу, вы должны хотеть, чтобы она совсем выздоровела, а для этого ей нужно как следует отдохнуть. Вы же не маленькие и должны это понимать.

Анна Сергеевна села у стола, раскрыла свой толстый портфель и, достав учебную книгу, принялась её перелистывать.

Новая учительница ничем не походила на Людмилу Фёдоровну.

А тем временем девочки смотрели на неё, приглядывались и невольно сравнивали её с Людмилой Фёдоровной.

Новая учительница ничем, ну решительно ничем не походила на их молодую, красивую и ласковую Людмилу Фёдоровну.

«Строгая, сердитая», — думали девочки.

А между тем, поворачивая концами пальцев страницы, Анна Сергеевна тоже всматривалась в лица своих новых учениц, всматривалась так, словно хотела каждую из них тут же, сразу, понять и запомнить. Её чуть прищуренные, близорукие глаза казались при этом недоверчивыми, даже сердитыми.

Но девочки и не догадывались о том, что думала и чувствовала в это время высокая пожилая женщина, поневоле занявшая место Людмилы Фёдоровны. Они не знали, что она отлично поняла, или, вернее, почувствовала, как её встречает класс. По выражению лиц, по шороху, по шопоту она сразу же заметила, что все они сравнивают её мысленно с их прежней учительницей.

Да, у неё не было счастливого умения расположить к себе с первой встречи одной только улыбкой, звонким голосом, живостью, молодостью.

Это не смущало её. Она знала, что постепенно, изо дня в день, — трудом, заботой, вниманием, умением — завоюет свой класс.

И всё-таки ей было чуть-чуть грустно. Грустно чувствовать эту ничем не заслуженную, чуть ли не враждебную насторожённость.

«Ну, ничего! — подумала Анна Сергеевна. — Надо начинать».

Она заглянула в свою записную книжечку и спокойно, как будто ничего особенного не заметила, сказала:

— Сегодня у нас по расписанию первый урок — грамматика. Повторим то, что вы уже учили. Ну-ка, скажи мне ты — твоя фамилия, кажется, Ипполитова? Что вы прошли по грамматике?

Лена тихонько откинула крышку парты и встала.

— Мы прошли, — начала она совсем не так смело и уверенно, как отвечала обычно Людмиле Фёдоровне, — корни, при-

ставки, суффиксы и окончания. А также ударные и безударные гласные.

— Так, — сказала Анна Сергеевна. — Иди к доске.

Лена подошла. Все притихли в ожидании.

«Хорошо, что Лёну вызвали первую, — подумала Катя. — Она-то всё знает назубок!»

Но Лена, всегда такая спокойная и уверенная, сейчас робко переступала с ноги на ногу и оглядывалась на подруг.

— Напиши, — сказала Анна Сергеевна, — такое предложение: «Журавли летели над морем и видели на нём большие корабли и маленькие лодочки с белыми парусами».

Лена принялась писать, постукивая мелом, но строчки у неё пошли вкривь и вкось и на концах так высоко забрались вверх, словно это были не буквы, а те самые журавли, которые летели над морем. И когда Анна Сергеевна попросила Лёну подчеркнуть безударные гласные в корнях слов и объяснить их правописание, Лена подчеркнула не безударные, а ударные.

— Что ж это ты? — спросила Анна Сергеевна. — Посмотри внимательно, какие это гласные.

По классу пробежал шумок:

— Она знает!.. Знает!..

Анна Сергеевна подняла руку:

— Тише. Если знает, тем лучше.

Лена уже заметила свою ошибку, быстро стёрла написанное и принялась писать всё заново. И опять по доске разлетелись белые журавли.

Все в классе понимали, что Лена волнуется. И на самом деле, она волновалась всё больше. Ей пришло в голову, что Анна Сергеевна приняла её за слабую ученицу и что теперь уже всегда будет о ней так думать. Подчеркнув то, что требуется, Лена уже хотела положить на место мел, но Анна Сергеевна ещё не отпустила её.

— Скажи мне, пожалуйста, как можно проверить, правильно ли у тебя написаны безударные гласные в корнях слов: «журавли летели»?

Лена задумалась. Ещё немножко — каких-нибудь полминуты, даже меньше, — и она, конечно, ответила бы, что у неё написано всё правильно, и объяснила бы, что для безударного

«а» в слове «журавли» проверочным словом служит «журавль», а для безударного «е» в слове «летели» такое проверочное слово — «полёт», но в это время до неё и до Анны Сергеевны отчётливо донеслась подсказка...

Лена покраснела. Этого ещё не хватало! Теперь Анна Сергеевна уж наверно подумает, что Лена — самая настоящая гупица, которую только подсказкой и можно выручить.

— В чём дело? — спросила Анна Сергеевна у Зои Алиевой, сидящей на одной из первых парт, хотя подсказывал кто-то другой, а не Зоя.

— Анна Сергеевна, — начала Зоя, поглядывая на учительницу своими блестящими чёрными глазами, — Ипполитова у нас отличница, она всегда всё знает.

Анна Сергеевна как будто не удивилась.

— Охотно верю, что она всегда отвечает отлично, — сказала она спокойно. — Но сейчас Ипполитова ответила не слишком хорошо. На тройку.

Класс прямо ахнул:

— На тройку!

— Ипполитова — на тройку?!

Все были поражены. Никто не помнил случая, чтобы Лена Ипполитова получила когда-нибудь четвёрку, не то что тройку!

С парты на парту пошло перешёптыванье:

— Да ведь она не сделала ни одной ошибки.

— Написала всё правильно. Только подчеркнула неверно, да и то нечаянно! И ведь она почти всё исправила.

В классе с каждой минутой становилось всё беспокойнее.

Наконец Лена пошла на место. Она была красная, расстроенная, хотя Анна Сергеевна на первый раз пощадила её, поставив отметку не в журнал, а в свою записную книжечку, да притом и не тройку, а вопросительный знак.

Теперь у доски стояла Валя Ёлкина. Она тоже сбивалась и путалась.

Всякий раз, когда Валя делала ошибку, Аня оборачивалась и смотрела на Катю то с тревожным недоумением, то с негодованием. Она как будто хотела сказать: «А всё это потому, что спрашивает не Людмила Фёдоровна, а эта новая!..»

Катя пожимала плечами, отводила глаза, но на душе у неё

было тревожно. Подумать только — Лене Ипполитовой тройка! Если уж Лене тройка, то что же будет с остальными?! И, главное, по какому предмету? По русскому языку!

Людмила Фёдоровна всегда говорила, что по русскому Лена и она, Катя, самые лучшие её ученицы.

Ещё так недавно Катя бывало дожидаться не могла этого урока. Она любила не только читать, рассказывать, говорить наизусть стихи, но даже заниматься грамматикой, — а уж это у них в классе мало кто любил.

Кате правилось следить за тем, как меняется смысл слова из-за какой-нибудь маленькой приставочки. Она со вкусом придумывала примеры на разные правила и подыскивала проверочные слова для безударных гласных так весело, словно это был не урок, а игра в слова. Ей и правила-то учить почти не приходилось. Они как-то запоминались сами собой.

Но сейчас от волнения, которое охватило весь класс, Кате казалось, что и она тоже начала бы путаться, если бы стояла у доски и видела устремлённый на себя строгий взгляд новой учительницы.

— А теперь, девочки, — сказала Анна Сергеевна, отослав наконец на место Валю Ёлкину, — придумайте сами слова с ударными и безударными гласными.

Девочки стали перешёптываться.

— Только не советоваться, — остановила их Анна Сергеевна. — Мне же интересно знать, как вы усвоили то, что прошли.

«Как усвоили!» — с горечью подумала Катя. — Теперь уж не нас проверяет, а Людмилу Фёдоровну!»

Должно быть, и Ане пришла в голову та же мысль. Она опять обернулась и посмотрела на Катю. Но Анна Сергеевна сразу же заметила это и сделала замечание обеим — и ей и Кате:

— Девочки на первой и второй парте!

— Мы не разговариваем, — обиженно протянула Аня.

— Необязательно разговаривать, — сказала Анна Сергеевна. — Вы переглядываетесь.

«Ишь какая, — подумала Катя. — И переглянуться не даст».

И ей ещё тяжелее стало оттого, что какая-то всем чужая,

неизвестно откуда появившаяся Анна Сергеевна уже наводит в классе свои порядки. И Катя поняла: захочет класс или не захочет, а эта суровая учительница поставит на своём, и всё будет делаться по её воле. Так и вышло. Подумав немного, девочки уже отвечали, какие слова они придумали и какие в этих словах ударные гласные и безударные.

Катя уже не могла остаться в стороне и тоже начала придумывать. По обыкновению, она придумывала быстро и хорошо. Анна Сергеевна три раза спрашивала её и все три раза одобрительно кивнула головой, а под конец даже похвалила: «Так. Очень толково!»

Кате это было приятно и в то же время как-то неловко перед Леной и Валеёй, которых Анна Сергеевна, как ей казалось, несправедливо обидела. Ей даже хотелось, чтобы Анна Сергеевна и к ней была так же придирчива и сурова.

«А всё-таки она злющая», — написала Катя и придвинула листок Наташе.

«Посмотрим, может быть на втором уроке она будет немножко добрее», — ответила на том же листке Наташа.

Катя разорвала под партой листок и подумала:

«Да, конечно, Наташа не так огорчена, как мы все. Она Людмилу Фёдоровну почти что не знала, какой-нибудь месяц у неё проучилась...»

Но и на втором уроке — это была история — оказалось, что новая учительница такая же строгая и требовательная. Она вызвала Настю Егорову, и даже бойкий Настин ответ показался ей недостаточно полным и точным.

На душе у Кати стало ещё беспокойнее.

«Это бы ещё ничего, что строгая, — думала она, — если бы справедливо спрашивала. А то несправедливо. Не угодишь! Лене Ипполитовой — тройка. Наверно, и Насте не больше».

— Ты хочешь что-то сказать? — спросила Анна Сергеевна Катю, заметив, что она как-то особенно возбуждена и встревожена.

Катя встала, не зная ещё, что она скажет. Встала просто потому, что нельзя же сидеть, когда с тобой говорит учитель!

— Ну в чём дело? Чем ты недовольна, Снегирёва?

И тут Кате показалось вдруг, что ей будет легче, если она

выскажет Anne Сергеевне то, что её мучило. И, не успев обдумать, что и как сказать, Катя выпалила:

— Несправедливо!

— Я тебя не понимаю, Снегирёва, — сказала Анна Сергеевна сдержанно. — Что именно несправедливо?

— Всё...

Поражённая, подавленная собственной дерзостью, Катя опустила голову и почувствовала, как кровь заливает ей щёки. Нет, ей не стало легче оттого, что она сказала. Ей стало гораздо тяжелее.

— Садись, — произнесла Анна Сергеевна спокойным, глуховатым голосом. — И в другой раз, прежде чем говорить, подумай.

Катя села на место.

«Что это я? — с ужасом поняла она. — Сделала замечание учительнице!»

И ей вспомнилась одна из бабушкиных пословиц: «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь».

А Наташа шепнула ей с укором:

— Ой, Катя, зачем ты так!

Катя и сама не могла бы сейчас ответить, зачем. Как она расскажет об этом дома? Мама просто не поверит, что её Катя могла так обидеть старого человека, учительницу! А бабушке и Тане рассказывать и совсем нельзя.

Катя с невольной тревогой посмотрела на Настю. Настя отвела глаза и поморщилась, как будто ей было неприятно. Катя поняла, что Настя её осуждает. Только Ира Ладыгина была, видимо, очень довольна происшествием. Она кивала Кате, подмигивала, что-то шептала беззвучно, одними губами.

Когда прозвенел звонок на перемену и Катя, мрачная, подавленная, подошла к окну коридора и принялась пристально смотреть во двор, для того чтобы не разговаривать с девочками, Ира подбежала к ней и закричала весело и уверенно:

— Ты у нас молодчина, Катюшка! Очень хорошо сказала.

Катя обернулась:

— А я боюсь, что плохо...

— Глупая! Я же видела, что она прямо позеленела, когда с тобой разговаривала.

— Ну и что?

— А то, что если ей у нас не понравится, она уйдёт. А мы уж как-нибудь побудем одни, пока не выздоровеет Людмила Фёдоровна.

Катя с сомнением покачала головой. То, что поддерживала и утешала её одна только озорная Ира Ладыгина, лишней раз подтверждало, что она, должно быть, поступила не так, как надо. Но утешения очень хотелось, и, глядя, как весёлые воробьи беззаботно прыгают за стеклом по карнизу, Катя подумала:

«А может быть, и вправду лучше будет, если Анне Сергеевне у нас не понравится?»

Всё же Катя решила вести себя на уроке тихо и спокойно. Уж очень виноватой чувствовала она себя, чтобы затевать что-нибудь.

Однако оттого ли, что все уже были слишком взбудоражены, или оттого, что кое-кто и на самом деле вздумал шуметь нарочно, но и на следующем — последнем — уроке шум не только не утих, а ещё больше усилился. На одних вдруг напал кашель, словно они внезапно простудились, другие шептались между собой.

У доски теперь стояла Зоя Алиева и записывала условия задачи. Обернувшись к классу, Анна Сергеевна остановила на нём долгий, пристальный взгляд. Можно было подумать, что вот-вот она закричит, стукнет по столу. Но Анна Сергеевна всё так же спокойно, словно застыв на месте, смотрела на свой новый класс и ждала.

Постепенно шум стал утихать. И тогда Анна Сергеевна сказала негромко, но твёрдо:

— Кто-то мешает нам работать. Пусть те, которые не хотят учиться, немедленно выйдут из класса.

Никто не шевельнулся.

— Я жду, — снова сказала Анна Сергеевна, ухватившись обеими руками за край стола, и девочки заметили, что руки у неё слегка дрожат.

Стало ещё тише.

— Успокоились? — спросила Анна Сергеевна. — Вот и хорошо. Давно бы так.

И Анна Сергеевна опять обернулась к Зое, стоявшей с виноватым видом у доски. Зоя поглядывала на своих подруг и хмурилась. Должно быть, ей, старосте класса и члену совета отряда, было очень стыдно за свой класс, за свой отряд, который она видела сейчас издали, со стороны, как бы глазами Анны Сергеевны. Зоя делала знаки Стелле — чего, мол, ты смотришь? Ты же председатель совета отряда! Но Стелла будто и не понимала, чего от неё хочет Зоя...

После урока все опять высыпали в коридор. Анна Сергеевна широко распахнула окна, и девочки окончательно поняли, что теперь это её класс и что она в нём не гостья.

СПРАВЕДЛИВО ИЛИ НЕСПРАВЕДЛИВО?

Катя шла из школы домой одна. Наташа и Аня целых четверть часа топтались у дверей, дожидаясь её, но Катя нарочно долго перешнуровывала ботинки, потом перекладывала книги... Наконец она сердито посмотрела на подруг и сказала:

— Не ждите, я ещё не скоро...

Девочки переглянулись и ушли без неё.

Кате хотелось побыть одной и на ходу разобраться в том, что сегодня случилось. А что же всё-таки случилось?

Она прямо и честно сказала Анне Сергеевне то, что думала. Ничего плохого в этом нет. Наверно, все девочки думали то же самое. Только никто не посмел сказать, а вот она посмела. Да, но почему же ей теперь так неприятно, если она поступила честно и смело?

Катя даже остановилась на секунду, ковыряя носком ботинка песок на дорожке бульвара. Когда человек поступает хорошо, ему не бывает тяжело и стыдно. Значит, она поступила не так уж хорошо? Да, кажется... Ну, а что же было нехорошего? Конечно, ученицы не должны делать замечания учительнице, младшие — старшим. Вдруг бы она, Катя, сделала замечание папе? Нет, даже и представить себе нельзя.

Ну, а всё-таки, если кто-нибудь поступает несправедливо, надо об этом сказать или не надо? Конечно, надо! Иначе было бы нечестно. Человек обидел другого зря, несправедливо, и

пусть знает, что все кругом это видят... Так-то так, но что же было несправедливого? Лене Ипполитовой поставили тройку. Положим, не тройку, а вопросительный знак. Но это тоже очень неприятно. Лена — отличница и всегда всё очень хорошо знает.

А сегодня? Сегодня она и вправду отвечала неважно. Подчеркнула всё неверно и писала ужасно криво. И что-то мямлила насчёт безударных гласных, пока ей не подсказали. Так что Анна Сергеевна никак не могла догадаться, что Лена круглая отличница. И всё-таки она ей поставила не тройку, а вопросительный знак. И даже не в журнал, а в книжечку. Значит, решила подождать и проверить. Что ж тут несправедливого?

Катя тяжело вздохнула и медленно побрела дальше, размахивая сумкой. Сумка вдруг показалась ей почему-то очень тяжёлой.

А потом на уроке истории... Настенька тоже отвечала не так уж хорошо. Забыла, в каком году было Ледовое побоище... Анна Сергеевна раза три задавала ей наводящие вопросы. Что бы сказала Людмила Фёдоровна, если бы Настя ей так ответила? Значит, и тут не было ничего несправедливого?

Катя даже зажмурилась от стыда.

«Выходит, что это вовсе не Анна Сергеевна была неправа, а я? Конечно, я! Выскочила тоже! «Несправедливо». Нашлась умница! Одна из всего класса! Обидела старую учительницу ни за что ни про что. Большим тоже, наверно, бывает обидно, когда с ними обращаются несправедливо. Только они виду не показывают».

И Катя представила себе, как Анна Сергеевна, обиженная, грустная, входит после уроков в учительскую. Её спрашивают: «Как вам понравились ваши новые ученицы?» — «Ужасный класс, — отвечает Анна Сергеевна. — Особенно одна девочка — худенькая, со светлыми косами. Снегирёва, кажется? Такая дерзкая, невоспитанная». — «Не понимаю, что с ней стало, — говорит Надежда Ивановна. — Прежде она вела себя хорошо».

И вот завтра Катю вызывают в пионерскую комнату, а потом к директору. И начинается, и начинается... Вызовут, конечно, и маму... А что мама тут может сказать? Действительно, ужасно нехорошо получилось. Что же делать? Что делать?

Извиниться? Как? Перед всем классом? Но извиняться было для Кати самым трудным делом. Даже у мамы Катя не могла попросить прощения, когда бывала виновата, а чаще писала на бумажке: «Мамочка, дорогая, пожалуйста, прости, я больше никогда не буду!» — и подсовывала маме записочку под чертёжную бумагу на её столе. А сама пряталась где-нибудь в сторонке и следила издали за выражением маминого лица... А теперь нужно было громко, во всеуслышание, сказать чужому, почти незнакомому человеку: «Простите, я больше никогда не буду!» Ох, как это трудно...

— Бабушка, мама дома? — спросила Катя, тихонько входя в переднюю.

— На фабрику поехала. А ты что это какая-то не своя?

— Ничего, бабушка, это так...

Катя положила сумку в передней на стул, сбросила пальтишко и медленно, как-то нехотя, вошла в комнату.

Дома был один только Миша. Он уже сделал уроки и теперь, весело напевая, что-то рисовал за столом.

— Смотри, — сказал он, — какую картину я рисую!

— Потом, Мишенька, — ответила ему Катя и пошла к бабушке.

Бабушка была на кухне. Она стояла у плиты и осторожно поворачивала на сковороде румяные, свёрнутые в трубочку блинчики.

— Сейчас будем обедать, — сказала бабушка. — Что, очень проголодалась?

— Нет, не очень... Даже совсем не хочется есть.

Бабушка внимательно посмотрела на внучку:

— Что с тобой, Катенька? Уж не случилось ли опять чего-нибудь в школе?

Катя вздохнула:

— Да нет. Ничего особенного...

А сама подумала: «Ничего особенного... Очень даже особенное!»

Ей сильно хотелось рассказать обо всём, что произошло. И как-нибудь так рассказать, чтобы бабушка была за неё, пожалела и утешила её.

Не зная, как и с чего начать, она молча стояла, облокотив-

лись о край кухонного стола, перебирая в мыслях все те слова, которые могли бы растрогать и разжалобить бабушку:

«Понимаешь, бабуся, сама не знаю, как это вышло. Я не хотела...»

Нет, это не годится. Бабушка, конечно, скажет: «Не хотела бы, так не сказала бы. Никто за язык не тянул».

А если так начать: «Бабушка, у нас новая учительница. Ужасно строгая. Я ей прямо сказала...»

Нет, и так не годится. Бабушка скажет: «Ай, моська! Знать, она сильна, что лает на слона!» А потом и начнёт, и начнёт: «Ты что ж это, Катерина, умней всех быть хочешь? Учительницу учить вздумала! Завтра же повинись!»

Бабушка опять оглянулась на внуку:

— Ты что там шепчешь? Уроки, что ли, повторяешь?

Катя покраспела и отвернулась:

— Да, повторяю. Нам наизусть задано...

Бабушка с сомнением покачала головой:

— Вот я тебе сейчас температуру смерю.

И, подойдя, прикоснулась губами к Катиному лбу. Катя почувствовала вдруг такую нежность к её маленьким рукам со вздувшимися жилками, к полосатому переднику, к её старческому губам.

— Нет, ничего, бабусенька, — сказала Катя, — у меня нет жара. А только у нас в классе беда: учительница новая.

И она, уже не выбирая слов, рассказала бабушке и о том, что сегодня пришла к ним новая учительница, и о том, какая она строгая, требовательная, даже придирчивая, и о том, как недовольны все девочки и как было шумно на уроках. Не рассказала Катя только о самом главном — о том, что она сказала Анне Сергеевне: «несправедливо». И потому, что самое главное она утаила, ей несколько не стало легче от этого рассказа.

Бабушка слушала Катю серьёзно, не перебивая, потом отставила сковородку на край плиты и спросила:

— Не пойму я, Катенька, чего вы хотите? Чтобы больная учительница вернулась на работу? Или чтобы сама начальница пришла вас учить?

— Какая начальница? — сказала Катя с досадой. — У нас директор Вера Александровна, а не начальница.

— Ну, пусть — директор. Что же, ей бросить все дела и заниматься с одним вашим классом?

— Да нет! — сказала Катя. — Вовсе мы этого не хотим. У нас директор не ведёт уроки.

— Ну, вот видишь, — бабушка с удовлетворением кивнула головой. — И не ведёт даже. Так скажи на милость: чего ж вы добиваетесь? Чем недовольны? Ну, пришёл к вам новый человек — может, лишнюю нагрузку на себя берёт, работает без отдыха, а вы — своё: «Поддавай нам Людмилу Фёдоровну, не желаем Анны Петровны!»

— Какой ещё Анны Петровны! — сказала Катя. — У нас же Анна Сергеевна!

— Ну пусть — Анна Сергеевна. Так вот, что же получается? Пришла она к вам, хочет вас уму-разуму научить, а вы как её встретили? Шумом-гамом? Красиво, нечего сказать! Теперь, может, Анна Ивановна и сама учить вас не захочет.

— Да какая там Анна Ивановна! — ужаснулась Катя. — Анна Сергеевна!

— Ну хотя бы и Сергеевна. Пусть хоть Терентьевна, Дементьевна — не в этом дело. Хотите учиться — учитесь, а нет — оставайтесь неучами.

Бабушка сурово взглянула на Катю и опять отошла к плите, а Катя задумалась. Конечно, бабушка правильно сказала: «Чего вы добиваетесь?» И остаться неучем никто в классе не хочет. Даже Клавка Киселёва. Но у бабушки всегда всё получается как-то уж слишком просто. А в жизни оно не так.

Катя отошла от стола и грустно присела в уголке на табуретке. Ей и самой трудно было теперь понять, как же всё это случилось. Ведь не думали же они, в самом деле, прогнать Анну Сергеевну и заставить вернуться больную Людмилу Фёдоровну! Всё вышло как-то само собой... Ах, если бы этого не было! Если бы сегодняшний день ещё не наступил, а было бы вчера! Катя бы как-нибудь сдержалась, и всё обошлось бы хорошо... Да нет! Недаром бабушка так любит пословицу: «Сболтнётся — не воротится».

— Иди-ка переоденься, — сказала бабушка, — скоро обедать будем.

— Сейчас...

В эту минуту в кухню вбежал Миша.

— Нарисовал картину! — крикнул он весело. — Смотрите, только сначала вытрите руки!

Он сунул бабушке альбом. Она мельком взглянула и, хотя всё ещё, видно, была недовольна Катей, не могла не улыбнуться. Катя тоже посмотрела и, как ей ни было сейчас грустно, невольно засмеялась.

Рисунок изображал дом с трубой. Над домом висело огромное красное солнце, а по направлению к дому, держась за руки, похожие на палки, шли два человека: один — повыше, другой — пониже.

— Это что за мурзилки? — спросила бабушка.

— Какие мурзилки? — недовольно сказал Миша. — Это мы с тобой в школу идём. Первого сентября. Вот я, а вот ты.

— А что это за большая жёлтая нога? — спросила Катя.

Миша возмутился:

— Это совсем не нога! Это дорога. Бульвар.

— А почему у этого человека в руке чемодан?

— Это не чемодан! Это портфель. Это я несу портфель.

Бабушка посмотрела на Катю и сделала ей знак глазами, чтобы она не смеялась.

Катя перевернула страницу альбома:

— Вот это получилось прямо замечательно! Смотри, бабушка, это Мишин класс. Особенно хорошо окна нарисованы.

Бабушка посмотрела и одобрительно кивнула головой:

— Хорошо, Мишенька, очень хорошо!

В альбоме, вдоль всей страницы, были нарисованы густо заштрихованные чёрным карандашом треугольники парт. За партами торчали какие-то не то человечки, не то зверьки с острыми мордочками. А перед ними стояло странное, тоже треугольное, существо с острым носом, в чёрной юбке и в синей кофте колоколом. Странное существо писало на доске своей единственной рукой, похожей на палку, такие же длинные палки, только загнутые книзу.

— Это что за чучело? — спросила Катя. — И почему у него только одна рука?

— Сама ты чучело! — крикнул плачущим голосом Миша. — Это Наталья Петровна, наша учительница. Другой руки

тут не видно. — И, подумав, Миша грустно добавил: — У меня люди ещё не очень хорошо получают...

— Ничего, Мишенька, научись рисовать и людей, — подбодрила его бабушка. — А пока ставь на стол тарелки. Я суп несу.

Кате казалось, что ей совсем не хочется есть. Но когда бабушка положила ей на тарелку пару румяных, политых сметаной блинчиков с творогом, она почувствовала, что здорово проголодалась и что всё на свете не так уж плохо.

В этот день Катя так и не решилась рассказать дома о том, что произошло в школе. Даже маме она не сказала ни слова.

«Надо сначала поговорить с девочками, — думала она. — Скорей бы уж настало утро».

Но на другое утро ей почему-то, против обыкновения, не хотелось идти в школу. Она даже пощупала голову и посмотрела в зеркало на свой язык. Но язык был красный, а лоб холодный. Вообще, как назло, ничего не болело. Так всегда бывает. Вот если бы Таня принесла билеты в кино или в детский театр, тогда бы уж, конечно, язык был белый, а лоб горячий.

Тяжело вздыхая, Катя оделась и медленно пошла в школу.

«Надо поторопиться, — подгоняла она себя, — а то не успею поговорить до урока с девочками».

А ноги сами замедляли шаг. Она пришла в школу минуты за две до звонка. Молча вошла в класс, села на своё место и стала деловито укладывать в парту книжки и тетрадки.

Кто-то дёрнул ее за рукав:

— Катя, Катя!

Она неохотно оглянулась. Ира Ладыгина, приподнявшись, громко шептала ей на ухо:

— Слушай, что я тебе скажу. Только это пока секрет...

— И от Наташи? — спросила Катя.

— Ну, пускай Наташа тоже слушает. Только больше никому не говорите. Анна Сергеевна, оказывается, учит ещё и мальчишек в мальчишечьей школе.

— Что ж в этом такого? — спросила Катя.

А Наташа сочувственно покачала головой:

— Бедная! Трудно, наверно, с мальчишками.

— Вот ещё — «бедная»! — усмехнулась Ира. — Это мальчишки бедные. Вы знаете, какая она? Строгая — ужас! Как начнёт гонять по всему учебнику и двойками сыпать, только держись!

— А ты откуда знаешь? — спросила Катя.

Ира мотнула головой:

— Да ведь мой братишка как раз в этой самой школе учится.

— У Анны Сергеевны? — спросили вместе Катя и Наташа.

— Нет, не у неё, но он её всё равно знает. Её там все мальчишки боятся. А как ты её вчера здорово отбрила! Только смотри теперь держись — она к тебе придирааться станет.

— Глупости, — сказала Катя. — Чего ей ко мне придирааться?

— А за вчерашнее?

Катя передёрнула плечами и молча стала рыться в пенале, отыскивая свежее пёрышко.

На этом уроке Анна Сергеевна ещё крепче взяла в руки весь класс. Опять было по рядам пробежал шумок, но Анна Сергеевна сказала ещё строже, чем вчера:

— Имейте в виду: сколько времени у нас пропадёт зря, ровно столько же нам придётся отработать после уроков. Иначе мы не успеем пройти всё, что нам нужно. Я слежу по часам.

Катя подняла крышку парты, чтобы убрать пенал, и нечаянно выпустила её из рук. Крышка хлопнула с таким стуком, что все обернулись.

— Снегирёва! — громко, на весь класс, сказала Анна Сергеевна.

Катя встала.

— Простите, Анна Сергеевна, — проговорила она, — это я нечаянно...

«Может быть, заодно извиниться и за вчерашнее?» — мелькнуло у неё в голове. Но в эту минуту Анна Сергеевна посмотрела на неё, сдвинув брови, и сухо сказала:

— Предупреждаю тебя, Снегирёва. Если ты не будешь вести себя как следует, мне придётся вызвать твою маму.

Катя вспыхнула и села на место. Извиняться она уже не стала.

Все с удивлением и сочувствием взглянули на Катю. Её маму никогда ещё не вызывали в школу.

Аня так и повернулась к ней, будто на пружинах.

— Ой, Катя! — сказала она шопотом и приложила руки к щекам. — Как несправедливо!

А Ира Ладыгина зашипела за спиной у Кати:

— Я ж тебе говорила, я ж тебе говорила!

Катя наклонила голову и ничего не ответила — ни Ане, ни Ире.

В этот день все ещё раз убедились в том, что новая учительница не бросает слов на ветер. Когда после уроков все начали собирать книжки, Анна Сергеевна сказала:

— Мы по вашей вине потеряли сегодня пятнадцать минут. И ровно пятнадцать минут вы будете решать примеры по арифметике.

Девочки удивлённо поглядывали то друг на друга, то на учительницу. Послышался какой-то недовольный, невнятный ропот.

— Что, проголодались, устали? — спросила Анна Сергеевна. — Я тоже устала и не прочь была бы отдохнуть. Ведь я работаю ещё в одной школе. Во второй смене. Но сейчас я должна заниматься с вами. Надо же наверстать потерянное время.

И, даже не взглянув на тех, кто жаловался и охал, Анна Сергеевна принялась диктовать примеры.

Ровно через пятнадцать минут учительница поднялась с места и сказала:

— До свиданья, девочки. Алиева, ты, кажется, староста? Последи, чтобы все тихонько собрали книги и разошлись по домам быстро и без шума.

Анна Сергеевна вышла из класса, а девочки сразу зашумели, заговорили наперебой:

— Вот злющая! Ни за что ни про что оставила после уроков. Катя права была: она несправедливая.

— Нет, — вдруг решительно сказала Катя, — вовсе я не была права.

— Как так? — удивились девочки.

— А очень просто: она, может быть, и очень строгая, но справедливая.

КЛЯТВА

Когда девочки дошли до того угла, где они всегда прощались, Аня вдруг вздохнула и сказала:

— А Людмила Фёдоровна наша бедненькая!.. Ей, наверно, ещё хуже, чем нам теперь. Лежит одна-одинёшенька, и поговорить не с кем...

— Ей и нельзя говорить, — перебила Аню Наташа.

— Ну, значит, ещё скучнее. Лежит и думает: как-то там мои девочки? Может быть, забыли меня? У них уже новая учительница... Девочки, что, если бы нам навестить её?

Катя сразу остановилась:

— Ой, правда, надо навестить Людмилу Фёдоровну. Всё ей расскажем, она и посоветует...

— Да ведь ей не позволяют говорить, — повторила Наташа.

— Ну, как-нибудь... Завтра надо спросить у Надежды Ивановны, можно или нет.

Надежда Ивановна внимательно выслушала девочек.

— Ну что ж, — сказала она, — проведать Людмилу Фёдоровну можно, но помните — сидеть недолго, не утомлять её, и на первый раз пускай пойдёт не больше двух человек.

— Конечно, мы понимаем, — разом ответили девочки.

И вот, сделав уроки, Катя и Аня встретились у парадной Катиного дома и чуть не бегом побежали по бульвару.

Было ещё совсем тепло, и казалось, что это не середина октября, не поздняя осень, а ранняя весна, что скоро набухнут почки и снова зазеленеют на голых ветках листья.

— С плохими учителями никогда ничего не случается, — говорила Аня, шагая по бульвару рядом с Катей. — А с хорошими обязательно что-нибудь должно случиться. Вот и у моей двоюродной сестры так было. Самый любимый учитель попал под машину, а нелюбимый и не подумал...

— Почему? — спросила Катя.

Аня удивилась:

— Как это «почему»? Да ты меня совсем не слушаешь.

Катя виновато посмотрела на Аню:

— Прости, Анечка, я и в самом деле ничего не слыхала. Я задумалась.

— О чём? О новой учительнице? Да? Ты боишься, что вызовут твою маму?

— Да нет, не то что боюсь... А неприятно как-то...

— Ещё бы! — уверенно ответила Аня. — Знаешь, она на тебя сегодня так посмотрела, так посмотрела, что я просто испугалась... Постой, мы, кажется, прошли?

— Нет, как раз вот этот двор.

Девочки вошли в ворота и направились к одному из подъездов большого, многооконного корпуса. Они хорошо знали, где живёт их учительница, потому что не раз провожали её домой, до самых дверей. Но дома у неё они ещё не были ни разу.

Катя осторожно дотронулась до кнопки звонка.

Дверь открыла какая-то незнакомая пожилая женщина.

— Учительницу пришли проводить? — спросила она.

— Да, — ответили девочки. — А можно?

— Можно-то можно, только говорить ей нельзя.

— Мы знаем, — сказала Катя. — Мы только передадим ей привет от всего нашего класса и сразу уйдём.

— Ну подождите, я сейчас спрошу.

Катя и Аня робко остановились на пороге.

— Ой, смотри, Катя! — вдруг сказала Аня.

— Что такое?

Аня подбородком показала ей в сторону вешалки. Там на крючке висела очень большая кожаная куртка на меху, с меховым капюшоном. На столике лежал такой же шлем, а в углу стояли огромные меховые сапоги. Можно было подумать, что в этой квартире живёт великан и что этот великан приехал прямо с Северного полюса.

— Вот странно! — шопотом сказала Аня. — Ведь ещё совсем тепло, а здесь кто-то уже одевается так, словно на дворе сорок градусов мороза.

— А ты разве забыла, — спросила Катя, — что у Людмилы Фёдоровны муж — полярный лётчик? Она рассказывала об этом ещё в прошлом году.

— Заходите, девочки, — сказала пожилая женщина, вернувшись в переднюю. — Давайте ваши пальтишки. Сейчас Людмила Фёдоровна выйдет... Что это она не идёт? Вы два звонка

подали, на всю квартиру звону, — а она будто и не слышит, бедная!..

И, стоя в дверях, словоохотливая женщина принялась делать молча руками какие-то странные знаки.

Но вместо Людмилы Фёдоровны в дверях появился очень большой, широкоплечий человек, в тёмной полосатой куртке.

— Прасковья Семёновна, — сказал он, — что это вы занимаетесь сигнализацией? Ведь Людмила Фёдоровна прекрасно слышит. Она только говорить не может.

— Не может, голубушка! — подтвердила Прасковья Семёновна. — Вот несчастье-то! Знаете, Петр Николаевич, иной раз идёшь по улице и видишь — такие же глухонемые идут и всё руками разговаривают...

Пётр Николаевич не стал больше спорить с Прасковьей Семёновной и позвал:

— Люся! К тебе два товарища пришли.

Катя и Аня переглянулись: кто это Люся? Какие два товарища?

Но тут и сама Людмила Фёдоровна вышла к ним навстречу и, улыбаясь, протянула им обе руки. Она была одета не так, как в школе, а по-домашнему. На ней был длинный тёплый халат.

— Людмила Фёдоровна! — обрадовалась Катя. — А мы думали, что вы лежите всё время!

— Одна-одинёшенька, — прибавила Аня.

Людмила Фёдоровна молча, с улыбкой покачала головой и ласково погладила ёжик Аниных волос.

А Пётр Николаевич ответил за неё:

— Людмиле Фёдоровне можно и не лежать в постели, но ей запрещено говорить. На днях ей сделали операцию горла...

— Операцию! — вскрикнули девочки. — Уже? А мы и не знали!

Пётр Николаевич серьёзно посмотрел на Катю и Аню:

— Ну, вот что, девчата. Людмиле Фёдоровне, наверно, захочется узнать, что у вас в классе. Так смотрите: вы-то рассказывать ей можете, а она должна только молчать и слушать. Последите, чтобы она не разговаривала. И смеяться ей тоже нельзя. Так что если вам захочется рассказать что-нибудь смешное,

то вы потихоньку выйдите в переднюю и расскажите шопотом моей шапке с ушами. Понятно?

Девочки отвернулись и прыснули, еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться громко.

— Вот правильно! — сказал Пётр Николаевич. — Ну, а если ваша учительница будет плохо вести себя, поставьте ей двойку за поведение.

Девочки опять засмеялись. А Людмила Фёдоровна улыбнулась, не разжимая губ, и все пошли в комнату. Здесь девочкам сразу бросились в глаза очень большие тёмные очки в широкой кожаной оправе, лежавшие на диванной полочке.

Людмила Фёдоровна молча усадила девочек на диван с высокой спинкой и взяла с письменного стола большой блокнот и карандаш.

— Что, Люся, — спросил Пётр Николаевич, — очинить?

Людмила Фёдоровна кивнула головой.

Пока Пётр Николаевич осторожно оттачивал над пепельницей карандаш, Катя смотрела на него и думала о том, что этот большой, широкоплечий человек совсем скоро, может быть даже через несколько дней, будет летать где-то далеко-далеко, над ледяными глыбами и снеговыми равнинами Арктики. Ведь недаром же здесь в передней стоят наготове огромные меховые сапоги и висит меховая куртка. Аня в это время всё ещё озиралась по сторонам. Особенно интересными показались ей тёмные очки в кожаной оправе. Она даже привстала, чтобы поглядеть на них.

— Что, не видела ещё таких маленьких очков? — спросил Пётр Николаевич и, сняв очки с полки, протянул их девочкам.

— А почему они тёмные? — спросила Катя.

— А чтобы снег не слепил глаза, — ответил Пётр Николаевич. — Это особые очки, светофильтровые... Ну вот, Люся, получай.

Пётр Николаевич отдал жене карандаш и пошёл в соседнюю комнату.

— Людмила Фёдоровна, вам очень больно было? — тихонько спросила Катя, морщась от воображаемой боли.

Людмила Фёдоровна стала писать на листке ответ своим

ровным учительским почерком, а обе девочки, то и дело стучась лбами, заглядывали через её руку в блокнот.

И Кате вдруг показалось странно, что учительница пишет эти фразы не для грамматического разбора, не для того, чтобы девочки определили части речи или члены предложения, а просто так, как пишут письма.

«Конечно, было немного больно, — прочли девочки на листке блокнота, — вернее, не так больно, как неприятно. А что хорошего у вас?»

Катя переглянулась с Аней.

Людмила Фёдоровна удивлённо посмотрела на девочек.

— У нас новая учительница, — начала виновато Аня. — Но это ничего, Людмила Фёдоровна! Вы не думайте! Мы любим только вас одну. Мы все так ждём вас, так ждём! А новая учительница нам совсем не понравилась.

Людмила Фёдоровна нахмурилась, притянула к себе блокнот и написала крупно и не так уже ровно, как раньше:

«Рассказывайте всё по порядку».

Катя взглянула на Аню, не зная, что делать. Она поняла, что Людмила Фёдоровна встревожена, и от этого рассказывать стало как-то неловко и неприятно. Ну как, в самом деле, говорить теперь о том, что в классе шептались, подсказывали, шумели? Аня тоже растерянно смотрела на Катю, но Людмила Фёдоровна ещё раз повелительно показала карандашом на слово «рассказывайте», и Аня начала опять:

— Ну вот... вызвала новая учительница Лену Ипполитову и стала диктовать ей что-то трудное-претрудное. Лена один раз сбилась...

— Нет, не один раз, — поправила Аню Катя.

— Ну, нечаянно ещё разок сбилась, — продолжала Аня. — Зоя Алиева говорит: «Анна Сергеевна, Лена всегда всё знает», а эта новая учительница даже и внимания на Зоины слова не обратила и как начала придирааться, как начала! И подумайте, Людмила Фёдоровна, поставила Лене тройку! Тройку — Лене!

— Не тройку, а вопросительный знак, — опять поправила подругу Катя. — В книжечку.

— Ну, это всё равно, — сказала Аня. — А потом Анна Сергеевна вызвала Настеньку. И опять давай придирааться!

— Она не то что придиралась, — сказала Катя, — а просто очень строго спрашивала.

— Так строго, так строго, — подхватила Аня, — просто ужас! Мы даже не знали, что делать. И подумайте, Людмила Фёдоровна! Мы и так устали, а она ещё после всех уроков заставила нас решать примеры по арифметике! У нас всех головы разболелись, трещат не знаю как, прямо на части разламываются, все чуть не плачут, а ей всё мало! «Решайте!» — кричит...

— И вовсе она не кричала, — перебила Аню Катя. — А просто громко говорила, потому что мы шумели.

Но Аня так увлеклась, что уже не могла остановиться и с жаром продолжала описывать мучения, которым подвергла несчастных девочек новая учительница.

Людмила Фёдоровна слушала с напряжённым вниманием, а Пётр Николаевич то и дело заходил в комнату, брал со стола какую-нибудь книгу, прохаживался взад и вперёд и время от времени останавливался, поглядывая через плечо на Людмилу Фёдоровну и на девочек.

Но Аня всё рассказывала и рассказывала, не замечая внимательного взгляда, которым поглядывал на неё и на Катю Пётр Николаевич.

Людмила Фёдоровна тревожно пощарила вокруг, нашла карандаш и торопливо написала:

«Я ничего не могу понять. Катя, расскажи теперь ты, как вёл себя класс. Расскажи всё как было. По порядку».

Катя тяжело вздохнула. Не в силах выговорить ни слова, она молча, глазами, попросила у Людмилы Фёдоровны карандаш и написала:

«По порядку мне трудно».

«Почему?» — написала на том же листке Людмила Фёдоровна.

«Потому что я сама вела себя плохо, — вывела Катя. — Хуже всех».

Людмила Фёдоровна посмотрела Кате в глаза долгим, пристальным взглядом. Катя почувствовала, что должна сказать сейчас Людмиле Фёдоровне всю правду о себе... О том, как она обидела Анну Сергеевну. О том, что Анна Сергеевна пригрозила вызвать в школу Катину маму... Но ведь это ещё больше

огорчило бы Людмилу Фёдоровну! Она и так вся покраснела. А ей, конечно, нельзя волноваться. Что же делать? Что делать?

Катя низко опустила голову, изо всех сил думая о том, как лучше поступить — сказать или не сказать?

А Людмила Фёдоровна тем временем опять взяла карандаш, подумала немного, и карандаш тоже как будто задумался и застыл у неё в руке. Но вот, словно вспомнив что-то, он опять быстро задвигался по листку блокнота.

«А что же смотрит ваш совет отряда? — прочли девочки. — Как вела себя Стелла?»

— Никак она себя не вела, — проговорила Катя и виновато посмотрела на учительницу.

— А вы к нам... скоро придёте? — спросила Аня. — Доктор вам позволит нас учить?

«Если будете вести себя так плохо, — ответила опять на бумаге Людмила Фёдоровна, — не вернусь никогда!»

Она с такой силой поставила восклицательный знак, что даже карандаш не выдержал и сломался.

Катя сидела съёжившись, не решаясь посмотреть Людмиле Фёдоровне в глаза.

«Всё ужасно! — думала она. — И Людмилу Фёдоровну огорчили, и мама расстроится, когда узнает. Хорошо ещё, что папа так далеко...»

Теперь уже все молчали — не только Людмила Фёдоровна, но и девочки, словно им тоже доктор запретил разговаривать.

В комнату опять вошёл Пётр Николаевич. Он заглянул через плечо Людмилы Фёдоровны в её блокнот, оперся рукою о стол и спросил, глядя на девочек в упор:

— Что ж, вы, как я вижу, очень любите свою учительницу? — И он указал головой на Людмилу Фёдоровну.

— Да! — ответили девочки сразу. — Очень!

— Зря, — сказал он спокойно и посмотрел на Людмилу Фёдоровну чуть насмешливо. — Зря вы её любите, — повторил он. — Не стоит она этого.

Аня даже подскочила:

— Как?! Она — самая, самая лучшая во всей нашей школе! Вы так говорите потому, что никогда у неё не учились!

— Что ж, — спросил Пётр Николаевич, — вы, как я вижу, очень любите свою учительницу?

— И очень рад, что не учился, — сказал сурово Пётр Николаевич.

Катя молча подняла глаза и с удивлением смотрела на него. Что это он говорит — шутит, что ли? Глаза у Петра Николаевича были весёлые, смеющиеся, но голос был строгий и серьёзный. Катя поняла, что хоть он и шутит, но не совсем.

— Да, — повторил он, — не стóит ваша учительница, чтобы вы её так любили.

Людмила Фёдоровна тоже смотрела на него. Кате показалось, что глаза у неё влажные, испуганные. И в самом деле, если бы Катя была постарше, она бы, наверно, прочитала в этом взгляде молчаливый вопрос: «Неужели, и правда, во всём виновата я?»

— Вот представьте себе, — продолжал Пётр Николаевич, — что у нас в лётной части, в полку, заболел командир. На его место пришёл другой. Увидели его лётчики и подняли крик: «Ах, ох! Не хотим нового командира! Он придирается, мы его не любим! Ах, ах!»

Пётр Николаевич так забавно замахал руками, что Катя и Аня невольно рассмеялись.

— Что, смешно? — спросил он. — Вот и мне было смешно слушать вас. Если вы в самом деле любите вашу учительницу, вы должны охранять честь вашего полка. То-есть, вашего класса. Даже если бы вы остались на целую неделю совсем одни, без учителя, то и тогда обязаны были бы соблюдать дисциплину. Пусть командира нет — ранен, допустим, — но полк же есть! Чем полк может поддержать честь своего командира? Отличной дисциплиной. Высокой сознательностью.

Девочки слушали, не проронив ни слова. Им неловко, советно было, что их пробирает военный человек, лётчик, и в то же время слушать его было почему-то очень интересно.

— А что же это ты, Людмила Фёдоровна, — обратился он к жене, — не можешь справиться со своим классом? Попробовали бы у меня в части вести себя не так, как полагается...

Катя и Аня опять испуганно оглянулись на свою учительницу. Неужели из-за них она тоже получит выговор?!

— Людмила Фёдоровна не виновата! — вступились за неё девочки. — Это мы сами...

Но как раз в эту минуту из передней слышались быстрые шажки чьих-то маленьких ног, и в комнату ввалился мальчик лет четырёх, а за ним вошла высокая, красивая женщина, немножко похожая на Людмилу Фёдоровну, но не такая молодая. Она была в пальто и в шляпе. Маленький мальчик вошёл в комнату уверенно и деловито, как полноправный хозяин, и девочки почувствовали, что он здесь хоть и самый маленький, но самый главный.

«Это Витя», — поняла Катя, уже не раз слышавшая от Людмилы Фёдоровны о её маленьком сыне.

А Витя подошёл прямо к отцу, обхватил обеими руками его ноги и, закинув голову, с восторгом посмотрел на него.

— Отставить! — сказал Пётр Николаевич. — Явиться по форме.

Витя понял, с удовольствием отбежал к двери и, приложив пухлую ручонку к вязаной шапочке, отпрапортовал:

— Се'жант Козы'ев явился!

Букву «р» маленький сержант ещё не выговаривал.

В другое время Катя и Аня так и бросились бы к Вите — они обе очень любили маленьких, — но сейчас им было не до того.

— А меня тётя Жёня привела! — объявил Витя. — Тётя Жёня, ночевай у нас!

— Не «ночевай», а «ночуй», — поправила мальчика тётя Жёня и, посмотрев на Катю и Аню, спросила: — Пришли вашу учительницу навестить? А родители за вас не беспокоятся?

— Нет, — ответили девочки.

— А уроки вам не надо делать?

— Нет, мы уже всё сделали.

Пётр Николаевич улыбнулся и посмотрел на Людмилу Фёдоровну:

— А ты, Люся, не устала?

Людмила Фёдоровна покачала головой, но Катя поняла, что она устала. Она даже с трудом сняла с Вити его пушистую курточку. Весь красный, вспотевший, со взъерошенным светлым хохолком, он остался в лёгкой голубой рубашечке.

— Мама, это чьи девочки? Твои? — спросил Витя.

Людмила Фёдоровна ответила ему кивком головы, а Катя совсем смутилась.

«Ещё считает нас своими, — подумала она, — а мы-то! Мы-то!..»

— Ну, нам пора, — сказала Катя решительно.

Витин папа помог девочкам снять с вешалки их пальтишки, открыл дверь и сказал:

— Ну, веселей, товарищи! Не унывайте!

Когда Катя и Аня остались наконец одни — на площадке лестницы, — они посмотрели друг на друга и сначала не могли выговорить ни слова, а потом Катя сказала:

— Ужасно! Что теперь делать? Ах, Аня, как это на нас такая глупость нашла?

— Да ты про что? Про Анну Сергеевну или про Людмилу Фёдоровну? — спросила Аня.

— Про обеих! — твёрдо сказала Катя. — Неужели ты не понимаешь, Аня, что получилось? Анну Сергеевну мы обидели, Людмилу Фёдоровну подвели!

— Ну чем же это мы её подвели? — удивилась Аня.

— А тем! — сердито сказала Катя. — Ты что, ничего-ничего не поняла про честь полка? Ну вот представь себе — будет педсовет. Спросят Анну Сергеевну: «Как ваш класс?» Она скажет: «Прежняя учительница распустила их. Они плохо учатся, грубят, вести себя не умеют». Что, приятно это будет Людмиле Фёдоровне? Слышала, как на неё из-за нас родной муж кричал?

— Слышала, — шопотом сказала Аня.

— То-то и есть.

Катя присела на край холодного, под мрамор, подоконника и стала постукивать пальцами по запылённому стеклу.

— Вот что, Аня, — вдруг сказала она решительно. — Давай дадим друг другу клятву, что с завтрашнего дня всё начнём по-другому.

— Да что — всё?

Катя слегка прищурилась.

— Ну как тебе объяснить?.. — медленно сказала она. — В общем, начнём по-другому жить, избавимся от всех своих недостатков.

— У тебя нет никаких недостатков, — сказала Аня. — Это и моя мама всегда говорит.

— Ну да, «нет»! — усмехнулась Катя. — У нас дома всегда говорят наоборот, что их слишком много. И я даже сама знаю, какие. Так вот, дадим сейчас же, тут, перед дверью Людмилы Фёдоровны, честное пионерское, что всё переделаем. Ведь мы же пионеры!

— Конечно, — серьёзно сказала Аня.

Катя вскочила с места и, перегнувшись, посмотрела вниз, потом, закинув голову, поглядела наверх. На лестнице было тихо и пусто.

— Никого! — сказала Катя. — Давай, Аня, скорей поклянёмся, пока никого нет. И чтобы клятва была крепче, давай под салютом!

Аня, не отрываясь, смотрела на свою подругу. Она подняла ладонь, готовая повторить за Катей все слова клятвы.

— Даю честное пионерское, — торжественно начала Катя, чётко выговаривая каждое слово, — с завтрашнего дня начать всё по-другому...

— Даю честное пионерское, — повторила Аня, — с завтрашнего дня начать всё по-другому...

И, глядя друг другу прямо в глаза, девочки твёрдо и отчётливо произнесли вместе:

— Честное пионерское!

ВСЁ ПО-ДРУГОМУ

В этот вечер Катя, прежде чем лечь спать, вырвала из общей тетради, которую ей в начале года подарила Таня, двойной листок и села записывать все недостатки, от которых ей надо избавиться. «Какие же у меня недостатки? — думала она, положив на кулак подбородок. — Что я, врунья? Нет! Хвастунья, воображала? Тоже нет. Трусиха? Не знаю... Кажется, тоже нет... Может быть, подлиза? Ну уж чего нет, того нет!»

Тут она несколько смутилась: «Что ж это, выходит, что Аня права? У меня нет никаких недостатков? А как же бабушка всегда говорит, что я упрямая, непослушная, даже дерзкая? Вот это, наверно, и есть мои недостатки, — Катя стала считать по пальцам: — упрямство, дерзость...»

Но почему-то больше ничего не приходило ей в голову.

«Ну вот что, — решила она наконец: — не буду записывать недостатки, а лучше запишу, что надо делать и чего не надо. Начну со школы. Нет, лучше начну с домашних дел. Они как-то легче».

Она обмакнула перо и на первых двух строчках записала то, что прежде всего пришло ей в голову:

1. Не буду дразнить Мишу.

2. Буду помогать дома по хозяйству.

Надо сказать правду, Катя не любила помогать дома по хозяйству. За это ей чаще всего попадало от бабушки. Чуть ли не каждый день бабушка напоминала: «Помыла бы хоть посуду, Катенька! Вытерла бы пыль!» И каждый день у Катеньки не хватало на это времени.

Что касается Миши, то она очень его любила. Если кто-нибудь во дворе пробовал его обидеть, она первая бросалась на выручку. Но удержаться от того, чтобы не подразнить его, она как-то не могла. Уж очень он смешно сердился: весь покраснеет, надуется и налетит, как петух. Кроме того, сама бабушка была немножко виновата в том, что Кате хотелось поддеть Мишу. «Не трогай его, Катенька, не обижай! Он у нас самый маленький». Да, маленький! Когда надо что-нибудь уступить ему, так Миша маленький, а ты большая. А небось когда надо идти спать, то вы оба ещё маленькие и ложитесь пораньше, в одно время. И не захочешь, а ущипнёшь Мишку.

Катя вздохнула и, подумав, записала третье обязательство, а за ним и четвёртое:

3. Не буду спорить с бабушкой.

4. Буду ложиться во-время спать.

«И почему это так трудно — рано ложиться и рано вставать? — подумала Катя. — Вечером кажется — сидела бы до утра, а утром кажется — спала бы до вечера».

Но раз это трудно, то, значит, и надо делать как раз наоборот. Как проснёшься — сразу вскакивать, мыться и делать зарядку.

Катя опять обмакнула перо и написала:

5. Буду рано вставать и делать по утрам зарядку.

Она перевернула страницу и задумалась. Ну, кажется, по

дому всё. Теперь надо исправить поведение в школе. За что ей больше всего доставалось от Людмилы Фёдоровны?

Катя решительно поставила цифру «шесть» и написала:

Не буду на уроках зевать и глазеть по сторонам.

И сразу после этого появились ещё два обязательства:

7. *Буду стараться ничего не забывать.*

8. *Не буду разговаривать на уроках с Наташей и Аней (и вообще ни с кем).*

«Что же ещё? — подумала Катя. — Ага, знаю!»

9. *Буду читать в книгах не только разговоры, но и всё про природу.*

10. *Буду всё делать до конца (если, например, не выходит задача, буду решать, пока не решу).*

«Ну, теперь, кажется, всё».

Катя перечла все свои обязательства и когда дошла до последнего, ей вдруг вспомнилось одно дело, затеянное и недоделанное.

Ещё совсем недавно, после того как Таня рассказала ей историю Андрея Артёмова и его друга Алёши Решетникова, Катя очень часто, ложась спать, думала о том, как бы разыскать этого пропавшего мальчика, Серёжу, сына Алексея Решетникова. В голову ей приходили самые разнообразные планы — один другого интереснее и увлекательнее. Она только не знала, с чего начать. А тут вдруг заболела Людмила Фёдоровна, пришла новая учительница, и Катя про всё на свете забыла.

А ведь это серьёзное дело, не какие-нибудь пустяки.

Катя поставила цифру «одиннадцать» и написала:

Будем искать Серёжу, пока не найдём.

Ей очень хотелось для ровного счёта придумать ещё и двенадцатое обязательство, и она, может быть, придумала бы, но тут вошла бабушка, и она еле успела спрятать исписанный листок в стол.

— Что же ты, Катюша, — сказала бабушка, — скоро десять. Миша давно спит. А ты?

Катя с испугом посмотрела на часы.

— Сейчас, сейчас, бабушка, — торопливо сказала она и сразу стала готовить постель.

«С бабушкой не спорить, ложиться во-время, — подумала она. — Вот уже два обязательства и выполнила!»

Через десять минут она уже лежала в постели, но спать ей ещё не хотелось...

«Скорей бы завтра, — думала она. — Завтра всё, всё будет по-другому».

Она перевернула подушку, легла поудобнее и стала обдумывать, как она завтра всё переделает в классе. В школу она придёт пораньше, увидит Стеллу, поговорит с ней, и весь совет отряда торжественно отправится к Надежде Ивановне. А может быть, они пригласят Надежду Ивановну и Олю в класс и устроят сбор отряда. На сборе все дадут клятву — такую же, какую дала она, Катя, вместе с Аней, — что всё пойдёт по-другому.

И вот сразу всё переменится... Придёт на урок Анна Сергеевна, а девочки сидят тихо-тихо. «Я думала, — скажет Анна Сергеевна, — что в классе совсем и нет никого — такая у вас удивительная тишина. Что с вами сегодня?» А девочки ответят: «Теперь так будет всегда, а не только сегодня». — «Ну, это я понимаю, молодцы! — скажет Анна Сергеевна. — Значит, я просто ошиблась, когда подумала, что у вас была плохая учительница. Она, видно, была очень хорошая». — «Да, — скажут на это девочки, — замечательная! Лучше всех в школе!» Нет, «лучше всех в школе» не скажут, чтобы не обидеть Анну Сергеевну. «Тогда извините, пожалуйста, — скажет Анна Сергеевна, — что я была о ней такого мнения». — «Ничего, пожалуйста», — ответят девочки. Потом Анна Сергеевна пойдёт в учительскую и будет всем расхваливать Людмилу Фёдоровну и весь четвёртый «А» и даже скажет: «А эта худенькая со светлыми косами, оказывается, тоже совсем не такая плохая девочка, как я думала. Она, наверно, не хотела меня обидеть. И знаете, отвечала толково и на уроке сидит тихо. Видно, хорошая ученица». — «Да, — согласятся учителя, — говорят, хорошая». И девочки (может быть, даже Настенька или Лена Ипполитова) напишут Людмиле Фёдоровне, что теперь уже в классе всё в полном порядке. И Пётр Николаевич прочтёт письмо и скажет: «Вот это и есть отличная дисциплина и высокая сознательность». Он больше не будет сердиться на Людмилу Фёдо-

ровну. «Ну, Людмила Фёдоровна, — скажет он, — я ошибся, когда думал, что девочки зря тебя любят. Нет, не зря! Ты настоящий командир, и они тебя не подведут».

Катя совсем размечталась. Ей даже стало казаться, что всё это так уже и есть, что больше тревожиться не о чем. Она повернулась на бок и стала сочинять письмо, которое напишет папе после того, как всё уже будет сделано:

«Дорогой, милый папочка! Я долго не писала тебе, потому что у меня были очень важные дела. Папочка! Ты не думай, что я тебя забываю, я всегда тебя помню».

«Да, помню! — оборвала сама себя Катя. — А написать не могу. Надо дать ещё одно обязательство — вот оно, как раз двенадцатое — писать папе аккуратно. И почему это так выходит? Ведь как я его люблю, а писать ему почему-то забываю... Ну ничего, завтра же всё поправлю в школе и напишу папе. И всем, всем дома расскажу о том, что у нас было и как теперь всё хорошо. Бабушка улыбнётся и скажет: «Что было, то сплыло. Хорошо всё, что хорошо кончается...»

Катя потянулась, закрыла глаза, от тишины в ушах у неё слегка зазвенело, и кровать как будто тихонько поплыла куда-то в темноту. В эту минуту она почувствовала на лбу лёгкое прикосновение маминой ладони.

— Ничего не болит, мамочка, — почти сквозь сон прошептала Катя.

Мама укрыла дочку потеплее и вышла из комнаты, а Катя подумала:

«Неужели мама что-нибудь заметила? Ох, сколько всего накопилось! Ну, ничего, ещё один-единственный денёчек — и всё расскажу».

Катя уснула. Но спать ей пришлось недолго. Громкий, какой-то весёлый звонок раздался в передней. «К Тане пришли», — сквозь сон подумала Катя. Но тут из передней донёсся радостный Танин визг, послышались мамины частые, торопливые шаги. И вдруг Катя ясно услышала басовитый, мужской голос, такой знакомый и родной.

«Папа! Неужели он? Нет, не может быть... Нет, он! Ой, приехал!»

У Кати захватило дыхание от радости и волнения. И как

была, в длинной ночной рубашке, босиком, она соскочила на пол, бросилась к двери — и остановилась, не зная, что делать. Бежать к папе или не бежать?

Конечно, хотелось броситься к нему, прижаться, завизжать, как Таня. Но Катя стояла как вкопанная. Что она скажет, если он спросит её про школу?

Катя присела на кровать. И надо же было папе приехать, когда ещё ничего, ничего не готово! Да, вышло всё по-другому — совсем не так, как она думала!

Затаив дыхание, Катя прислушивалась к тому, что делалось в соседней комнате. Кто-то бегал взад и вперёд по коридору. Должно быть, Таня готовила папе ужин, накрывала на стол. Вся квартира наполнилась таким шумом и такой радостью, как будто наступил праздник и пришли гости. Запахло кофе и ещё чем-то вкусным...

Твёрдые, знакомые шаги послышались в соседней комнате у самых дверей. «Идёт!..» У Кати ещё сильнее забилося сердце. И надо же, надо было ему приехать как раз в такой неподходящий день! Ужасно досадно.

«Ну что стоило ему приехать на один день позже? — думала Катя. — А то не ехал, не ехал, и вдруг — здравствуйте! Приехал! Хоть бы догадался телеграмму послать: «Приеду такого-то, встречайте». Это так интересно — ехать на вокзал, встречать поезд. А то даже встретить себя не дал. И мама тоже — не могла послать из Крыма телеграмму. Денег им жалко, что ли? Ну, мама, пожалуй, и вправду бережёт деньги, чтобы больше на хозяйство оставалось. А папа — нет. Просто он уж такой, недогадливый. К маминому рождению третий зонтик ей подарил. А на что человеку три зонтика?»

И не зная уже, на кого больше сердиться — на папу, на маму или на себя, — Катя юркнула в постель, свернулась клубком и сунула голову под подушку. И тут дверь скрипнула и приоткрылась...

— Папа! — закричала Катя и бросилась к отцу.

Он подхватил её, смеясь уложил обратно в постель и присел на край кровати. Он был такой большой, такой загорелый, его широкие, сильные руки стали шершавыми от походной жизни. Катя потёрлась щекой о его шершавую руку.

— Папочка, папа!

— Ну что ты, Кутька? Что ты?

Катя засмеялась от радости. Только папа называл её такими смешными, дурашливыми именами. А папа, привстав и не переставая похлопывать по плечу Катю, смотрел на спящего Мишу. Миша безмятежно спал, раскинув поверх одеяла пухлые руки.

— Вырос, — тихо сказал Сергей Михайлович. — Уже и кровать мала стала, надо новую покупать...

— Он уже, папочка, пишет письменными буквами, — прошептала Катя. — И чернилами!

— А что у тебя, дочка? — спросил отец. — Какими буквами ты пишешь? Я что-то давно твоих букв не видел.

— Я? Я...

И тут с Катей случилось что-то неожиданное. Она ни с того ни с сего уткнулась лицом в дорожную куртку отца — куртка была жёсткая, с туго набитыми карманами и с большими костяными пуговицами. Кате было даже немного больно от этих пуговиц, но она ничего не замечала.

— Я, папочка...

И она расплакалась. Слёзы так и брызнули у неё из глаз. Она всхлипывала, хотела удержаться, но никак не могла.

— Да что с тобой, Кутенька, девочка моя?

— Ты её разбудил, Серёжа! — с упрёком сказала мама, войдя в комнату. — Свалился как снег на голову, девочка обрадовалась, переволновалась. И всё — спросонья. Спи, Катюшенька, спи. Завтра наговоритесь с папой.

— Ну-ну, — сказал папа вставая. — И вправду, утро вечера мудренее.

И его большая рука нежно погладила Катю по голове, по плечам, по спине.

— Ничего, Катенька, всё хорошо будет.

И Катя почувствовала, что папа всё понял. Он вышел, тихонько прикрыв за собой дверь, а Катя ещё немножко поплакала, но на душе у неё было почему-то уже гораздо легче.

«Миленький, дорогой мой! — повторяла она, прислушиваясь к его шагам и голосу. — Всё будет хорошо. Вот увидишь, всё будет хорошо!»

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Чтобы успеть до уроков поговорить со Стеллой, Катя вскочила с постели раньше, чем всегда.

Она так торопилась, что забыла про все свои обязательства. Кое-как постелила кровать, поспорила за завтраком с бабушкой, которая, как всегда, требовала, чтобы Катя ела не торопясь, и, не застегнув пальто, выбежала на улицу. Подбегая к школьному крыльцу, она вспомнила, что собиралась каждый день делать зарядку.

«Ну ладно, с завтрашнего дня начну, — подумала Катя, — сегодня некогда».

Часы на углу показывали уже начало девятого. Моросил мелкий дождик, и ветер почему-то норовил забраться в рукава или за воротник. Но Катя не обращала на это никакого внимания. Вскочив на верхнюю ступеньку крыльца и вытянув шею, она смотрела, не покажется ли вдали Стелла. Школьницы, большие и маленькие, подходили поодиночке или целыми стайками, взбегали по ступенькам и скрывались за большой, поминутно хлопающей дверью, а Стеллы всё не было.

Наконец вдали показалась знакомая пелеринка красного — не такого, как у всех девочек — пальто. Стелла! Катя побежала ей навстречу.

— Вот хорошо, что ты уже пришла, — сказала Катя, хватая её за руку. — Надо сегодня же собрать совет отряда. А может быть, даже сбор устроим. Понимаешь, надо, чтобы всё у нас пошло совсем-совсем по-другому.

— Что «всё»?

Стелла с удивлением смотрела на Катю, не понимая, о чём она говорит.

— Да всё вообще. Мы с Аней вчера были у Людмилы Фёдоровны...

— Подожди, — перебила её Стелла. — Дай раньше хоть под навес зайти. Ведь дождик идёт!

Она побежала вперёд.

Катя догнала её и отвела в сторонку:

— Ты понимаешь, Стелла, Людмила Фёдоровна ужасно огорчилась, когда узнала, что у нас творится в классе. А муж

Людмилы Фёдоровны, лётчик, так рассердился на неё, что мы с Аней даже испугались.

— За что же — на неё?

— Ну как же? Ведь выходит, что она плохая учительница. И главное дело — это из-за нас! Ну, ничего, ещё можно всё поправить.

Волнуясь и радуясь тому, что сейчас они со Стеллой с одного маху всё переделают, Катя рассказала ей, что именно она задумала.

Стелла смотрела на Катю непонимающими глазами.

— Я не шумела на уроках, — сказала она, дёрнув плечом, — и ничего плохого Анне Сергеевне не сделала. А вы что, успели нажаловаться на весь класс? И на меня тоже?

Катя от неожиданности даже не нашлась сразу, что сказать.

— Как это «нажаловаться»? — удивилась она. — Мы же все плохо встретили новую учительницу. Что ж ты себя выделяешь?

— Потому что я тут ни при чём.

— «Ни при чём»! — Катя так и вспыхнула. — Ты вечно «ни при чём»! А ещё председатель совета отряда! И надо же нам было тебя выбрать.

— Я никого об этом не просила, — сказала Стелла. — Чего ты от меня хочешь? Мне и так дома попало за то, что я не отказалась.

— Вы о чём это спорите? — послышался знакомый голос. — Что у вас тут такое?

Катя обернулась. По крыльцу поднималась Наташа, за ней шли Лена и Настя.

— Ничего такого! — отрезала Стелла и первая открыла дверь.

Девочки прошли за ней в раздевалку. Катя повесила пальто и опять подошла к Стелле. Стелла посмотрела на неё насторожённо, как-то даже испуганно. Но Катя этого не заметила.

— Слушай, Кузьминская, — сказала она. — Давай после уроков пойдём к Надежде Ивановне или к Оле.

Стелла пожала плечами:

— После уроков я сразу уйду. Мне домой надо.

Катя махнула рукой и, прыгая через ступеньку, побежала

в класс, чтобы успеть предупредить девочек о том, что сегодня все должны вести себя совсем не так, как до сих пор. Но было уже поздно.

Едва Катя переступила порог класса, как следом за ней влетела Ира Ладыгина с криком:

— Аннушка идёт!

И сейчас же вслед за ней вошла Анна Сергеевна.

Все встали. У Кати так и забилося сердце.

«Ой, наверно, слышала! Опять обидели её! Вот тебе и «всё по-другому»!»

Но Анна Сергеевна, видно, не обиделась. Спокойно, чуть улыбнувшись, она сказала:

— К сожалению, давно прошло время, когда меня можно было так называть. Садитесь.

Девочки сели. Анна Сергеевна сразу же приступила к делу.

— Ну посмотрим, — сказала она, — как вы сегодня будете решать задачи.

Заглянув в свой журнал, она вызвала Нину Зеленову. Нина, как всегда аккуратная, гладко причёсанная и тихая, лёгкой походкой подошла к доске.

Все раскрыли тетрадки, и Анна Сергеевна принялась диктовать задачу:

— Пять землекопов вырыли в шесть дней канаву длиной в четырёста восемьдесят метров. Какой длины канаву выроют четыре землекопа в два дня?

Нина мелким, чётким почерком написала условия задачи и теперь внимательно смотрела на доску, чуть шевеля губами и вертя в пальцах мелок.

А тем временем девочки записывали эту же задачу у себя в тетрадках. Было тихо, только поскрипывали перья.

— И чего понадобилось этим землекопам рыть канаву? — тихонько ворчала за спиной у Кати Ира Ладыгина. — Да ещё такую длинную. Вечно роют и роют, а ты высчитывай.

— Да замолчи же! — зашикала на неё Катя и обернулась назад. — Тише! Анна Сергеевна услышит.

— Что с тобой, Катюшка? — опять донёсся насмешливый шопот. — Подлизываешься?

Катя так и вспыхнула.

— И не думаю! — сказала она и опять оглянулась на сидящих позади.

Анна Сергеевна постучала по столу.

— Девочка во втором ряду у окна! — сказала она строго и посмотрела на Катю. — Ты нам опять мешаешь.

Катя привстала с места:

— Я?

— Да, ты.

Катя опустила голову.

— Садись, — сказала Анна Сергеевна.

Катя села, а позади неё снова раздался насмешливый шепоток:

— Ага, получила? «Девочка во втором ряду»!.. Так тебе и надо!

Наташа обернулась и прошептала, сердито глядя на Иру:

— Тише, тебе говорят! Неужели ты не можешь хотя бы немножко помолчать?

А Катя добавила сквозь зубы:

— Людмила Фёдоровна две недели может...

Но Анна Сергеевна уже смотрела в сторону Кати строгим взглядом. Наташа дёрнула подругу за рукав. Катя села как следует, но Анна Сергеевна, оставив Нину одну у доски, пошла к Кате.

— Что тут всё время происходит, хотела бы я знать, — сказала она.

Катя сидела, опустив голову.

— Снегирёва, — сказала опять Анна Сергеевна.

Катя встала.

— Какой должен быть первый вопрос?

Катя молчала.

— Что нам нужно узнать прежде всего?

Катя переступила с ноги на ногу и пробормотала, опустив глаза:

— Я ещё не успела подумать...

— Не успела? — Анна Сергеевна покачала головой. — Да, я вижу, что ты успеваешь только болтать на уроке и вертеться. Ты невнимательна.

И, обратившись ко всему классу, она добавила:

— Имейте в виду, девочки: на экзамене вам, может быть, придётся решать задачу такого же типа, как эта. Только та, наверно, будет потруднее. От того, поймёте ли вы и решите ли эту задачу сегодня, зависит отчасти, решите ли вы такую же задачу на экзамене. Садись, Снегирёва.

Анна Сергеевна вернулась к Нине и попросила её повторить, что в задаче уже известно и что нужно узнать.

И пока Нина отвечала, Катя торопливо записывала условия задачи:

«5 землекопов вырыли в 6 дней...»

Она то смотрела на доску, то заглядывала в тетрадь к Наташе. Но не успела Катя дописать условия задачи до конца, как Нина уже принялась решать. Она писала так мелко, что у Кати просто зарябило в глазах. Мелок постукивал о доску, и белые крошки сыпались и сыпались на пол. Анна Сергеевна, отойдя от доски, молча смотрела, как доска покрывается частыми белыми строчками.

«Хоть бы объяснила, что делает! — с досадой подумала Катя. — А то пишет, пишет, а что пишет, не поймёшь. Ладно, потом разберусь».

Она стала торопливо списывать с доски цифру за цифрой, но тут как раз Нина дошла до самого нижнего угла доски и стала рассказывать, как она решала задачу. Объясняла она не очень понятно. Во всяком случае, Катя ничего не поняла.

«Почему это она там умножает, а здесь делит?» — с недоумением спрашивала она себя и, чтобы как-нибудь разобраться, опять заглянула в тетрадь к Наташе. Но, словно нарочно, в эту минуту Наташа дописала страницу и осторожно накрыла её листком промокательной бумаги с розовой ленточкой на уголке.

У Наташи было сейчас очень серьёзное, сосредоточенное выражение лица. Она перевернула страничку и стала аккуратно выводить цифры, даже не замечая того, как растерянно поглядывает на неё подруга.

Катя опять склонилась над задачей. И ей вспомнилось, как Людмила Фёдоровна бывало спрашивала на уроке арифметики: «Ну, как мы разматываем этот клубочек? Кто найдёт ниточку?»

«Размотать клубочек» означало решить задачу, а «найти ниточку» — догадаться, с чего надо начать решение. И Катя всегда радовалась, когда находилась ниточка и клубочек разматывался. Но сегодня она упустила эту ниточку, и теперь клубок не только трудно было размотать — он запутывался для неё всё больше и больше.

— Понятно, девочки? — неожиданно спросила Анна Сергеевна. — Всем понятно?

Кате хотелось сказать, что ей всё осталось непонятно — с самого начала, — но постеснялась. Ведь тогда Анна Сергеевна увидела бы, что Катя ничего, ровно ничего не слышала, а потому ей и непонятно.

«Опять не слушала, опять всё прозевала! — подумала она с ужасом. — Дала себе слово не зевать, а сама зеваю».

Катя уже не раз замечала за собой эту привычку — уноситься мыслями за тридевять земель. Сколько раз Людмила Фёдоровна, объясняя что-нибудь, останавливалась на полуслове и говорила строго: «Катя Снегирёва, ты опять витаешь в облаках?» Катя встряхивала головой и возвращалась «с облаков на землю». А новая учительница ведь не знает, что у Кати такая плохая привычка — задумываться, и не станет из-за неё прерывать урок. И теперь Катя будет пропускать всё больше и больше и совсем отстанет от класса. Хорошо ещё, что Анна Сергеевна пока не вызвала её к доске. А что, если сейчас возьмёт и вызовет? Кате стало страшно. Ещё не хватает сегодня домой двойку принести! Папе в подарок.

«Нет, нет! — твёрдо решила она. — Не буду больше задумываться».

И ей вспомнилась запись, сделанная вчера на листке из тетрадки: «Буду решать задачу, пока не решу».

И почему это особенно трудно поступать так, как сам себе прикажешь? Начнёшь — и бросишь почему-то... Нет, очень трудно избавиться от недостатков! Катя даже и не знала, что это так трудно. А бабушке и всем дома кажется, что очень просто. Стоит только захотеть. Нет, эта задача ещё потруднее, чем задача про землекопов!

Катя напрягла внимание, и, словно в награду за все усилия, «ниточка» вдруг далась в руки.

«Надо узнать, какой длины канаву выроют все пять землекопов в один день», — сообразила она, и клубочек стал размазываться будто сам собой. Всё так и пошло в ход. Теперь уже ничего не стоило узнать, сколько выроет за один день один землекоп, а потом, сколько выроют за один день все четыре землекопа.

Катя писала быстро и весело. Она даже почти не смотрела на доску. Ей оставалось только высчитать, сколько выроют четыре землекопа за два дня, как вдруг она услышала позади себя какую-то возню и перешёптывание. Она опять невольно оглянулась и увидела, что Ира Ладыгина занимается своей собственной «арифметикой». Закрыв глаза и откинув голову, она писала в тетрадке палочки и при этом шептала:

Я пишу, пишу, пишу,
Шестнадцать палок напишу.
Вы тогда поверите,
Если всё проверите.

А Ирина соседка, белобрысенькая Тоня Зайцева, молча следила за тем, чтобы Ира писала честно, без подглядывания.

Дописав всё до конца, Ира открыла глаза и принялась считать палочки. В другое время Кате, может быть, и самой было бы любопытно проверить, действительно ли их получилось у Иры ровно шестнадцать. Но сейчас ей было не до того.

— Перестань! — прошептала Катя. — Сию же минуту перестань. Не мешай!

Ира замолчала, но скоро пришёл от неё ответ:

«Я хочу, чтобы поскорее вернулась Людмила Фёдоровна, а ты, наверно, хочешь, чтобы у нас осталась эта старая ворона».

Катя скомкала записку и невольно с тревогой посмотрела в сторону учительницы. Нет, Анна Сергеевна не смотрела на них. Она стояла у доски и, одобрительно покачивая головой, следила, как Нина дописывает последний вопрос. Лицо у Анны Сергеевны было серьёзное, немного грустное и такое усталое, что у Кати вдруг сжалось сердце. «Старая ворона»! Кате стало стыдно, так стыдно, как никогда ещё не бывало. Стыдно за Иру, за весь класс, а больше всех за себя. Ведь если бы она тогда не сказала Анне Сергеевне «несправедливо», Ира сегодня даже и не подумала бы написать такую записку.

И Катя ясно почувствовала, что надо сейчас же, сию минуту, извиниться перед Анной Сергеевной. Сердце у неё забилося так, словно хотело выпрыгнуть, она стиснула зубы и решительно подняла руку.

Анна Сергеевна выжидающе посмотрела на Катю:

— Ты хочешь что-то сказать, Снегирёва?

Катя встала и перевела дыхание. Говорить оказалось куда труднее, чем решиться поднять руку.

— Анна Сергеевна, — начала Катя каким-то глухим, прерывающимся голосом, — я один раз... сказала вам... ну... то, что не должна была говорить. Я, наверно, обидела вас. Извините меня, пожалуйста! И всех нас тоже.

Девочки, сидящие впереди, с удивлением оглянулись на Катю. И больше всех, казалось, была удивлена сама Анна Сергеевна. Она тоже смотрела на Катю, как будто припоминая, чем обидела её эта шумливая, беспокойная девочка. Потом она улыбнулась немного растерянной улыбкой и провела рукой по волосам.

— Ничего, Снегирёва, — сказала Анна Сергеевна. — Я на тебя не сержусь. Хорошо, когда человек находит в себе силу воли признать свою ошибку... Ты сейчас поступила правильно. По-пионерски.

НА БОЛЬШОЙ ПЕРЕМЕНЕ

Еле дождалась Катя в этот день большой перемены. Уж очень хотелось ей поскорей поговорить с девочками обо всём, что случилось. Интересно, поняли они, почему она извинилась перед Анной Сергеевной, или нет? Неужели кто-нибудь скажет, что она просто испугалась, как бы новая учительница не стала придираться к ней? Нет, не может быть. Ни Настенька Егорова, ни Лена Ипполитова, ни Наташа, ни Аня никогда не подумают о ней так плохо. А то, что она будто «подлизывается», так это Ладыгина сказала, наверно, тоже не подумавши. Уж чем-чем, а подлизой Катя никогда не была. Ира это прекрасно знает. А всё-таки на душе как-то беспокойно...

И вот наконец прозвенел долгожданный звонок. Большая перемена! Самое подходящее время, чтобы рассказать девоч-

кам про вчерашний разговор с Людмилой Фёдоровной и с Петром Николаевичем и объяснить, почему она, Катя, не могла, ну просто не могла не извиниться перед Анной Сергеевной.

Катя вскочила с места и первая выбежала из класса.

— Девочки! — позвала она подруг, стоя в дверях. — Лена, Настенька, идёте скорее сюда, в самый конец коридора. Мне надо сказать вам что-то очень важное.

Но едва она переступила порог, как перед ней оказалась Оля. Они чуть не сшибли друг дружку с ног.

— Куда это ты, Катюша? — сказала Оля, отступая на шаг. — Постой, не убегай. Надежда Ивановна зовёт вас к себе в пионерскую комнату.

— Кого зовёт?

— Весь совет отряда и звеньевых.

— И меня тоже? — удивилась Катя.

— А как же! Если всех звеньевых, то, конечно, и тебя. Ну, собирайтесь скорей — и пошли.

— Оля, а ты не знаешь, что будет? — наперебой заговорили девочки. — Плохое или хорошее?

— А вот сейчас увидите, — слегка усмехнувшись, ответила Оля и быстро зашагала по коридору, а за ней — весь совет отряда и звеньевые.

Пионерская комната всегда казалась Кате самой красивой комнатой в школе, если не считать, конечно, актового зала. Всё ей здесь нравилось своей нарядной, торжественной деловитостью — и большой, покрытый красным сукном стол, на котором были разложены детские журналы, и сшитые вместе номера «Пионерской правды», и дружинное знамя, стоящее у стены, а возле знамени — столик с горном и отрядными флажками. Здесь были всегда свежие цветы — на тумбочке, задрапированной кумачом.

Но сегодня Катя не замечала ничего вокруг — так сильно была она встревожена предстоящим разговором.

«Надежда Ивановна уже знает, конечно, как я вела себя все эти дни, — думала Катя. — А вот что я сегодня извинилась перед Анной Сергеевной, этого она ещё не может знать. Ох, что-то будет? Что будет?..»

— Ну вот, Надежда Ивановна, все в сборе. Можно начинать, — сказала Оля значительно, и Катя по её голосу поняла, что разговор будет серьёзный.

Да, конечно, очень серьёзный. Вон какое строгое лицо сегодня у Надежды Ивановны, как внимательно и пристально смотрит она на всех.

— Ну, девочки, — сказала Надежда Ивановна, поглядывая на свои ручные часы, — у нас очень мало времени. Так давайте не будем терять ни минуты. Садитесь, и потолкуем.

Девочки нерешительно присели на стулья, поставленные в ряд у стены. А Надежда Ивановна прикрыла поплотнее дверь, прошла разок по комнате и остановилась прямо против девочек.

— Я бы хотела узнать, — начала она, переводя глаза с одной на другую, — почему у вас так беспокойно в классе? Что вас всех волнует? Говорите прямо.

Девочки переглянулись.

Старшая вожатая опять посмотрела на часы.

— Что же вы молчите? Перемена скоро кончится... Ну, Кузьминская, ты у нас председатель совета — скажи ты.

— Надежда Ивановна, — начала Стелла, и лицо у неё сразу покрылось румянцем, — право, я не знаю... Я ничего плохого не сделала. На уроках я не шумела. И у меня нет ни одного замечания.

— Очень хорошо, — прервала Стеллу Надежда Ивановна. — Значит, ты не шумела и не получила ни одного замечания. Ну, а другие? Тебя хоть немножко интересуют чьи-нибудь дела, кроме твоих собственных?

— Интересуют, — равнодушно ответила Стелла.

— Ну, и что же ты заметила? Все ведут себя так же примерно, как и ты?

— Нет! — сказала Стелла и сразу оживилась. — Другие на уроках шумят. Они почему-то недовольны.

— Чем же они недовольны?

Стелла замялась:

— Н-не знаю. Они, кажется, думают, что Анна Сергеевна слишком строгая и придирчивая.

— А по-твоему?

— По-моему, не слишком...

Надежда Ивановна кивнула головой и, заметив, что Валя Ёлкина хочет что-то сказать, повернулась к ней:

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что слишком! — сказала Валя. — Лене Ипполитовой чуть было тройку не поставила. Подумайте только, Надежда Ивановна: нашей Ленке! Придиралась — ужас как!

Лена Ипполитова круто повернулась к Вале и строго посмотрела на неё сквозь свои большие очки:

— Да что ты, Валя! В тот день я, и правда, почему-то плохо отвечала. Это я сама была виновата, а совсем не Анна Сергеевна. Она справедливая. Правда, девочки?

— Правда, справедливая, — сказала Зоя Алиева.

— И даже очень! — подтвердила Настя. — Вот, например, сегодня она вызвала к доске Нину Зеленову. По арифметике... Придиралась она к тебе, Нина? Скажи прямо.

— Ни чуточки не придиралась, — ответила, густо краснея, Нина (от застенчивости она обычно молчала, а если её о чём-нибудь спрашивали на людях, краснела до корней волос).

— Ну вот, — сказала Настя, обращаясь к Надежде Ивановне. — Видите?

Надежда Ивановна обернулась к Кате:

— А ты как считаешь, Снегирёва?

— Я тоже так считаю, — сразу ответила Катя. — Анна Сергеевна строгая, но справедливая. Вчера, когда мы с Аней были у Людмилы Фёдоровны...

— Вы были у Людмилы Фёдоровны? — разом заговорили девочки. — Что ж вы ничего не рассказали?

— Да мы ещё не успели.

— Самое важное — не успели!..

— Тише, девочки! — остановила их Надежда Ивановна.

И когда стало тихо, спросила:

— Ну и что же, Катя, как чувствует себя Людмила Фёдоровна?

— Не очень хорошо...

— Не очень? А спрашивала она вас о том, что делается в вашем классе?

— Спрашивала, — тихонько ответила Катя и почувствова-

ла, что краснеет сильнее, чем Нина Зеленова. — Только Людмила Фёдоровна не говорит, а пишет. В блокноте.

— Что же вы ей рассказали?

— Всё!

Катя подняла голову и, глядя Надежде Ивановне прямо в глаза, сказала, как была огорчена Людмила Фёдоровна, как бранил их Пётр Николаевич и как на площадке лестницы они с Аней дали друг другу честное пионерское, что теперь у них всё пойдёт по-другому...

— А сегодня я извинилась перед Анной Сергеевной, — решительно добавила она, — потому что... один раз... — но тут ей стало очень трудно говорить. А говорить надо было: Надежда Ивановна и Оля выжидающе смотрели на неё. Катя наморщила лоб, облизала сухие губы и продолжала через силу: — Потому что я один раз... сказала Анне Сергеевне грубое слово. То есть не то что грубое, а то, что не должна была говорить. В общем, обидела её. Ну вот я и попросила у неё прощенья. Это было мне очень трудно.

— Я понимаю, — серьёзно сказала Надежда Ивановна, и Кате показалось, что голос у неё сделался какой-то особенный — мягкий, добрый.

Теперь самое трудное было уже позади. Катя тряхнула головой и перевела дух.

— Анна Сергеевна сказала, что не сердится, — продолжала она, — но в классе у нас ещё очень беспокойно, и мы никак не можем сделать, чтобы всё сразу стало как следует.

— Сразу ничего не делается, — чуть улыбнувшись, проговорила Надежда Ивановна.

— Уж и не знаю, — Катя горестно и задумчиво покачала головой. — Наверно, не делается. Право, Надежда Ивановна, уж теперь мы все хотим, чтобы в классе у нас был порядок, а на уроках отчего-то делается всё шумней и шумней. Вот и сегодня мне попало, потому что я всё время говорила «тише», а новой учительнице показалось, что я больше всех верчусь и болтаю. Я хочу, чтобы было лучше, а выходит хуже!

Катя с обидой поглядела вокруг, как будто именно те девочки, которые тут сидели, были виноваты, что всё выходит не лучше, а хуже.

— Понятно, — кивнула ей Надежда Ивановна. — На уроке никогда не нужно говорить «тише». От этого только получается больше шума. Пусть во время занятий каждый следит за собой. А после уроков, на переменах, пожалуйста, — можете и пробрать кого следует.

Надежда Ивановна подумала немножко и продолжала:

— Вы должны понять вот что. Анна Сергеевна никого из вас ещё почти не знает. Так же как и вы её. Но пройдёт ещё неделя, другая — и она узнает вас ближе и разберётся, кто как учится, кто хочет учиться, старается, а кто — нет. Одним словом, она присмотрится к вам, поймёт каждую из вас. Ведь подумайте сами: не могла же она за несколько дней узнать вас так, как узнала за несколько лет Людмила Фёдоровна! И вы ещё должны понять, что если уж взрослый человек не может сразу разобраться в людях — даже и в маленьких, — то тем более не можете вы, дети, сразу узнать и оценить взрослого человека. Понятно?

— Понятно! — звонко откликнулись девочки.

Раскатистый, всюду слышный звонок ворвался в комнату, и сразу же все встали.

— Ну вот что, — торопливо сказала Надежда Ивановна. — Надо будет на днях устроить сбор отряда и всех подтянуть. А пока — что сможете, сделайте сами. Поговорите с подругами серьёзно. Как члены совета отряда. И поскорее. Не откладывайте в долгий ящик.

— Жалко, что сегодня не удастся, — сказала Оля. — У меня, как назло, шесть уроков.

— Это ничего, пусть девочки пока поговорят с отрядом сами.

Катя так и встрепенулась:

— Ага, Стелла! Вот видишь! А ты не хотела...

Стелла ничего не ответила и только пожала плечами.

Надежда Ивановна искоса посмотрела на обеих девочек, а потом на Олю. Оля чуть заметно кивнула головой.

— Ну, — сказала Надежда Ивановна, — идите в класс, да поторапливайтесь, а не то на урок опоздаете.

Слегка подталкивая друг друга в дверях, девочки вышли из комнаты и пустились бегом по коридору, уже почти совсем опустевшему.

ЧЕСТНОЕ ПИОНЕРСКОЕ

— Девочки, сейчас же положите сумки! Наташа и Аня, станьте у двери. Никого из класса не выпускать! Звеньевые — к звеньям!

Так командовала Катя, перебегая от парты к парте после того, как Анна Сергеевна вышла из класса. Сегодня учительница ушла раньше своих учениц, потому что спешила в другую школу — к мальчикам. Она поручила Зое Алиевой последить за тем, чтобы все спокойно разошлись по домам. Но Катя никого не выпускала.

— Зоя, подожди немножко, — говорила она. — Наташа и Аня, держите дверь крепче.

Никто не мог понять, в чём дело, кроме членов совета отряда и звеньевых, побывавших на большой перемене у Надежды Ивановны.

— Да что случилось? — спросила Наташа у Ани, которая уже стояла у дверного косяка, как солдат на часах.

— А вот увидишь, — ответила с таинственным видом Аня, хотя сама не знала ровно ничего. — Ты только никого из класса не выпускай!

И она изо всех сил вцепилась в медную ручку двери.

А Катя уже стояла возле учительского стола.

— Девочки, нам надо сказать вам что-то очень, очень важное! — почти кричала она, ударяя ладонью по столу. — Кто там шумит? Успеете сложить книжки. Стелла, выходи сюда! Начинай!

— Да что ты ко мне пристала? — с досадой сказала Стелла и, нахмутив тоненькие чёрные брови, сердито посмотрела на Катю. — Почему это непременно я должна начинать?

— Потому что ты председатель совета отряда.

— Так ведь сегодня у нас нет сбора, а так — простой разговор. Можешь говорить сама.

— И буду. Сама всё скажу, если ты такая... такая...

— Какая «такая»?

— Не знаю. Это сейчас всё равно... Девочки! Людмила Фёдоровна на нас очень сердится. Мы её подвели!

По классу словно ветер пробежал.

— Как это — подвели? Когда? Чем? — заговорили все сразу. — Почему ты знаешь, что она сердится?

— А мы с Аней вчера вечером были у неё. И вот, когда она узнала, как мы встретили Анну Сергеевну, она чуть-чуть не заплакала.

И Катя принялась рассказывать.

Но говорила она теперь совсем не так, как на большой перемене, когда её расспрашивала Надежда Ивановна.

Ведь Надежда Ивановна, хоть и носит красный галстук и лучше всех разбирается в пионерских делах, всё-таки не пионерка, не ученица четвёртого класса. Она — большая, а большим интересно только самое главное. И времени тогда было маловато, всего каких-нибудь пятнадцать минут. А теперь никто Катю не торопил — уроки кончились, да и девочкам, конечно, хочется узнать всё подробно.

И она рассказала по порядку, как они пришли, позвонили, как увидели в передней огромные меховые сапоги — унты, как их встретила Людмила Фёдоровна, как разговаривал с ними Пётр Николаевич. Одним словом, рассказала всё-всё как было.

Девочки слушали, затаив дыхание.

— Неужели он так и сказал: «Зря вы её любите, она плохая учительница»? — с негодованием спросила Валя Ёлкина. — А она что же?

— Да ничего. Ведь ей и говорить-то не позволяют. Написала что-то у себя в блокноте, а он и читать не стал.

— Вот ужас! — сказала Лена Ипполитова.

— Ну, а вы что? — закричала Ира Ладыгина. — Вы что сказали? Ведь вам-то говорить можно!

Тут Аня Лебедева не выдержала. Она отбежала от двери и закричала ещё громче Иры:

— Ну, что ты спрашиваешь? Думаешь, сами не понимаем? Мы, конечно, сказали, что она лучше всех.

— А он — что?

Катя подняла руку:

— Тише, девочки! Аня, стой на своём посту. Он сказал: «У нас считается так: тот командир хорош, у которого солдаты хороши. А если солдаты плохие, безо всякой дисциплины — значит, и командир никуда! Так и у вас, — говорит, — если уче-

ницы ведут себя плохо — значит, учительница их воспитать не сумела. Плохая, значит...»

— А она и тут — ничего?

— Ничего! Только голову опустила и стала такая грустная-грустная. Наверно, подумала: «Бедная я учительница! Сколько я старалась, а стоило мне один раз заболеть — и девочки взяли и сразу распустились. Что теперь про меня в школе скажут? Скажут, что это я их плохому научила...»

В классе стало тихо-тихо.

— А что ж, конечно, — медленно и серьёзно проговорила Настенька. — Очень даже скажут. Ну и удружили мы Людмиле Фёдоровне! Так подвели, так подвели!..

— Что ж теперь делать? — спросила Лена Ипполитова и от волнения даже уронила очки. — Как вы думаете, девочки?

— А вот что, — твёрдо сказала Катя. — Вчера мы с Аней как вышли от Людмилы Фёдоровны, так тут же на лестнице дали под салютом честное пионерское, что всё у нас пойдёт по-другому. Вот потому-то я сегодня и попросила извинения у Анны Сергеевны...

Катя чувствовала, что девочки согласны с ней, и от этого ей было как-то особенно легко и весело. Она обвела глазами класс и невольно остановила взгляд на Стелле.

«Ну что? — подумала она с горделивым задором. — Что ты теперь скажешь? Надо или не надо было говорить с девочками?»

Но на лице у Стеллы нельзя было прочесть ровно ничего. Оно было спокойное и, как всегда, задумчиво-равнодушное.

Во всяком случае, спорить с Катей она не станет — и то уже хорошо.

— Ну, девочки, — сказала Катя, тряхнув головой, — я предлагаю...

Но тут с места неожиданно вскочила Ира Ладыгина:

— Что предлагаешь? Чтобы мы тоже извинились? Ишь, какая хитрая! Довольно, что ты одна струсила.

Катя так удивилась, что даже не сразу поняла Иру.

— Что? Что такое? — спросила она.

— А то, что ты сперва нагубила, потом испугалась и давай подлизываться, — сказала с места Клава Киселёва. И до-

бавила, передёрнув плечами: — А мы за тебя прощенья проси! Очень надо!

Катя хотела ответить, но от обиды растеряла все слова. Ей стало жарко. Она невольно приложила к щекам ладони.

— Ага, покраснела, покраснела! — закричала Ира. — Значит, правда...

— А вот и неправда! — крикнула, стоя у дверей, Аня (она больше не решалась оставлять свой пост). — Катя никогда ни к кому не подлизывается!

— Зато ты к ней подлизываешься!

— Я?

— Ты!

Но тут в дело вмешалась Зоя Алиева. Она встала, подошла к учительскому столу с другой стороны и посмотрела на класс сердитыми, сузившимися и потемневшими глазами:

— Молчи, Ира! Глупости ты говоришь. «Подлизывается, подлизывается»... Никто у нас не подлизывается. Мы — пионерки. Забыла, да? Нельзя забывать. А Снегирёва хорошо говорит. Очень хорошо. Мы все с ней согласны. Весь класс. А кто не согласен, пускай прочь идёт... Ты что хотела предложить, Катя? Говори, кончай.

— Да я уж почти кончила, — сказала Катя, переводя дух. — Я хотела только предложить, чтобы весь наш класс, весь отряд по звеньям, дал такое же обещание, как мы с Аней вчера. Давайте так учиться и вести себя, чтобы Людмиле Фёдоровне не было за нас стыдно! — Она подумала секунду и добавила: — И чтобы Анне Сергеевне не было с нами трудно.

— Давайте, давайте! — закричали все разом. — Молодец, Катя! Правильно сказала.

А Настенька Егорова повернулась к Ире и спросила насмешливо:

— Ну что, ты и тут не согласна? Девочки, пускай Ладыгина лучше ничего не обещает. Всё равно ей слова не сдержат.

Теперь уж пришёл черёд краснеть Ире Ладыгиной. Глаза у неё наполнились слезами.

— Как это — не сдержать? Почему не сдержать?... — сказала она дрожащим голосом. — Девочки, да ведь я просто не поняла. Я думала...

— А ты сначала дослушай, потом подумай, а уж потом спорь, — наставительно сказала Зоя Алиева. — А то и не так ещё стыдно будет.

Зоя неторопливо отошла от стола и села на место.

Катя оглядела класс, все три ряда, и сразу нашла глазами звеньевых. Вот слева, ближе к двери, — Настенька Егорова, как всегда спокойная, простая, но сейчас какая-то особенно серьёзная; в середине — кудрявая Валя Ёлкина. Только в звене справа одно место — в третьем ряду у окна — пустует, потому что звеньевая этого звена сама Катя.

— Звеньевые! — сказала она негромко, но торжественно. — Даёте честное пионерское, что с завтрашнего дня будете следить за своими звеньями?

Настя Егорова и Валя Ёлкина поднялись с мест и почти в один голос ответили:

— Даём!

Потом Настя обернулась к своему звену, и по всему классу прозвенел её чистый голос:

— Моё звено, даёшь слово?

— Даём! — дружно ответили все девочки её звена.

— Моё звено, — сказала Валя и тоже обернулась к своему ряду, — даёшь слово?

— Даём! — раздалось в ответ.

Катя подошла к своему звену и стала перед ним:

— Моё звено, даёшь слово?

И Катино звено ещё дружнее и звонче откликнулось на призыв своей звеньевой.

Слово пионера. Честное пионерское... Катя дала его вчера своей больной учительнице и повторила сейчас вместе со всем отрядом.

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

Дверь открыл Миша.

— Папа приехал! — крикнул он так громко и отчаянно, что Катя испугалась и чуть не выронила сумку. — Ночью приехал!

— А ты что, думаешь — я про это и не знаю? — сказала Ка-

тя как можно спокойней и серьёзней и усмехнулась снисходительно, словно большая. — Это было совсем не ночью, а вечером. Только ты уже спал.

— А ты?

— А я ещё нет! — с гордостью ответила Катя, подпрыгивая, чтобы достать до вешалки.

Миша немножко нахмурился, но тут же снова повеселел:

— Ну и пусть спал, а всё-таки я знаю, что папа привёз! А ты не знаешь. Ага! Сказать?

Катя сразу обернулась и схватила Мишу за рукав:

— Что? Что привёз? Да не тяни ты — говори скорее!

— Отгадай. Начинается на «чи»...

— Живое?

— Живое!

— Чижа?

Миша усмехнулся:

— Разве в пустыне чижи бывают? Они в скворешниках живут.

— Так то скворцы, а не чижи.

— Всё равно, в пустыне их нет.

Катя призадумалась:

— Чибиса?

— Как бы не так! — Миша торжествующе смотрел на Катю. — Сказать? Чи-ри-па-ху!

— Эх ты, грамотей! Черепаха, а не чирипаха! — Катя легонько щёлкнула Мишу по лбу. — Это у тебя что — череп или чирип?

— Это у тебя чирип, а у меня голова, а в голове — ум, — ответил Миша.

В другой раз Катя не спустила бы ему такую дерзость, но сейчас ей было не до него. Да и кроме того, она ведь дала обещание не дразнить Мишу. Поэтому она только показала ему кончик языка, осторожно подошла к приоткрытой двери и заглянула в комнату.

Сергей Михайлович сидел за письменным столом и разбирал в выдвинутом ящике свои бумаги.

— А, Кутёныш! — обрадовался он и протянул Кате обе руки.

— Можно к тебе, папочка? Я на минутку, — сказала Катя и подошла к отцу.

Сергей Михайлович задвинул ящик.

— Можно и на две, — сказал он. — Дай-ка на тебя поглядеть... А ты, сынок, забирай пока вот эту книгу. Она хоть и научная, но в ней много интересных картинок.

Папа дал Мише толстую книгу, и он бережно понёс её обеими руками в другую комнату.

Катя прижалась к папиному колену. Ей очень хотелось рассказать ему обо всём, но она не знала, с чего пачать.

— Папочка, — сказала она, — ты знаешь, отчего я ночью плакала? У нас было ужасное время.

— У кого это «у нас»?

— У нас в школе. То-есть в классе. Мы совсем запутались.

— Да ну? — сказал папа.

И Кате показалось, что он чуть-чуть улыбнулся. Она быстро повернулась к нему и внимательно на него посмотрела. Нет, это ей показалось. Лицо у него было совершенно серьёзное.

— Понимаешь, папочка, — продолжала Катя, вертя в руках толстый красно-синий карандаш, — случилось ужасное несчастье. Заболела Людмила Фёдоровна и пришла новая учительница.

И Катя в третий раз за сегодняшний день стала рассказывать — то по порядку, то сбивчиво — о том, что делалось у них в последнее время в классе. Рассказала про всё — даже и про то, как она сказала Анне Сергеевне «несправедливо», и про то, как их распекал лётчик, и про то, что было сегодня.

Отец встал и прошёлся по комнате, заложив руки за спину. Он слушал Катю, не останавливая и не прерывая её.

— Так, так, — говорил он иногда, — понятно. Да-а...

И вот Катя кончила. Тогда он осторожно взял у неё из рук карандаш, положил его на место и остановился перед Катей, прислонившись спиной к столу.

— Ну что ж, Катюша, — сказал он, — бывает... Может быть, даже и не такое в жизни случается. Ты поступила правильно. Я бы тоже сказал — «по-пионерски». Настоящий человек, если он ошибся, должен смело и горячо исправлять свою

ошибку — что называется, не жалея себя. Вот у нас тоже был такой случай.

Сергей Михайлович опять прошёлся по комнате и, вернувшись, присел на край стола.

— Воротились мы однажды с полевых работ на базу, — продолжал он. — Приступили к обработке материалов. И вот... один наш сотрудник видит, что его помощник, совсем ещё молодой парень, только-только институт окончил, что-то напутал в чертеже. Но, понимаешь, здорово напутал. Вспылил этот товарищ: «Вам, молодой человек, с такими знаниями, говорит, лучше бы дома сидеть, а не в экспедиции ездить. Тут вам не игрушки. Тут дело делают!» — и пошёл, и пошёл... Так его при всех отчитал, что тот, бедняга, весь в лице изменился — побледнел, покраснел. Смотрит на чертёж — и сам уже ничего от волнения не видит. Думает: если начальник нашёл ошибку, — значит, она есть, а какая — понять не может. Всё как будто правильно...

— А как его звали? — спросила Катя.

— Кого?

— Да этого, молодого?

— Павел Карпович Иваненко, но у нас его все попросту звали: Павлик.

— Ну и что же, — спросила Катя, — исправил этот Павлик ошибку?

— В том-то и дело, что ошибки никакой не было. Начальнику это показалось.

— Ой!.. — Катя даже привстала с места. — Не было!.. Ну и что же он сделал, этот начальник?

— Подошёл к Павлику и как ругал его при всех, так при всех и сказал...

— Что сказал? — шопотом спросила Катя.

— А что тут можно сказать? «Извини меня, товарищ, я виноват перед тобой: прав-то ведь ты, а не я».

— Ну, а он что? — заторопила отца Катя.

— Он как-то растерялся, — в общем, оба растерялись...

— А как же начальник раньше не проверил? Надо было сначала проверить, а уж потом отчитывать...

— В том-то и дело, — сказал папа и хитро посмотрел на

Катю. — Несколько дней потом его мучило, что он поступил несправедливо.

— А Павлик — что? Простил?

— Уж не знаю... Кажется, простил.

— Что же он сказал?

— Сказал: «Ничего, Сергей Михайлович, бывает...»

— Сергей Михайлович! Так это ты был, папочка?

— Да, дочка, я.

Катя с удивлением смотрела на своего отца. Она, девочка, не могла сразу признаться ему в своей вине, а он, взрослый, умный, так просто признался ей в своей ошибке. Значит, не боялся, что она станет меньше уважать его и любить?

— Ну вот видишь, Кутёныш, — сказал папа, обхватив её за плечи своей большой шершавой рукой и крепко прижимая к себе, — всякое с человеком в жизни случается... А только вот что я тебе по этому поводу скажу: когда сделаешь над собой усилие, осознаешь свою ошибку, — гора с плеч. Трудно, конечно, сознаться, что ты виноват. Но если уж сознался, не думай, что ты герой. Ведь мы с тобой только и сделали, что исправили ошибку. Так что зазнаваться не будем. А, дочка?

Катя засмеялась:

— Нет, папочка, не будем!

— Не такие уж мы с тобой герои?

— Нет, папочка, ты всё-таки герой, — с убеждением сказала Катя. — Не оттого, что у этого Павлика прощения попросил, а вообще...

Папа засмеялся и крепче прижал её к себе.

— Только почему, папочка, у тебя такие твёрдые пуговицы?

Сергей Михайлович задумчиво пощупал пуговицу пальцами:

— Вот этого уж не знаю... Наверно, чтобы в пустыне от солнца не растаяли. Ну, а теперь пойдём обедать, а после обеда будем мой чемодан распаковывать. Я нарочно просил маму до твоего прихода ничего не разбирать.

Катя даже руками всплеснула:

— Ой, папочка, я всегда думала, что ты недогадливый, а ты, оказывается, догадливый. И даже очень!

ПАШИН ЧЕМОДАН

Это был удивительный чемодан. Чего-чего только в нём не оказалось!

Раньше всего папа развернул полотенце и вынул оттуда бутылочку с заспиртованной змеей. Сунул руку ещё глубже — и вытащил какие-то сухие, лохматые стебли, похожие на метёлки.

— Это саксаул, — сказал папа. — А вот это очень опасный враг человека в пустыне — «кара-курт».

И папа вынул коробочку. Внутри лежал маленький чёрный паук с яркокрасным пятнышком на брюшке.

— Кара-курт? — спросил Миша и осторожно взял в руки коробочку. — Такой маленький, а уже такой опасный?

— Ещё какой опасный! — сказал папа. — Укусит человека, так не оберёшься беды. Иной раз люди даже умирают от его укуса.

Бабушка торопливо вынула из рук у Миши коробочку и отставила её подальше.

— И что ты, Серёженька, привозишь домой всякую дрянь! — сказала она. — Давай-ка я лучше выброшу этого твоего кураката.

— Что ты, бабушка! — с возмущением сказала Катя. — Разве можно выбрасывать такие редкости? Их же в Москве нет!

— И слава богу, что нет.

— А как же наука? — спросила Катя. И, не дождавшись ответа, прибавила: — И потом, бабушка, он же сушёный! Его даже можно в руку взять. Да, папочка?

Отец засмеялся:

— Да, сушёные кара-курты не кусаются. Но в руки брать его всё-таки не стоит. А то ещё, чего доброго, у него отломаются лапки, и он больше не будет годиться для науки.

Он достал из чемодана какой-то белоснежный камень, как бы спаянный из крепких, блестящих кристаллов. Кристаллы громоздились в беспорядке один над другим.

— Какой красивый! — сказала Катя. — Дай мне подержать, папочка!

— И мне! И мне! — закричал Миша и выхватил у Кати из

Это был удивительный чемодан. Чего-чего только в нём не оказалось!

рук белый камень. — Тяжёлый! Это что такое, папочка? Просто камень?

— Каменная соль, — сказал папа. — Галит называется.

— Соль? И она солёная?

И прежде чем папа успел ответить, Миша лизнул камень и с удовлетворением сообщил всем:

— Очень солёный.

Бабушка со вздохом отняла у него и эту диковинку:

— Всего не перепробуешь, Мишенька.

В эту минуту папа порылся в чемодане и вынул что-то завёрнутое в полосатую, серенькую с голубым, материю.

— Вот смотрите, — сказал он и, развернув свёрток, достал оттуда череп какого-то хищного зверька с острыми клыками.

— Тоже кара-кут? — спросил Миша.

— Нет, Мишенька, не кара-курт, а особая порода степного хищника. Родственник нашего волка.

— Так ведь волк большой?

— Ну, а этот — маленький.

— Постой, Серёжа, — вдруг сказала мама, приподнимаясь с места. — А во что ты завернул этого своего волчонка? Что-то знакомое...

— Понимаешь, Иринушка, — сказал виновато папа, — совершенно не хватило упаковочных средств. Пришлось оторвать...

— Рукав от рубашки! — с упреком сказала мама. — Так ты бы уж лучше от нижней оторвал, а это ведь верхняя и ещё совсем хорошая!

— А ведь правда, — сказал папа. — Не догадался. Да разве это такая беда? Подумаешь — рукав! Ведь его и назад пришить можно. Ещё крепче будет.

Мама с бабушкой переглянулись и почему-то обе засмеялись.

— Смейтесь, смейтесь, — сказал папа. — Посмотрим, что вы сейчас скажете.

И он достал из другого оторванного рукава три плоские чашки без ручек. Одна оказалась с трещиной.

— Ох, — сказала бабушка, — три чашки вёз и то не довёз. Надо было их в мягкое уложить.

— Нет, — сказал папа, — эту я уж такой и купил. С трещинкой.

Бабушка покачала головой:

— Ох, горе-покупатель!

Но мама почему-то обрадовалась. Она поставила в ряд на стол все три чашки и стала их разглядывать, то отодвигая, то придвигая к глазам.

— Вот за это спасибо! — сказала она. — Молодец! Просто молодец. Какой рисунок чудесный. А эта пиала с трещинкой — прямо чудо! Лучше всех. Так мне это пригодится!

— Для эскизов, мамочка? — спросила Катя.

— Ну конечно!

— Ага! — сказал папа. — А вы ещё меня ругаете, что я недогадливый.

— Нет, ты очень догадливый! — убеждённо сказала Катя. — Правда, мамочка?

— На этот раз — правда.

— То-то же, — сказал папа и, наклонившись, достал из чемодана целую пачку каких-то снимков. — Видите белое озеро? Это и есть залежи галита.

Все посмотрели. На снимке виднелся пологий склон песчаного холма, а вдали белело озеро.

— В окрестностях этого озера нас однажды застигла песчаная буря, — спокойно, как будто между прочим, заметил папа. — А вот это гипс.

Он положил на ладонь прозрачную, как стекло, пластинку, провёл по ней ногтем, и на пластинке осталась тоненькая чёрточка.

— Постой, — сказала мама, — гипс гипсом, а почему ты мне ничего не писал про эту песчаную бурю?

— А чего ж тут писать? Дело обычное, — пожал плечами папа. — Буря как буря. Вот тебе, Ириша, та рубашка, от которой я рукава оторвал. Посмотри, можно их назад пришить? А то Мишуку эту рубашку переделай...

— Ладно, ладно, ты мне зубы, голубчик, не заговаривай, — усмехнувшись, сказала мама. — Теперь я вижу, что обо всём самом главном ты мне не писал.

— Ах, Ириша, — папа с досадой махнул рукой, — ну зачем

я буду вам писать, что по пути вот к этому самому озеру, — и он постучал пальцем по снимку, — на нас обрушились целые тучи песка?

— Как это «тучи»? — удивилась Катя.

— Ну как тебе объяснить, дочка? Вот представь себе. Вышли мы на рассвете, ещё по холодку. Потом встало солнце. Те-ни осталось только, что от нашего грузовичка да от верблюдов. Ну, жарко в эту пору там всегда бывает. Но в этот день было что-то невероятное. До того душно, тяжело, будто в духовке.

Вдруг небо пожелтело, стало тихо... Ну, необыкновенно тихо, словно всё вокруг притаилось. И тут налетел порыв ветра, закрутился песок, понеслись песчаные вихри, взвились этакими языками. Ну, думаем, буря идёт. И вправду — пяти минут не прошло, слились все эти песчаные вихри в одну сплошную завесу, и несётся эта завеса прямо на нас. Мы, конечно, остановились. В такую бурю идти никак нельзя. Надо переждать. И вот представьте себе: самое страшное — это когда видишь, как пугаются верблюды. Они начинают кричать так тревожно, так жалобно, что прямо сил нет слушать. И сами, без всякого понукания, ложатся на землю... Ну, мы укрыли их брезентами и тоже улеглись под склоном бархана. Лежим ничком и ждём, что будет. И вот становится совершенно темно, как ночью. Свист, вой, гуденье... Это значит — она идёт как раз над нами.

— Кто? — шопотом спросила Катя.

— Буря. Чёрная песчаная буря. Часа три пролежали мы так, закрывшись руками, не смея поднять головы. А когда наконец буря пронеслась и мы встали на ноги, наступило самое, я бы сказал, скверное. Все приметы дороги исчезли, как будто их никогда и не было. Где был песчаный холм — там котловина, где была котловина — там холм. Вот и попробуй разыщи базу или колодец. Три дня мы блуждали в пустыне, пока наконец не вышли по компасу на берег Сыр-Дарьи. Ну и пили же мы тогда! Прямо на коленях стояли у воды и черпали воду ладонями. А рядом, захлёбываясь от жадности, пили наши верблюды. Ещё бы! Знаете, какой у нас был водяной паёк в эти дни? По кружке в сутки. И на питьё и на мытьё. Да уж тут, по правде сказать, не до мытья было. А верблюды наши бедные ни капли воды не получали.

— Ах ты, батюшки, — сказала бабушка. — И чего тебя, Серёженька, всё в пустыню да в пустыню носит? Неужто этой соли твоей поближе нет?

— Есть, да не та, — сказал папа. — А если бы вы знали, какая там вода, в этой Сыр-Дарье! Жёлтая, мутная. Прямо — жидкая глина, а не вода. А всё-таки казалась вкуснее вкусного.

— Папочка, — сказала Катя, нежно поглаживая отца по рукаву, — хочешь, я тебе водички принесу, холодненькой?

Папа засмеялся:

— Нет, я бы лучше сейчас горячего чайку выпил. Всё, дочка, хорошо в своё время.

Бабушка засуетилась:

— Что ж ты молчишь, Серёженька? У меня и чайник давно вскипел.

— Ну вот и хорошо. Тащите-ка, ребята, чемодан в переднюю, эти все рубашки — с рукавами и без рукавов — мама в шкаф запрячет, а камешки свои я к себе в стол уложу. И айда чай пить!

— Постой, папочка, — сказала Катя. — А как же Миша сказал, что ты черепаху привёз? Где же она?

— В корзинке, — ответил за папу Миша. — Только она какая-то странная — всё спит и спит. Уж я к ней стучался-стучался, а она и голову не показывает. Может быть, у неё и нет головы, папочка?

— Есть, только маленькая, — сказал папа. — Потерпите, ребятки. Она выспится, привыкнет к новому месту и покажет, что у неё есть и голова и лапки.

Мама собрала папины вещи и, открыв шкаф, стала раскладывать их на полке.

— Нет, — вдруг сказала она, обернувшись к папе, — и подумать только, что в эти дни мы даже не знали, в какой ты беде!

— И хорошо, что не знали, — сказал папа. — Мне было бы гораздо хуже, если бы я ещё думал, что вы тут беспокоитесь. Ничего, поверь мне, я ко всему этому привык. И вот сейчас — ведь как я рад, что вернулся домой, а весной обязательно опять потянет туда же, в эти песчаные степи...

Папа подумал и потрепал Мишу по плечу.

— А настанет время, — сказал он, — мы и забудем, что та-

кое пустыня. Проложим каналы, по каналам вода пойдёт в пески, а вдоль каналов поднимутся деревья. Леса вырастут. Сады... И не будет больше пути ни песчаным бурям, ни суховсям. Вот какие дела, друзья хорошие!

Тут бабушка выглянула из-за двери и спросила:

— Ну что, всё убрали, друзья хорошие? Идите-ка чай пить. Всё готово. Какое я для тебя, Серёженька, варенье припасла! Не чета твоим куракатам.

СТЕЛЛА КУЗЬМИНСКАЯ

Надежда Ивановна сидела в пионерской комнате за столом и что-то писала, когда дверь приоткрылась и вошли две пионерки. Это были Настя Егорова и Валя Ёлкина.

Надежда Ивановна подняла голову:

— Что вам, девочки?

Настя и Валя смущённо переглянулись.

— Ну что же вы? Говорите, зачем пришли, — сказала старшая вожатая.

— Надежда Ивановна, — начала Валя, — мы больше не хотим Стеллу Кузьминскую.

Надежда Ивановна удивлённо посмотрела на девочек:

— Что значит «не хотим»? Почему?

Девочки молчали.

— Уж если начали, так говорите.

— Мы больше любим Катю Снегирёву, — пояснила Валя.

— Больше любите Снегирёву? — спросила Надежда Ивановна. — Что ж, очень хорошо. Но разве этого достаточно, чтобы отстранить Кузьминскую?

— Достаточно! — уверенно сказала Настя. — Катя у нас всё равно самая главная. Кузьминская только на словах председатель совета отряда, а до отряда ей и дела нет.

Надежда Ивановна внимательно слушала девочек.

— И потом, Стелла уж очень воображает, — сказала Валя. — Вот мы и хотим опять устроить выборы.

— Перевыборы, — поправила подругу Настя. — Мы хотим выбрать Катю Снегирёву. Только она об этом ещё не знает.

Надежда Ивановна покачала головой.

— Надо, чтобы совет дружины вам это разрешил, — сказала она. — Без совета дружины нельзя. — И, нахмутив брови, она добавила: — К выборам, девочки, надо относиться серьёзно. Это не игра. Раз вы уже выбрали Стеллу Кузьминскую — значит, считали её достойной. Её выдвинула такая серьёзная, толковая пионерка, как Лена Ипполитова. Что ж, и Лена считает, что председателя совета отряда нужно переизбрать?

Валя посмотрела на Настю и легонько толкнула её локтем. Настя кивнула головой и ответила не колеблясь:

— Теперь уже и Лена видит, что Стелла не годится в председателя совета. Не подходит. Лена сама говорит: «Я ошиблась».

— Вот как? — Надежда Ивановна очень строго посмотрела на девочек. — А вы не думаете, что завтра выберете Снегирёву, а через месяц и про неё скажете: «Не подходит. Воображает»? Этак у вас толку не получится.

— Что вы, Надежда Ивановна! — заговорили сразу обе девочки. — Про Катю разве так можно сказать? Она хоть и командует немножко и даже иногда покрикивает, но пусть, мы на неё не обижаемся.

И девочки рассказали о том, как вчера Катя, вместо Стеллы, устроила в классе очень важное собрание.

— Стелле только бы домой поскорей уйти, — сказала Настя, — а Катя не такая...

— Совсем не такая! — подхватила Валя. — И потом, она и у себя в звене всегда что-нибудь такое затеет. Вот, например, придумала сказки по очереди рассказывать, или если какая-нибудь девочка хвалит какую-нибудь книжку, так обязательно эту книжку прочитать всем вместе вслух.

— Мы с Валеёй теперь тоже так делаем, — сказала Настя. — Но Катя начала первая.

— Первая! — подтвердила Валя и мотнула кудряшками.

— Да-а, — задумчиво проговорила Надежда Ивановна, — Снегирёва — молодчина, и я думаю, она справится. Но ведь дело не в одном только председателе. Весь совет отряда должен работать дружно...

Надежда Ивановна помолчала и, по обыкновению, прошлась по комнате, заложив за спину руки.

— Вот что, девочки, — сказала она наконец, усаживаясь на место. — Пошлите завтра Стеллу ко мне после уроков. Впрочем — нет. Лучше я её сама позову.

На другой день после уроков Стелла пришла к Надежде Ивановне. В пионерской комнате было шумно. У стола несколько вожатых, склонившись над разграфлённым листком, обсуждали план предпраздничных экскурсий (уже приближалось седьмое ноября). Какая-то девочка, волнуясь и вытирая глаза, уверяла Надежду Ивановну, что она всегда-всегда носит пионерский галстук и только один раз забыла...

— Ну хорошо, успокойся, — сказала Надежда Ивановна. — Завтра я приду к вам на сбор.

И, увидев стоящую на пороге Стеллу, она кивнула головой:

— А, Кузьминская! Ну, идём. Мне надо с тобой поговорить.

Она повела Стеллу в кабинет директора, где сейчас никого не было, усадила её на большой кожаный диван с пуговками, прихватывающими обивку, и сама села рядом.

— Ну, — сказала она, — рассказывай, как у тебя идут дела.

Стелла с недоумением и тревогой посмотрела на Надежду Ивановну.

— Хорошо, — робко сказала она. — У меня по всем предметам пять. Только по географии меня ещё не спрашивали...

— Я знаю, что отметки у тебя прекрасные, — сказала Надежда Ивановна. — Ну что ж, это очень хорошо. Но ты ведь не только ученица четвёртого класса. Ты — пионерка, да к тому же ещё председатель совета отряда.

Стелла пожала плечами.

— Ну что ты молчишь? Ты же видела, что делалось у вас в классе, — продолжала Надежда Ивановна. — Почему ты не поговорила ни с Олей, ни со мной?

Стелла удивлённо посмотрела на Надежду Ивановну.

— Я как-то не догадалась, — медленно сказала она.

— Ну, а почему ты не посоветовалась с девочками? Ведь на то и существует совет отряда.

Стелла опять беспомощно поглядела на старшую вожатую. В глазах её Надежда Ивановна почувствовала безмолвный вопрос: «Ну чего вы все ко мне пристали?»

— Что же мы с тобой будем делать? — спросила Надежда Ивановна. — Как ты думаешь вести работу дальше?

Стелла смотрела вниз, покусывая губы.

— Вот что, Надежда Ивановна, — вдруг сказала она решительно. — Пусть лучше кто-нибудь другой будет у нас председателем совета отряда. А я, наверно, не подхожу.

— Вот как? А кто же, по-твоему, подходит?

Стелла опять задумчиво пожала плечами и подёргала кожаную пуговку на обивке дивана.

— Ну, Катя Снегирёва, пожалуй, — сказала она. — Снегирёва как-то так умеет говорить, что её все слушают. А я так не могу. Да и мама недовольна.

Надежда Ивановна насторожилась:

— Мама? Почему?

— Да я сама не знаю, — уклончиво ответила Стелла. — Она говорит: «Хватит с тебя, что ты учишься на пятёрки». Она говорит, что у меня здоровье слабое.

— Да? — удивилась Надежда Ивановна. — Разве ты часто болеешь?

— Нет, не очень часто, — сказала Стелла. — Можно даже сказать — редко, а мама всё-таки всего боится. Она любит, чтоб я дома была, и не любит, чтоб я куда-нибудь ходила. И потом, она всё сердится... — Стелла смутилась и замолчала.

— Почему сердится? На что? — спросила Надежда Ивановна.

— Не знаю... Ну вот я, например, говорю: «Вырасту — буду учительницей». А она: «Перестань глупости болтать!» — «Ну, тогда я буду библиотекарем». А мама: «Час от часу не легче». — «Ну, тогда — доктором...» А мама говорит: «Сама не понимаешь, чего хочешь. Трудная, неблагодарная работа». Что же, мне никем не быть, что ли?

Надежда Ивановна засмеялась и потрепала Стеллу по плечу:

— Зачем же «никем»? Много ещё есть на свете разных профессий.

Стелла грустно покачала головой:

— Нет, мама непременно хочет, чтоб я артисткой была. А я

нисколько, вот нисколько не умею представлять. Какая же из меня артистка?..

Надежда Ивановна сочувственно посмотрела на эту красивую девочку в нарядном переднике, с большим бантом в подстриженных до плеч волосах.

— Вот что, Кузьминская, спроси у мамы, когда и где ей удобнее встретиться со мной. Я бы хотела с ней поговорить.

...Надежде Ивановне не пришлось долго ждать ответа. Стеллина мама явилась сама в тот же вечер, несмотря на сильный дождь.

— Чего вы хотите от моей девочки? — спросила она.

— Простите, а кто ваша девочка? — сказала Надежда Ивановна.

— Как это — кто? Стелла Кузьминская. Зачем вы меня вызвали?

— Право, я и не думала вызывать вас, — ответила Надежда Ивановна. — Я бы могла и сама прийти к вам. Я только хотела поговорить с вами, посоветоваться. Садитесь, пожалуйста.

Надежда Ивановна с удивлением смотрела на свою посетительницу. Она видела мать Стеллы Кузьминской в первый раз. На родительские собрания Кузьминские приходили редко. А если и бывал кто-нибудь, то не мать Стеллы, а отец. Его Надежда Ивановна помнила хорошо. Невысокий, плотный человек с бледным, красивым лицом. У Стеллы были такие же тонкие тёмные брови, как у него, такие же серо-синие глаза с густыми ресницами. Он, кажется, какой-то видный инженер, консультант по отоплению, что ли. На собрания он обычно приходит с опозданием и уходит раньше всех. Надежда Ивановна ждала, что и мать Стеллы будет тоже красивая, нарядная, как её дочка, с таким же равнодушно-холодным лицом, как у её мужа. Но она оказалась совсем не такая.

Это была высокая, очень худая женщина, просто и даже небрежно одетая. Надежда Ивановна почему-то заметила, что палец на её перчатке разорван и волосы выбиваются из-под шляпы неровными, растрёпанными прядями. Лицо у неё было суровое, с широкими скулами и твёрдым подбородком. Надежда Ивановна невольно вспомнила слова Стеллы: «Мама почему-то всё сердится».

— На мою дочку ещё никогда не жаловались, — нервно комкая перчатки, сказала Стеллина мама. — В чём дело? Что случилось?

— Ничего не случилось, — сказала Надежда Ивановна. — Стелла прекрасно учится и хорошо ведёт себя. Меня тревожит другое.

— Что именно?

— Вот сейчас расскажу. Простите, я не знаю вашего имени и отчества.

— Антонина Степановна.

— Так вот, Антонина Степановна. Меня беспокоят не учебные дела вашей дочки, а её отношения с подругами, её положение в коллективе.

Антонина Степановна пожала плечами.

— «Положение в коллективе», — сказала она насмешливо. — Какое же это у неё положение? И какой это коллектив в четвёртом классе?

— Самый настоящий. Со своими запросами, со своими требованиями, и, могу сказать, вполне серьёзными.

— Интересно, — так же насмешливо сказала Антонина Степановна.

— Очень! — подхватила Надежда Ивановна, делая вид, что не замечает насмешки в голосе посетительницы. — И вот мне хотелось вам сказать, что девочки, к сожалению, относятся к Стелле не так, как она, в сущности, этого заслуживает.

— Завидуют, вероятно, — сказала Антонина Степановна.

— Чему? — удивилась старшая вожатая.

— Ну как это «чему»? Ведь не можете же вы не замечать, что Стелла выделяется на общем фоне?

Надежда Ивановна удивилась ещё больше:

— Выделяется? Я бы этого не сказала. То-есть, к сожалению, она несколько выделяется — своими манерами, своей привычкой держаться особняком. Девочки говорят, что она «воображает». Знаете это детское выражение? И посмеиваются над ней.

— Посмеиваются? Но как же вы, воспитатели, допускаете это?

— А почему и не допустить? Такая добродушная, дружеская шутка иной раз исправляет лучше выговора.

— Ах, вы полагаете, что моя Стелла заслуживает выговора? Это за круглые пятёрки и хорошее поведение?

— Антонина Степановна, — сказала Надежда Ивановна мягко, пододвигаясь поближе. — Поймите меня! В классе, где учится Стелла, есть девочки с такими же прекрасными способностями, как и у неё. Она далеко не единственная отличница. И должна вам сказать, что никому, кроме Стеллы, пятёрки не кружат голову. Остальные отличницы — дети как дети. Они дружат со всем классом, помогают отстающим подругам, успевают прекрасно работать в своём пионерском отряде. Почему же Стелла всегда стоит в стороне?

— Как это «в стороне»? — удивилась Антонина Степановна. — Вы же сами нагрузили её не знаю как! Выбрали её каким-то председателем, а девочка и так ужасно утомляется! У неё уроки музыки, английского, ритмика и пластика.

Надежда Ивановна покачала головой.

— Да, пожалуй, многовато, — сказала она. — Вероятно, поэтому-то Стелла просила меня сегодня освободить её от обязанностей председателя совета отряда.

— Ах, просила? — обрадовалась Антонина Степановна. — Вот и прекрасно! Я тоже очень прошу вас об этом.

— Подумаем, подумаем, — сказала Надежда Ивановна, — но прекрасного я в этом ничего не вижу. Скажите, пожалуйста, вы работаете где-нибудь?

— Разумсется. Я — пианистка. Концертмейстер.

Надежда Ивановна посмотрела на Антонину Степановну, и та, поняв её взгляд, объяснила:

— Я работаю последние годы в клубе одного завода. Там большой самодеятельный коллектив, и я аккомпанирую певцам, скрипачам, виолончелистам. Разучиваю с ними партии, выступаю с ними в концертах.

— И вы никогда не помогали нам! — с упрёком сказала Надежда Ивановна. — А ведь у нас такие чудесные, талантливые девочки! В нашей школе бывают очень интересные концерты, постановки. Вот, например, Ирина Павловна Снегирёва, мать Стеллиной одноклассницы. Она художница и всегда де-

лает для нас декорации, эскизы костюмов. А иногда даже сама мастерит эти костюмы.

— Право? — заинтересовалась Антонина Степановна. — А я и не знала. Художница, вы говорите? Странно, что Стелла мне никогда не говорила про девочку этой художницы.

— А она вам вообще рассказывает про школу?

— Очень мало.

— Понятно, — сказала Надежда Ивановна. — Так я и думала.

— Не знаю, что именно понятно вам, — заметила Антонина Степановна, — а я вас не понимаю.

— Попробую объяснить. Мне кажется, что Стелла не находит в вас сочувствия к своему главному делу.

— К какому это главному делу? К делам пионерского отряда, что ли?

— Не только. К жизни своей школы, своего класса. К чему бы вы ни готовили свою дочку, Антонина Степановна, она десять лет должна прожить в стенах вот этого здания, — и Надежда Ивановна обвела рукой вокруг себя, — здания, в которое вы до сих пор не удосужились заглянуть.

— Мой муж иногда бывает на собраниях, — сказала Антонина Степановна, но голос её звучал уже не так уверенно, как раньше.

— «Иногда бывает на собраниях»! — повторила с укором Надежда Ивановна. — Но ведь вы же сами знаете, что эти ваши слова — пустая отговорка. Так ли вы относитесь к тому, что вас по-настоящему интересует? Нет, вы, очевидно, думаете, что Стеллу воспитываете только вы, и только дома, а школа просто учит, даёт какие-то необходимые, скучные знания. Не так! Со всем не так! Что бы вы ни думали, что бы ни говорили, а школа для вашей Стеллы — это настоящая школа жизни! И ещё вот что я хочу вам сказать: вы, кажется, хотите, чтобы дочка ваша стала артисткой?

— Да, не скрою! Хочу! — решительно ответила Антонина Степановна. — В своё время я сама мечтала стать «знаменитостью». — Она криво и неловко усмехнулась. — Обстоятельства не позволили. Надеюсь, что Стелле это удастся. У неё определённо есть голосок, прекрасный слух, очень хоро-

шие внешние данные, и я мечтаю, что из неё выйдет оперная певица.

— А я думаю, что ребёнка десяти лет нельзя готовить ни к какой определённой специальности, — твёрдо сказала Надежда Ивановна. — Его следует растить хорошим советским человеком — смелым, деятельным. И знаете ли что? Этим вашим особенным воспитанием вы, может быть, готовите для Стеллы большое разочарование. Знаете ли, как это горько подавать большие надежды и потом не оправдать их?

— Знаю, — вдруг прямо и жёстко сказала Антонина Степановна.

Она помолчала, потеряла перчатку.

— Да, да... — прибавила она, задумчиво покачивая головой. — Может быть, в чём-то вы и правы... Во всяком случае, это хорошо, что мы сегодня с вами поговорили. Я подумаю. Я непременно подумаю.

И она неожиданно крепко пожала руку Надежде Ивановне своей большой, сильной рукой.

У НАСТИ ЕГОРОВОЙ

— Мама, — сказала Катя, — я уже сделала все уроки. Можно мне теперь пойти к Настеньке Егоровой? Мы с ней сегодня будем писать Людмиле Фёдоровне письмо. От всего класса. Нам поручили. А завтра девочки подпишут.

— А который час? — спросила мама.

— Ещё нет семи.

— Ну иди. Только смотри — к половине девятого будь обязательно дома. Успеете написать своё письмо?

— Думаю, что успеем.

Катя надела пальтишко и бегом побежала к Настеньке.

На улице было очень хорошо. После нескольких дождливых дней опять потеплело. Сквозь лёгкую дымку тумана светились фонари — круглые матовые шары на чёрных треножниках. Ещё не совсем стемнело, и казалось, что фонари светят просто так — для собственного удовольствия. Над крышами домов небо бы-

ло ещё красноватое, и ветви самых высоких деревьев чернели тонкой, чёткой сеткой на розоватых облаках.

С удовольствием вдыхая запах вялых листьев, шуршащих под ногами, Катя пробежала по дорожке бульвара и свернула в переулок. Здесь, на четвёртом этаже высокого дома с балконами, жила Настенька.

На двери её квартиры висела бумажка с надписью: «Стучать». Катя сразу узнала Настин почерк. Она постучала сперва тихонько, потом громче, а потом обоими кулаками.

«Неужели никого дома нет?» — подумала Катя и забарабанила по двери ещё сильнее.

— Иду, иду-у! — донёсся за дверью Настин голос, и сейчас же щёлкнул замок.

— А, Снегирёк! — сказала Настя. — Ты что, долго стучала? У нас звонок испортился, а Ольга всё не соберётся починить.

Катя удивилась:

— А разве Оля умеет чинить звонки?

— Умеет. И не только звонки, она и плитки электрические умеет. И даже утюги. Правда, иной раз из-за неё весь дом в темноте сидит. — Настя усмехнулась и добавила: — Вечно она опыты какие-то делает. Ну, сейчас будем писать. Только ты подожди немножко. Я сейчас кончу уборку. Сегодня как раз моё дежурство.

— Какое дежурство? — не поняла Катя.

Настя помогла ей повесить пальто на вешалку.

— А мы с Олей моем полы по очереди, — объяснила она. — Вот пока мама не пришла с работы, я и хочу управиться. Ольга к подруге ушла, бабушка — в магазин. Ну, я и тороплюсь. Ты подожди, пожалуйста, а я тут живо подотру.

И так домовито и весело получилось у Насти это «подотру», что Кате тоже захотелось помыть пол.

Но Настя сказала:

— Что ты, что ты! Разве можно? Ты же в форме.

Сама Настя была в стареньком ситцевом халатике. Халатик был вылинявший, но чистый и разглаженный.

— Это моя спецовка, — сказала Настя, подкручивая потуже засученные рукава. — Я всегда надеваю её, когда работаю.

Катя с удивлением и даже с некоторой завистью смотрела на Настину спецовку. Настенька заметила её взгляд и, достав из широкого кармана сложенную косынку, встряхнула её и ловко повязала голову. И Катя опять позавидовала Насте, что у неё есть и спецовка и косынка, как у настоящей работницы.

Настя побежала на кухню, а за ней и Катя. Взяв с батареи парового отопления тряпку, а за дверцей под раковиной — ведро, Настенька поставила его под кран. Струя воды так и загремела по пустому цинковому ведру. Настя тем временем быстро сняла с ног ботинки и чулки.

Катя так и ахнула:

— Что ты делаешь? Простудишься!

— Ничего, — спокойно сказала Настя. — До самой смерти ничего не будет. Я всегда мою пол босиком.

И, опустив обеими руками ведро на пол, Настя бросила в воду тряпку.

— А я что буду делать? — спросила Катя, растерянно оглядываясь по сторонам. — Может быть, мне пыль вытереть?

Но, к сожалению, пыли нигде не оказалось. Катя отошла к окошку и стала издали смотреть, как работает Настя.

Согнувшись, Настя старательно тёрла тряпкой пол и говорила:

— Осторожно, ноги замочишь!

Катя перепрыгнула туда, где было ещё сухо, но мокрая тряпка опять настигла её, и снова раздалось:

— Не ходи по мокрому!

Настя крепко выжала тряпку и насухо вытерла крашенные доски пола.

Катя смотрела, как ладно работает Настя, и ей было неловко, что она только прыгает по сухому, чтобы не замочить ноги, а Настя работает, как большая.

«Вот ей-то, наверно, не приходится писать обязательства, — думала Катя. — А всё потому, что ей позволяют работать по-настоящему. Попробовала бы я снять ботинки, чулки и вот этак, босиком, шлёпать с тряпкой по кухне. Бабушка бы мне так задала! Ей только и надо, чтобы я посуду мыла да вытирала. Ух, скука!»

А тем временем Настя прополоскала половую тряпку,

Катя смотрела, как ладно работает Настя.

сполоснула также ведро и, опрокинув его, повесила тряпку на место — на тёплую батарею. После этого она хорошенько вымыла под краном покрасневшие руки, а потом и ноги — сначала одну ногу, потом другую — и вытерла их полой своей спецовки.

— Ничего, — сказала Настя. — Вечером простирну.

И Кате опять так понравилось это ладное, свежее, как вода, Настенькино словцо «простирну», что ей захотелось поскорей пойти домой и тоже что-нибудь «простирнуть».

— Ну, Катя, — сказала наконец Настя, — всё! Управилась. Сейчас переоденусь, и пойдём писать.

Настя повела Катю в одну из двух комнат, где жила семья Егоровых. В этой комнате Катя ещё не была ни разу. У одной стены стояла большая кровать со взбитыми подушками, а у другой — диван.

— Какая высокая кровать! — сказала Катя. — Кто на ней спит?

— Наша бабушка, — ответила Настя. — Бабушка любит перину и подушки, она ведь старенькая. А мама не любит спать на мягком.

На стене возле бабушкиной постели красовалась в рамочке какая-то фотография, а над ней — тоже в рамочке — висела, поблёскивая за стеклом золотыми буквами, почётная грамота. На фотографии была снята большая группа каких-то незнакомых Кате женщин, а в переднем ряду она узнала Настину бабушку. Бабушка сидела очень прямо, положив на колени тёмные руки с узловатыми пальцами.

— Она у вас, наверно, очень строгая? — спросила Катя, вглядываясь в фотографию.

— Ну что ты! — удивилась Настя. — Она только на карточках такая.

— А с кем это она снята?

— Со своим цехом. Тут все — ткачихи, с бабушкиной фабрики. Она знаешь сколько там проработала? Сорок лет почти!

— Ого! — сказала Катя. — Значит, когда мой папа был ещё совсем, совсем маленький, твоя бабушка уже работала на фабрике?

— Ну конечно, — спокойно сказала Настя. — А вот это —

бабушкина почётная грамота... Ну, садись за стол. Я сейчас принесу чернильницу, бумагу и ручку.

Стол был накрыт вышитой скатертью с бахромой, а сверху лежала другая скатерть, из пластмассы — прозрачная.

«Вот хорошо, — подумала Катя, — и вышивку видно, и не пачкается».

Катя села писать, а Настя стала рядом, коленями на стул, и, медленно расчёсывая свои прямые русые волосы круглым гребешком, сказала:

— Ну, пиши: «Дорогая Людмила Фёдоровна!»

«Дорогая Людмила Фёдоровна!» — вывела Катя самыми красивыми буквами, какими только могла. Написала и придумалась.

— Ну что ж ты? — спросила Настя. — Пиши: «Как вы поживаете?»

Катя пожала плечами:

— Мы же и так знаем, как Людмила Фёдоровна поживает.

— Что ж из этого? — усмехнулась Настя. — Так всегда пишут в начале письма.

Но Катя всё-таки сомневалась, хорошо ли так начать, и обдумывала, как бы написать иначе.

— Ну что там думать? — сказала Настя. — Надо спросить, как сё здоровье, и написать, что весь наш класс кланяется и шлёт привет.

— Хорошо, — сказала Катя и написала:

«Как Вы поживаете? Позволяют ли Вам доктора разговаривать? Все мы очень беспокоимся и желаем Вам поскорее поправиться».

Настя через Катину плечо прочитала эти строчки.

— Хорошо! — с удовлетворением сказала она.

Катя поморщилась:

— Хорошо, но неинтересно.

— Как это — неинтересно? Письма так и пишут. Это же не рассказ!

Катя с сомнением покачала головой:

— Нет, всё-таки лучше, чтобы было интересно.

— Не знаю, может быть, — сказала Настя задумчиво. — Ну, а что ты хочешь дальше написать?

— Надо же рассказать Людмиле Фёдоровне, как у нас теперь всё идёт в классе.

— А думаешь, это ей интересно?

— Ну конечно! Ведь это же Людмила Фёдоровна! Я думаю, даже и Петру Николаевичу это будет интересно.

И Катя, наклонив голову набок, стала быстро писать:

«У нас теперь всё очень хорошо. Анна Сергеевна к нам совсем не придирается. Сегодня она нам сказала: «Сядьте как вам удобнее, но только не вразвалку».

Тут Катя остановилась, не зная, какие найти слова, чтобы показать, кто как устроился за партой. Если бы она не писала, а разговаривала с Людмилой Фёдоровной, она бы попросту показала, кто как сел. Но написать про это было очень трудно.

— Счастливые люди — писатели, — сказала Катя. — Пишут так же, как все люди — буквами, отдельными словами, а в книгах получается всё как в настоящей жизни! Я бы, кажется, сто лет подряд писала книгу, и всё-таки у меня ничего бы не вышло.

— Ещё бы, — сказала Настя, — на то они и писатели. Но у тебя тоже очень здорово получается.

— Нет, у меня не так. Как это они пишут? Ведь это можно с ума сойти — так трудно!

— Ну ладно. Пиши дальше!

Катя решительно обмакнула перо и стала писать:

«Сели мы и приготовились слушать. И вот Анна Сергеевна начала нам рассказывать про Москву. Про то, как наш народ во все времена защищал нашу древнюю столицу».

— Напиши, что это по истории, — подсказала Настя.

Катя кивнула головой и написала:

«Это по истории».

Потом подумала и стала писать дальше:

«Анна Сергеевна так интересно рассказывала, что мы просто заслушались. Если кто из девочек вдруг кашляет, мы сердились. Даже Киселёва заслушалась. И когда Хохрина кашлянула, Клава дёрнула её за лямку передника и сказала: «Надо знать, когда кашлять». Вот как интересно было на уроке истории».

Катя поставила точку и спохватилась:

— А не слишком ли мы расхваливаем Анну Сергеевну? Приятно это будет Людмиле Фёдоровне?

— Ничего, — сказала Настя, — приятно. Что ж, ты думаешь, Людмила Фёдоровна не будет за нас рада? Ещё как будет! А теперь напиши ей про урок чтения.

И Катя опять наклонилась над своим письмом.

«А на уроке чтения Анна Сергеевна рассказала нам про Пушкина, про его детство и юность. У Пушкина была старенькая няня, Арина Родионовна, и она рассказывала маленькому Александру Сергеевичу сказки. Когда Пушкину исполнилось двенадцать лет, он поступил в лицей».

— Довольно, — сказала Настя. — Людмила Фёдоровна это и сама знает. Теперь напиши привет от всех — и конец.

— Нет, — сказала Катя, — самое главное мы ещё не написали.

И, низко опустив голову, она опять принялась выводить букву за буквой, строку за строкой:

«Дорогая Людмила Фёдоровна! Мы никогда в жизни не забудем, как Вы нам писали в блокноте и как с нами говорил Пётр Николаевич. Когда мы от Вас ушли, мы дали слово вести себя так, чтобы Вы были довольны».

— Постой, — сказала Настя. — А Людмила Фёдоровна поймёт, кто это «мы»? Ведь письмо будет не только от тебя с Аней, а от всего класса.

— Верно, — согласилась Катя. — Только если зачёркивать, будет грязно. Ну, ничего. Людмила Фёдоровна догадается.

И Катя стала писать дальше:

«А теперь и весь наш класс, весь отряд по звеньям, дал честное пионерское, что всё у нас пойдёт по-другому. И уж никто-никто не сможет сказать, что мы у Вас распустились. Дорогая Людмила Фёдоровна, честное пионерское — всё будет хорошо!».

ПОСЛЕ СБОРА

Шагая через две ступеньки, Катя, радостная и взволнованная, поднималась по лестнице к себе домой.

«Только бы все были дома, — думала она. — Ужасно хочется всё поскорей рассказать!»

А рассказать было о чём. Только что у них в отряде кончился сбор. Сначала говорили об успехах класса за всю четверть. Анна Сергеевна взяла слово и, раскрыв свою записную книжечку, стала подробно говорить о каждой своей ученице. Всем было интересно и даже немножко страшно слушать, как она разбирает, что у кого хорошо получается, что плохо и почему, какие у кого достоинства и какие недостатки. В общем, оказалось, что Надежда Ивановна была совершенно права. За каких-нибудь несколько недель Анна Сергеевна успела узнать класс так, как будто она преподавала в нём по крайней мере целый год. Катя даже вздрогнула от удивления, когда Анна Сергеевна сказала: «Ну вот, например, Катя Снегирёва. Что ж, о ней можно сказать много хорошего. Она интересуется занятиями, работает не за страх, а за совесть. Видимо, много читает, но, к сожалению, у неё есть существенный недостаток: она очень любит витать в облаках...» Витать в облаках! Подумать только — точь-в-точь то же самое всегда говорила Людмила Фёдоровна! Сговорились они, что ли? В общем, Анна Сергеевна про всех сказала очень много важного и правильного. Девочки переглядывались. Некоторые очень смутились, а некоторые были рады.

Потом начались перевыборы. Стелла попросила, чтобы председателем выбрали кого-нибудь другого, а её освободили. Во-первых, у неё, кроме школы, много занятий. «А во-вторых, — сказала она, и тут девочки очень удивились, — я для этого не подхожу. У меня ничего не выходит. Пусть кто-нибудь другой...» Настя и Валя почему-то переглянулись и разом посмотрели в Катину сторону. Катя даже смутилась — чего это они на неё смотрят? Но в это время Надежда Ивановна спросила, согласен ли отряд освободить Стеллу. Оказалось, что все согласны: «Ну, раз ей трудно, раз она не может, — пусть делает что-нибудь другое». — «Хорошо, — сказала Надежда Ивановна. — Кого же вы предлагаете на место Кузьминской? Только подумайте хорошенько, чтобы больше не ошибаться». — «Настю Егорову!» — сказала Катя. Но её никто не услышал. Все разом заговорили: «Катю! Катю Снегирёву!» — «А ещё кого? — спросила Оля. — Давайте записывать кандидатов». — «И записывать нечего! — сказала Настя. — Катю Снегирёву —

и всё!» И тридцать четыре пионерки как одна подняли руки. Только Катя сидела, опустил глаза и дёргая обеими руками кончики кос. «Единогласно!» — сказала Надежда Ивановна.

...«Ох, сколько у меня теперь будет дела! Сколько будет дела!» — говорила себе Катя, перескакивая через ступеньки лестницы и перебирая рукой знакомые до последней зазубринки перила.

В это время чьи-то быстрые, лёгкие шаги слышались на верхней площадке и дробью простучали по ступенькам.

— Танечка! — крикнула Катя, узнав сестру по шагам. — А я уже председатель совета отряда! За меня все, все девочки голосовали, ну прямо все — до одной!

— Поздравляю! — бросила на ходу Таня и побежала дальше.

— Танечка! — крикнула ей вслед Катя, перегнувшись через перила. — А ты мне поможешь составить план сборов?

— Обязательно! — ответила снизу Таня.

— А сейчас ты куда?

— На край света.

— Нет, правда, куда?

— На Ленинские горы. На стройку университета. Беседу проводить.

— В университете?

— Нет, в посёлке. В Черёмушках, у строителей.

И дверь внизу хлопнула. Катя в несколько секунд добежала до своей площадки.

От нетерпения она нажала кнопку звонка с такой силой, что вдавила её куда-то вглубь и уже не могла вытащить. Звонок заверещал как бешеный, ни на секунду не умолкая.

В передней слышались быстрые мамины шаги, бабушкино шарканье и Мишин крик:

— Это из нашего класса!

Дверь распахнулась.

— Что случилось? — спросила мама испуганно.

— Мамочка, меня выбрали в председатели совета отряда! Единогласно! Бабушка, у нас есть что-нибудь красненькое? Мне нужно пришить к рукаву вторую нашивку!

— А может быть, сперва руки помоешь и пообедаешь, пред-

седатель? — сказала укоризненно бабушка. — И звонок-то, звонок-то уймите! Ведь оглохнуть можно!

— Принеси-ка, Мишук, ножницы или отвёртку, — сказала мама.

— Я и так вытащу, — ответил Миша. — Только мне без табуретки не достать.

Он притащил табуретку, вскарабкался на неё и очень ловко, с помощью тонкого гвоздика, высвободил застрявшую где-то в глубине розетки кнопку. Оказалось, что в карманах у него добрая дюжина гвоздей самых разных размеров.

— Ну и монтёр! — удивилась бабушка.

— Настоящий электротехник, — согласилась с ней мама. — Только напрасно ты, Мишук, носишь гвозди в карманах. Неужели нет для них другого места?

Бабушка пошла греть Кате обед, так и не дослушав всех её новостей. Это, пожалуй, немножко огорчило бы Катю, если бы не мама. Но мама до того заинтересовалась Катиными делами, что даже пошла с ней в ванную и, пока дочка мыла руки, расспрашивала её обо всём подробно.

— А как же ваша Стелла Кузьминская? Неужели её совсем отстранили?

— Что ты! Она сама отказалась, — ответила Катя. — Она теперь будет редактором. Ей, мамочка, подходит быть редактором, она читает много и пишет очень грамотно. И потом, нельзя же отталкивать человека!

— Ну конечно! — сказала мама.

— А на моём месте, — продолжала Катя, — теперь будет Лена Ипполитова. Ты помнишь её? Такая серьёзная девочка. В очках.

Мама кивнула головой.

— Она у нас раньше была редактором, — сказала Катя. — Но ей это трудно, потому что у неё зрение слабое. Поэтому на её месте будет теперь Стелла, а Лена ей будет помогать. Она обещала.

— Вот и прекрасно, — сказала мама.

— И потом, мамочка, я уже знаю, какие у меня будут отметки в четверти. Только две четвёрки. По арифметике и по рукоделию. А то все — пятёрки.

— Ну что ж, это неплохо, — сказала мама и поцеловала дочку в голову.

— Нет, мамочка, раньше это было хорошо, а теперь не очень-то. Как же — председатель совета отряда, и вдруг четвёрки! У Стеллы было круглое пять!

— Правильно! — сказала мама.

— По арифметике я непременно подтянусь. Буду каждый день решать по задаче и по два примера, если даже не задано, и подтянусь. А вот с рукоделием прямо не знаю, что делать... Нет, знаю!

Катя накинула на крючок полотенце, опрометью бросилась в кухню и чуть не столкнула с ног бабушку.

— Бусенька, ты мне поможешь подтянуться по рукоделию? У меня — четыре, а мне нужно непременно пять!

— Чего — пять? — спросила бабушка.

— Да не «чего», а просто пятёрку. Ты же понимаешь, что председателю совета отряда надо учиться только на пять!

— А! Ну конечно, конечно, — сказала бабушка. — Что ж, найду тебе работу по рукоделию. Вот у меня кстати на кухонном полотенце петелька оторвалась. Пришей-ка!

Катя замахала руками:

— Да нет, что ты, бабушка! Какие там петельки! Мне нужно научиться вышивать болгарским крестом. А у меня так медленно выходит и так неаккуратно.

— А ты больше иголкой работай: петельку пришей, чулки заштопай, вот и будет аккуратно и быстро. А если по разу в неделю иголку в руки брать, так ничему и не научишься. Это дело такое — терпения требует.

Катя вздохнула.

«Всюду терпение да терпение! Прямо терпения нет».

Вечером, перед сном, Катя вытащила листок со своими старыми обязательствами и перечитала их. Ей казалось, что теперь придётся всё переделать, что всё прежнее уже осталось где-то позади. Но нет! То, что Катя взяла на себя месяц тому назад, теперь стало только ещё важнее и нужнее. Она приписала всего лишь одно — двенадцатое — обязательство:

12. Буду учиться на круглое пять.

Потом она вырвала ещё один листок из подаренной Таней тетради и написала:

Что бы такое сделать, чтобы всем в отряде было интересно?

Но придумать интересные дела оказалось не так-то легко.

«Скорей бы Таня пришла. Она-то уж придумает!»

И тут Катя с досадой стукнула кулаком по столу: «Какая ж я глупая! Таня на Ленинские горы уехала, может быть, самого Андрея Артёмова там увидит... Надо было попросить её разузнать про этого мальчика, Серёжу Решетникова. А вдруг за это время Артёмов его нашёл? Интересно, где теперь Серёжа живёт и у кого? И как это я всё-таки опять забыла, что хотела искать его? Как это случилось, что опять забыла? Ах, да! Сначала папа приехал, потом надо было наладить всё в классе, потом надо было писать письмо Людмиле Фёдоровне... А сегодня — опять такой необыкновенный день! Теперь дел у меня, конечно, прибавится ещё больше. Как бы опять не забыть про Серёжу! Нет-нет, теперь уж этого не будет. Вот бы разыскать его всем отрядом, самим разыскать, а потом с ним переписываться! Это было бы здорово!..»

И прежде чем лечь спать, Катя вывела на листке под длинным названием: «Что бы такое сделать, чтобы всем в отряде было интересно?» — две строчки:

Узнать, как разыскивают пропавших детей, и начать всем отрядом искать Серёжу Решетникова.

КАК РАЗЫСКИВАЮТ ПРОПАВШИХ ДЕТЕЙ?

На другой день после уроков Анна Сергеевна задержалась в классе. Она разбирала ученические тетради в шкафу и не сразу обратила внимание на то, что в конце почти опустевшего уже класса собралось в кружок несколько её учениц.

— В нашей стране дети не могут потеряться, — говорила Катя обступившим её со всех сторон подругам. — Если Серёжа жив, мы непременно его найдём!

Анна Сергеевна обернулась.

— Девочки, вы ещё не ушли? — удивилась она. — Что вы шушукаетесь, как заговорщицы?

Но девочки только улыбались да переглядывались.

— Спроси ты!

— Нет, ты!

Анна Сергеевна положила в свой и без того полный портфель ещё несколько тетрадей и, закрыв шкаф, подошла поближе.

— Ну что? — спросила она, глядя на девочек выжидающе. — Хотите о чём-нибудь спросить?

— Можно? — начала Катя. — Только это, Анна Сергеевна, не по предметам, а так... вообще.

— Ну, спрашивай «так вообще», — сказала, улыбнувшись, учительница.

— Анна Сергеевна, — начала опять Катя, — вы не знаете, как разыскивают детей?

Анна Сергеевна недоумевающе пожала плечами:

— Каких детей?

— Которые потерялись, — объяснила Настя. — То-есть не то что совсем потерялись. Они, может быть, где-нибудь живут, но только неизвестно где...

Анна Сергеевна кивнула головой:

— Понимаю, понимаю. Во время войны было много детей, потерявших родителей, и родителей, потерявших детей. В Москве несколько лет назад был даже устроен отдел розыска — для того чтобы помочь родителям и детям найти друг друга.

Все помолчали.

— А вы не знаете, Анна Сергеевна, — озабоченно блеснув очками, спросила Лена Ипполитова, — где находится этот отдел?

— Как же, знаю, — ответила Анна Сергеевна, переводя внимательный взгляд с одной девочки на другую. — При управлении милиции Москвы. А почему вас это так интересует? Кто у вас потерялся?

— Один мальчик, — серьёзно ответила Катя. — Только не у нас. Мы случайно про него узнали. Он сын одного замечательного героя, и нам очень хотелось бы его найти.

— Анна Сергеевна кивнула головой.

— Я тоже искала детей, — задумчиво сказала она. — Мальчика и девочку.

— Каких детей? — спросила Валя Ёлкина.

— Племянников своих.

— А как их зовут?.. Сколько им лет?.. — заговорили девочки наперебой. — Где они пропали?

— Погодите, погодите, не все сразу, — сказала Анна Сергеевна. — Звали их Алик и Сонечка. А пропали они во время войны. Их мама, моя сестра, ехала с ними на пароходе из осаждённой Одессы. Пароход разбомбили.

— Ой! — в один голос сказали Настя и Лена. — Утонули? Да?

— Наверно, утонули, — тихо сказала Анна Сергеевна.

— Ну, а тётеньку вы искали? — спросила ещё тише Настя. — То-есть вашу сестру?

Анна Сергеевна легонько похлопала Настю по плечу:

— Искала, конечно.

— И нашли?

— Нет.

— Никого-никого?

Анна Сергеевна чуть улыбнулась:

— Нет, нельзя сказать, чтобы совсем никого. Алика нашла. Только не того...

Девочки с удивлением смотрели на неё:

— Не того? Как же это? Другого, значит?

— Да, другого. Я узнала в сорок пятом году, что в одном детском доме, в городе Орехово-Зуеве, живёт Алик Тарасов, шести лет. Ну, конечно, собралась и сразу же поехала.

— Значит, вашего племянника так и звали — Алик Тарасов? — спросила Катя. — И было ему тогда как раз шесть лет?

— В том-то и дело, — сказала Анна Сергеевна. — Если бы он был жив, ему было бы в то время как раз шесть лет... Приезжаю, вижу — славный мальчуган. Беленький, сероглазый, а наш был чёрный, как жучок.

— Чужой мальчик, — сказала Аня, грустно покачав головой.

— Да, был чужой, а стал свой. Очень я его полюбила. Каж-

дый праздник к нему ездю, а иногда и он ко мне приезжает. Зовёт меня «тётя Аня». Пишет мне письма.

— Как родной племянник, — сказала Настя.

— Совсем как родной. Да я и всех ребят в этом детском доме знаю теперь. Отличные ребята... Вот будут у нас зимние каникулы — может быть, и съездим к ним на ёлку.

— Ой, правда? — закричали все сразу. — Можно туда поехать? Они недалеко живут?

— Как сказать... Три часа езды всё-таки.

— На поезде?

— Да, по железной дороге... Ну, пора по домам. Скоро вторая смена придёт.

И в самом деле, дверь отворилась, и на пороге показалась уборщица, тётя Поля, с ведром и щёткой.

— Вот засиделись-то! — сказала она нараспев. — Вот заучились-то! Ну идите — отдыхайте. А то всю науку себе забереёте, другим ничего не останется.

ПОДАРКИ

Сбросив с одной ноги туфлю и просунув ногу под ремень щётки, Таня натирала пол. Паркет уже сверкал, как зеркало. В нём отражались окно, край шкафа и ножки стола, но Таня всё тёрла и тёрла.

Надев очки, бабушка посыпала сахарной пудрой и толчёным орехом свой особенный, самый праздничный пирог.

На диване лежали накрахмаленные, лёгкие и пышные, как взбитые сливки, тюлевые занавески.

— Таня, — говорила Катя, — уже блеснит. Так блеснит, что лучше нельзя. Хватит! Давай лучше повесим вместе занавески, не будем дожидаться маму. Она придёт, а у нас уже всё готово. Ну давай, Танечка!

— А ведь это идея! — сказала Таня и, надев вторую туфлю, побежала в переднюю за лесенкой.

Через раскрытые форточки вливался с улицы свежий осенний воздух. Вымытые стёкла так и сияли. В них даже неизвестно отчего появился какой-то радужный блеск.

Таня легко взобралась на стремянку.

— Ну-ка, подавай, — сказала она, — да смотри осторожней.

Катя взяла обеими руками лёгкий алюминиевый карниз, с которого спускалась на кольцах шуршащая занавеска. Кольца сами собой скользили по круглому карнизу и нежно позванивали.

— Выше держи, выше! — закричала Таня. — Не волочи по полу!

Катя приподнялась на цыпочки и вытянула руки, как только могла, а Таня, нагнувшись, приняла карниз у Кати из рук и навесила его на крючки.

— Так будет ровно? — спросила она.

— Нет, немножко криво, — ответила Катя. — Справа надо приподнять. Ещё чуточку выше. А теперь чуточку ниже. Вот так, кажется, совсем ровно... Ой, Танечка, до чего стало красиво!

Катя даже в ладоши хлопала.

— Давай скорей нарядим и второе окно. А то оно как будто ободранное... Бабушка! Бабуся! Бабулечка! Да оторвись ты на минутку от своего пирога, посмотри, какая красота! Ах, как я люблю убирать квартиру перед праздником!

Бабушка оглянулась и посмотрела поверх очков сперва на занавески, а потом на Катю.

— Красота-то красота, — сказала она, — а только хорошо, кабы ты, Катенька, любила порядок не только перед праздником, а и по будням.

Катя ничего не ответила, но подумала:

«Да... перед праздником, небось, все уборкой занимаются — оттого и весело. А когда одна ползаешь да пыль вытираешь, так ничего весёлого тут нет».

Но вслух она этого не сказала: было как-то неловко.

До самого вечера она с удовольствием исполняла все поручения, какие только давали ей Таня и бабушка. Перетирала книги на папиных книжных полках и для этого поднималась, как и Таня, на стремянку. Потом прибрала этажерку с учебниками и книжками для чтения — сначала свои две полки, потом Мишины — и привела в порядок их общий стол. Миша изо всех

сил помогал ей. Он ходил за Катей следом, а она только командовала:

— Эту книжку отнеси на папину полку, а эту — Тане на стол. А вот это вылей.

Катя протягивала Мише то книгу, то стаканчик с грязновато-бурой водой из-под красок, оставшейся у неё на столе со вчерашнего дня.

— Я сразу не донесу, — говорил Миша. — Я понемножку.

Вечером комнаты, проветренные, тщательно убранные, были уже совсем готовы к празднику. Мама пришла домой из магазинов с двумя тяжёлыми хозяйственными сумками, набитыми пакетами и кулками.

— Мапочка, это что? — спросила Катя. — Что-нибудь вкусное?

Но не успела Ирина Павловна показать, что она принесла, как входная дверь хлопнула и пришёл папа. Портфель у него раздулся, как удав, проглотивший козлёнка. Катя видела такую картинку в одном журнале.

— Ну, — сказал папа, наскоро сбросив в передней пальто, и, откинув край парадной, вышитой скатерти, положил на стол свой толстенный портфель, — идите-ка все сюда. Надо бы, конечно, подождать до завтра, но, признаться, мне и самому не терпится узнать, угодил я вам или нет...

— Подарки!.. — шопотом сказала Катя.

И Миша, как эхо, повторил вслед за ней:

— Подарки!..

А папа уже возился с замком своего туго набитого портфеля.

— Вот ещё незадача! — говорил он сердито. — Сперва закрываться не хотел, а теперь не открывается. Прямо беда с ним.

— Постой, папочка, — сказал Миша. — Там как раз под замком у тебя что-нибудь неровное лежит. Дай-ка я!

Он в одно мгновение притащил свою линейку, подsunул её сбоку под крышку портфеля, и замок, щёлкнув, открылся.

— Ай да Мишук! — сказала мама.

Миша гордо улыбнулся:

— Я всегда так делаю, когда у меня портфель очень набит.

— Молодчина! — сказал папа и достал из портфеля какой-

то увесистый кулёк. На глянцевитой бумаге пестрели флажки, воздушные шары и ещё какие-то рисунки... — Это так — конфеты, — сказал папа. — Я купил каждого сорта по двести граммов, а набралось вон сколько.

Миша взял пакет, взвесил его на руке и с удовлетворением сказал:

— Много!

Катя сунула руку в кулёк и наудачу вытащила несколько конфет.

— Медовые, фруктовые, миндальные! — закричала она. — Папочка, ты очень хорошо выбрал.

— Одно только плохо, — сказала мама. — У меня в сумке лежит точно такой же пакет: каждого сорта по двести граммов.

— Ну ничего, — успокоила её Катя. — Ведь это праздник. Не беда, когда на праздниках побольше конфет бывает.

— И по будням тоже не беда, — прибавил Миша.

Но папа немножко встревожился.

— А что, орехи ты тоже купила? — спросил он.

— Нет, орехов не покупала.

— Ну, а я купил. — Папа выложил на стол ещё один кулёк. — А медовую коврижку?

— Никогда в жизни не покупаю.

— Ну, а я купил.

— Да зачем же? Ты посмотри, каких бабушка пирогов напекла! Разве можно сравнить с твоей коврижкой?

Папа смущённо покачал головой:

— Н-да. Но всё-таки ты неправа, Иринushка. Право же, коврижка довольно аппетитная.

— Очень даже! — подтвердил Миша.

— Ну вот... Вам, женщинам, она, может быть, и не по вкусу, а нам, мужчинам, нравится. — И папа тут же отломил для Миши порядочный кусок коврижки.

Миша с серьёзным видом куснул разок-другой и сказал одобрительно:

— Вкусно! Попробуй и ты, Катя.

Катя попробовала и, к большому удовольствию папы, согласилась с обоими мужчинами:

— Правда, мамочка, коврижка — ничего себе, очень приличная!

— Вот видишь, Ириша, — сказал папа, — и женщины отчасти согласны со мной насчёт коврижки. Ну, это всё пока цветочки, ягодки — впереди. Только теперь мы дошли до самого главного. Начнём с бабушки. — И, запустив руку в портфель, он осторожно достал оттуда какую-то небольшую, завёрнутую в тонкую шелковистую бумагу вещицу. — Ну, что вы на это скажете, товарищи?

— Спасибо, голубчик, — сказала бабушка и бережно развернула пакет.

Все так и ахнули. В пакете был гребень — высокий, резной, с длинными зубьями, с блестящими камешками, вправленными в узорную роговую спинку.

Бабушка с недоумением посмотрела на папу:

— Как это тебе, Серёженька, в голову пришло?

Папа хитро усмехнулся:

— А, забыла, забыла!.. А вот я помню. Это, правда, давненько случилось. У тебя, мама, был точно такой гребень, а я его сломал. Неужели не помнишь? Мне в то время, пожалуй, лет тринадцать было. Очень ты тогда огорчилась, плакала даже, а я всё уверял, что куплю тебе другой. Ну вот и купил! Понимаешь, зашёл в комиссионный магазин и вдруг вижу — как раз такой гребень. Стой, — думаю, — лучше поздно, чем никогда. Ну что, точь-в-точь такой, правда?

Бабушка задумчиво вертела в руках гребень.

— Твоя правда, Серёженька, гребешок как раз такой, да вот я-то не такая. Для гребня ведь коса нужна, а у меня теперь что? Три волоска с половиной. — Она повернула к нему свою седую голову с маленьким тугим узелочком на затылке, крепко заколотым двумя шпильками. — Вот, полюбуйся!

И бабушка засмеялась своим добрым, каким-то рассыпчатым смехом.

Папа глядел на неё растерянno и даже виновато.

— А ты не огорчайся, Серёженька, — сказала бабушка. — Спасибо тебе и за подарок и за память, а коса у нас тут найдётся. — И она воткнула гребень в густые, пышные волосы Ирины

Павловны. — Что? Скажешь, не хорошо? Это тебе, Иринushка, от мужа и от свекровки. Носи на здоровье!

— Спасибо, — сказала Ирина Павловна. — Правда, такие гребни уже не носят... Но, что и говорить, вещь красивая.

Папа задумчиво смотрел то на бабушку, то на маму.

— Красивая-то красивая, — сказал он, — но ведь я тебе, Ириша, другой подарок припас.

Он развернул довольно большой, туго свёрнутый пакет, и все увидели брезентовый рюкзак со множеством карманов, ремней и металлических пряжек.

— Нет, ты посмотри, посмотри, — с увлечением говорил папа, — как устроено удобно! Вот только этот ремень распустишь, и можно сбросить мешок с плеча, ничего в нём даже не шелохнув. А карманов сколько, отделений... Великолепный рюкзак!

Мама смотрела на папу очень серьёзно и кивала головой. Но глаза у нее чуть-чуть прищурились и губы легонько вздрагивали, как будто ей хотелось улыбнуться.

Но тут в дело вмешалась бабушка.

— Что и говорить, мешок хороший, — сказала она, покачивая головой, — только вот не пойму, зачем он Иринushке.

Папа удивился:

— Как это — зачем? Ну, а, скажем, за покупками ходить?

— Да вот ты сегодня сам в стольких магазинах был — видел ты кого-нибудь с таким мешком?

Папа задумался.

— Нет, кажется, не видел, — признался он. — Женщины всё больше почему-то ходят с такими сумками кожаными... ну, как тебе объяснить? Небольшая сравнительно сумка, с двумя плетёными ручками...

— А ты не объясняй, — остановила его мама. — Я сама с такой сумкой хожу. Очень удобно и даже красиво.

Но папа не сдавался:

— Нет, товарищи, вы как-то не оценили. Ну посмотрите сами, какой здесь прекрасный карман для бинокля. Ведь в ваших сумках таких нет...

— Да куда она пойдёт с биноклем? — не сдавалась бабушка.

— Ну в театр, например...

— В театр — с таким мешком за спиной? Да ты что, ба-
тенька, всерьёз?

Тут уж и мама не выдержала. Она села на стул и расхохо-
талась. Глядя на неё, засмеялся и папа.

— Ну что, что? — говорил он. — Значит, и тебе совсем не
нравится мой мешок?

— Нет, нравится, — сказала мама. — Я даже знаю уже,
что я с ним сделаю. Но ты сначала покажи, что ещё принёс.

— Ну уж больше-то вам не придётся меня на смех поды-
мать, — сказал папа. — Танюше я, по твоему совету, купил
чулки.

И он вытащил из портфеля пару толстых шерстяных чулок,
темнокоричневых, мохнатеньких, с ниточками на носках.

Таня в ужасе посмотрела на папу. Зато бабушка одобри-
тельно кивнула головой и, пощупав чулки, сказала:

— Ничего, хорошая шерсть. Грубовата немножко, но тепло
будет.

— Значит, мы вот как сделаем, — сказала мама. — Эти
чулки Танюша уступит бабушке. А ей за это я другие дам. —
И она достала из своей сумочки бумажный большой конверт.
Из круглого отверстия, словно из окошечка, выглядывал розо-
вато-песочный чулок — тонкий, как паутинка.

Таня схватила конверт:

— Вот спасибо, мамочка! Мне как раз до зарезу нужны та-
кие чулки — к новым туфлям. Ведь завтра у нас в институте
вечер.

Таня натянула край чулка на руку, а Катя подумала:

«И зачем только надевать такие чулки, если их всё равно не
видно?»

Но Таня была в восторге.

— Замечательные, замечательные чулки! — говорила
она. — А эти шерстяные мы, значит, преподнесим бабушке. Так,
товарищ начальник?

— Да уж видно, что так, — со вздохом сказал папа. — Не
везёт мне сегодня. Что ни выстрел, то промах. Впрочем, посмо-
трим ещё, что скажет наша лёгкая кавалерия. Неужто я и тут
не угодил?

И он достал из портфеля последние два пакета и подал их разом Кате и Мише. Катин пакет был побольше, Мишин — поменьше. Оба, прежде чем развернуть папины подарки, ощутили их и повертели в руках.

— Книжка, — громко сказала Катя.

— Ящичек, — сказал Миша шопотом.

Катя первая развернула свой пакет. В самом деле, это была книжка — большая, нарядная, со множеством картинок, цветных и чёрных, и с крупным шрифтом. Рассказы в ней были всё больше про медвежат, оленей, собак и лисят. Когда Катя была в первом классе, а может быть, даже и во втором, она ужасно любила такие книжки. Но теперь ей больше нравились книги потолще, и про людей, а не про зверей. Она полюбовалась на переплёт и отложила книжку в сторону.

— А у тебя что, Мишка?

Для Миши папа купил краски.

Как только Катя увидела их, сердце у неё так и замерло. Краски были почти такие же, как у мамы. В длинном металлическом ящичке лежали в два ряда тугие тюбики с надписями: «киноварь», «берлинская лазурь», «сепия»; крышка, покрытая изнутри эмалью, была устроена так, что на ней можно было смешивать краски, а если надо было развести краски побольше, то для этого были приготовлены чудесные белые чашечки — они сидели по краям ящика в специально сделанных выемках. Мало того, под ящичком — к наружной стороне его дна — было припаяно кольцо. Значит, если надо, можно продеть в кольцо палец и, пристроив раскрытый ящик на левой руке, работать стоя, как работают художники, когда делают эскизы где-нибудь в лесу или в поле... Катя прямо-таки увидела, как она стоит у стены класса и, ловко продев палец в кольцо под ящичком, удобно держит его левой рукой и подправляет что-то длинной кисточкой в стенгазете.

— Ой, папочка! — сказала она, не выдержав. — Книжка, конечно, очень хорошая, но ведь она для маленьких. А краски мне так нужны, так нужны!..

Папа развёл руками:

— И тут не угадал! Ну, Мишук, может, и вы с Катей, по общему примеру, поменяетесь?

— Нет, — сказал решительно Миша. — Книжка для маленьких, а краски мне тоже очень нужны.

— Мишенька! — так и бросилась к нему Катя. — Да ты посмотри, какая книжка! Это я только так, нечаянно сказала, что она для маленьких. Просто она, видишь, очень крупно напечатана, а я уже отвыкла крупный шрифт читать — у меня от него в глазах мелькает. И потом, я люблю читать про людей, а тут всё больше про зверей. А ты как раз про зверей любишь, правда?

— Правда, — неохотно сказал Миша.

— Ну так давай меняться.

Миша помотал головой:

— Нет.

— Да почему же?

— Потому что мне краски очень нужны.

— Ну, знаешь что, — решительно сказала Катя. — Я тебе тогда впридачу к книжке ещё все мои прежние краски отдам. Вот у тебя и будет целых два подарка — и краски и книга.

Миша с интересом посмотрел на Катю:

— Все-все отдашь? И золотую?

— Даже и серебряную.

Он вздохнул и протянул Кате ящичек:

— Ладно, бери. А то мне без золотой краски очень трудно парад рисовать. Нечем верхушечки на знамёнах красить...

— Ну вот и разобрались, — посмеиваясь, сказала бабушка. — Всем сестрам по серьгам.

— Нет, постойте, постойте! — вмешалась Таня. — А что же ты, мамочка, решила делать с рюкзаком? В театр его будешь брать или за покупками с ним ходить?

Мама хитро прищурилась.

— Серёжа, — сказала она, — а что, если мы его Танюше отдадим? У них летом, кажется, туристский поход будет.

— И прекрасно, — сказал папа. — Для похода такой рюкзак просто находка. Очень рад, что всё-таки он кому-нибудь да пригодился.

Но мама еще колебалась.

— Танюша, — повернулась она к старшей дочери, — а мо-

жет, нам его лучше кому-нибудь из ребят в лагерь дать? Кате или Мише. Все их вещички там поместятся.

— Конечно, — сказала Таня. — Очень будет удобно.

И тут мама лукаво посмотрела на Катю и Мишу.

— Ребята, — сказала она, — а что, если мы все вместе подарим этот рюкзак папе? Он ему как раз подходит: такой большой, вместительный, столько в нём карманов — и для ножа и для полевого бинокля... И так он ему нравится...

— Ну, ясно, — папе! Конечно, папе! — заговорили все разом. — А то он себе ничего и не купил — без подарка останется.

— Получай, Серёжа! — сказала мама торжественно. — Замечательный рюкзак!

— Смейся, смейся, — ответил папа. — А рюкзак-то ведь и вправду замечательный.

Тут все почему-то ужасно обрадовались. Катя даже захлопала в ладоши, а Миша закричал: «Ура!»

СЕДЬМОЕ НОЯБРЯ

Ночь прошла, как одна минута.

Накануне, укладываясь в постель, Катя думала, что уснуть ей будет ужасно трудно. В комнате было непривычно светло. Сквозь белый туман накрахмаленной занавески с улицы лился красноватый праздничный свет. Над башенкой противоположного дома, чуть придерживаясь за карниз, как будто для того, чтобы не взлететь завтра вечером в небо вслед за ракетами, сияли огненные буквы и цифры:

„ДА ЗДРАВСТВУЕТ XXXIII ОКТЯБРЬ!“

«Ну как тут, в самом деле, спать?» — подумала Катя и в ту же минуту уснула, да так крепко, что за всю ночь ни разу даже не пошевелинулась, ни разу не перевернулась с боку на бок.

Проснулась она оттого, что ещё во сне услышала мамин голос.

Стоя на пороге комнаты, мама шопотом говорила папе: — Может быть, всё-таки не стоит брать ребят на Красную

площадь? И они устанут, и ты замучаешься с ними. Пускай лучше поспят ещё.

— А я уже всё равно проснулась, — сказала Катя, разом садясь на постели. — Мишка, Мишка, вставай!.. Уйдёт без нас!

Мама засмеялась:

— Ну ладно уж, ладно! Идите!

Они вышли из дому довольно поздно.

Как это всегда бывает, когда торопишься, то и дело выходили какие-то неожиданные задержки. Папа порезался во время бритья и никак не мог остановить кровь — из-за этого пропало добрых десять минут. Потом у Миши, уже перед самым выходом из дому, лопнул шнурок ботинка, а бабушка, вместо того чтобы попросту завязать узелок, вздумала вдевать новые шнурки. Вот вам ещё целых пять минут.

Одним словом, Катя и Миша ужасно боялись опоздать. Они почти бегом бежали рядом с Сергеем Михайловичем, поминутно спрашивая:

— Успеем или не успеем, папочка? Как ты думаешь, успеем или не успеем?

Отец задумчиво покачивал головой:

— Н-да, следовало, конечно, выйти на двадцать минут раньше. А в общем, нечего беспокоиться. В крайнем случае, догоним наших в пути. Я знаю маршрут.

— Папочка, да ведь не пропустят!..

— Ну, как-нибудь пробьёмся.

Но пробиваться им не пришлось. Когда они подошли, вернее сказать — подбежали к той улице, на которой находится папин институт, навстречу им из-за угла вылилась шумная, весёлая толпа демонстрантов.

У Кати даже в глазах зарябило. Прямо на них плыли, качаясь, красные знамёна, плакаты, портреты... Пестрели, дрожа на длинных, гибких ветках, яркие бумажные цветы.

Снегирёвы остановились на краю тротуара.

— Ну, всё в порядке, — сказал Сергей Михайлович. — Вот сейчас лаборатория пройдёт, потом — гидрологи, а там и наши геологи пойдут. Тут-то мы и вольёмся!

А из рядов колонны уже кто-то махал им руками, кто-то звонко кричал:

— Сюда, сюда, Сергей Михайлович! Сюда, товарищ Снегирёв! А мы ждали-ждали...

— Наши! — сказал Сергей Михайлович и, взяв за руки Мишу и Катю, вмешался вместе с ними в самую гущу праздничной шумной толпы.

— Пospели всё-таки! — переводя дух, сказал Миша. — В самый раз. А, Катя? Только жалко, что шар и флажок по дороге не купили... посмотри, у всех что-нибудь есть, а у нас пустые руки.

— Ничего, — успокоила его Катя. — До Красной площади ещё далеко. Купим.

Теперь, когда они уже нашли своё место в этой пёстрой всеёлой колонне, заполняющей улицу от тротуара до тротуара, Катя в первый раз за всё утро огляделась по сторонам. Все последние дни, собираясь с папой на демонстрацию, она вспоминала, как ходила с ним в прошлом году и в позапрошлом, и ей казалось, что всё будет так же, как было, но ещё лучше. Она заранее видела, как они выйдут из дому рано-рано, в синеватых утренних сумерках, и пойдут по чисто выметенной улице, обгоняя празднично одетых, спешащих к месту сбора людей. У них на глазах серо-сизое, почти ночное небо порозовеет, пожелтеет, поголубеет, и темнокрасные в сумраке флаги станут яркими и прозрачными на солнышке. Они увидят, как двинутся в путь первые колонны, точно ручейки, стекающиеся со всех концов города к большой реке. Мишка будет удивляться, кричать: «Смотри, смотри, сколько у них плакатов, флагов! А у этих ещё больше!» Конечно, ему удивительно: он в первый раз идёт на Красную площадь.

И вот всё получилось совсем по-другому. Они так боялись опоздать, что ровно ничего не видели вокруг.

Только теперь, когда на сердце у Кати стало спокойно, глаза и уши у неё словно открылись.

«А как на улице-то хорошо! — подумала она. — Какая погода отличная! Словно нарочно — для праздника...»

И в самом деле, день выдался чудесный. Небо чистое, голубое, без облачка, а воздух такой прозрачный, что на клёнах и липах, с которых давно уже облетела листва, чётко вырисовывалась каждая веточка.

Шагая рядом с папой, Катя внимательно разглядывала людей, окружавших её. Кое-кого она уже знала, да и её знали.

Улыбаясь, поглядел на неё через плечо Пётр Иванович Воркутов, папин старый приятель и постоянный заместитель во всех экспедициях. Широкоплечий, бритоголовый, усатый, он бодро шагал впереди. Его коричневое новое кожаное пальто лоснилось на солнышке. Кепку он снял, и круглая, как шар, голова тоже слегка поблёскивала под лучами.

— Катя, — сказал Миша, — а правда, дядя Петя немножко на моржа похож? И голова такая же, и усы, и блестит, как будто только что из воды. У меня в новой книжке как раз такой нарисован... А, Катя?

Катя замахала на него рукой и зашипела: «Тсс!..» Но это было уже ни к чему. Пётр Иванович услышал.

— Ах, так? — сказал он, оборачиваясь. — А может быть, я и вправду морж, только учёный?

Катя вежливо засмеялась, а Миша решительно замотал головой.

— Таких вовсе и не бывает, — сказал он.

— Как это — не бывает? Ты, брат, видно, давно в цирк не заглядывал.

— Очень давно, — со вздохом согласился Миша. — Ещё ни разу не был.

— Вот то-то и есть. А хочешь, я тебя сейчас рыбкой угощу?

— Рыбкой?

— Ну да, да. Рыбкой. У нас в океане её сколько хочешь. Держи крепче — вырвется. — И он на ходу сунул Мише в руку что-то красно-золотистое, блестящее, длинненькое...

Миша осторожно разжал кулак.

— Да это же просто конфетка, — сказал он разочарованно.

— Просто? Нет, брат, не просто. Сперва прочитай, что на бумажке написано.

Миша развернул конфету, разгладил бумажку на ладони и прочёл:

— «Золотая рыбка». — Он с укором поглядел на Воркутова: — Ну и хитрый же вы, дядя Петя!

Все вокруг засмеялись.

— Ещё бы! Знаменитый хитрец! Хитрый, как верблюд.

Катя удивилась.

— А разве верблюды хитрые? — спросила она.

— Как раз такие же хитрые, как Пётр Иванович, — ответил папа.

И все засмеялись ещё веселее. А Пётр Иванович достал из кармана целую горсть «золотых рыбок» и принялся угощать всех.

— Царица песков, лови! — крикнул он и бросил конфету какой-то высокой тоненькой девушке, шагавшей с краю шеренги.

— Кто это, папочка? — спросила Катя. — Какая хорошенькая!

— А это Галочка Чернова, — сказал папа. — Отличный работник. Первоклассный, можно сказать, поисковик. Да разве ты не помнишь? Я тебе показывал её на фотографии.

— Никогда не видела! — решительно сказала Катя.

— Ну как же? Ты ещё спрашивала меня, что это за негрёнок сидит верхом на лошади.

— Так это она? Не может быть!

Катя даже руками всплеснула. Неужели эта красивая, нарядная, беленькая девушка в серо-голубом пальто и в голубых перчатках, с такими светлыми волосами, что они даже не золотятся, а как-то серебрятся на солнце, — тот самый загорелый дочерна мальчишка в стянутых у щиколотки штанах и войлочной широкополой шляпе, который снят на одной из карточек, привезённых папой из пустыни? Просто поверить невозможно. А между тем это так. Катя теперь отлично помнит, как папа, показывая ей карточку, сказал: «А это — наша Галочка Чернова. Очень хороший геолог. Хоть и молодой ещё, но уже с большим опытом». Катя ему тогда ответила: «Её, видно, недаром Галочкой Черновой зовут. Она и в самом деле чёрная, как галка». Вот тебе и Галка! Вот тебе и Чернова! Было бы правильнее, если б её звали Белка Белова.

И Катя с каким-то новым интересом и любопытством принялась рассматривать окружавших её людей.

Ей хотелось представить их себе с потемневшими от солнца лицами, в походной одежде — одним словом, в таком виде, в каком они работают «в поле», как говорят геологи.

Особенно занимали её почему-то двое людей. Они ещё никогда не приходили к Сергею Михайловичу домой, и на карточках она их как будто бы никогда не видела.

Впрочем, может быть, и видела, да не узнала — так же как и Галочку Чернову.

— Папа, — спросила Катя негромко, — это кто идёт наискосок от Петра Ивановича?.. Да нет, ты не туда смотришь, — в охотничьей куртке с карманами, такой бородатый, на Робинзона похож... Тоже поисковик, да?

— Ах, этот? — Папа усмехнулся. — Да нет, нельзя сказать, чтоб это был поисковик, хоть он и вправду на сто вёрст под землёй видит. Это, дочка, наш главный бухгалтер.

— А он тоже с вами в пустыню ездит?

— Ну что ты! Зачем? Он здесь в своей бухгалтерии сидит, зарплату нам выписывает.

— Так зачем же у него такая борода и такая куртка?

— А это уж ты у него спроси.

Спрашивать Катя, конечно, не стала, но подумала не без удивления:

«Странно это всё-таки. Вот, например, Пётр Иванович — где он только не побывал! Папа говорит: весь свет изъездил. А встретишь его на улице — ни за что не догадаешься, что он путешественник. А бухгалтер у них — ну, точь-в-точь Робинзон, хоть он дальше своей бухгалтерии никуда не ездит...»

И она опять дёрнула отца за рукав:

— Папа, а вон тот, высокий-высокий, что с Галочкой Черновой разговаривает, — это, наверно, помощник бухгалтера, да?

— Почему ты так думаешь? — удивился Сергей Михайлович.

— Да потому что он на кого хочешь похож, только не на бухгалтера.

Сергей Михайлович засмеялся:

— Ну, он и не бухгалтер, а настоящий геолог-полевик. Это знаешь кто? Я тебе про него рассказывал как-то. Это наш Павлик.

— Тот самый?

— Тот самый.

Катя даже руками всплеснула:

— Да ведь ты, папочка, говорил, что он у вас самый младший. А он — вон какой большой.

— Такой вырос. Он у нас и самый большой и самый маленький.

Павлик, должно быть, почувствовал, что про него говорят. Он повернулся, посмотрел, улыбаясь, на Сергея Михайловича, на Катю, на Мишу, слегка помахал им рукой и вдруг, неизвестно почему, сильно покраснел.

Сергей Михайлович и Миша тоже помахали в ответ, а Катя почему-то не решилась, хотя Павлик ей очень понравился. У него были густые тёмные брови — они даже немножко сошлись над переносицей, — а волосы довольно светлые и кудрявые. Катя подумала, что это очень красиво, и невольно потрогала свои тоненькие, широко раздвинутые на лбу бровки.

А колонна между тем двигалась дальше и дальше. Она давно уже влилась в общий поток демонстрации, и теперь впереди и позади них пылали на солнце красные знамёна и флажки, гудели тысячи голосов; то перекликались и спорили между собой разные песни, то они сливались в одну, общую. Возле лотков и грузовиков, убранных плакатами, было весело и шумно. Все покупали и угощали друг друга мороженым, пирожками, булочками с вареньем, дарили друг дружке разные весёлые пустяки: воздушные шары, бумажные цветы, мячики, легко скачущие на резинке, конфеты в пёстрых бумажках...

Сергей Михайлович тоже поминутно покупал всякую всячину — что ни подвернётся под руку (не то что мама!). Они уже купили два красных шара, и один из них сразу же улетел. Купили Мише прозрачного петуха на палочке и красный флажок. Купили булочки с кремом. И хорошо ещё, что булочки можно было сразу съесть, а то не хватило бы рук держать всё, что покупал папа.

В глубине души Катя чувствовала, что пора бы сказать: «Довольно, папочка, у нас уже всё есть», но покупать было уж очень весело, и Катя молчала. Они с Мишей тянули отца то в одну сторону, то в другую:

— Смотри, папочка, танцуют!

— Папочка, смотри — артисты едут!

— Это из цирка, да? А где же Каран д'Аш?

Сергей Михайлович едва успевал поворачиваться и отвечать им. Время от времени колонна останавливалась, поджидая, когда можно будет двинуться дальше. Тут начинались танцы, игры. Один раз затеяли играть в кошку-мышку, и Миша так ловко увёртывался от Петра Ивановича, что тому так и не удалось поймать его. В соседней колонне кто-то заиграл на баяне вальс, и все принялись танцевать. Катя танцевала с Галочкой Черновой, а потом Галочку пригласил папа, а Катю — Павлик, и Катя ужасно смутилась.

«Как же я буду танцевать с ним, когда он такой длинный? — подумала она. — Ведь я ему едва до пояса достаю».

Но тут, к счастью, передняя колонна двинулась, и баян сразу умолк.

На Пушкинской площади пришлось стоять особенно долго. Уже и поплясали, и поиграли, и спели добрую дюжину песен, а улица впереди всё ещё была запружена.

— А ну-ка давайте споём наши частушки, самодельные, — предложил Пётр Иванович и первый затянул баском:

Через мёртвые пески
В путь идут солевики.
По степям пустынным рыщут,
Соль химическую ищут.

Все хором подхватили припев:

Солевик-поисковик
Жить на месте не привык.

Мише до того понравилось, что он запрыгал на месте и закричал: «Дальше, дальше!» Но подгонять и упрашивать вовсе и не надо было. Второй куплет запела Галочка. Голос у неё был очень хороший — высокий, чистый, — он так и летел над головами, точно на крыльях:

Буря чёрная несётся,
Заметает все колодцы.
Все дороги, все пути,
Ни проехать, ни пройти.

И опять все дружно подхватили:

Все дороги, все пути,
Ни проехать, ни пройти.

Галочка задумалась, вспоминая следующий куплет. Но сейчас же на помощь ей пришёл долговязый Павлик. Он запел:

А улёгся ураган,
В путь выходит караван.
Наш начальник каравана
Сам грознее урагана.

И он хитро подмигнул в сторону Сергея Михайловича.
— Ой! — тихо сказала Катя и посмотрела на Павлика снизу.

А все, словно поняв намёк, обернулись к Сергею Михайловичу и, лукаво посмеиваясь, пропели ему ещё раз:

Наш начальник каравана
Сам грознее урагана.

Сергей Михайлович сделал вид, что намёк относится не к нему, и запел следующий куплет:

Удивляются верблюды —
Это что ещё за чудо?
Мачта смотрит в небеса,
Ловит с неба голоса.

Все, смеясь, посмотрели на Павлика, и в самом деле похожего на мачту. А Галочка взмахнула руками в голубых перчатках и запела ещё звонче:

Перед тем как спать ложиться,
Свой привет нам шлёт столица.
Как Москва услышится,
Сразу легче дышится.

Кате показалось, что все только и ждали этих последних слов — так дружно все подхватили:

Как Москва услышится,
Сразу легче дышится.

Кате и Мише очень понравились частушки геологов.

— Ещё, ещё! — закричали они. — Папочка, ну что вы там ещё сочинили?

И Сергей Михайлович запел:

Бой объявим суховеям,
Всё равно их одолеем.
И дороги проведем,
И проедем, и пройдем!

Катя тоже, не выдержав, подхватила во весь голос:

И дороги проведем,
И проедем, и пройдем!

Пётр Иванович похлопал её по плечу.

— Эти пройдут! — сказал он. — Можете не сомневаться...

И вот наконец Красная площадь. Катя так и потянулась вверх, но идущие сплошным потоком люди были намного выше её и совсем заслонили от неё трибуну. А в это время Миша, которого папа высоко поднял, посадив на плечо, кричал от радости «ура», махал рукой, и Катя поняла, что он-то всё видит.

Кате хотелось попросить отца и её поднять хоть немножко, но она постеснялась — большая уже, тяжело. Кто же поднимает таких больших девочек?

И вдруг чьи-то сильные руки обхватили её сзади и высоко подняли, так высоко, что вся площадь разом открылась перед Катей. Катя быстро взглянула вниз, на того, кто её поднял. Это был Павлик. Но она даже не успела сказать ему «спасибо». Во все глаза смотрела она с высоты своей «мачты», обрадованная и немножко смущённая. Ей казалось, что все на трибуне, улыбаясь, смотрят на неё. Она даже немножко пригнулась, чтобы быть поменьше, но как раз в это время её «мачта» вместе с ней уже проплыла мимо трибуны над бушующим, пёстрым человеческим морем. Кругом гудело «ура», и позади двигались красной стеной знамёна, двигались портреты в гирляндах цветов... И Красная площадь осталась позади.

ЭТО МОЯ ШКОЛА

Вечером Сергею Михайловичу снова захотелось пройтись по Москве. На этот раз отправилась с ним вся семья, кроме Тани. Таня ушла в институт на студенческий вечер.

Бабушка надела на голову чёрную кружевную шаль, хранившуюся у неё в сундуке. Она доставала эту шаль только в дни самых больших праздников.

Миша ещё утром попросил, чтобы его одели в матроску. Но оказалось, что из матроски он уже вырос, и мама, чтобы не огорчать его, отпорола от старой матроски синий широкий воротник и пришила его к Мишиной новой курточке.

Сергея Михайловича она уговорила надеть фетровую шляпу, которая обычно лежала, слегка посыпанная табаком, в круглой коробке на шкафу. Сергей Михайлович больше любил свою поношенную, выдавшую виды кепку. Но тут он не стал спорить и надел шляпу.

И вот наконец семья выбралась из дому.

Москва сверкала. Даже небо было светлое от огней.

Снегирёвы прошли на Арбат, потом по бульварам на улицу Горького и дальше вниз — по направлению к Красной площади.

На каждом шагу неожиданно, словно в сказке, появлялось какое-нибудь светящееся чудо: то огромные звёзды, то шатёр из огней, то целая башня. По фасадам новых домов лились, переливались разноцветные огни.

Катя и Миша шли впереди, а за ними папа вёл под руку маму и бабушку. И вдруг Катя и Миша остановились от удивления и восторга.

— Смотрите, смотрите, вот здорово! — закричал Миша. — Бабушка! Это знаешь что? Центр-р-ральный телеграф!

— Вот и видно, что Центральный, — сказала бабушка. — И всё-то ты знаешь... — Она никогда не уставала удивляться всему, что ей говорил Миша.

Здание Центрального телеграфа было словно увито струящимся зелёным плющом. Зелёный плющ неожиданно превратился в красный, красный — в золотой, золотой — опять в зелёный. А посередине медленно вращался земной шар, похожий на огромный школьный глобус. На глобусе горели золотом серп и молот, а высоко над всем этим струящимся цветным плющом возникали в вечернем небе то зелёные, то золотые буквы, сливающиеся в слова: «Великой Коммунистической партии — слава! Великому советскому народу — слава!»

А Красная площадь вся переливалась огнями, вся двигалась. Потоки людей, медленно прогуливающих по площади, как будто обнимали со всех сторон Кремль и Мавзолей. И когда вспыхнул салют и по небу зашарили стрелы прожекторов, на Красной площади стало светло, как в солнечный день.

Катя шла, то и дело оглядываясь на отца. Ей было радостно, что он опять тут, рядом, а не где-то за тысячи километров, в пустыне. Он казался ей необыкновенно красивым в своей серой фетровой шляпе. Она даже удивлялась немножко, что на него никто не смотрит. Правда, мама-то иногда поглядывала на него, и Катя чувствовала, что и маме тоже он кажется сегодня очень, очень красивым.

А над всей Москвой, над всей страной лились потоки молочного, голубого, алого, золотого праздничного света. И, глядя то на шумные толпы людей, растекающиеся по улицам и площадям, то на огненные буквы, сияющие у них над головами, в небе, Катя думала о том, как удивительно и хорошо, что именно к ним, к этим весёлым людям, обращены вспыхивающие меж облаков слова: «Великому советскому народу — слава!»

Вернулись Снегирёвы домой другой дорогой, неширокими, обычно тихими и не очень ярко освещёнными переулками. Сегодня и тут тоже ярко светились окна домов, на стенах горели надписи из разноцветных электрических лампочек, полыхали кумачовые флаги. Но всё-таки здесь всё не так сверкало, как на главных улицах.

Вот наконец и тот переулок, по которому Катя каждый день проходит по два раза — в школу и из школы. Вот и знакомое четырёхэтажное многооконное здание. Сейчас в окнах школы не было света, и поэтому она казалась непривычно тихой и задумчивой. Только два больших флага, прикреплённые рядом на углу здания, трепетали и струились. Попадая под свет висящего посреди улицы, слегка качающегося фонаря, они становились из тёмных пламенно-красными, потом опять темнели и опять вспыхивали. А по стене так и ходили за ними большие, крылатые тени...

И вдруг Катя почувствовала к этому тёмному тихому дому особенную нежность.

— А это моя школа, — сказала она невольно, как будто родители и бабушка и без неё этого не знали.

Но, должно быть, мама поняла, что чувствовала в эту минуту Катя.

— Да, девочка, — сказала она негромко, но серьёзно. — Это твоя школа...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПИСЬМО

— Ну, здравствуйте, девочки, — сказала Анна Сергеевна, войдя в класс. — Соскучились без школы?

— Соскучились!

Учительница хитро посмотрела на своих учениц:

— А ведь не отказались бы по праздновать ещё дня три?

— Да, уж конечно, не отказались бы.

— Ну то-то...

Анна Сергеевна улыбнулась. Должно быть, она поняла, что девочкам хочется ещё немножко поговорить с ней о прошедшем празднике. И, прежде чем открыть классный журнал, она опять спросила:

— Значит, весело провели время?

— Весело, очень! — отозвался класс. — На демонстрации были. В театре... В цирке... А вам, Анна Сергеевна, тоже было весело?

— Да, девочки, спасибо. Я ездила в Орехово-Зуево, в детский дом.

— К вашему Алику, наверно? — спросила Валя Ёлкина.

— И к нему и к другим ребятам. Алик у них там главный баянист. Он играл на своём баяне, ребята пели, плясали... Ну, давайте учиться, а после уроков я вам что-то покажу...

Девочки сразу притихли. Никто не стал просить Анну Сергеевну показать сейчас же то, что она пообещала им. За эти месяцы они успели хорошо узнать характер своей учительницы: уж если она сказала «после уроков» — значит, никакие просьбы не помогут. Но зато обещание своё Анна Сергеевна обязательно исполнит.

Так и случилось. Как только прозвенел последний звонок, учительница достала из портфеля большой самодельный конверт.

— Что это?.. Письмо? — удивились девочки.

— Да, письмо.

— Кому?

— Вам.

— Нам? От кого?

— А вот сейчас всё узнаете, — сказала Анна Сергеевна. — Ну-ка, Настя Егорова, прочитай письмо вслух.

Настя подошла к учительнице.

— «Четвёртому классу «А», — громко прочла она адрес на конверте, — московской средней школы им. Н.К. Крупской».

И, повертев конверт в руках, Настя стала осторожно, не спеша, вскрывать его.

— Да не возись ты! — заторопили её со всех сторон. — Распечатывай скорее!

— Погодите, успеете, — спокойно сказала Настя и, развернув листок, начала читать вслух:

— «Здравствуйте, дорогие товарищи!

Пишет вам воспитанник детского дома имени Олега Кошевого, Александр Тарасов...»

Настя поглядела на учительницу.

— Анна Сергеевна, кто это Александр Тарасов? — спросила она. — Это и есть Алик?

— Он самый, — ответила Анна Сергеевна.

— Ваш племянник... то-есть вроде племянника?

— Да-да, — сказала Анна Сергеевна. — Вроде племянника... Ну, читай же, Настенька.

И Настя, снова опустив глаза на письмо, продолжала:

— «Поздравляю вас с праздником Великой Октябрьской революции. У нас в детском доме и в школе все ребята дружные. Мы живём хорошо, живы и здоровы все. У меня есть ученический билет, потому что я уже в средней школе, в пятом классе. В моём классе двойки бывают очень редко. Пока, за первую четверть, не было ни одной...»

Тут Анна Сергеевна многозначительно посмотрела на своих учениц. Катя сразу уловила её взгляд и поняла его без слов.

«А у нас-то, у нас-то! — подумала она. — Целых три двойки! У Клары Киселёвой — одна, и две у Тони Зайцевой... Непременно надо будет помочь им!»

Ведь она, Катя, уже не звеньевая, она отвечает не за одно только звено, а за весь отряд! Недаром у неё две нашивки на рукаве. Теперь с неё много спросится...

А тем временем Настя дочитывала письмо:

— «Приезжайте к нам в гости. У нас есть рояль, баян, своя столярная мастерская. Только вот книг пока маловато. Вся наша библиотека умещается на одной этажерке, а читать мы очень любим...»

«Ну, ещё бы! — подумала Катя. — Кто же не любит читать! А одна этажерочка — это, конечно, очень мало».

Настя перевернула страницу и прочла:

— «Напишите нам про вашу школу, про Кремль, про новые станции метро и про планетарий. И вообще — про Москву. Нам очень интересно дружить с московскими пионерами. Приезжайте к нам непременно! Мы вам покажем наше Орехово-Зуево».

— Ой, и Орехово, и Зуево!.. — пробежало по классу.

— Тише, девочки! — остановила их учительница. — Не забывайте, что вы в школе. В других классах ещё идут уроки. Ну берите свои сумки — и по домам.

— А кому отдать письмо? — спросила Настя.

— Председателю совета отряда, я думаю, — ответила Анна Сергеевна. — Возьми письмо, Снегирёва.

Катя бережно спрятала письмо в сумку и, выходя из класса, шопотом спросила учительницу:

— А вы, Анна Сергеевна, и вправду возьмёте нас с собой в Орехово-Зуево?

Анна Сергеевна улыбнулась:

— Ну что ж... Во время зимних каникул можно будет и съездить. Только надо, чтобы вторая четверть была у вас хорошая.

Анна Сергеевна пошла одеваться в маленькую гардеробную, где вешали пальто учителя. А девочки длинной шеренгой выстроились вдоль выкрашенной голубым стойки, за которой среди целого леса вешалок хозяйничали тётя Ариша и тётя Паня.

— Если бы как раз на ёлку к ним поехать! — сказала Валя Ёлкина. — Вот было бы весело!

— Ёлка на ёлку собралась, — пропела насмешливо Ира Ладыгина.

— А ты что, не собираешься? — сказала Настя, ловя у себя за спиной рукав пальто. — Ну что ж, можешь оставаться дома, а мы все поедem. Надо будет, Катюша, подарки им приготовить.

— Какие подарки? — спросила Валя. — Может быть, нам собрать денег и отвезти туда какие-нибудь игры настольные? Или сладкого купить?

— У них книг мало, — озабоченно сказала Наташа, завязывая тесёмки шапочки у подбородка. — Ну что там одна этажерочка! Надо бы книжек собрать.

— Конечно, надо! — подхватила Катя. — Это будет самый лучший подарок!

И вдруг она остановилась и взялась обеими руками за щёки:

— Ой, девочки! Что я придумала!

Все сразу обернулись к ней:

— Что придумала?

— А вот что. Давайте теперь же, с завтрашнего дня, соби-

рать для них книги. Соберём много — не то что какой-нибудь десяток, а целую библиотечку. Соберём и пошлём посылкой: Детскому дому имени Олега Кошевого от нашего отряда!

— А как же столько собрать? — спросила Валя.

— А очень просто. Пусть каждая девочка из нашего класса принесёт сколько может. Ведь у всех нас есть дома книжки.

— Правильно, — согласилась Настя. — Соберём. Если каждая из нас принесёт хотя бы по одной книжке, и то получится тридцать шесть книг.

— Тридцать шесть — ещё не так много, — твёрдо сказала Катя. — Надо больше.

— А какие приносить? — спросила Ира Ладыгина, помахивая сумкой и хлопая ею себя по ногам. — Только новые?

— Можно и не только новые, — ответила Катя. — Главное, чтобы были интересные.

— Значит, толстые? — спросила Валя. — Интересные книги всегда бывают толстые.

— Ну, это не всегда, — сказала Лена Ипполитова. — Я, например, очень люблю стихи. А стихи бывают и в тоненьких книжках. Только у Пушкина, Лермонтова и Некрасова — толстые.

— Это верно, — согласилась Катя. — Но тогда, если книжки тоненькие, нужно приносить по три по крайней мере.

И, условившись прийти завтра в школу пораньше, девочки разошлись по домам.

ОТ КОГО — ЧТО

На этажерке стояли, выстроившись рядами, все Катины книжки.

Какую из них любила она больше других? Кате трудно было бы сейчас на это ответить. Каждая из них казалась ей очень интересной, каждую она перечитывала по многу раз. Но одна книга — большая, в переплёте светлошоколадного цвета с белыми буквами в овальной рамочке: Аркадий Гайдар, — была её самой-самой любимой.

Катя нежно погладила кончиками пальцев выпуклый рисунок на переплёте — маленькую винтовочку, сабельку и кни-

гу. — и перелистала первые страницы. С белого глянцевого листа на Катю смотрел сам Гайдар, одетый в чёрную гимнастёрку, смотрел с ласковой и чуть лукавой улыбкой, как будто хотел поглядеть, для кого это он написал столько повестей и рассказов. Ой, как трудно расставаться с этим портретом, с этой книгой! Грустно будет увидеть на полке, где она стояла, пустое место. Захочется опять перечитать её, а нельзя будет...

Но если так грустно отдавать эту книгу, — значит, её будет весело получать. Стало быть, нечего и жалеть. А когда уж очень захочется почитать Гайдара, можно будет взять в библиотеке.

Катя положила книгу на стол, прибавила к ней басни Крылова и «Каштанку» Чехова, а потом уселась в последний раз перечитывать любимые страницы своей самой любимой повести — «Тимур и его команда».

Переворачивая чуть шелестящие листы, она невольно подумала: «А не спросить ли у мамы, можно отдать эту книгу или нет?»

Где-то в глубине её души шевельнулась надежда — может быть, мама скажет: «Эту оставь себе. Поищи что-нибудь другое...» И тогда совесть у Кати будет спокойна. Ведь получится, что не она сама не захотела отдать книгу, а мама не позволила.

Катя вскочила с места, чтобы бежать к маме, но вдруг остановилась, прикусив губу и нахмурив брови. Что ж это она? Хитрит сама с собой? Нечего сказать, хороша! А ещё председатель совета отряда!.. Нет уж, дарить так дарить! А то привезут в детский дом книги, ребята обрадуются, начнут распаковывать, а там — ничего интересного. «Ну, — подумают они, — не стоило и посылать! А мы ещё их в гости звали». Нехорошо получится, некрасиво.

Катя решительно захлопнула книгу и положила все три в сумку.

Лёжа в постели, она старалась представить себе, что принесут завтра девочки.

У Настеньки, кажется, детских книг не очень много, у Иры тоже. А вот у Ани целый шкаф с книгами. Наверно, и у Стеллы.

Только Стелла, пожалуй, ничего хорошего не принесёт. Пожалует... А вот уж Аня, наверно, притащит целую кучу.

Но на завтра всё получилось совсем не так, как думала Катя.

Она пришла в класс раньше всех и, стоя в дверях, встречала своих одноклассниц.

Первая в коридоре показалась Валя Ёлкина.

— Несу-у! — крикнула она, завидя издали Катю, и похлопала рукой по своей, потолстевшей со вчерашнего дня сумке.

Валя подошла и, открыв сумку, показала Кате на корешки каких-то книжек.

— Хотя и не очень толстые, — сказала она, — но зато знаешь, какие интересные? Зачитаешься!

— Молодчина! — похвалила её Катя. — Неси в класс. Потом запишем, от кого — что.

Валя тряхнула кудряшками и скрылась за дверью.

Сейчас же вслед за Валей пришла Аня Лебедева.

— Принесла? — ещё издали крикнула ей Катя.

— А как же! — ответила Аня. — Вот смотри.

И она, порывшись в сумке, достала какую-то книжку, аккуратно завернутую в белую бумагу и перевязанную голубой ленточкой.

— Посмотри, как я красиво завернула. Так и пошлём, ладно?

— А что это? — спросила Катя.

— «Украинские сказки». Знаешь? У тебя, кажется, тоже есть такая книжка.

Катя взяла в руки нарядный пакет.

— Мои «Украинские» вроде толще, — сказала она с удивлением. — У тебя, верно, какая-нибудь другая книжка?

Катя быстро сдёрнула голубую ленточку и развернула глянцеvitую бумагу.

— Аня, да что же это?

В руках у Кати была растрёпанная, потерявшая всякий вид книжка. Листы держались на ниточках, а доброй половины и совсем не хватало.

— Что это, Аня?

— Я же тебе говорю — «Украинские сказки», — отводя в сторону глаза, сказала Аня. — Народные. Да ты не думай! Тут всё-таки ещё осталось порядочно сказок. Самые интересные — про Вертодуба, Вернигору, про Ивасика-Телесика... Только первой не хватает, последней да ещё из середины двух, кажется. Остальные — все.

— Да что у тебя, собаки эту книжку трепали, что ли?

— Какие ещё собаки! — обиделась Аня. — У нас собак нет. Просто я её с собой на дачу брала. Читала на берегу. Один раз забыла в саду, и она под маленький дождик попала... Вот и всё.

— Аня, и тебе не стыдно?

— Да чего же стыдиться-то? Книжку можно подшить — ниточки же остались, — подклеить...

Кате стало жарко. Она посмотрела на Аню прищуренными глазами и решительно протянула ей книжку:

— Возьми! Подшей, подклей и себе оставь. А товарищам не дарят самое плохое, чего не жалко. Дарить нужно хорошее! У самой тысяча книг, а она какую-то рвань при- тащила!

У Ани задрожали губы и глаза налились слезами:

— А ты считала, сколько у меня книг?

— И не считала, а знаю.

— Ну так приходи, посчитай. «Тысяча»! Скажет тоже...

— И не приду, и считать не стану!

Аня закрыла лицо руками, всхлипнула и прижалась лбом к подоконнику.

— Нечего реветь! — сказала Катя. — Сама понимаешь, что пионерки так не делают.

Аня в ответ только носом потянула.

В эту минуту к дверям подошла Настя:

— Ой, Снегирь, пропусти скорей, а то не донесу!

Настя в одной руке несла туго набитую сумку, а в другой — пакет, крепко перевязанный верёвочкой.

— Ох, Настенька! — Катя от удивления всплеснула руками. — Откуда у тебя столько книг? — И Катя взяла у неё пакет. — Ну и тяжёлый!

— Да разве это всё моё? — сказала Настя. — Я весь наш дом обсгала, собирала у ребят. Знаешь, есть такие, что всё тебе отдадут, а другие до того жадные, что суют тебе всякую дрянь.

Катя засмеялась и посмотрела на Аню. Услышав её смех, Аня оторвалась от подоконника и через плечо сердито поглядела на Катю.

— И нечего смеяться! — сказала она. — А если мне книги не для виду нужны, а для ума?

— Вот ума-то, видно, у тебя и не хватает! — решительно отрезала Катя и пошла в класс.

Аня поплелась вслед за ней и, сев за парту, положила на крышку голову. Она потихоньку всхлипывала, тёрла платком глаза, но Катя не обращала на неё никакого внимания.

Жалеть и утешать Аню ей сейчас не хотелось.

Аня сидела за партой, закрыв лицо руками, а тем временем девочки всё подходили с книгами и, оглядываясь на Аню, спрашивали, что с ней такое. Но Аня не отвечала.

Катя с интересом рассматривала книги, которые девочки приносили и складывали перед ней, и уже совсем не замечала Анины слёз.

Оказалось, что большинство девочек не поскупились. Даже Стелла Кузьминская удивила всех. Она еле-еле вытащила из сумки увесистую книгу с серебряными буквами на красноватом переплёте: «Н. А. Некрасов. Стихотворения».

На первой странице было написано аккуратным Стеллиным почерком: «Детскому дому имени Олега Кошевого от Стеллы Кузьминской».

Девочки обступили Стеллу, любуясь роскошной книгой и вдавленными в переплёт буквами.

— Вот это, Стелла, замечательно! — похвалила её Катя. — Таковую книгу не пожалела!

— А у меня есть второй экземпляр, — сказала Стелла, как-то особенно нажимая на слово «экземпляр», и Катя поняла, что Стелла гордится и знанием такого слова и тем, что у неё дома много книг — так много, что некоторые даже имеются в двух экземплярах. — Мне на рождение, — прибавила Стел-

ла, — всегда дарят очень много подарков: ведь я — единственная дочка, единственная внучка и единственная племянница.

Стелла как-то небрежно усмехнулась и отошла к своей парте. Катя ничего не сказала, но подумала: «А всё-таки она — воображала! Ну всё равно, пусть. Зато хорошую книгу принесла. А вот Аню надо проучить. Нельзя, чтобы у нас в отряде были такие жадные девчонки».

„УГАДАЙТЕ, КАК ИХ ЗОВУТ?“

Хотя Кате и не полагалось заниматься стенгазетой, ей — как председателю совета отряда — работы теперь хватало и без того. Но всё-таки было решено, что для первого номера новой, Стеллиной, газеты рисунки сделает она, Катя. Ведь никто в классе не рисовал так хорошо, как она.

На первое собрание редколлегии пришла также и Лена Ипполитова, чтобы показать новому редактору Стелле, как делать газету.

В пионерской комнате за большим столом, отодвинув в сторону газеты и журналы и разложив перед собой большой лист бумаги, уселись пять девочек: Стелла, Катя, Лена, помощник редактора Наташа, да ещё Настя Егорова, которая тоже вызвалась помогать редколлегии.

— Ну, Стелла, — сказала Лена, когда в комнате стало совсем тихо, — начинай.

— А что начинать? — спросила Стелла, слегка краснея и поглядывая растерянно на девочек.

— Скажи, какие заметки у тебя уже есть и о чём, по-твоему, ещё надо написать.

Стелла пожала плечами:

— Я и сама не знаю, о чём надо. Я пока написала только одну заметку.

— Прочитай её вслух.

Стелла достала из сумки, лежавшей на столе, листочек бумаги.

— «Незаметно бежит время, — прочитала она. — Первая четверть уже прошла. Наступила вторая...»

Девочки переглянулись, а Настя добавила, чуть улыбнувшись:

— Потом наступит третья, потом четвёртая. Это неинтересно.

Стелла сердито обернулась к Насте:

— Почему это неинтересно?

— Ну как «почему»? Скучно.

Стелла поджала губы и по своей привычке повела плечом:

— Не знаю... Кому — как.

— Всем это не особенно интересно, — осторожно сказала Катя. — Ну, скажи по совести, Стелла: тебе самой интересно будет, если я тебе, как новость, стану рассказывать, что после понедельника будет вторник? Это же и так все знают.

Стелла искоса взглянула на Катю.

— Может быть, — процедила она нехотя. — А только о чём же писать? Какие у нас новости?

Она помолчала минуту и вдруг решительно тряхнула головой и сказала, поднимаясь с места:

— Пусть лучше кто-нибудь другой будет редактором, а мне пора домой.

Катя так и подскочила на стуле.

— Ты что — шутишь?

Стелла нахмурилась:

— Нет, не шучу!

И, скомкав листок со своей заметкой, она сунула его в сумку.

— Что, наверно, опять мама недовольна? — сочувственно спросила Лена и многозначительно посмотрела на подруг.

— Да нет, — ответила Стелла холодно. — Мама ничего такого не говорит, но я сама не хочу...

— Как это не хочешь? — с ужасом спросила Настя.

Стелла щёлкнула замочком своей сумки.

— А если у меня не выходит? — сказала она, поглядев на Настю через плечо. — Пусть тогда делают те, у кого выйдет.

— Значит, ты опять отказываешься? — рассердилась Катя. — Тебя выбирают...

— И доверяют тебе, — вставила Настя серьёзно.
— Конечно, доверяют, — подхватила Катя, — а ты чуть что — хочешь всё бросить!

— А если у меня не выходит? — упрямо повторила Стелла.

— Должно выйти! — сказала Катя твёрдо. — Мы же хотим тебе помочь. Садись, Стелла. И не обижайся, пожалуйста. Давайте, девочки, все вместе подумаем, что сделать, чтобы газета вышла интересная. О чём бы написать?

Все помолчали.

— Ну, — сказала Катя, — скорей думайте! Что кому в голову приходит — такое интересное?

— Ничего не приходит, — откровенно сказала Наташа.

Стелла насмешливо улыбнулась.

— Подожди, Стелла, — остановила её Катя. — Сейчас придумаем. Ну, Настя!

Настя покачала головой:

— Может быть, нам лучше разойтись и сперва дома подумать?

— Нет, постойте, девочки... — Лена Ипполитова взяла карандаш в руки и зачем-то написала на листке цифру «один» и скобочку. — Я вот что скажу. Нарочно придумать интересное очень трудно. Давайте не будем уж так стараться выдумывать что-нибудь особенное, а попросту сообразим, про что бы нам такое написать. Ну, не для интереса, а хоть для пользы. Вот, например, у нас дисциплина не очень хорошая. Пускай кто-нибудь и напишет про это заметку.

— А как же её писать? — спросила Наташа.

— Ну как! Кто у нас больше всех нарушает дисциплину?

— Ясно кто — Ира Ладыгина.

— Ну вот, пускай кто-нибудь напишет про неё. И вот ещё Клава Киселёва уроков не учит...

— Ой, девочки! — сказала Катя. — Я теперь уже знаю, как сделать, чтобы газета была интересная! — И она даже хлопнула по столу ладонями — такой занятной показалась ей собственная выдумка. — Помните, мы хотели в конце газеты помещать весёлый отдел «Кузнечик»? Пусть в этом отделе будут карикатуры на девочек и подписи, вроде загадок. И пусть все сами догадываются, кто это.

— Вот это здорово придумано! — подхватила Настя. — И пусть в каждом номере будут такие загадки!

— В стихах, — сказала Стелла. — В «Крокодиле» всегда подписи под карикатурами бывают в стихах.

— Верно! — подхватила Катя. — Только кто же у нас будет писать стихи?

— Может быть, Лена Ипполитова? — не очень уверенно предложила Стелла. — Ведь она с первого класса стихи пишет.

— Правильно, стихи сочинит Ленка, — сказала Настя. — А рисовать будет вот кто. — И она кивнула на Катю. — Ну-ка, Наташа, запиши всё, что мы решили.

Наташа принялась записывать, но Лена её остановила:

— Подожди немножко. Мы не с того начали. Сперва надо поговорить о серьёзном отделе, а потом о смешном.

— Нет, я с тобой не согласна, — сказала Катя. — Смешной отдел тоже может быть серьёзный. Мы же там будем не какие-нибудь пустяки высмеивать, а серьёзные недостатки.

Все насторожились.

— Да-да, самые серьёзные! — продолжала Катя. — Помните, девочки, мы дали честное пионерское, что у нас всё пойдёт по-другому? А что у нас получается? И двойки есть ещё в классе, и дисциплину некоторые девочки ещё иногда нарушают. Ирка, например...

— И другие тоже, — заметила Стелла, — но Ира, конечно, больше всех.

— Ну, я же и говорю! — подхватила Катя. — У всех есть какие-нибудь недостатки. Вот и у моей Аньки тоже. Подумать только — пожалела для детского дома хотя бы одну хорошую книгу!

— Просто ужас! — подтвердила Настя.

— И вот, — продолжала Катя, — надо про всё это написать. Сочинишь, Лена, стихи?

— Уж не знаю, — ответила Лена. — Трудно очень.

— Ты только начни, а потом мы тебе поможем.

Все задумались.

— А что, девочки, — спросила Лена, — только про других писать или что-нибудь и про нас самих?

— А что же можно писать про себя? — удивилась Стелла.

— Как это — что про себя? — сказала Катя. — У нас же у всех есть какие-нибудь недостатки. Не только у Лебедевой и Ладыгиной.

— И у тебя? — с удивлением спросила Наташа.

— Конечно, и у меня. Я, например, на уроках часто задумываюсь. Людмила Фёдоровна всегда говорила про меня: «в облаках витает».

— Ну, вот это и нарисуй, — посоветовала Настя и лукаво подмигнула Кате. — Как ты на облаке сидишь, а потом летишь с него вверх тормашками.

Все засмеялись. Подняв голову, Лена беззвучно шевелила губами.

— Девочки, Ленка уже что-то сочиняет! — обрадовалась Настя.

И все обернулись к Лене:

— Что ты сочинила? Скажи!

— Подождите, — сказала Лена. — У меня пока готово только самое начало.

— Ну скажи хоть самое начало, — пристали к ней девочки. Но Лена только отмахивалась:

— Да у меня ещё не готово. Знаете, девочки, про кого я напишу? Про Иру, Клаву, Аню и...

Лена искоса посмотрела на Катю.

Катя слегка смутилась:

— Про меня?

— А ты не обидишься?

Катя подумала немножко.

— Нет, — сказала она твёрдо. — Если только справедливо, не обижусь.

— И сама нарисуешь на себя карикатуру? — удивилась Стелла.

— Нарисую. Но только если будет написано справедливо, — повторила Катя, делая ударение на слове «справедливо». — И знаете, почему это надо? Чтобы девочки не обиделись, если и на них будут карикатуры.

— Правильно, — согласилась Настя. — А то скажут: «Что вы про других пишете? Про себя пишите!» Так всегда говорят. Все задумались.

— А что, девочки, — сказала опять Катя, — если нарисовать всех птицами? Я себя нарисую снегирём.

— Вот здорово! — крикнула Настя и даже захлопала в ладоши. — Молодец, Снегиры! Так и сделай! А Иру можно нарисовать в виде сороки. И написать про нее: «Болтает, как сорока».

Лена живо обернулась к Насте:

— Вот спасибо, Настенька! Это мне пригодится: «Сорока — урока», хорошая рифма.

— Запиши, Наташа, — деловито сказала Стелла. — Да нет, не рифму, а все предложения запиши. А когда ты, Лена, сочинишь стихи? Скоро?

— Сама не знаю, — ответила Лена нерешительно. — Постараюсь поскорей. А всё-таки, девочки, мы опять забыли, что в газете должны быть не только стихи и рисунки, но и разные заметки.

— Да, конечно, — согласилась Настя. — Надо всем сказать, всему классу, чтобы писали для газеты. Я, например, могу написать про сбор книг.

— А я, пожалуй, про отметки, — сказала Стелла.

— Как это — про отметки? — спросила Катя. — Что же можно написать про отметки?

Стелла немного смутилась:

— Ну как ты не понимаешь? Про успеваемость. Вернее сказать, про неуспеваемость.

— Ну что ж, это важно, — сказала Лена Ипполитова. — Такую статью даже надо поместить на первом месте. Это и называется «передовая». Постарайся, чтобы вышло получше, по-серьёзнее.

Стелла кивнула головой.

— Постараюсь, — сказала она, не глядя на девочек.

— Ну, а я, если нужно, могу на машинке всё перепечатать, — робко сказала Наташа.

Все обрадовались:

— Вот замечательно! На машинке!

Девочки с уважением посмотрели на свою подругу, которая до сих пор ещё ни разу не похвасталась тем, что умеет печатать на машинке.

— Наташина мама, — объяснила Катя, — машинистка. И Наташа научилась печатать ещё раньше, чем писать.

— Одним пальцем, — серьёзно добавила Наташа.

Все переглянулись.

— Значит, теперь у нас газета будет как настоящая, — сказала Настя. — Печатная, и даже с рисунками. А ты, Катя, успеешь всё нарисовать?

— Что ж, надо успеть, — ответила Катя тем спокойным, солидным тоном, каким в таких случаях говорила о работе её мама.

И вот ровно через неделю на стене класса, перед самым последним уроком, появился новый номер газеты «Пионерская дружба». Едва только успели Наташа и Стелла вывесить газету, как прозвенел звонок и всем пришлось отложить чтение нового номера до конца урока.

Сидя за партами и вышивая платочки (это был урок рукоделия), все невольно поглядывали на газету и любовались ею. И правда, газета получилась очень красивая и нарядная. Заглавные буквы были выкрашены алой краской, обведены золотой каёмкой и весело поблёскивали. Статьи и стихи были напечатаны на машинке, а этого не было до сих пор ни в одном классе.

— Замечательно красиво! — прошептала Аня, обернувшись к Кате. — Это ты рисовала?

Катя кивнула головой.

«Значит, Аня ещё не видела, что там про неё, — поняла Катя. — Ох, что-то сейчас будет, что-то будет!..»

Как только окончился урок, все сразу бросились к стенной газете. Уж очень интересно было посмотреть, какая она теперь, при новом редакторе.

А новый редактор, против обыкновения, сегодня не спешил уходить домой. Покачивая в руке сумку, Стелла Кузьминская стояла неподалёку от газеты и прислушивалась к тому, что говорят девочки. Щёки у неё раскраснелись, а глаза были необычно тревожные.

Катя тоже подошла поближе, чтобы увидеть, кто как отне-

сётся к стихам и рисункам. Все как раз и начали читать с конца — с весёлого отдела «Кузнечик». Большими разноцветными буквами здесь было написано: «Угадайте, как их зовут?»

Четыре карикатуры изображали разных птиц, одетых в школьную форму.

Одна из птиц, лупоглазая сова, в переднике с пелеринкой, выглядела сонной, ленивой и чем-то смахивала на Клаву Киселёву. Под карикатурой было напечатано:

А ну-ка, угадай-ка,
Кто первая лептййка,
Сонлива, как сова?
В учебник не заглянет,
Насилу утром встанет,
И вот в тетрадке — два.

— Ну, это, конечно, Киселёва, — сразу угадали девочки. — Клава, смотри, смотри, это — ты!

— И смотреть не стану, — сказала Клава, тряхнув бантами и отворачиваясь. — Ни капельки не похоже.

— Как — не похоже? — ответили девочки. — Пелеринка — точь-в-точь как у тебя. Ну прямо — в точности!

Клава сделала насмешливую гримасу:

— Подумаешь, тоже газета! Вывесли!.. Намалевали всякую ерунду и сами смеются.

Она взяла свою сумку и, похлопывая ею по колену, с равнодушным видом вышла из класса.

А девочки уже рассматривали другую картинку, изображающую сороку и снегиря, и читали новую подпись-загадку:

Мешает на уроке
Нам болтовня сороки —
Болтает весь урок.

А эта не болтает,
Да в облаках витает,
Пока молчит звонок.

— Смотрите! — говорили девочки смеясь. — Снегирь на облаке сидит. Ну, тут и отгадывать нечего: всякому ясно! А это что — ворона, что ли?

— Ну да, ворона!.. Скажешь тоже! Не ворона, а сорока. Видишь, на крыльях белое. Только не пойму, про кого это. Про Валу Елкину, может? Ой, девочки! Да это же Ирка Ладыгина! Ну конечно же, Ирка! Ира, Ира, иди сюда скорей, полюбуйся на себя!

Все посторонились, пропуская вперёд, поближе к стенной газете, Иру Ладыгину. Она взглянула и фыркнула:

— Ой, как смешно! Катюшка, нарисуй мне ещё такую сороку, я дома покажу. Только стишков этих не надо, а то мне падёт.

— Вот мы одни стихи тебе и дадим, — сказала Стелла.

— А я не возьму! — весело крикнула Ира и убежала.

Все засмеялись. Только одна Аня даже головы не подняла. Низко наклонившись, она разглядывала картинку за картинкой.

— А это что за пёстрый попугай? — спросила она. — Вот этот, с красной грудкой?

— Какой ещё попугай? — отозвалась Катя. — Снегирь? Да ведь это я сама.

Аня с удивлением посмотрела на Катю через плечо:

— А кто его нарисовал?

— Я и нарисовала. Не веришь? Спроси девочек из редколлегии. Ну вот хоть у Стеллы спроси.

— Не буду я спрашивать у Стеллы.

Аня ещё ниже нагнулась и снова принялась разглядывать рисунки. И вдруг она отскочила как ужаленная.

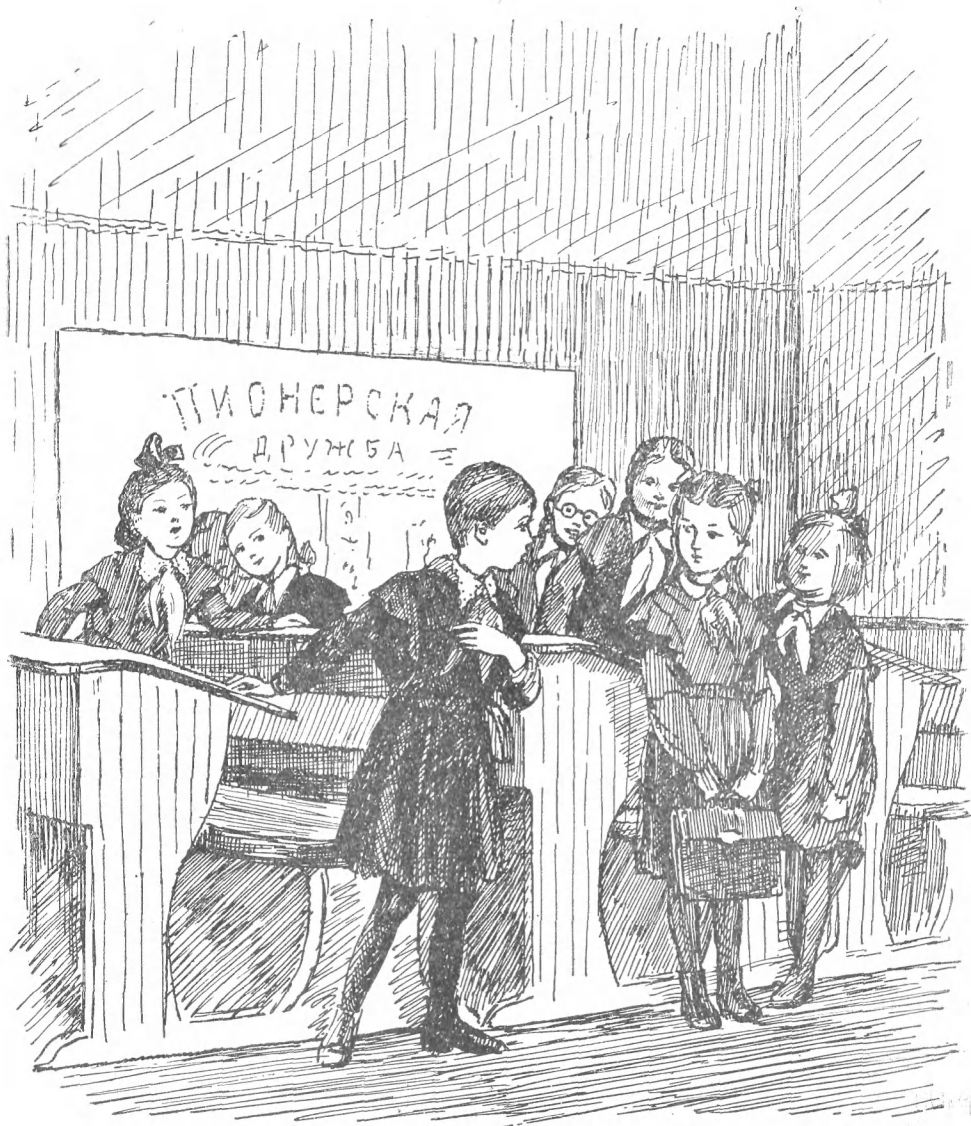
Самая последняя карикатура изображала длинноногую цаплю. Из-под крыла у цапли торчала замызганная, растрёпанная книжка с надписью на переплёте: «Украинские народные сказки».

— Это не цапля! — крикнула Аня, с ужасом оглядываясь на Катю. — Это — я!

Все громко засмеялись.

— Откуда же ты знаешь, что это ты? — спросила Настя. — Что, похоже?

— Не похоже, несколько, — задыхаясь от волнения, проговорила Аня, — но я и так знаю, что вы хотели нарисовать меня! Знаю!.. И книжка у неё моя, и передник мой, и ноги длинные... Наверно, тут и написано про меня... обидное.

— Это не цапля! — крикнула Аня, с ужасом оглядываясь на Катю. — Это — я!

— Прочитай, так будешь знать, — сказала Настя.

— Не хочу!

— Ну так я тебе прочитаю.

И Настя на весь класс прочитала:

А это что за птица?
Не хочет поделиться
Ни с кем своим добром.
Всю книжку растрепала,
В болоте искупала —
И дарит в детский дом.

Аня зажала уши, но, должно быть, всё слышала, потому что как только Настя кончила, она опустила руки и крикнула:

— Я с вами больше не вожусь! Ни с кем!

И она выбежала из класса. Катя бросилась за ней вдогонку и привела обратно.

— Не обижайся, Анечка, — сказала она. — Смотри, мне ведь тоже достаётся в газете. Ты почитай!

— Тебе не так, — проговорила Аня, не поворачивая головы. — Совсем не так! Про тебя не обидно, а про меня — ужасно... Кто нарисовал эту длинноногую цаплю? Неужели ты?

— Да, я, — ответила Катя. — Ты же и вправду пожалела дать хорошую книгу для детского дома. Вот мы тебя немножко и продёрнули.

— Немножко? Ничего себе — «немножко», — Аня горько усмехнулась. — Цапля! И ты сама рисовала! А ещё подруга... И Стелла хороша! Тоже редактор выискался. И Наташка твоя постаралась. Выстукала на машинке эти дурацкие стишки.

— Ты опять про Наташу? — возмутилась Катя. — «Твоя Наташка»! И не стыдно тебе?

Аня опустила голову.

— Я всегда думала, что ты моя лучшая подруга, — проговорила она сквозь слёзы, — а ты вот что сделала!

Катя внимательно и серьёзно посмотрела на Аню.

— А ты что думаешь, — сказала она, — если мы с тобой подруги, так мы должны только хвалить друг дружку?

Аня сердито мотнула головой:

— Я не прошу, чтобы ты меня хвалила, но если бы ты была хорошая подруга, разве ты стала бы насмехаться надо мной?

— А я вовсе не насмехалась, — сказала Катя. — Только я думаю, что это плохо, если кто жадничает и сам этого не понимает. И ничего плохого я тебе не хотела сделать.

— Да, «ничего плохого»! — сказала Аня. — А сама вон какую цаплицу нарисовала!

— Ну, подумаешь! Можешь и на меня что-нибудь смешное нарисовать в следующем номере.

— Да я же не умею.

— А я тебе сама помогу! — сказала Катя. — Не сердись, Анечка! Давай помиримся!

Катя взяла Анину руку и несколько раз покачала её в своей руке.

АНЯ И ПАТАША

После многих осенних дней выпал наконец первый снег. Освещённые электрическим светом фонарей, кружились на лету пушистые снежные хлопья.

Аня Лебедева шла не спеша по аллее бульвара, застланной мягким, чистым, ещё не утопанным снегом. Она вглядывалась в даль, надеясь увидеть в конце аллеи приближающуюся знакомую фигурку в меховой шубке и меховом капоре. Но Катя всё не показывалась...

Аня только что заходила к Снегирёвым, но бабушка сказала ей, что Катюша уже часа два как ушла в Дом пионеров — в хоровой кружок.

«За ней Настенька Егорова зашла, — объяснила Ане Катина бабушка. — Вместе и побежали. Да уж теперь, наверно, скоро вернутся. Может, подождёшь?»

Но ждать Аня отказалась: «Уж лучше я погуляю. Мама послала меня гулять». И она медленно пошла по бульвару, рассеянно глядя по сторонам.

Гулять одной было скучно. «Вечно Катя чем-нибудь занята! — думала Аня с досадой. — То к сборам готовится, то пла-

ны какие-то составляет, а тут ещё этот хоровой кружок. Словно без него и прожить нельзя! «Настенька зашла». Делать нечего и Насте этой!»

Она попробовала гулять одна. Прокатилась разок-другой по затянутой ледком луже, собрала со скамейки горсть лёгкого, рыхлого снега и попыталась слепить из него круглый плотный комок, но снег был ещё слишком свежий, он рассыпался и не хотел лепиться. Она с досадой бросила снег на землю и отряхнула варежки. Нет, одной играть и гулять нельзя! Ничего не клеится, вот так же, как этот снежок.

Ане становилось всё досаднее.

«Тогда незачем и мириться было, если мы всё равно врозь, как будто в ссоре».

Она чувствовала себя совсем брошенной, покинутой, и ей даже захотелось плакать, как вдруг вдали показалась девочка в шубке, белой от снега.

«Катя!» — обрадовалась Аня и бросилась ей навстречу. Но, подбежав поближе, она увидела, что это не Катя, а Наташа. Румяные, пухлые щёки Наташи были сейчас на морозе ещё румянее и свежее, чем всегда.

— Анечка! — сказала Наташа, тронутая тем, что Аня бежала ей навстречу. — Вот хорошо, что мы встретились! Я иду к Кате. Пойдём вместе. Ладно?

Аня грустно махнула рукой в варежке:

— Я уже там была... Кати дома нет. Ушла в Дом пионеров. В хоровой кружок.

Девочки постояли с минуту молча. Аня поскребла носком резинового ботика пушистый снег.

— Ты уроки уже сделала? — спросила она.

— Сделала, — ответила Наташа. — А ты?

— И я тоже. И по предметам и по музыке. Хочешь, пойдём вместе — погуляем?

— Хочу! — сказала Наташа. — А куда?

— Всё равно куда. Лишь бы вместе. А то одной так скучно!

Девочки пошли по аллее.

— Мы раньше, — сказала Аня, — никогда с Катей не расставались. Почти никогда... И так нам весело бывало

вдвоём, так весело! Болтали, смеялись — ну прямо по целым дням!

— Ну уж — по целым дням! — усомнилась Наташа.

— Не по целым дням, так по целым часам, — сказала Аня. — Смеёмся бывало из-за всяких пустяков! А теперь Кате и поболтать некогда. Всегда она что-то делает. Уж лучше бы она не стала председателем совета отряда! Уж лучше бы она осталась звеньевой.

— Да, — согласилась Наташа, — раньше она не так была занята. Да ничего не поделаешь, не может ведь Катя плохо работать, если уж ей эту работу поручили.

Аня ничего не сказала. Она чувствовала, что Наташа рассуждает правильно, и всё-таки было досадно.

Девочки прошли весь бульвар и повернули обратно. Было приятно бродить рядом по первому снежку и смотреть, как всё выше и выше растут на скамьях белые снежные перинки.

— И зачем только, — сказала Аня, смахивая с ресниц слипшиеся снежинки, — понадобился Кате этот несчастный хоровой кружок?

— Почему же «несчастный»? — усмехнулась Наташа. — Ты ведь занимаешься в музыкальной школе.

— Ну, школа — это другое дело!

— Почему же — другое?

Аня помолчала. Доказать почему было не так-то легко.

— Ну потому, что другое, — сказала она. — И если Катя так уж любит музыку, она могла бы поступить ко мне в школу. Вместе ходили бы.

Девочки с минуту помолчали. Аня вздохнула.

— Вот я всё думаю, — сказала она грустно: — если бы, например, Катя поступила в рисовальную школу и сказала бы мне: «Поступай к нам, будем учиться вместе», я бы сейчас же поступила, хоть у меня нисколько... ну вот нисколько нет способностей к рисованию. А Катя — нет...

— Ну, а что ж ты в хоровой кружок вместе с ней не записалась? — спросила Наташа.

— Да-а! — Аня надула губы и хмуро поглядела на Наташу. — Как же, запишешься!.. Во-первых, мама не позволяет. Говорит: «Хватит с тебя двух школ». А во-вторых, и Катя то

же самое говорит... то-есть не так, конечно, но вроде. «Всюду, — говорит, — запишешься, а когда уроки делать будешь?» Знаешь Катю? Она такая!

— Да, она такая, — согласилась Наташа.

Ане было приятно, что Наташа хоть в чём-то согласна с ней. Она взяла Наташу за руку, придвинулась к ней поближе и сказала тихонько:

— Вообще, Наташа, если бы ты знала, как мне в этом году тяжело!.. Ужасно тяжело! Сначала эта скарлатина несчастная. Потом сколько из-за неё догонять пришлось! А главное, главное — что с Катей...

— А что с Катей?

— Ох, Наташа, какая ты непонятливая! Ну неужели сама не видишь? Ведь мы с Катей с детства дружим... то-есть с детского сада. Куда она, туда и я. Куда я, туда и она...

Наташа с некоторым недоверием поглядела на Аню, и Аня сразу поняла её взгляд.

— Да-да, раньше так и было, — упрямо подтвердила она. — Мы всё делали вместе. А теперь? С первого дня ссориться начали. Сначала из-за... — Она запнулась. — Ну, всё равно из-за чего — в общем, поссорились. Потом опять Катя на меня рассердилась — из-за книг этих несчастных. Потом из-за газеты у нас вышла ссора. Чуть-чуть навсегда не рассорились. — Аня вздохнула. — Кате-то это ничего, я уж вижу, а я как переживаю!.. Ты даже не можешь вообразить, Наташа!

Наташа ничего не ответила, только слегка покачала головой, но Ане и того довольно было.

— И отчего это так получается? — горячо продолжала Аня. — Я уж потом так ругала себя, так ругала за эти сказки украинские! Ну почему я, в самом деле, ещё две-три книжки какие-нибудь в школу не принесла? Ведь я вовсе и читать-то не особенно люблю. А как стала персбирать книги на полке, так ни одну отдавать не хочется. Теперь не только Катя, — все девочки думают, наверно, что я жадная, а я вовсе не жадная, мне только жалко было...

Наташа с удивлением посмотрела на неё.

— «Не жадная, а только жалко было», — повторила она и, не выдержав, громко засмеялась.

— Ну вот, ну вот!.. — в отчаянии подхватила Аня. — Тебе смешно! А ведь ты совсем и не поняла, что я сказать хотела...

— Ну если не поняла, так ты объясни, — сказала Наташа. — Вот я и пойму. Ну говори же — что?..

— А то, — почти шопотом ответила Аня, — что если по правде сказать, так книг у меня много, а я ни одной толком не читала. Мне подарят книжку — я её перелистаю, картинки посмотрю, разговоры пробегу и поставлю на место. «Потом, — думаю, — прочту. Успеется». И вдруг говорят: «Отдай!» А я ещё и не знаю даже, про что там написано. Ну и жалко. Не книжку жалко, а что не прочла. Понимаешь? Эта вот, растрёпанная, сказки украинские, — она, может, одна-единственная и была, что я от начала до конца прочитала, до последней буковки. Потому-то она и порвалась. Понимаешь?

— Понимаю, — серьёзно сказала Наташа. — А почему же ты Кате этого не объяснила?

— Ой, что ты! — Аня даже руками замахала. — Как же я ей скажу, что я по-настоящему ничегошеньки не читала? Ведь сама-то она вó какие толстенные книги читает — в пятьсот страниц! Нет, я никак не могу ей этого сказать! Вот тебе почему-то могу... — Аня искоса посмотрела на Наташу и вдруг остановилась посреди заснеженной, посыпанной посередине жёлтым песком дорожки. — Знаешь что, Наташа? Давай с тобой дружить! А то Катя всё занята, я всё одна да одна...

— Давай, — охотно согласилась Наташа.

— Будем с тобой уроки вместе готовить, гулять вместе... Ты читать любишь?

— Люблю.

— Ну, может, и я с тобой вместе приучусь книжки читать. А потом будем читать вместе с Катей... Хорошо?

— Конечно, хорошо.

— Ну вот, я так рада, что ты со мной согласна. А то Катя редко соглашается. Хочешь, Наташенька, пойдём сейчас к нам? Я тебе покажу, какие у меня книжки есть, ноты... Пойдём, ладно?

— Нет, сегодня нельзя, — сказала Наташа. — В другой раз. А то мама будет беспокоиться.

Аня взяла Наташу за руку.

— Как ты думаешь, — спросила она шопотом, — Катя не обидится, что мы с тобой подружились?

— Ну нет! — сказала Наташа. — Катя не такая!

Аня, насторожившись, посмотрела в Наташину сторону:

— Какая это — не такая?

Наташа немножко смутилась:

— Ну, как тебе сказать... Не обидчивая, что ли...

Аня кивнула головой:

— Правда, она не обидчивая...

Катя и на самом деле нисколько не обиделась, когда узнала, что Аня и Наташа вчера целых два часа гуляли без неё.

— Ну, и очень хорошо, — проговорила она торопливо. — Только теперь, Анечка, хватит тебе так много гулять. Анна Сергеевна сказала, что скоро у нас будет контрольная по русскому письменному...

— Кому сказала?

— Мне.

Катя серьёзно посмотрела на Аню, и Аня без слов поняла, что означает этот Катин взгляд. Почти все тетрадки у Ани были испещрены красными пометками Анны Сергеевны.

— Вот что, Аня, — сказала Катя, — с завтрашнего дня я каждый день буду тебе диктовать по страничке. А то ты, чего доброго, двойку схватишь!

Но для русского письменного у Ани как раз не оказалось времени.

— Завтра у меня музыка, — сказала она. — Урок в школе.

— А послезавтра?

— Послезавтра — сольфеджио.

Катя с досадой покачала головой. Она много раз уже слышала от Ани это мудрёное слово, и случалось, что Аня при ней на переменке готовила урок по этому загадочному предмету. Держа в руке карандаш, Аня дирижировала им сверху вниз и снизу вверх и пела тоненьким голоском: «До-о, ми-и, до-о, ми-и, соль-фа-ми-ре-до-о...»

Катя невольно с каким-то особенным уважением поглядывала на свою подругу. Подумать только: сольфеджио! Но сейчас она решила не поддаваться на эту удочку.

— Всё равно, — сказала Катя, когда они втроём вышли на улицу, — музыка музыкой, а диктовка диктовкой. Ну не можешь по целой странице писать, я тебе буду диктовать по полстраницы. Ты же знаешь, что мы не поедем в детский дом, если у нас в классе будут плохие отметки!

Аня покорно кивнула головой:

— Ну хорошо, Катя. Только уж сегодня давайте не будем больше говорить про уроки! Давайте побежим лучше на бульвар. Я там в одном месте такой маленький каток видела... то есть не каток, конечно, а просто там такая большая лужа ледком покрылась. Пойдёмте — покажу.

И все три девочки бегом побежали по дорожке. Выпавший вчера снег, убранный на тротуарах и мостовой, ещё лежал на бульваре, но и там он уже не был такой мягкий и белый, как вчера, а потемнел и подтаял, как мокрый сахар. Ноги сами собой скользили по аллее. Хотелось бегать, кататься и ни о чём не думать. Положив школьные сумки на скамью, девочки взяли за руки и покатились.

— Ух, как хорошо! — сказала Аня, когда они прикатили обратно. — Знаете, девочки, чего бы я хотела? Чтобы мы были всегда втроём и всё делали вместе — и читали, и гуляли, и учились.

Катя удивилась.

— Да ведь мы и так вместе учимся, — сказала она.

— Нет, я не про то... — Аня слегка выпятила губу и мечтательно поглядела куда-то вверх. — Вместе-то вместе, но ведь, кроме нас, в классе ещё тридцать три девочки учатся... А я бы хотела, чтобы нас было всего трое в целом классе — только ты, Наташа да я.

— Тогда бы тебя вызывали каждый день, — сказала Наташа. — Может быть, даже на каждом уроке.

— Да, правда! — спохватилась Аня. — Пусть уж лучше нас будет тридцать шесть, как теперь.

Девочки засмеялись. Весело болтая, они незаметно дошли до Катиного дома. Когда дверь за Катей захлопнулась, Аня пошла проводить Наташу, потом Наташе захотелось проводить Аню. И новые подруги провожали друг друга до тех пор, пока не сгустились ранние зимние сумерки...

КОНТРОЛЬНАЯ

— Ну что мне с тобой делать? — с досадой говорила Катя, проверяя страничку, исписанную крупным, круглым почерком Ани. — Опять шесть ошибок!

Обе девочки стояли в коридоре, опершись локтями о подоконник. Так как у Ани был сегодня урок музыки и нынче они уже не могли больше встретиться, Катя решила устроить Ане диктовку на большой перемене.

— Да ну, какие там шесть ошибок! — с обидой говорила Аня. — Во-первых, я очень даже хорошо знаю, как пишется эта самая «ворона», я только нечаянно приделала к «о» хвостик.

— «Нечаянно»? Ты что же, и на контрольной будешь объяснять, что это нечаянно да то нечаянно? Ошибка — это ошибка!

— А зачем ты подчеркнула вон там — на третьей строчке?

— Потому что там надо «и» краткое, а не просто «и».

— Так это ведь пол-ошибки, а не ошибка.

— Ну ладно, пускай пол-ошибки. Всё равно выходит пять с половиной ошибок. Я бы тебе за такую диктовку двойку поставила. Завтра опять будем писать.

Но писать завтра под Катину диктовку Ане уже не пришлось. На следующем уроке Анна Сергеевна сказала:

— Девочки, не забудьте принести завтра тетрадки. У нас будет контрольная. Обязательно повторите правила.

Аня испугалась.

— Да как же я успею? — говорила она, запихивая после урока книги в сумку. — Столько правил повторить... Никак не успею!

— Ох, Аня! — сказала Катя. — Тысячу раз я предлагала тебе: «Давай попишем, давай попишем». А ты всегда: «Мне некогда, мне некогда». Вот теперь и получай двойку!

Наташа с беспокойством переводила взгляд с одной подружки на другую. Она первый раз видела Катю такой сердитой и боялась, что Аня не выдержит и заплачет. Ей хотелось успокоить обеих девочек.

— Ничего, может, как-нибудь и обойдётся, — начала она, — может, что-нибудь и придумаем.

— А что теперь думать? — оборвала её Катя. — Поздно уже думать! Всё равно она двойку получит!

Аня закусил губу и принялась изо всех сил запихивать в сумку пенал. Кате стало жалко её.

— Вот что, Анечка, — уже гораздо мягче сказала она, — приходи завтра пораньше. Мы вместе повторим правила — по тетрадке.

Но назавтра Аня в школу не пришла.

«Почему её нет? — думала Катя, осторожно выводя в тетрадке слова, которые чётко и внятно диктовала Анна Сергеевна. — Неужели опять заболела?»

Стелла Кузьминская сидела сегодня за партой одна. Анино место рядом с ней так и осталось пустым, и Катя с тревогой думала о том, что в клеточке журнала, против Аниной фамилии, вместо отметки появятся две буквы «нб» — «не была». А ведь уж сколько у неё этих «нб»! Вот не выведут отметку в четверти, а там и на второй год оставят.

Она думала обо всём этом до тех пор, пока не заметила, что буквы стали получаться у неё не такие красивые.

«Что это я? — спохватилась она. — Надо взять себя в руки. Если я буду всё время думать об Аниных делах, так и сама, чего доброго, схвачу тройку или даже двойку. Надо писать внимательно».

— «Подъём на гору был труден, — диктовала Анна Сергеевна, сидя за своим столом, — а съехали мы легко».

«Подъём»... Катя секунду подумала и уверенно поставила после буквы «д» разделительный знак. «Подъём на гору» для неё оказался совсем не труден.

«Съехали мы легко», — повторила про себя Катя и после «с» тоже поставила этот самый знак, который так ловко отделяет одну букву от другой — согласную от гласной. «Съехать» тоже оказалось очень легко.

Катя писала неторопливо, с удовольствием повторяя про себя каждое слово.

После урока все высыпали в коридор. Прибежала из своего восьмого «Г» и Оля.

— Ну что, девочки, трудная была контрольная? — спросила она.

— Ну и трудная же! — ответили одни.

— Нет, совсем не трудная, — ответили другие. — А как пишется слово «бесконечный»? Через «с» или через «з»?

— Конечно, через «с».

— А «низкий»?

— Через «з». Это же не приставка, а корень — «низ».

— А «безоружный» — как? Без разделительного знака?

— Ну, понятно, без. Перед «о» и «у» разделительный не ставится... А что, девочки, — добавила Оля, оглядываясь вокруг, — все сегодня в сборе или кого-нибудь не хватает?

— Аня Лебедева не пришла.

— А что с ней такое?

И Оля почему-то очень внимательно посмотрела на Катю.

— Не знаю, — нерешительно ответила Катя. — Может быть, опять заболела...

— Наверно, заболела, — подхватила Наташа. — Она и вчера говорила, что ей нездоровится...

Стелла Кузьминская через плечо взглянула на них обеих и тихонько засмеялась.

— «Заболела»! — повторила она насмешливо. — Знаем мы, что это за болезнь. Просто испугалась.

Катя круто повернулась к ней:

— Чего испугалась?

Тут в разговор вмешалась Ира Ладыгина.

— Как это — чего? — закричала она. — Будто не знаешь? Сама её напугала, а теперь удивляешься.

Оля ещё внимательнее посмотрела на Катю:

— А чем же ты её напугала?

Но прежде чем Катя успела что-нибудь ответить, Ира сказала за неё:

— Двойкой — вот чем! Я сама слышала, как ты ей говорила: «Всё равно двойку получишь».

— Так я же не для того сказала, чтобы пугать... — растерянно начала Катя.

Но Оля перебила её:

— Так нельзя, Снегирёва! Надо было, наоборот, подбодрить, а не пугать.

Катя опустила голову. Она понимала, что Оля права.

На следующий день Аня как ни в чём не бывало явилась в класс.

Стоя у своего стола, Анна Сергеевна оглядела все три ряда, а потом подошла к Аниной парте.

— Лебедева, почему тебя вчера не было? — спросила учительница.

— У меня... голова болела, — смущённо ответила Аня. — Вот записка.

И, порывшись в сумке, она протянула Анне Сергеевне сложенный листочек.

Учительница поправила очки и прочла записку.

— Так, — сказала она, и Катя почувствовала, что Анна Сергеевна не верит. — Очень плохо, — продолжала учительница. — Жаль, что у тебя разболелась голова как раз в тот самый день, когда была контрольная... Ну что ж, останешься без отметки.

По классу пробежал шопот:

— Как же это?.. Разве можно остаться без отметки?..

Анна Сергеевна опять подошла к своему столу.

— А что же теперь делать? — сказала она серьёзно. — Подумайте сами: не могу же я каждому, кто пропустит контрольную, диктовать отдельно. У меня тогда не останется времени для работы с классом.

Анна Сергеевна чуть призадумалась.

— Впрочем, — добавила она, — останься, Лебедева, после уроков в классе. И ты, Снегирёва. Я тебе дам текст для диктанта.

Катя встала.

— Мне? Зачем? — спросила она удивлённо.

— Как — зачем? Продиктуешь Лебедевой.

— При вас, Анна Сергеевна?

Анна Сергеевна чуть заметно усмехнулась:

— Нет, не при мне. Я уйду, а вы с Лебедевой останетесь вдвоём.

Катя села на место. Аня обернулась к ней и радостно закивала. Видно, обрадовалась, что вместо учительницы ей будет диктовать подруга. А Катя смутилась. Ей даже немножко

страшно стало: что, если ей вдруг захочется помочь Ане? Захочется подсказать? Нет, нельзя, чтобы захотелось!

Как только началась перемена, Наташа — она сегодня была дежурная — стала всех торопить:

— Девочки, скорее выходите из класса, проветрить надо.

Но Аня не замечала, что делается вокруг.

— Неужели это ты будешь мне диктовать? — спросила она у Кати. — В самом деле, ты?

Аня вся так и сияла.

Катя растерянно перекладывала книги в парте.

— Да, я, — сказала она. — Только не очень-то радуйся. Ведь я буду диктовать по-настоящему.

Аня слегка смутилась. Катя почувствовала, что может опять легко напугать её.

— Ну ничего! — сказала Катя и вскочила. — Если будешь очень стараться, напишешь хорошо. Я уж знаю.

И девочки выбежали в коридор.

После уроков Анна Сергеевна подозвала к себе Катю и протянула ей какой-то листок. Аня следила издали за каждым движением учительницы.

— Когда кончишь, — сказала Анна Сергеевна Кате, — ничего не проверяй, а сразу принеси работу в учительскую.

Она вышла из класса, и девочки остались одни. Аня села на своё место и взялась за ручку. Катя отошла подальше, чтобы нечаянно не посмотреть в Анину тетрадку, и, расхаживая по классу, начала диктовать:

— «В жаркий летний день подъезжали мы с отцом к заливному лугу».

— «В жаркий летний день, — повторила Аня, — подъезжали...» Да ты не так быстро, я не успеваю.

Катя повторила фразу и посмотрела в окно, словно из окна был виден этот самый заливной луг.

— «Подъезжали... подъезжали», — шептала Аня, держа навесу ручку. — Лучше бы они не подъезжали, а проехали мимо.

Катя невольно засмеялась:

— Нет, Аня, давай серьёзно. Ну что, написала?

— Нет ещё... «В жаркий летний день...» — опять повторила Аня. — А дальше что?

— «Подъезжали мы с отцом», — напомнила Катя.

— Что, что они делали? — подхватила Аня. — Повтори!

— Подъезжали, — быстро проговорила Катя.

Нет, ты скажи медленно, по слогам, — попросила Аня.

— Ишь, какая хитрая! По слогам! Ты ещё, может, захочешь — по буквам?

Аня с мольбой посмотрела на Катю:

— Ну, ещё один разок повтори! Ну, что тебе стóит? Трудно, да?

Катя отвернулась:

— Нет, не трудно.

— Что же ты? А, Катя?

Катя молчала. Как хотелось ей в эту минуту помочь Ане, напомнить ей, что корень слова «подъезжать» — «езд». Она даже с трудом сдерживалась, чтобы нечаянно не проговориться.

— Ну как же всё-таки? — с раздражением спросила Аня. — «Подъезжали» или «подъезжжали»? Один хоть раз ясно скажи — и всё!

— Подъе... — начала было Катя и зажала рот ладонью. — Ох, Аня, — у Кати сделалось несчастное лицо, — не пытай у меня! Ну как ты не понимаешь, что не могу я тебе подсказывать!

— Я совсем не прошу подсказывать, — обиделась Аня. — Я только прошу яснее говорить. Даже Анна Сергеевна говорит гораздо разборчивей. Ну ладно, пусть будут ошибки. Твоя вина, а не моя. Плохо диктуешь. Вот если бы я тебе диктовала, так ты ни одной ошибочки не сделала бы.

Катя усмехнулась:

— Я и без твоей подсказки как-нибудь обойдусь.

Она не стала больше спорить с Аней, отошла ещё дальше и прочла следующую фразу:

— «Но вот до моего слуха долетел глухой шум. Это крестьяне косили траву».

Катя прошла по классу и ещё раз повторила:

— «Это кресть-я-не ко-си-ли тра-ву...»

«Ой, что это я? — спохватилась она тут же. — Кажется, я нечаянно слишком ясно выговариваю слова».

Но Аня всё так же выжидающе посматривала на Катю, словно ждала от неё помощи.

«Ну о чём она ещё думает!» — удивлялась про себя Катя.

Аня вздохнула. Перо в её руке неуверенно и робко вывело какое-то слово и опять остановилось.

Да, Катя ясно видела, что Ане опять так и хочется о чём-то спросить у неё. Наверно, она сейчас думает: «Ну что Кате стоит хоть немножечко мне помочь? Чутьочку намекнуть? Ведь мы же подруги!»

И, конечно, Кате это ничего бы не стоило. Даже было бы приятно. Но ужели Аня не понимает, что ей и самой хочется помочь подруге? Так хочется, что прямо трудно удержаться, чтобы не подсказать. Да только разве подскажешь, когда Анна Сергеевна оставила их вдвоём, с глазу на глаз? Ведь это всё равно, как если бы она с них взяла «честное пионерское».

Катя посмотрела на крыши домов с островками снега, и ей представились зимние каникулы, ёлка и поездка в детский дом. Ей вспомнились слова Анны Сергеевны: «Посмотрим, какая у вас будет вторая четверть. Если будете учиться хорошо, поедem».

«А что, если Аня сейчас напишет на двойку? Вот-то будет обидно! Может быть, всё-таки посмотреть, много ли у неё ошибок? Разок заглянуть... Одним глазком? Нет, нельзя!»

Катя отошла ещё дальше, за последний ряд парт, и оттуда продиктовала новую фразу:

— «В сиянии яркого солнца блестели их косы».

Аня обернулась.

— Ну куда ты девалась? — сказала она обиженно. — Неужели боишься, что я подсматрю?

— Нет, Анечка, я знаю, что ты не подсмотришь. Я другого боюсь...

— Чего?

— Чтобы мне самой не захотелось подсмотреть, что там у тебя в тетрадке делается.

— Пожалуйста! — обрадовалась Аня. — Смотри сколько хочешь.

И Аня протянула Кате тетрадь.

Катя отвернулась:

— Нет, нет! Не надо. Если я посмотрю, я не смогу удержаться и скажу, какие у тебя ошибки.

Аня опять оживилась:

— Ну и что, если скажешь?

— Как так — «ну и что»? Какая же это будет тогда контрольная?

— Да, правда, — вздохнув, согласилась Аня. — Я почему-то всё время забываю, что ты сейчас вместо Анны Сергеевны.

Обе девочки помолчали.

— Знаешь, Аня, — сказала Катя серьёзно, — мне кажется, что это не только для тебя контрольная...

— А для кого же ещё? — удивилась Аня.

— И для меня тоже.

Аня удивилась ещё больше:

— Да ведь ты писала вчера со всеми вместе...

— Не в том дело, — сказала Катя медленно. — Ну как бы тебе это объяснить?.. Ну, понимаешь, Анна Сергеевна может теперь узнать, совсем честные мы или не совсем...

Аня пожала плечами:

— А как же Анна Сергеевна будет знать, совсем честные мы или нет? Она же не сможет проверить, подсказала ты мне или я сама написала правильно.

Катя на минуту задумалась.

— Нет, — сказала она, — всё-таки Анна Сергеевна как-то узнаёт. Учителя всегда почему-то обо всём догадываются... Но я думаю, Анна Сергеевна просто очень верит нам. А раз уж верит, как же можно её обмануть?.. Ну что, всё написала? Дай-ка твою работу, я отнесу её.

Катя взяла Анину тетрадку и, стараясь даже не смотреть на неё, понесла в учительскую.

Анна Сергеевна сидела, склонившись над стопкой тетрадей. Катя тихонько положила её на стол Анину тетрадку вместе с листком диктанта и, не сказав ни слова, чтобы не помешать учительнице, убежала.

ТЕТРАДКИ ВЕРНУЛИСЬ

— К сожалению, девочки, особенно похвастаться нечем... С этими словами Анна Сергеевна положила на стол стопку тетрадок.

Аня и Катя тревожно переглянулись.

«Так и есть! — подумала Катя. — Наверно, у Ани опять двойка. А у меня? Неужели тоже есть ошибки?»

Все притихли, думая о том, что таится под лёгкими обложками тетрадей, в листках, разлинованных тонкими полосками строк. Эти обыкновенные голубые и синие ученические тетрадки казались теперь Кате какими-то совсем другими, неизвестными, с тех пор как они побывали у Анны Сергеевны дома. Какие ошибки нашла она и подчеркнула своим острым красным карандашом? Какие поставила отметки под косой размашистой чертой? Ничего неизвестно, неизвестно даже, где чья тетрадка.

Каждая из девочек с нетерпением ждала, когда же к ней вернётся её работа, но Анна Сергеевна почему-то не спешила раздать тетради.

Она прошлась раза два по классу и, остановившись у стола, пристально посмотрела на Катю.

Сердце у Кати ёкнуло.

«Наверно, я наделала кучу ошибок! — со страхом подумала она. — Это всё от рассеянности. Где букву пропустишь, где слова не допишешь...»

— Вот ты, Снегирёва, у нас председатель совета отряда, — сказала Анна Сергеевна очень серьёзно. — Подумала ли ты, с чем ваш отряд придёт на сбор дружины? Ведь сбор, кажется, у вас не за горами?

«Ах, вот в чём дело!» — подумала Катя, но от этой догадки на душе у неё не сделалось легче. Только беспокойство стало какое-то другое.

— Сбор будет скоро, Анна Сергеевна, — сказала она вставая. — Наверно, в конце этой четверти или в самом начале будущей.

— Вот видите. Мы с вами прожили почти половину учебного года. Теперь уже пора оглянуться и посмотреть, что мы

успели. Давайте так и сделаем. Проведём ещё несколько контрольных работ.

— Ой, несколько контрольных!.. — пробежал по классу испуганный шопот.

— А почему вы, собственно, так встревожились? — приподняв брови, спросила Анна Сергеевна. — Вас пугает слово «контрольная»? Напрасно. Если бы вы хорошенько подумали, вы бы поняли, что каждая ваша работа — контрольная. И в классе и дома.

— А всё-таки домашняя работа не то, что классная, — тихонько сказала Валя Ёлкина своей соседке Насте Егоровой. — Дома не волнуешься. Там и спросить можно и в книжку заглянуть...

Но как тихо ни говорила Валя, Анна Сергеевна услышала её.

— Да, конечно, — сказала она. — Дома работать легче и спокойнее. Но то, что труднее, всегда интереснее. Только надо уметь работать. Вот вы всё охаете: «Ох, контрольная! Контрольная!» А по-настоящему, вам самим должно быть любопытно проверить себя, узнать, далеко ли вы ушли за эти месяцы — с первого сентября до середины декабря. Да ведь и сбор дружины будет у вас той же проверкой, только ещё более ответственной: вся школа узнаёт, что вы успели за это время.

Анна Сергеевна подошла к столу и положила ладонь на стопку тетрадей.

— Не знаю, — сказала она озабоченно, — будет ли вам приятно прийти на сбор с такими успехами. На тридцать шесть работ у вас целых пятнадцать троек и даже две двойки.

— Две двойки! — пронеслось от парты к парте. — У кого? У кого?

— Сейчас узнаете, — ответила Анна Сергеевна и стала раздавать тетради.

— Ипполитовой — пять, — сказала она, медленно проходя между двумя рядами парт. — Нет ни ошибок, ни помарок. Егоровой — тоже пять... Алиевой — четыре... А вот Зотова написала на тройку. Слово «подъём» у тебя, Зотова, без разделительного знака. Вышло — «подём». И слово «низкий» написала

через «с». Ёлкиной — четыре с минусом. Надо быть внимательнее, Валя. Лебедевой — тоже четыре с минусом.

Аня даже подскочила от радости.

— Молодец Лебедева! — похвалила Аню учительница. — Только слово «подъезжали» написала неправильно. Да перенос сделала неверно. Но всё-таки заметны успехи. Значит, перед контрольной ты позанималась?

— Да, — тихонько ответила Аня, — я и болела и занималась.

Анна Сергеевна улыбнулась:

— Что, наверно Снегирёва к тебе приходила?

— Нет, — ответила Аня и почему-то покраснела.

А Катя подумала: «Странно, неужели Аня сама занималась? И почему она смущается? Надо будет спросить у неё...»

— А вот и твоя работа, Снегирёва, — продолжала Анна Сергеевна. — У тебя пять.

Катя взяла свою тетрадку, но её не так обрадовала собственная пятёрка, как четвёрка с минусом в тетради Ани Лебедевой.

«Наверно, всё-таки немножко помогло и то, что мы на переменках писали, — думала Катя. — А у кого же, интересно, двойки?»

И она опять стала внимательно прислушиваться к тому, что говорила, похаживая по классу, Анна Сергеевна.

— Ивановой — четыре... Ладыгиной — четыре... Осташевской — три с плюсом... А вот Зайцевой пришлось поставить двойку: грубые ошибки, сплошные кляксы. Киселёвой — тоже два: много ошибок, пропуски букв.

Анна Сергеевна остановилась у парты Клавды Киселёвой, показывая сделанные ею ошибки, а Тоня Зайцева тем временем уже уткнулась головой в парту и залилась слезами, ещё больше размазывая кляксы в своей тетрадке.

— Возьми себя в руки, девочка, — участливо, но в то же время и строго сказала Анна Сергеевна. — Слезами дело не поправишь.

Катя тоже обернулась к Тоне:

— Не надо, Тоня, не плачь! Мы тебе поможем. Слышишь?

Клава Киселёва не плакала. Она только вся покраснела и молча уставилась в тетрадку.

Анна Сергеевна вернулась наконец к своему столу.

— Ну вот, девочки, — сказала она. — Вы теперь видите, какие у вас ошибки, и поймёте, на что вам нужно обратить особое внимание. Это не так уж трудно. Вот посмотрите на Аню Лебедеву. Ещё совсем недавно она писала на тройки. Случалось, что и на двойки. А сегодня? Сегодня у неё четвёрка.

Катя и Аня радостно переглянулись. Уже второй раз сегодня Анна Сергеевна называет Анину фамилию. Молодчина Аня, не подвела! Если так пойдёт дело, то скоро Аня начнёт получать пятёрки. Вот будет рада Людмила Фёдоровна, когда узнает! И дома у Ани, наверно, все будут хвалить её и Катю.

Но радость обеих девочек продолжалась недолго. Неожиданно подняла руку Клава Киселёва.

— Что же в этом удивительного, — сказала она, встав с места, — если Лебедева написала на четыре? Ей же диктовала Снегирёва. Если бы мне диктовала Зайцева, а я — Зайцевой, то у нас обеих были бы пятёрки.

Кто-то засмеялся, а Катя от неожиданности так и замерла. Ей вспомнилось, как в начале учебного года Клава точно так же заявила: «За неё рисовала мама...»

Аня густо покраснела и, подняв руку, вся потянулась вверх.

— Я писала сама! — с возмущением сказала она. — Я так просила Катю повторить слово «подъезжали», так смотрела на неё, а она даже отворачивалась!

В классе засмеялись. А Клава Киселёва торжествующе поглядывала на простодушную и чуть не до слёз взволнованную Аню.

— Ага! — подхватила она злорадно. — Значит, просила повторить?

Но Анна Сергеевна прервала их спор:

— Довольно об этом. Садитесь, девочки. Я знаю, что Снегирёва всегда рада помочь подруге, но контрольную писать за неё ни в коем случае не станет. А ты, Киселёва, прежде чем бросать такие обвинения, в другой раз хорошенько подумай. Стыдно!

Анна Сергеевна помолчала.

— А сейчас давайте работать. Откройте «Родную речь». Девочки положили тетрадки к себе в парты и достали откуда книжки.

И работа в классе скоро опять пошла полным ходом.

В этот же день Клава получила ещё одну двойку — по истории.

Возвращаясь к себе на место и проходя мимо Кати, она тихонько бросила через плечо:

— Что, небось, рада?

Катя с удивлением посмотрела ей вслед. Чему же тут радоваться? Она была очень огорчена и ещё больше озабочена.

Как только началась большая перемена, Катя побежала к вожатой Оле. Она хотела посоветоваться, что же теперь делать с Клавой и Тоней.

Ане, конечно, захотелось идти вместе с Катей.

— Скажи, Аня, — спросила Катя, шагая с подругой по коридору, — ты правда занималась в тот день, когда болела?

— Правда, — тихо ответила Аня.

— Одна?

— Нет, не совсем... — И Аня как-то неловко усмехнулась. — Моя мама позвонила тётё Лизе — она доктор — и сказала, что у меня немножко... голова болит и что я даже пропустила контрольную по русскому письменному. Ну, тётя пришла, выстукала меня, посмотрела мне горло и говорит: «Я сейчас тебе хорошее лекарство пропишу. Принеси чернильницу и бумагу». Я принесла. Думаю, сейчас будет лекарство выписывать, а тётя говорит: «Давай учебник». А я и тут не догадалась. Даю ей арифметику. Думаю, она книжку просит, чтоб под листок подложить — глаже писать, знаешь? А она говорит: «Нет, не этот учебник. Давай грамматику, «Родную речь». Что у вас там ещё есть?» Ну, я всё принесла — и «Русский язык» и ту тетрадку, где у нас все правила записаны. А тётя говорит: «Ну, теперь садись за стол». И знаешь, Катя? Заставила меня все правила повторить, а потом целых два часа диктовала.

— Хорошее лекарство, — сказала Катя смеясь. — Горькое или сладкое?

— Солёное, — ответила Аня и поморщилась. — Знаешь, я даже поплакала немножко...

— Ну, тогда понятно — слёзы ведь солёные, — сказала Катя.

Девочки поднялись на третий этаж, где помещался восьмой «Г». Олю они нашли скоро.

Она медленно прогуливалась по коридору под руку со своей подругой и одноклассницей, Женей Березовской, чёрненькой, смуглой девочкой. Они заглядывали вдвоём в один учебник, Оля что-то повторяла вполголоса, а Женя её слушала.

Катя не решалась подойти к старшеклассникам, боясь им помешать. К тому же Березовская была председателем совета дружины, и Катя чувствовала к ней особенное уважение. На рукаве у Березовской алели целых три нашивки.

Оля сама заметила Катю и Аню:

— Вы что — ко мне?

— Олечка, — начала Катя, — сегодня у нас две двойки... то-есть три! То-есть не у нас, а две у Киселёвой и одна у Зайцевой.

— Да, многовато, — покачала головой Оля и посмотрела на свою молчаливую и серьёзную подругу. — Что ж, придётся вызвать их на совет отряда. Как ты думаешь, Женя?

— Да, конечно, — подтвердила Женя. — Они у вас пионеры?

— Нет ещё, — ответила Оля. — А разве не пионерок нельзя вызывать на совет?

— Почему нельзя? Можно, — сказала Женя. — А много у вас девочек не в отряде?

— Всего две, — ответила Оля. — Как раз эти самые — Киселёва и Зайцева.

— Ну так скорее готовьте их в пионеры, — сказала Женя. — Ведь во всех отрядах скоро будет приём. А на сборе дружины они дадут торжественное обещание.

— А когда будет сбор дружины? — спросила с беспокойством Катя. — Очень скоро?

— Да, теперь уж скоро — в конце декабря.

— Ой, Олечка, — сказала Катя, — что же нам делать? Клава и Тоня не успеют исправить свои двойки.

— Ну вот что, — решительно сказала Оля, — если они хотят, чтобы их приняли в пионеры, пусть подтянутся. Я спрошу у Анны Сергеевны, удобно ли ей, чтобы мы назначили совет на сегодня. А ты, Катя, скажи Тоне и Клаве, чтобы они обязательно пришли... Подожди меня, Женя, я сейчас вернусь.

Анну Сергеевну Оля застала уже у самых дверей класса.

— Нет, Оля, сегодня я очень занята, — сказала учительница, — и прийти к вам на совет не смогу никак. Впрочем, не стоит из-за этого откладывать. Вы прекрасно справитесь и без меня.

— Хорошо, Анна Сергеевна, постараемся, — сказала Оля. — Значит, обеих вызвать — и Киселёву и Зайцеву?

— Пока вызовите Киселёву. С Зайцевой надо будет поговорить особо. К ней нужно пойти на дом и посмотреть, как она учит уроки. Зайцева — не лентяйка. Я у неё уже была и убедилась в этом. Ей просто нужно помочь. Она хочет учиться, но не может, не умеет.

— А Киселёва?

— Киселёва — наоборот. Может учиться, но не хочет.

В тот же вечер в пионерской комнате собрался совет отряда.

СОВЕТ ОТРЯДА

По одну сторону длинного стола разместились члены совета: Катя, Стелла, Зоя Алиева, Нина Зеленова и вожатая Оля. По другую сторону уселись приглашённые на совет звеньевые — Настя Егорова, Лена Ипполитова и Валя Ёлкина.

Клава Киселёва, сердито поглядывая на девочек, села поодаль, на свободный стул у стены.

— Клава, подойди к столу, — сказала ей Оля серьёзно.

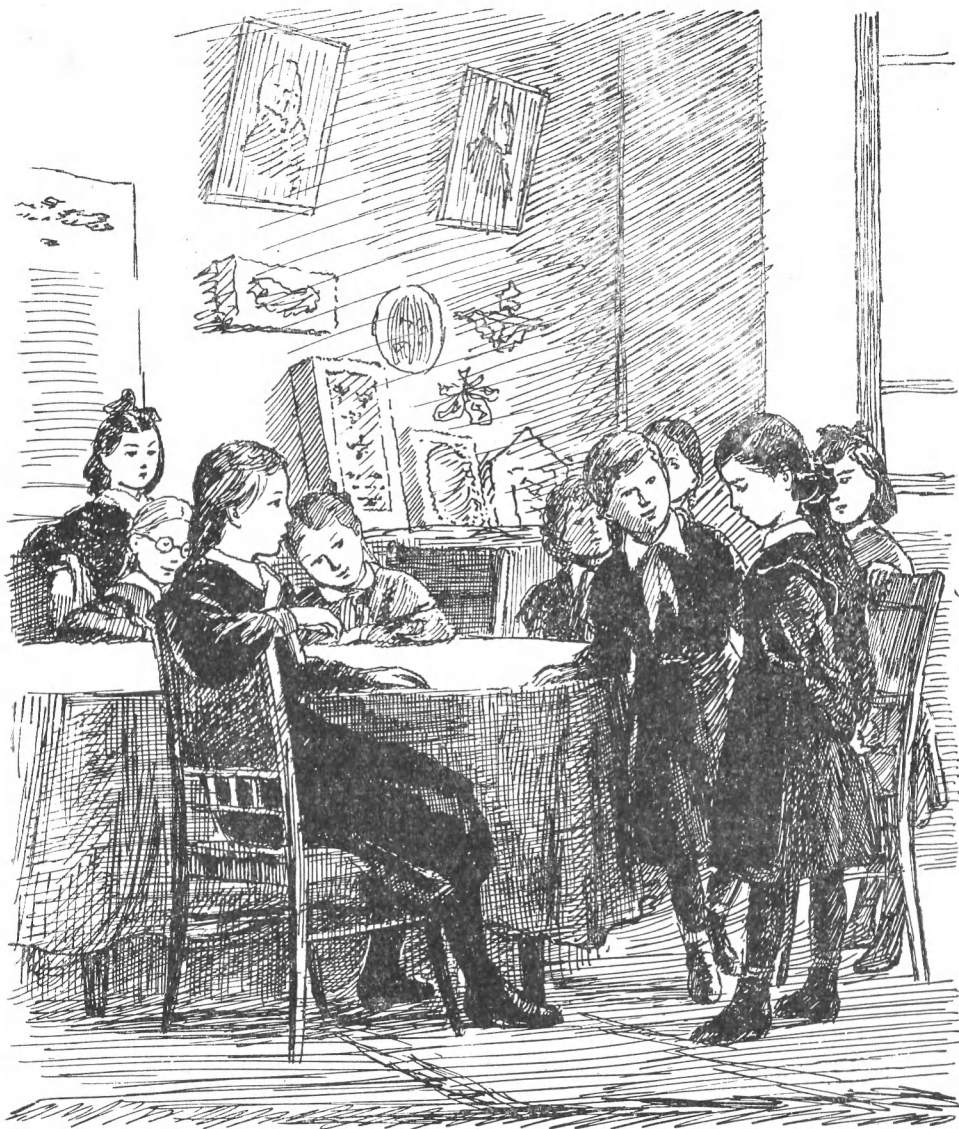
Клава нехотя поднялась и подошла поближе.

В комнате стало как-то по-деловому тихо.

— Слушай, Клава, — начала Катя. — Так нельзя учиться, как ты учишься.

Клава исподлобья, хмуро посмотрела на Катю.

— А вам какое дело? — сказала она. — Как хочу, так и учусь.

— Скажи, Клава, — начала Оля, — как ты дома распределяешь своё время?

Тут заговорили все вместе:

— Как это — «какое дело»? А такое дело, что из-за твоих двоск...

Оля постучала карандашом по столу:

— Тише! Не все сразу. Говори ты, Катя.

— Послушай, Клава, — начала опять Катя, — ты ведь хочешь, чтобы тебя приняли в пионеры?

Клава искоса посмотрела на Катю.

— Всё равно не примут, — ответила она хмуро. — Я учусь плохо...

— А разве ты не хочешь учиться лучше? — спросила Стелла.

— Хочу, — как-то нерешительно сказала Клава, — а вот почему-то не получается.

Девочки насторожились:

— Почему же не получается?

Клава пожала плечами:

— А кто его знает...

Оля посмотрела на Катю. Она почувствовала, что если сейчас начать упрекать Клаву, стыдить её и ругать, то никакого толку от разговора не будет. Надо было придумать более осторожный подход к этой упрямой и грубоватой девочке.

— Скажи, Клава, — начала Оля, — как ты дома распределяешь своё время? Какой у тебя режим дня?

Клава молчала.

— Ну, когда ты ложишься спать? — спросила Зоя Алиева, блестя своими чёрными глазами.

— Спать? В двенадцать или в час.

Девочки переглянулись:

— В час ночи?!

— Ну конечно, ночи, а не дня, — усмехнулась Клава.

— А почему так поздно? — спросила Катя.

— Телевизор смотрю. А потом чай пью.

— А почему ты не смотришь по воскресеньям? — спросила Оля. — Ведь по воскресеньям в два часа дня бывают передачи для детей.

Клава переступила с ноги на ногу и угрюмо сказала:

— Я и по воскресеньям смотрю. Два раза. Днём и вечером.

Оля покачала головой.

— Ну, а когда же ты уроки готовишь? — спросила она.

— Как когда, — ответила Клава.

— А ты бы делала сразу, как приходишь из школы, — посоветовала Лена Ипполитова.

— Нет, — сказала Оля. — Сразу после школы надо отдохнуть, пообедать. А после обеда садиться за уроки.

Клава удивлённо посмотрела на Олю:

— После обеда я гуляю.

— А когда ты возвращаешься с гулянья? В котором часу?

— Как когда.

Девочки переглянулись.

— Ну всё-таки? Приблизительно?

— Когда в четыре, когда в пять.

— А телевизор смотришь с половины восьмого? Куда же деваются у тебя три или четыре часа?

Клава пожала плечами:

— Не знаю, куда... Моя мама всегда говорит, что время так и бежит... Там у наших соседей ребёночек маленький. С ним поиграешь. Иногда посмотришь, как его купают...

Оля укоризненно покачала головой:

— Ну да, так у тебя, конечно, времени не останется. Если ты часа в два приходишь из школы, потом, наверно, целый час обедаешь, потом часов до пяти гуляешь, да ещё часа два болтаешься без дела по квартире, а с половины восьмого телевизор смотришь, то на уроки у тебя остаётся всего какой-нибудь один час. А может быть, и того меньше... — И, подумав, Оля добавила: — Гулять, конечно, нужно каждый день. А передачи смотреть каждый день совсем не обязательно. Лучше устраивать себе праздник в воскресенье.

— А у меня и так в воскресенье праздник, — сказала Клава.

Девочки засмеялись.

— Что тут смешного, не понимаю, — сказала Оля с упрёком, — у нас очень серьёзный разговор. Ты хочешь что-то сказать, Лена? Говори.

— По-моему, — начала Лена строго, хмурясь и поправляя очки, — Клава должна перестроить свой день.

— Подтянуться надо! — подсказала Зоя.

Клава усмехнулась:

— «Подтянуться»! Надоело уж мне это «подтянуться да подтянуться»!

— Надоело? — возмутились девочки. — А нам не надоели твои двойки?

Тут подняла руку Настя Егорова:

— Можно мне сказать? — Она встала с места: — Послушай, Клава...

— А чего мне ещё слушать? — буркнула Клава, искоса поглядывая на Настю.

— Нет, ты погоди, Клавка, — повторила Настя и, подойдя поближе к Клаве, положила руку ей на плечо: — И не дуйся, пожалуйста. Думаешь, мы с тобой по-плохому говорим? Нет, мы по-хорошему хотим поговорить с тобой. Ты можешь быть совсем не плохой ученицей. Да-да, можешь! Ты не тупица какая-нибудь, у тебя есть способности.

Клава насторожилась.

— А ты откуда знаешь? — спросила она. — Ты же не учительница.

— Знаю! — решительно ответила Настя. — И все знают. У кого совсем-совсем нет способностей, тот хоть и учит уроки, а всё равно двойки и колы получает. А ты почти не учишь уроков, и всё-таки у тебя бывают не одни двойки, бывают и тройки и даже иногда четвёрки. Значит, если бы ты захотела, могла бы получать четвёрки всегда.

— И даже пятёрки, — подсказала молчавшая до сих пор Нина Зеленова.

— Ну да! — недоверчиво проговорила Клава. — Это уж не для меня!

— Как — не для тебя? — сказала Зоя. — А для кого же?

— Для отличниц...

Все засмеялись.

— А отличницы, думаешь, — сказала Оля, — так и рождаются отличницами? Никому пятёрки не достаются даром.

Клава невольно подняла голову. Сначала она слушала девочек нехотя, отвернувшись и нетерпеливо передёргивая плечами. Потом она как будто удивилась, что её не бранят, а те-

перь, после того как Настенька Егорова назвала её на совете отряда по-дружески «Клавкой», да ещё сказала, что она способная, уши у Клавы покраснели, и в глазах мелькнуло что-то доверчивое и заинтересованное.

— Да-да, — ещё уверенней подхватила Настя, — ты очень даже способная, только уроков не готовишь. Попросту говоря, ты лентяйка. Вот и всё.

— Ты что думаешь, нам и дела до тебя нет? — горячо поддерживала Настеньку Катя. — Получила двойку и пошла домой, а нам всё равно? Нет, не всё равно! Не ты одна сегодня две двойки получила, мы все получили!

Клава молча слушала. Теперь уже красные пятна выступили у неё и на щеках.

— Ну, я пойду, — сказала она вдруг тихо.

— Нет, ещё минутку подожди! — остановила её Катя. — Мы тебя ещё не отпустили. Ты должна дать слово, что будешь стараться.

— Дай честное пионерское, — предложила маленькая Валя Ёлкина, но тут же спохватилась: — Ах, да! Я и забыла, что Клава — не пионерка.

— Ничего, будет пионеркой, — уверенно сказала Оля. — Обязательно будет!

Клава как будто повеселела.

— А когда? — спросила она.

— Скоро! Значит, даёшь слово?

— Обещаешь? — обрадовалась Катя. — Да, Клава?

И девочки подхватили:

— Скажи твёрдо — обещаешь?

— Обещаю, — шопотом сказала Клава.

— А мы тебе поможем! — закричали девочки разом.

— Нет, не торопитесь, — остановила их Оля. — Мы Клаве, конечно, будем помогать, если ей будет что-нибудь непонятно. Я первая помогу. Но учиться она должна сама. Она может.

Клава опять покраснела, и было видно, что ей как-то неловко, но в то же время и приятно. Должно быть, она не ожидала, что дело так обернётся для неё. Чувствовалось, что ей уже и вправду хочется быть не хуже других.

Наконец Клаву отпустили. И когда за ней закрылась дверь, Катя спросила:

— А может быть, мы всё-таки позовём на совет и Тоню Зайцеву заодно? Ну как — сбегать за ней?

Но Оля предостерегающе подняла руку:

— Нет, девочки. Анна Сергеевна говорит, что тут разговором дела не поправить. Тут надо будет и в самом деле помочь.

— Это правда, — рассудительно сказала Настенька. — За Клаву её папа задачи решает, мама за неё по русскому письменному упражнения делает, а Клава только переписывает. Ей даже лень мозгами пошевелить. Ну, а Тоня — совсем другое дело. Тоня — очень, очень старательная девочка. Только какая-то запуганная. Учит-учит урок, а выучить не может.

Стелла с сомнением покачала головой:

— Если бы старалась, выучила бы.

— Нет, старается, старается! — поддержали Настю девочки. — Мы все на перемене играем во что-нибудь, а она всё учится. Она уже столько раз плакала!

— Плакса, — заметила опять Стелла. — Просто у неё глаза на мокром месте.

— Не плакса, а очень нервная, — заступилась за Тоню Нина Зеленова.

— Конечно, нервная, — подтвердила маленькая Валя Ёлкина и с упрёком посмотрела на Стеллу. — Думаешь, это очень весело плакать? Не так уж весело. У Тони даже все тетрадки заплаканные.

Девочки засмеялись.

— Ну вот что, — сказала Оля решительно. — Надо завтра же пойти к Тоне, когда она учит уроки, и посмотреть, как она их учит. Я думаю, будет хорошо, если пойдёт к ней Лена Ипполитова.

Лена радостно закивала головой, как будто только и ждала этого поручения.

А в это время в одном из классов, свободных сейчас от уроков, тоже шло заседание совета, но только не пионерского, не отрядного, а педагогического, и там тоже говорили о том, как

сделать, чтобы в школе не было отстающих. За партами сидели не школьницы, а взрослые — учителя и учительницы — и обсуждали, какие ошибки делают ученицы в своих письменных работах, почему это бывает и как учить детей, чтобы этих ошибок не было.

Класс был переполнен. Учителя сидели и за партами, кое-как уместившись на узких скамейках, и на стульях вдоль стен, а Надежда Ивановна пристроилась в уголке у окна.

Анна Сергеевна, сидя за партой рядом со старенькой учительницей немецкого языка, то и дело поглядывала на свои часы.

— У меня сейчас совет отряда проходит, — сказала она шопотом старушке-немке, — а я не могу попасть на него!

Старая учительница сочувственно покачала головой.

Анна Сергеевна волновалась.

«Надо было отложить совет отряда, — думала она. — Как там мои девочки всё решат без меня?»

И как только заседание окончилось и все поднялись, Анна Сергеевна поспешно встала и устремила к выходу. Она застала своих девочек ещё в пионерской комнате. Все они были оживлены и о чём-то шумно говорили.

— Ну, мои помощницы, что вы тут решили? — спросила Анна Сергеевна, стараясь угадать по выражению лиц, удачно ли прошёл совет.

Девочки обступили её и принялись наперебой обо всём рассказывать.

Оля стояла тут же, слушая рассказ девочек и поглядывая на Анну Сергеевну.

— Правильно, всё правильно, — сказала учительница, выслушав всех до конца. — Очень хорошо, что вы так всерьёз поговорили с Клавой и что решили помочь Тоне. Но не думайте, что всё сразу придёт в порядок. Так не бывает. Хорошо, если на первых порах Клава и Тоня начнут учиться хотя бы немножко лучше. И это уже будет большое дело.

— Да, да, конечно! — согласились девочки, но в глубине души были немножко огорчены. Им так хотелось думать, что они добились сегодня полной победы.

СВОИМИ СЛОВАМИ

За перегородкой звонко щёлкали счёты и шуршали страницы.

Тоня приглушённо плакала. Лена Ипполитова не знала, что делать.

— У меня всё равно ничего не выйдет, — говорила Тоня шопотом. — Я не могу отвечать без запинки.

— Ну, заплнёшься один разок — не страшно, — утешала её вполголоса Лена.

— Да, не страшно! Заплнёшься один раз, и вот тебе уже и минус.

— Ну, подумаешь — минус, — сказала Лена. — Пять с минусом и у круглых отличников бывает.

— Да разве я один раз заплнусь? Я как начну запинаться, как начну! — Тоня всхлипнула. — И вот тебе уже и тройка. А потом и двойка.

— Ох! — вздохнула Лена. — Ну почему ты всё время споришь? Я ведь не говорю, что надо сразу же научиться отвечать без запинки. Пока старайся учить так, чтобы отвечать хоть и с запинками, да без ошибок.

— А я всё равно не умею учить так, как ты хочешь, — сказала Тоня, растирая ладонью закапанную слезами страницу учебника истории.

— А как ты умеешь? Ну, покажи, как ты учишь.

— Наизусть... — ответила Тоня.

От удивления Лена так тряхнула головой, что у неё упали очки. Она вертела их в руках, глядя на Тоню чуть прищуренными, близорукими глазами:

— Неужели всё — наизусть?!

— А как же ещё учить? — сказала Тоня. — Я иначе ничего не могу запомнить.

— Ну, это совсем не годится! Ты должна читать и потом рассказывать самой себе. Своими словами. Понимаешь?

Тоня покачала головой:

— Я так не умею... Анна Сергеевна тоже всегда говорит: «Рассказывай своими словами». А если у меня своих слов нет?

Лена задумалась.

— Ну, тогда учи, как умеешь, — грустно сказала она. — Значит, ничего не поделаешь.

И, подумав, что надо сбежать посоветоваться с Катей, Лена наскоро оделась и убежала, второпях поправляя очки.

Тонина квартира была в том же самом доме, что и Катина, — только во дворе. Со двора надо было войти через узенькую боковую дверь на площадку Катиной лестницы и подняться наверх.

— Ну что? — спросила Катя, увидя в передней взволнованную Лену со съехавшей на затылок шапочкой. — Как Тоня?

— Ревёт! — запыхавшись, ответила Лена. — И говорит, что своих слов нет.

Катя серьёзно посмотрела на подругу:

— Не может этого быть! У каждого человека есть хоть какие-нибудь свои слова. Ведь разговаривала же она с тобой!

— Разговаривала...

Обе девочки помолчали.

— Что ж теперь делать? — спросила Лена. — Не могу я сидеть и слушать, как она зубрит наизусть!

— Ладно... — сказала Катя. — Давай теперь я попробую помочь ей. Уроки я уже все сделала.

Лена обрадовалась:

— Ой, пожалуйста, Снегирёк! А то у меня ничего не выходит. Только знаешь, у Тони отец какой сердитый!

Катя немножко подумала.

— Ну, ничего! — сказала она. — Я не боюсь.

Схватив бабушкин большой платок и набросив его себе на голову, Катя побежала вниз по лестнице. Внизу она протиснулась с Леной, не оглядываясь пересекла знакомый двор и сразу, чтоб не раздумать, громко постучалась в ту дверь, за которой жила Тоня.

Открыл Кате, как нарочно, Тонин «сердитый» отец.

— Тоня занимается, — сказал он хмуро.

И Катя поняла — он недоволен, что к Тоне ходят девочки: наверно, думает, что они мешают ей готовить уроки.

— А я как раз и хотела ей помочь, — сказала Катя.

— Помочь? — насмешливо повторил он. — Двойки хватать она и сама мастерица.

Он круто повернулся, сел за стол, на котором лежала раскрытая конторская книга, и принялся щёлкать на счётах.

Катя растерялась. Она уж и сама не знала, уйти ей или остаться. Но в эту минуту в дверях кухни появилась Тонина мама. У Кати стало полегче на душе.

— Можно мне к Тоне? — спросила она. — Я хочу немножко помочь ей.

Тонина мама, маленькая, тихая женщина, сказала шопотом:

— Помогальщиков-то много, а вот толку мало... Только что одна ваша девочка приходила к ней — худенькая такая, в очках. Тоже помочь хотела.

И, помолчав, она спросила:

— А ты, наверно, домой одни пятёрки приносишь?

Катя смутилась:

— Нет, не одни пятёрки. Иногда и четвёрки.

Тонина мама посмотрела на Катю и вздохнула:

— Счастливые же бывают родители!

И она повела Катю в соседнюю маленькую комнатку, где у окошка за столиком сидела над учебником истории красная, заплаканная Тоня. Она подняла на Катю глаза, полные слёз.

— Ну чего ты? — спросила Катя. — Покажи, что тебе трудно.

— Всё! — сказала Тоня, низко наклонив голову.

Мать снова вздохнула:

— Вот этак и сидит до поздней ночи... Тяжело стало теперь учиться. Уж так требуют у вас в школе, так требуют — прямо невозможно! Ещё спасибо, что подружки такие добрые, помочь хотят. Вот ты и постарайся, Тонечка, с подругой вместе урок потвёрже выучить. Назубок.

Тонина мать вышла из комнаты, и девочки остались одни.

— Покажи-ка мне, как ты учишь уроки, — предложила Катя.

— Как учу? — ответила Тоня. — Обыкновенно... Раньше по три раза каждую строчку учила, а мама говорит: «Мало. Раз не запоминается, — значит, надо по пять раз». Вот я теперь и учу по пять.

— Так это же страшно трудно! — ужаснулась Катя.

— А ты что думала — легко? У меня даже голова трещит.

— Ещё бы! А ты попробуй так — раза два прочти и после этого себе расскажи. И легче будет, и лучше запомнишь. Уж я тебе говорю! Ну, о чём ты сейчас читала? Рассказывай!

— Я рассказывать не умею! — решительно проговорила Тоня. — Я лучше наизусть скажу. Только мне надо ещё подучить.

И, немножко покачиваясь на стуле, Тоня стала читать вполголоса:

— «Наполеона сослали на далёкий остров в Атлантическом океане. Наполеона сослали на далёкий остров в Атлантическом океане...»

— Подожди, — остановила её Катя, когда Тоня в четвёртый раз начала читать ту же самую фразу: «Наполеона сослали...» — Читай дальше. Вот до сих пор.

Тоня прочла до того места, которое ей указала Катя.

— А теперь расскажи.

Тоня растерянно заморгала и начала:

— Наполеона... Наполеона сослали в далёкий Анталтический... нет, Атналтический океан.

Катя не удержалась и прыснула.

— Если ты смеёшься, — с обидой сказала Тоня, — так я больше не буду рассказывать.

— Прости, Тонечка, я не смеюсь, — сказала Катя. — Но всё-таки не в океан же сослали Наполеона, а на остров! И океан называется «Ат-лан-тический».

— Это я и сама знаю! — перебила Катю Тоня. — Только он ужасно трудно выговаривается.

— Не в этом дело, — сказала Катя. — Ты, видно, совсем заучилась. Ну, на чём вы с Леной остановились? На далёком острове?

— Нет, мы с Леной до острова не дошли, это я сама начала учить дальше. Остановились мы с ней вот где.

И Тоня устала измазанный чернилами палец на самую последнюю строчку страницы, где говорилось: «Французы заняли Москву. В городе начались...»

Катя потянула к себе книжку.

— Что ты делаешь! — вскрикнула Тоня. — Я же потеряю это место!

— Ничего, найдём, — сказала Катя и, перевернув страницу, прочла вслух:

«Французы заняли Москву. В городе начались большие пожары. Сгорело много домов». Это же про Отечественную войну 1812 года. Да ведь это же всё очень интересно! Хочешь, я тебе расскажу про пожар Москвы своими словами? Слушай.

Катя чуть откинула голову, как это делал её папа, приступая к рассказу, и начала:

— В Москве начались пожары...

— Большие пожары, — поправила Катю Тоня, внимательно глядя в книгу. — И не в Москве, а в городе.

— А Москва — не город? — рассердилась Катя. — Ну, не перебивай.

И она продолжала:

— Пламя так и пылало. Даже небо было красное от огня. Валили чёрные клубы дыма...

— Ой, не так! — опять перебила Катю Тоня, всё ещё не отрываясь от книжки. — Здесь нигде нет этих слов — ни про огонь, ни про дым. Здесь только сказано: «В городе начались большие пожары. Сгорело много домов».

— Да, — сказала Катя. — Здесь этих слов нет.

— А где же они? Где ты их вычитала?

— Да нигде я их не вычитала, — сказала Катя. — Просто я так себе всё это представляю.

Тоня недоверчиво пожала плечами:

— А откуда же ты знаешь, что так всё и было? Тут нигде не сказано, что валили клубы дыма и что пылало пламя. Тут сказано только: «...начались большие пожары. Сгорело много домов».

— Ну вот-вот! — подхватила Катя, вскакивая со стула. — Значит, так и было! Ты думаешь, это так просто — сгореть? Стоял себе дом, стоял, и вдруг его не стало? Это только говорится так коротко: «сгорело много домов». А мы же можем себе представить... ну, вообразить, какой это был страшный пожар, если сгорело так много домов! Ты тоже побольше воображай.

Тоня недоверчиво мотнула головой:

— Ты говоришь: «воображай», а вот мама говорит: «не воображай»...

Катя озадаченно посмотрела на Тоню:

— Да ведь это всё разное. Одно дело много воображать о себе... Вот, мол, я какая — хорошая, умная, какая-нибудь особенная. А воображать то, чего сама не видела, — это совсем другое. Ну вот, например, представь себе. Ведь в старину в Москве было очень много деревянных домов. Подумай: если уж сказано «большой пожар», значит, валили даже не клубы дыма, а, наверно, целые тучи! Да что тучи — наверно, целые столбы из огня и дыма! И какой треск стоял, искры так и летели!

Оторвавшись от книги, Тоня смотрела на Катю удивлённо и даже с каким-то любопытством.

— А я думала, — проговорила Тоня, когда Катя опять села, — где ты всё это взяла? Только я так не умею — читать одно, а рассказывать совсем другое.

— Да ты пойми, Тоня! — Катя даже руку приложила к груди. — Я рассказываю не другое, а то же самое, но только по-своему, своими словами.

И, помолчав, Катя спросила:

— Скажи, Тоня, а ты разве не помнишь, что Анна Сергеевна рассказывала на уроке?

Тоня вздохнула:

— У меня память плохая.

— Ну, нет! — сказала Катя. — Не такая уж плохая.

Девочки задумались.

— Тоня, — начала опять Катя, — а ты больше никаких книжек не читаешь?

— Как это — никаких? — удивилась Тоня. — Вон их сколько! Кроме истории, география, задачник... «Неживая природа»...

И Тоня показала на этажерку.

— Нет, постой, я не про учебники спрашиваю, а про другие книжки.

— Так другие же книжки — по другим предметам! Конечно, всё учу — и грамматику, и английский...

Катя хлопнула себя по колену:

— Ну как ты не хочешь понять! Я совсем не об этом. Разве

ты ничего не читаешь так просто — не по предметам? Ну там рассказы, стихи?..

Тоня молчала.

— Ты же записана в библиотеке?

— Записана, — сказала Тоня. — Только мне некогда читать то, что не задано. Я и так каждый день до одиннадцати часов всё учу-учу... Даже погулять не успеваю.

— А ты что, Тоня, совсем-совсем нигде не бываешь?

— Только в кино, и то очень редко. Папа говорит: «Пока четвёрку не принесёшь, никуда не пушу». Я и по воскресеньям уроки учу...

Катя сочувственно покачала головой:

— Но всё-таки ты же ходишь иногда в Детский театр?

— Так это когда всем классом...

— Ну, мы всем классом как-нибудь и в кино пойдём, — сказала Катя.

— Вот было бы хорошо! — сразу оживилась Тоня. — Знаешь, в прошлом году я «Чапаева» смотрела. В кино, где старые картины показывают. Я до сих пор всё помню.

— С прошлого года? — удивилась Катя. — А ты говоришь, у тебя память плохая.

— Ну, это уж очень интересно было... Как же можно забыть? А ты, Катя, «Чапаева» видела?

— Нет, не видела, — нарочно сказала Катя. — А там про что?

— Про всё! — с жаром сказала Тоня. — Про войну, про наших, как они с белыми воевали, понимаешь? Вот один раз чапаевцы вернулись с боя и спать легли. Ну, конечно, устали все очень, уснули крепко... И Чапаев и Петька — это у него ординарец был такой, Петькой звали, и все... Вдруг со всех сторон белые как ударят!.. Напали на чапаевцев. Чапаев стал из пулемёта стрелять, Петька — тоже! Но белых было много-много, гораздо больше, чем наших. Пришлось Чапаеву отступать к реке. А Урал-река — большая-пребольшая, широкая-преширокая! Плывёт Чапаев, изо всех сил руками гребёт. Ещё бы немножко — и доплыл бы до другого берега, да, понимаешь, тут пуля его настигла. Утонул... Я даже глаза закрыла — так мне его жалко стало. Ну, прямо, знаешь, заревела!

— Ещё бы! — сказала Катя и, помолчав, добавила: — А знаешь, Тоня, ты же здорово умеешь рассказывать! Вот так рассказывай и по истории. И по всем предметам. Смогла же ты рассказать, что в кино видала! И другое всё сможешь. Тоня вздохнула:

— Нет, другое — это другое дело. Чапаева я люблю и Петьку люблю. А белых и всяких фашистов ненавижу!

— И я тоже! — подхватила Катя. — А всё-таки это очень странно: почему про Чапаева ты можешь рассказать, а про то, что в истории, не можешь?

— Очень просто, — сказала Тоня. — Там же я знаю, за кого болеть. И мне интересно, что дальше будет.

— Вот-вот! — подхватила Катя. — А ты и тут за кого-нибудь болей. Тебе что, всё равно, когда враги в лесу убивают Сусанина? Или когда Наполеон со своими войсками на русских нападает?

— Нет, не всё равно, — подумав, сказала Тоня и добавила твёрдо: — Конечно, не всё равно!

— А раз не всё равно, значит, ты и болей! Когда читаешь, думай: «А что дальше будет?»

Тоня горько усмехнулась:

— Я и так думаю, что дальше будет — неужели двойка?

— Да я не про отметки! — Катя замотала головой. — Об отметках ты старайся совсем не думать, когда урок учишь или в классе отвечаешь. Это мне моя сестра Таня так посоветовала. И знаешь, помогает!

Тоня уже не спорила. Она слушала Катю всё внимательнее, и Катя видела, что Тоня понемножку начинает с ней соглашаться.

На другой день Катя рассказала про свой разговор с Тоней Оле, а Оля — Анне Сергеевне.

— Молодец, Катя! — сказала Анна Сергеевна. — Из тебя настоящая учительница выйдет.

— Нет, у нас Таня будет учительница, — ответила Катя, — а я лучше хочу быть художницей, как мама, или геологом, как папа.

Анна Сергеевна засмеялась.

— Ну хорошо, — сказала она. — Будь кем хочешь, но, впрочем, и геологу и художнику приходится частенько учить других. А пока я вот что скажу, девочки: если вы хотите помочь своим подругам, помните, что с одного раза ничто не делается. Следить за ними надо всё время, а то все ваши старания пропадут напрасно.

Но старания девочек даром не пропали. Выходя к доске, Клава Киселёва чувствовала на себе встревоженные и внимательные взгляды подруг. Они переглядывались, беззвучно повторяли её слова и то и дело посматривали на Анну Сергеевну.

Клава уже не могла больше равнодушно относиться к урокам и спокойно получать двойки. Она взялась за работу и ответила наконец твёрдо и бойко.

На перемене Катя и Настя сразу же после звонка подбежали к Анне Сергеевне:

— Анна Сергеевна, а правда Клава ответила отлично?

— Ну, не так уж отлично, — сказала, улыбаясь, Анна Сергеевна, — но, конечно, гораздо лучше, чем всегда.

Катя и Настя, обгоняя друг друга, побежали в коридор искать Клаву.

— Клава! — крикнула Катя, подбежав к ней. — Анна Сергеевна тебя хвалит! Говорит, что ты хорошо отвечала, гораздо лучше, чем прежде!

А Настя, подойдя поближе, сказала:

— Я говорила, что ты можешь быть хорошей ученицей. Помнишь, я говорила?

Клава ничего не ответила, но уши у неё покраснели, и она прикусила губу, чтобы не улыбнуться...

С Тоней дело оказалось потруднее. Ей пужно было отвыкнуть от зубрёжки и научиться думать, соображать и воображать. А это не так-то просто. Но всё-таки дело стало понемногу налаживаться и тут. Тоня уже не так пугалась, когда её вызывали, и не старалась отвечать всё наизусть по книге — строчка в строчку, буква в букву. Откуда-то стали появляться у неё и свои слова. Анна Сергеевна всё чаще хвалила Тоню. И странное дело: чем больше она её хвалила, тем мрачнее становилась

Клава Киселёва. Она то краснела, то бледнела и, отворачиваясь к окну, покусывала губы.

— Ты заметила, что с Клавкой делается? — спросила как-то раз Катю умевшая всё замечать Настя Егорова. — Она просто лопаётся от досады, когда Анна Сергеевна хвалит Тоню. И вот ты посмотри: завтра и она ответит урок не хуже Тони, а может, и лучше. Я даже думаю, нельзя ли попросить Анну Сергеевну как-нибудь и Клавку похвалить.

Катя с сомнением покачала головой.

— Ну, это неловко, — сказала она. — И потом, может быть, Анна Сергеевна нарочно так часто похваливает Тоню, чтобы Клавку раззадорить. С неё станется.

— Учителя вообще очень хитрые, — вмешалась Ира Ладыгина. — Я это ещё в первом классе заметила.

Так или иначе, а дела у Тони и Клавы понемножку стали налаживаться. Катя радовалась за них, гордилась каждой их удачей. Но вдруг у неё самой случилась совсем неожиданная неприятность.

СЁСТРЫ

— Я тебя не узнаю, Снегирёва, — говорила Анна Сергеевна, с недоумением глядя на Катю, стоящую у доски.

Весь класс тоже смотрел на Катю, не понимая, что с ней такое.

— Ну, как же можно определить движение холодного и тёплого воздуха в комнате? — продолжала Анна Сергеевна.

Катя, вся красная, перебирала пальцами подол передника.

— Какой для этого нужно сделать опыт?

Катя вздохнула.

— Кажется, что-то... со свечой... — проговорила она неуверенно.

— Что же надо сделать со свечой?

— Зажечь её...

— А потом?

Катя опустила голову.

— А потом посмотреть... Если свеча погаснет, значит, её задул ветер.

Кто-то в классе засмеялся. Катя даже зажмурилась от стыда. Не оглядываясь на класс, она чувствовала, что это засмеялась Ладыгина. Катя сама понимала, что говорит чепуху, а тут ещё этот смех! До сих пор не было такого случая, чтобы в классе смеялись над её ответом.

— Ипполитова, — обратилась Анна Сергеевна к Лене, — объясни Снегирёвой, что нужно сделать со свечой. Какой опыт? Лена встала.

— Надо открыть дверь, — как-то смущённо начала она, глядя не на Катю, а на Анну Сергеевну, — из тёплой комнаты в сени или в коридор. Потом надо зажечь свечу и поставить её около двери. На порог. Пламя будет отклоняться в сторону комнаты. Это потому, что тяжёлый, холодный воздух идёт из коридора в комнату низом. А если стать на стул и поднять свечу к потолку, то мы заметим, что пламя будет отклоняться в сторону коридора. Это потому, что тёплый, лёгкий воздух идёт вёрхом.

— Правильно, Ипполитова, — сказала Анна Сергеевна, — садись. Ты отлично объяснила.

И учительница опять посмотрела на Катю:

— Ну, а что такое ветер? Можешь нам объяснить?

Но Катя не могла сказать толком и о том, что такое ветер.

Анна Сергеевна рассердилась:

— А ведь я обо всём этом говорила на прошлом уроке! И даже спрашивала в конце урока. И на сегодня задала. Ты что, Снегирёва, ничего не слышала?

Катя опустила голову. Она, и вправду, не слышала ровно ничего. Как же это случилось? А вот как. Несколько дней тому назад Оля предупредила Катю о том, что на сборе дружины Катя должна будет выступать от имени всех четвёртых классов — и своего и всех параллельных. Ей надо будет рассказать о пионерских делах этих отрядов: о том, как отряд 4-го «А» собрал книги для детского дома, как отряд 4-го «Б» собрал металлический лом, как отряд 4-го «В» помогает семьям инвалидов Отечественной войны...

Стало быть, Кате придётся выступать. Она уже заранее представила себе, как поднимется на сцену и будет говорить про пионерскую работу и про то, как эта работа помогла и в

дружбе и в учении. Вот, например, у Клавы Киселёвой были двойки, а теперь у неё две четвёрки.

И вот, воображая себе всё это, Катя на прошлом уроке вместо того, чтобы слушать, подсчитывала в уме, сколько в прежней четверти было в классе двоек и троек, и сколько стало вместо них четвёрок и пятёрок. Она уже начала было мечтать о том счастливом времени, когда и четвёрок в классе не станет, а будут одни только пятёрки, как в это время урок кончился. И тут только Катя спохватилась: а ведь она не слышала ни одного слова из объяснений Анны Сергеевны! «Ну, ничего, — решила Катя, — дома выучу как следует». Но дома она забыла проверить в дневнике расписание уроков. Почему-то она была совершенно уверена, что сегодня на третьем уроке будет чтение. И вдруг оказывается — как раз естествознание, «Неживая природа», и вдобавок Анна Сергеевна не стала объяснять новый урок, а начала сразу спрашивать. Услышав свою фамилию, Катя от неожиданности даже не поняла, что это относится к ней. И только когда кругом зашептали: «Снегирёва, иди — тебя!», — она как-то неловко вышла из-за парты и медленно пошла к доске.

«А что задано? — мучительно старалась она вспомнить. — Ой, кажется, что-то про воздух и ветер...»

Анна Сергеевна смотрела сейчас на Катю, и лицо у неё делалось всё более озабоченным.

— Как всё это понять, Снегирёва? — сказала она. — Я тебя просто не узнаю... Ты, что, нездорова?

Катя покачала головой и еле слышно произнесла:

— Здорова...

— Что же случилось? Нечего сказать, хороший пример подаёшь ты своему отряду!

Катя ещё ниже опустила голову. Она стояла перед учительским столом, покусывая губы и перебирая край передника. Ну совсем как Тоня или Клава... Анна Сергеевна решительно обмакнула перо. Катя исподлобья следила за рукой учительницы... Еле заметное движение пера — и вот случилось то, чего ни сама Катя и ни одна из девочек в классе никак не могли ожидать. В журнале, в первый раз за всю Катину школьную жизнь, против фамилии «Снегирёва» появилась двойка. С виду обык-

новенная, безобидная цифра «два», а на самом деле настоящая, страшная двойка! У Кати потемнело в глазах...

— Дай твой дневник, Снегирёва, — донёсся до неё, словно издали, голос Анны Сергеевны.

Тут только Катя вспомнила, что оставила дневник в парте. Ничего не видя вокруг себя, она пошла за дневником... Неживая природа! Ветер! Воздух! Кажется, ничего нет легче, и вдруг из-за них Катя получила первую в жизни двойку. Из-за этой противной неживой природы!

Сама как неживая, Катя пошла на место.

Аня посмотрела на неё большими, испуганными глазами и сейчас же отвернулась — она почувствовала, что Кате ещё тяжелее, когда на неё смотрят и жалеют её. Наташа легонько погладила Катю по руке, но Катя отдёрнула руку — ей не хотелось, чтобы её трогали, чтобы обращали на неё внимание.

Сейчас отвечала Клавя Киселёва, и очень неплохо, даже бойко, — та самая Клавя, на которую все хорошие ученицы в классе обыкновенно смотрели немножко свысока, с высоты своих пятёрок и четвёрок. А теперь Катя слушала и удивлялась. Клавю не приходилось тянуть за язык и задавать ей наводящие вопросы. Она объяснила, что такое ветер, и даже сказала, что бывают ветряные двигатели, которые могут не только молоть зерно, но и подавать вверх воду из колодца и приводить в движение машины. Анна Сергеевна слушала её внимательно, и все девочки тоже. Да, Клавя отвечала хорошо.

А Катя? Какой ужас — получить двойку, да ещё в такие дни, почти накануне сбора дружины! Вот тебе и обязательство — учиться только на пятёрки!

«Ничего у меня толком никогда не выходит! — думала она с досадой. — Исписала столько бумаги этими «буду — не буду», а сама?..»

Подавленная такими грустными мыслями, Катя медленно шла домой из школы. Сумка опять показалась ей, как и в тот день, когда она обидела Анну Сергеевну, очень тяжёлой.

Нет, если бы вчера кто-нибудь сказал ей, что сегодня с ней случится такая беда, она бы, кажется, просто не поверила. Вчера она возвращалась из школы не одна, а, как всегда, с Аней и Наташей. Говорили о том, что на дружинном сборе То-

ню и Клаву будут принимать в пионеры, что придёт много гостей и все будут поздравлять отряд с успехами. Подумать только, такой вчера был хороший, счастливый день! А сегодня? Сегодня нет на свете девочки несчастнее её, Кати...

Катя дошла до дверей своего дома и остановилась. Что она скажет, если её спросят, почему она такая грустная? Как неприятно, что надо всем рассказывать! Может быть, придётся даже каждому в отдельности выкладывать всё с начала до конца — маме, бабушке, папе, Тане... И Миша, наверно, прибежит и будет слушать.

Ну, а если пока ничего не рассказывать и в понедельник попросить Анну Сергеевну вызвать её ещё раз? Но ведь до понедельника так долго ждать! Как провести сегодняшний ужасный вечер? А завтра-то, завтра? Ещё весь день мучиться! И в понедельник тоже будет не легче. Как подойти к Анне Сергеевне? Надо было сегодня, сразу же ей всё объяснить. А теперь? Теперь поздно. В школе Анны Сергеевны уже, наверно, нет. Да и сама школа кажется сейчас почему-то далёкой и даже чужой.

Катя так тихо позвонила, что на этот раз, против обыкновения, никто не услышал её звонка и ей пришлось позвонить ещё раз.

— Катюша, это ты? — удивлённым голосом спросила из другой комнаты мама.

В своём синем рабочем халате Ирина Павловна сидела, склонившись над чертёжной доской, и, внимательно присматриваясь, выводила тоненькой кисточкой какие-то узоры по мелко разлинованному листу бумаги. Она была поглощена работой и даже не заметила печального лица своей дочки.

— Иди переоденься, вымой руки, — напомнила мама, не отрываясь от работы. — Бабушка тебя накормит. А я очень тороплюсь. Сейчас кончаю и еду на фабрику.

Катя молча пошла в ванную комнату, но не стала мыть руки, а, не зажигая огня, села на низенький деревянный диванчик, оставшийся ещё с Таниного детства.

«Буду сидеть здесь до самого вечера, — решила Катя, — а потом сразу лягу спать».

Но сидеть в ванной комнате до вечера ей не пришлось. Дверь отворилась, и в ванную вошла бабушка.

— Что ты тут делаешь в потёмках? — спросила она и повернула выключатель. Под самым потолком тускло зажглась маленькая лампочка.

Бабушка пощупала Катин лоб.

— Жар? Жара как будто нет, — сказала она. — Поссорилась с кем-нибудь?

Катя молча покачала головой.

— Учебник потеряла?

— Нет, — тихонько ответила Катя.

— Тройку схватила?

Катя помолчала.

— Двойку?!

Катя, ни слова не говоря, медленно кивнула головой.

Бабушка только охнула и посмотрела на внучку так, словно не знала, что лучше — бранить её или утешать.

— Уж слишком ты, Катерина, мало за уроками сидишь, — сказала бабушка, решив, видно, что утешать в таких случаях не полагается. — Всё тебя куда-то несёт. Только оглянешься, а тебя уж и нет. Ну чего ты к этой Зайцевой бегала?

— Мне надо было её научить уроки делать.

— Её научить? — Бабушка усмехнулась. — Лучше бы, моя милая, сама поучилась, чем всё других учить. — Бабушка опять повернула выключатель. — Ну, нечего тебе в потёмках сидеть. Бывает горе и побольше. Иди обедать! Слышишь?

Но Катя будто и не слыхала. Бабушка ушла, и Катя осталась опять одна. Куда она пойдёт? Ведь там, в комнате, Миша. Он, наверно, узнал про её двойку и будет как-то удивлённо смотреть на Катю, а может быть, даже попросту дразнить её: «Ага, у тебя двойка, а у меня пятёрка!»

Мише и на самом деле всё как-то везёт на пятёрки.

Ну, да это потому, что ему и учить-то особенно нечего. Подумаешь, первый класс!

Чтобы Миша не пришёл в ванную мыть руки, Катя встала и щёлкнула задвижкой. Но тут в дверь постучали.

— Открой, Катюшка! — послышался властный Танин голос. — Слышишь?

Катя открыла.

— Ты что здесь делаешь? Иди в комнату.

Катя вздохнула и пошла.

— Ну, в чём дело? Рассказывай, — начала Таня, садясь с ней рядом на диван.

— Двойка... По естествознанию, — еле слышно ответила Катя.

— Это я уже знаю. Как это случилось?

Катя рассказала. Просто она забыла, что сегодня суббота, а по субботам и средам бывает «Неживая природа». К тому же в прошлый раз, когда Анна Сергеевна говорила про воздух и ветер, она, Катя, как-то не слышала...

— И неудивительно, — прервала её Таня, — если у тебя самой в голове ветер.

Катя уткнулась в спинку дивана.

— Ну ладно, — сказала Таня спокойно, но твёрдо. — Горевать нечего. Я подумаю, что делать. — И Таня вскочила. — Сейчас мне надо ненадолго уйти. А когда вернусь, мы с тобой позаймёмся вместе.

Таня торопливо оделась, и входная дверь хлопнула.

«Ну вот, — с горечью подумала Катя, — никогда как следует не поговорит. Всё ей некогда...»

Медленно потекли минуты после Таниного ухода. Обычно время так и летело у Кати — не только минуты, но и часы, — а сейчас она решительно не знала, чем заняться. Делать уроки? Но завтра воскресенье, и можно бы отдохнуть, почитать, погулять... Однако на этот раз Кате не хотелось ни читать, ни гулять, ни отдыхать. Невозможно было даже думать о чём-нибудь другом, кроме этой несчастной двойки, которая торчала в мыслях, как заноза.

К счастью, Миша не заговаривал с Катей. Должно быть, бабушка или Таня предупредили его, чтоб он не трогал сестру. А может быть, он и сам догадался. Всё-таки хороший он, Миш-ка... Хоть и маленький, а понимает...

Тарелка супа стыла перед Катей. Опустив руки на колени, Катя растерянно смотрела в темнеющее окно. Есть она совсем не могла.

И вдруг послышался звонок. Катя вскочила с места и побежала открывать. Это была Таня.

— Ну вот, — сказала она, стягивая с ног высокие боты. — Всё в порядке. Иди-ка сюда.

И, сев у обеденного стола, она отодвинула подальше тарелку с хлебом и солонку.

— А теперь тащи сюда свою «Неживую природу» и покажи, что вы прошли за последнюю четверть.

Катя покорно раскрыла перед ней учебник.

— Вот, — сказала она шопотом, — отсюда и досюда.

— Так. — Таня, прищурившись, перелистала страницы. — Порядочно. Ну вот что, Катюшка. Это всё надо будет повторить к среде. Основательно повторить.

Катя так и ахнула:

— Всё повторить? Почти за целую четверть? Я не успею. Ведь есть же и другие уроки.

— Надо успеть. В среду тебя спросят.

— Откуда ты знаешь?

— Анна Сергеевна сказала.

— Кому?

— Мне, конечно.

— Тебе? Когда?

— Да вот только что.

— Ой, правда? Значит, ты была в школе? Танечка!.. Милая!.. А разве Анна Сергеевна ещё там?

— Да, она как раз оказалась ещё в школе.

Катя испугалась и обрадовалась:

— Наверно, она меня бранила-бранила? Да, Танечка? Скажи правду!

Таня подумала немножко:

— Нет, я бы этого не сказала... Даже хвалила.

Катя печально усмехнулась:

— Ну да! Ты ещё смеёшься?

— Нет, я серьёзно. Понимаешь, Катя, Анна Сергеевна говорит о тебе много хорошего. Считает тебя очень способной, многого от тебя ждёт. Но...

Катя насторожилась. Она так и знала, что сейчас будет это «но».

— Но ты невозможно рассеянна, невнимательна, и Анна Сергеевна сегодня просто очень рассердилась на тебя. Другой

ученице она, может быть, и не поставила бы сразу двойку в журнал, а ещё раз спросила бы, но ты — другое дело.

— Почему же «другое»? — удивилась Катя, жадно ловя каждое Танино слово.

— Потому что ты без особого труда можешь учиться отлично. Но тебе не хватает внимания и усидчивости.

— Да, — грустно согласилась Катя. — Это правда — не хватает. Ох, Танечка, если бы ты только знала, как мне совестно, как неприятно! Ведь скоро конец четверти, а тут ещё — торжественный сбор дружины!

— Да, всё это досадно вышло, — сказала Таня. — Ну, ничего. Прежде всего, Катюша, никогда не надо падать духом. Ещё всё можно поправить.

— А как ты думаешь, Анна Сергеевна непременно вызовет? — тревожно спросила Катя.

— Она обещала. Но видишь ли, Катюша, это уже будет не простой ответ, а вроде экзамена.

— Ой! — Катя взялась обеими руками за щёки. — Вроде экзамена? А вдруг я провалюсь?

— Никаких «вдруг»! — оборвала её Таня. — Здесь сколько страниц — сорок две? А ты могла бы пройти и восемьдесят четыре... Ну скажи, что тебе непонятно?

Катя слегка пожала плечами.

— Да мне не то что непонятно, — ответила она. — Просто я не выучила.

— Так надо выучить, — спокойно сказала Таня. — Давай вместе прочтём сегодняшний урок. А потом я тебя спрошу. И вообще все эти три дня я тебя буду спрашивать по естествознанию. Завтра — воскресенье, и можно очень много успеть, а в понедельник и во вторник прибавим ещё понемногу. В общем, я буду эти дни с тобой заниматься.

— А ты из-за меня не получишь у своего профессора двойку? — с беспокойством спросила Катя.

— Ничего, надеюсь, не получу. — Таня улыбнулась как-то по-взрослому — ласково и чуточку насмешливо — и отметила карандашом, сколько должна Катя повторить в воскресенье, сколько в понедельник и сколько во вторник.

...Когда урок кончился, Таня деловито сказала:

— И вот ещё что я тебе скажу, Катя. Тебе надо перестроить день. Во-время отдыхать, гулять... — Она, прищурясь, посмотрела на синий абажур лампы. — Когда получу стипендию, куплю тебе коньки.

— Коньки? Ты? Мне?..

Катя даже привстала от радости и удивления. Всё в комнате сразу переменялось. Стало как-то светлее, веселее, и уж не так страшно показалось, что завтра, в воскресенье, надо повторять пройденное за всю четверть.

— Научу тебя на коньках бегать, — продолжала Таня, испытывая удовольствие уже оттого, что Катя всё больше веселела. — Будем с тобой по воскресеньям ходить в Парк культуры и отдыха на каток.

— Ой, Танечка!

Катя с нежностью смотрела на старшую сестру.

— И ещё надо делать по утрам зарядку, — сказала Таня.

Катя слегка поморщилась. Это ей показалось не таким весёлым занятием, как беганье на коньках, и к тому же она вспомнила об одном из своих не выполненных до сих пор обязательств.

— А только как всё успевать? — спросила она. — Мне же надо и учиться, и в отряде работать, и на хоровой кружок ходить.

— Надо успевать, — ответила Таня спокойно.

— А ты успеваешь?

— Стараюсь. У меня ведь тоже и занятия в институте, и комсомольская работа, и спортивный кружок. Ну, иди гулять.

— Как — гулять?

Ещё за пять минут до этого разговора Кате и в голову не могло бы прийти, что в этот ужасный вечер она как ни в чём не бывало отправится гулять, будет бегать по бульвару с Мишей и катать его на санках под снежинками, которые так весело поблёскивают в лучах фонарей.

И всё это — Танечка. Это она всё поправила, такая решительная, быстрая и спокойная. И Катя почувствовала, что она благодарна не только Тане, но всем, всем домашним, даже Мише. Ведь всегда по субботам он всем и каждому показывал

свой дневник, а вот сегодня не показал. Значит, понял, что Катя это напомнило бы об её испорченном дневнике.

— Мишук! — ласково позвала Катя. — Мишенька! Идём гулять.

Миша сразу же побежал одеваться.

— А мы далеко с тобой пойдём? — спросил он, натягивая тёплые рейтузы.

— На бульвар.

— И санки возьмём?

— И санки возьмём.

И скоро по ступенькам лестницы загромыхали полозья сани, и сестра с братом, в шубках и валенках, дружно зашагали вниз.

ДВЕ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Анна Сергеевна исполнила своё обещание — на следующем же уроке естествознания она вызвала Катю ещё раз.

Волновалась Катя перед уроком так, как ещё никогда. Повторить всё за целую четверть оказалось не так-то легко. Надо было каждый день проходить больше чем по десяти страниц учебника, и это — кроме того, что было задано к следующему дню по всем другим предметам.

Вдобавок Катя уже не доверяла самой себе. Прежде она бывало прочтёт урок раз-другой про себя и расскажет его вполголоса, закрыв глаза или глядя в окно. При этом она время от времени заглядывала в книжку, чтобы не пропустить чего-нибудь важного. И этого было довольно.

Но теперь Кате казалось, что таким простым, обычным способом к ответу не подготовишься. После двойки не так-то легко получить пятёрку или даже четвёрку. Катя без конца перечитывала и отдельные параграфы и всё вместе и повторяла прочитанное уже не вполголоса, а во весь голос, деловито расхаживая по комнате. К тому же Таня, проверяя её, спрашивала очень строго. Стоило Кате разок запнуться, как Таня говорила: «Вот видишь, ты ещё не готова».

Но когда наконец настала эта долгожданная, ответственная минута, Анна Сергеевна не стала мучить Катю. Она спрашива-

ла не так строго и придирчиво, как Таня, хотя довольно долго и подробно. Катя изо всех сил старалась отвечать как можно лучше. И всё-таки один раз слегка запнулась. «Ну, будет четвёрка», — подумала она и очень удивилась, что Анна Сергеевна не обратила на эту запинку никакого внимания. Она серьёзно посмотрела на Катю и сказала:

— Хорошо поработала. Очень хорошо! Пять.

Кате сразу стало как-то особенно легко. Даже немного странно показалось, что на завтра надо учить так мало. «Ну, тем лучше, — подумала она, выходя из школы. — Буду готовиться к сбору — рисовать пригласительные билеты...»

И вот наступил вечер. Сделав уроки, Катя раскрыла коробку с новыми красками и принялась за работу.

Эта работа была для Кати самым приятным делом. Разводя краски в эмалированной чашечке, Катя опять перенеслась мысленно в школу. Ей ясно представился сегодняшний урок естествознания, внимательный взгляд Анны Сергеевны поверх очков и её слова: «Хорошо поработала. Очень хорошо! Пять».

Катя невольно улыбнулась. Эта пятёрка, которая досталась ей с таким трудом, была не просто отличной отметкой, а чем-то гораздо более значительным.

Ей даже казалось, что за эти три дня, когда она, по доброй воле, без прогулки и отдыха, сидела за книгой, она подросла больше, чем за три месяца. Теперь ей было понятно, как занимаются взрослые, — Таня, например. Они не просто учат отсюда и досюда, а как будто разбирают и раскладывают по разным полочкам полученные сведения. То, что поважнее — поближе, что не так уж важно — подальше. Но ведь сначала надо сообщить, что важно, а что не важно. И это, пожалуй, труднее всего.

А всё-таки хорошо, что всё это уже позади, и что с сегодняшнего дня у неё опять будет много свободного времени. Так приятно сидеть в тишине, никуда не торопясь, и, осторожно макая тонкую кисточку то в густой бархатистый кармин, то в берлинскую лазурь, то в весёлую киноварь, смотреть, как расцветает у тебя под рукой кусочек белого картона. Вот эта заглавная буква очень хорошо получилась! Надо будет такую же сделать для какого-нибудь названия в стенной газете.

И вдруг Катя вспомнила: как раз сегодня их редколлегия готовит очередной номер стенгазеты — и не обычный номер, а специальный, к сбору дружины. Ещё вчера, в раздевалке, когда Стелла жаловалась, что выходит не так хорошо, как надо, она, Катя, с обычной своей уверенностью сказала: «Ничего, ничего, дайте только исправить двойку по «Неживой природе», — приду и помогу. Уж вместе-то мы как-нибудь справимся».

И вот отметка исправлена, а Катя совсем забыла, что девочки там сидят и ломают голову, как сделать газету получше. «Чего же они не звонят мне? Неужели трудно напомнить? Побежать, что ли, в школу?»

Катя бросила кисточку и кинулась в столовую, чтобы посмотреть на часы. Без четверти восемь! Должно быть, давно разошлись.

Вот тебе и председатель! Обещать умеет, а через минуту всё вон из головы...

Нет, что там ни говори, а ни с кем в отряде этого бы не случилось. Ни с Леной Ипполитовой, ни с Настей Егоровой. Каким хорошим председателем совета была бы Лена! А Настя? Ещё лучше! Они обе такие выдержанные, аккуратные, не рассеянные, куда надёжнее её! Гораздо правильнее было бы, если бы выбрали Лену или Настю... И как это никому не пришло в голову? Просто удивительно!

В этот вечер Катя долго не могла уснуть. Она ворочалась в постели, думая всё о том же: годится ли она в председатели совета отряда, если с ней всё время что-нибудь да случается? То она обидела новую учительницу, то не выучила урока, то забыла про свои пионерские дела.

Что же делать? Может быть, спросить совета у Надежды Ивановны? Сказать, что лучше было бы выбрать Лену или Настю? Конечно, Надежда Ивановна будет страшно удивлена. «Ты что же это, Катя, — скажет она, — не хочешь работать? Неужели тебе уже надоело или ты боишься? Не ожидала я этого от тебя!»

Катя опять перевернулась с боку на бок. Ей вспомнилось, как она сама не так давно рассердилась на Стеллу Кузьминскую, когда та хотела отказаться от работы редактора. А ведь Стелла, может быть, мучилась точно так же, как сейчас она,

Катя. И не даром мучилась. Если человек не может или не умеет делать свою работу совсем хорошо, нельзя же, чтобы от этого всем было плохо!

«Нет, всё-таки пойду к Надежде Ивановне, — решила Катя. — Хоть и рассердится, а всё равно надо идти. Если выберут Лену или Настю, будет лучше для отряда. Гораздо лучше! Это скоро все сами поймут, и Надежда Ивановна — первая».

На другой день, по дороге в школу, Катя издали увидела обеих своих подруг — Аню и Наташу. Она побежала им навстречу.

В синеватом сумраке раннего декабрьского утра ещё светились фонари. Катя очень любила эти утренние сумерки, когда с каждой минутой светлеет небо и прямо на глазах разгорается день. Все три девочки пошли рядом по тихому школьному переулку.

— А знаешь, Катя, — начала Аня, — я уверена, что у тебя будет пятёрка в четверти по естествознанию. Ты вчера очень хорошо отвечала.

— Ну, нет, — с сомнением сказала Катя. — Всё равно будет тройка.

— Почему?

— А очень просто: два и пять — это семь; семь разделить на два — три с половиной, то-есть три с плюсом. Плюс в таблице не ставится. Значит, будет тройка.

Аня и Наташа сочувственно посмотрели на Катю.

— Нет, — сказала Аня. — Эту твою... — она слегка замялась, — ну, двойку... Анна Сергеевна, наверно, зачеркнёт. Ты не огорчайся.

Наташа утвердительно кивнула головой:

— Я тоже думаю, что зачеркнёт. И уж если не пятёрку, то четвёрку наверно поставит в четверти. Так что ты не расстраивайся.

— Нет, девочки, — сказала Катя, — мне всё-таки неприятно. Ужасно неприятно!

— Да почему? — удивилась Аня. — Ведь ты уже всё поправила.

Катя немножко подумала.

— Понимаете, девочки, — начала она негромко, — я не

только из-за... этой самой... двойки. Вечно я что-нибудь сделаю не так. Мне кажется, что всё-таки я не очень-то гожусь в председатели. Даже совсем не гожусь!

Наташа от удивления так и остановилась на месте:

— Что-о? Что ты сказала?

— Не гожусь! — твёрдо повторила Катя. — Ну, подумайте сами, девочки, какой я председатель? Всё время у меня что-нибудь да не так. А вот Лена или Настя на моём месте были бы гораздо лучше. В тысячу раз лучше! Правда?

— Ну нет, не знаю, — с сомнением покачала головой Наташа.

Зато Аня почему-то очень обрадовалась.

— А может быть, и правда? — живо подхватила она. — То есть не то, что ты не годишься — ты очень даже годишься, — но вечно ты занята. С тобой не поговоришь, не погуляешь... А если выберут кого-нибудь другого, ты будешь посвободней, и мы с тобой будем чаще видаться.

Катя искоса поглядела на Аню и перевела взгляд на Наташу.

— Подожди, Катюша, ты ещё подумай, — сказала Наташа. — Сперва посоветуйся со своей сестрой или с Олей. А ещё лучше — с Надеждой Ивановной.

— Так я и думала, — ответила Катя и замолчала. Она увидела рядом с собой Стеллу, которая, догнав её, Аню и Наташу, пошла вместе с ними. Кате не хотелось при Стелле продолжать разговор о том, что её так волновало.

Но Стелла начала сама:

— Скажи, Катя, долго ты учила естествознание, чтобы исправлять отметку?

Катя на ходу обернулась к Стелле и сказала твёрдо:

— Да, долго. Целых три дня.

И она невольно переглянулась с Аней и Наташей. Они все сразу поняли друг друга. Им не нравилось, когда Стелла и ещё некоторые девочки в классе делали вид, что им ничего не стоит получать пятёрки. Однажды Стелла даже сказала: «Только разок загляну в книжку — и всё знаю».

Нет, Катя не верила этому. Нельзя запомнить что-нибудь крепко, надолго, если только разок заглянешь в книжку. Стел-

ла выдумывает — сама, небось, не один раз прочтёт да повторит. И разве зазорно учить? Ведь учить — не значит зубрить. Это и Людмила Фёдоровна всегда говорила, и Анна Сергеевна говорит.

Катя ещё раз обернулась к Стелле и сказала:

— Да, учила! А потом меня ещё старшая сестра проверяла. Ведь я повторила за целую четверть.

— Ну, пошли скорей, — напомнила Наташа, — а не то ещё опоздаем.

...На большой перемене Катя побежала в пионерскую комнату, но старшей вожатой там не оказалось. Катя заглянула в приоткрытую дверь учительской, побывала и в канцелярии и в библиотеке.

Но Надежды Ивановны не было нигде.

«Может быть, её куда-нибудь вызвали?» — подумала Катя.

Она уже слышала не раз от Тани и от Оли, что Надежду Ивановну иногда вызывают в райком и даже в горком комсомола по делам пионерской дружины.

«Надо будет зайти к ней ещё раз, после уроков», — решила Катя.

Но в этот день Надежда Ивановна больше уже не пришла в школу.

Катя вернулась в класс за сумкой. Ещё не все разошлись по домам. Лена Ипполитова что-то показывала Насте и Вале Ёлкиной.

— Катюша, смотри, — позвала подругу Настя, — какой красивый билет Лена приготовила! Это для почётных гостей.

Катя подошла поближе, и Настя протянула ей сложенный вдвое листочек. Сверху тонкими буквами было написано: «Пригласительный билет». Посередине листка алел пионерский значок с надписью: «Всегда готов!»

— Молодец Лена! — сказала Катя. — И я тоже приготовила...

Катя вынула из своей сумки три билета, с яркими картинками на обложках.

— А твои ещё лучше, — сказала Лена, — прямо замечательные! Художница наша Катерина!

Настя и Валя залюбовались Катиной работой. Особенно понравился им один из билетов: на нём так и горела рубиновая звезда кремлёвской башни, а над башней, на фоне синего неба, летел серебряный самолёт.

— А кому мы пошлём этот самый красивый билет? — спросила Валя Ёлкина.

— Я бы хотела Людмиле Фёдоровне, — ответила Катя. — А только кто отнесёт? Всем девочкам захочется, а всем же нельзя!

— Конечно, всем нельзя, — подтвердила Настя. — Вот возьми и отнеси сама. Ты рисовала, ты и отнесёшь.

Катя так обрадовалась, что даже взяла Настю за руку:

— Ой, Настенька, милая!..

— Настя правильно придумала, — кивнув головой, серьёзно сказала Лена: — пойдёшь ты, Катя. Ты же у нас самая главная.

Катя смутилась. «Самая главная»! Если бы Лена только знала, о чём она думала вчера вечером и сегодня утром! Хороша «самая главная», у которой нет самого главного — выдержки и которая всегда что-нибудь важное забудет.

Но Катя ничего не сказала и молча положила билет в сумку. Другие два билета она отдала Настеньке.

К Людмиле Фёдоровне Катя пошла в тот же вечер, сразу же после того, как сделала уроки. Уж очень ей хотелось поскорей увидеть Людмилу Фёдоровну! Ведь Катя не видела её с того самого дня, когда была у неё вместе с Аней. Тогда они огорчили больную учительницу. А вот теперь можно будет сказать ей, что всё в классе в порядке, что Анну Сергеевну они очень полюбили... Словом, много накопилось такого, о чём Кате очень хотелось рассказать Людмиле Фёдоровне.

«А про двойку? — вспомнила Катя. — Про двойку лучше не говорить. Ведь со вчерашнего дня её как будто и нету. Как будто!.. А на самом деле двочка-то небось стоит на том самом месте, где её поставили. Нет, надо всё-таки сказать! Только начать

не с двойки, а с пятёрки. Это легче. И потом вот ещё о чём надо посоветоваться с Людмилой Фёдоровной —гожусь я в председатели или не гожусь. С кем же ещё поговорить, как не с ней! Только бы её лётчика дома не было, а то при нём и язык не повернётся...»

— Ну, Катерина, не робей! — сказала она себе отцовским голосом и одним духом поднялась по лестнице.

Дверь открыла сама Людмила Фёдоровна.

— А, Катюша! — сказала она громко, как до болезни. — Ты одна? Раздевайся, раздевайся. Давай шубку, я повешу. Знаешь, кто у меня сейчас? Моя школьная учительница.

— Учительница? Ваша? — удивилась Катя. — Наверно, она очень старенькая?

— Нет, она совсем не старая, но, конечно, постарше меня. Ну, идём в комнату.

Людмила Фёдоровна открыла дверь, и Катя от неожиданности так и ахнула.

За столом, покрытым белой скатертью, сидела Анна Сергеевна. Чайные чашки были отодвинуты в сторону, а перед Анной Сергеевной лежала какая-то книга.

— Здравствуй, Катя, — сказала Анна Сергеевна первая. — Что, не ожидала меня здесь встретить?

— Нет... то-есть да... — ответила невпопад Катя.

— Ну ничего, не смущайся, — с улыбкой сказала Людмила Фёдоровна. — Садись. Налить тебе чашечку чая?

— Нет, спасибо, — ответила Катя, чувствуя, что краснеет всё больше.

— Тогда возьми яблоко и печенье.

Людмила Фёдоровна придвинула поближе маленькую вазочку с домашним печеньем и высокую синюю вазу с яблоками. Но Катя сидела не шевелясь.

Анна Сергеевна, чуть улыбнувшись, опустила глаза и сделала вид, что рассматривает в книге рисунки.

— Ну как дела, Катюша? — спросила Людмила Фёдоровна. — Я слышала, что вы усердно готовитесь к сбору дружины?

— Да, готовимся, — чуть слышно ответила Катя, не поднимая головы. — Вот, пожалуйста, Людмила Фёдоровна, вам

пригласительный билет. Мы все очень просим вас прийти к нам на сбор.

— Спасибо, Катюша. — Людмила Фёдоровна разогнула билет и стала читать вслух чётко и медленно, точно книгу: — «Дорогая Людмила Фёдоровна! Приглашаем вас на сбор дружины. Сбор состоится 25 декабря 1950 года в 19.00 в актовом зале школы». В девятнадцать ноль-ноль, — переглянувшись с Анной Сергеевной, повторила с лёгкой улыбкой Людмила Фёдоровна. — Какая точность — совсем как на железной дороге. И нарисовано очень хорошо, и ни одной ошибки. Вы посмотрите, Анна Сергеевна.

Анна Сергеевна посмотрела и кивнула головой:

— Это твоя работа, Катя?

— Да, моя, — всё так же тихо ответила Катя. — А вам, Анна Сергеевна, я не принесла билета. Я ведь не знала, что встречу вас здесь...

— Ну, я бы, пожалуй, могла прийти к вам на сбор и без билета, — улыбнулась Анна Сергеевна. — Авось меня как-нибудь пропустили бы, по знакомству.

— Конечно, пропустили бы, — тихонько ответила Катя и замолчала.

Учительницы еле заметно переглянулись. Катя поймала их взгляд и поняла: обе они чувствуют, как она смущена, и даже догадываются, что у неё есть какое-то дело, о котором она не решается заговорить.

— Ну, а как дела у Клавы Киселёвой и Тони Зайцевой? — спросила Людмила Фёдоровна, стараясь вызвать Катю на разговор. — Я слышала, что вы их подтянули и даже к приёму в пионеры подготовили?

Катя кивнула головой:

— Да, подготовили.

Она всё ещё не могла решиться сказать Людмиле Фёдоровне то, о чём собиралась сказать ей, когда шла сюда.

Вообще говорить сейчас было очень трудно. Выкладывать при Анне Сергеевне все школьные новости было ни к чему. Анна Сергеевна и так всё это хорошо знала. Да и Людмила Фёдоровна, видно, обо многом уже слышала от Анны Сергеевны.

А посоветоваться с обеими учительницами о самом важном,

о том, что Катю так волновало, было ещё труднее. Надо было рассказать про историю с двойкой так, чтобы Анна Сергеевна не подумала, что Катя на неё жалуется.

И всё-таки, как это ни трудно было, Катя сделала над собой усилие и наконец решилась.

— Людмила Фёдоровна, — начала она и почувствовала, как сильно бьётся у неё сердце, — наверно, Анна Сергеевна рассказала вам про то, что со мной случилось?

Людмила Фёдоровна как-то нерешительно покачала головой.

— Нет? — спросила Катя. — Ну, так я сама расскажу. Хорошо, Анна Сергеевна? — И, переведя дыхание, Катя продолжала: — Один раз... это было в прошлую субботу... я забыла выучить урок. По «Неживой природе», то-есть по естествознанию. Про дела других девочек я помнила, а про свои как-то совсем забыла. Анна Сергеевна меня вызвала, а я даже не знала, что задано. Ну, и тут...

Катя горько усмехнулась.

— Я понимаю, — прервала её Людмила Фёдоровна. — А дальше?

— Анна Сергеевна позволила мне ответить ещё раз за всю четверть и поставила мне пятёрку... А в тот раз двойку...

— Ну, что было, то прошло, — сказала Анна Сергеевна. — После этой неприятной истории Катя всё прекрасно выучила и вполне заслужила свою пятёрку.

— Значит, всё теперь в порядке? — спросила Людмила Фёдоровна. — Что же ты, Катюша, волнуешься?

— Потому что... не всё в порядке, — ответила Катя, перебирая бахрому скатерти. — Помните, Людмила Фёдоровна, вы говорили мне, что на уроках я часто задумываюсь и обо всём забываю... Это правда. Отчего я получила двойку? Оттого, что думала о наших пионерских делах и не слышала, что объясняет Анна Сергеевна. А потом, когда я за собственные дела взялась, про пионерские забыла... Вот я теперь всё думаю, что не надо было меня выбирать председателем совета отряда. — Катя взглянула на Анну Сергеевну, которая очень внимательно её слушала.

Анна Сергеевна тихонько поднялась с места и начала медленно ходить по комнате. Ни она, ни Людмила Фёдоровна не перебивали Катю.

— Вот я и боюсь, — продолжала Катя, — что я плохой пример своему отряду подаю. Я даже хотела пойти к Надежде Ивановне — спросить совета. Да её в школе не было...

Катя опустила голову. Щёки и уши у неё горели.

Анна Сергеевна посмотрела на Людмилу Фёдоровну, как бы молча предлагая ей говорить первой.

Людмила Фёдоровна ласково взяла Катину руку в свою и сказала:

— Не думаю, Катюша, чтобы ты была права. Но я тебя понимаю. Когда я была совсем молодой учительницей — в первый же год моей работы в школе, — мне иногда казалось, что я не имею права учить ребят... Помните, Анна Сергеевна, как я прибежала однажды к вам домой сама не своя? Я прямо в ужасе была от того, что натворила. Помните?

Анна Сергеевна улыбнулась:

— Это тогда, когда вы задали классу неосторожный вопрос?

— Да-да! — подхватила Людмила Фёдоровна. — Понимаешь, Катюша? Захотелось мне поближе познакомиться со своими первоклассниками. Принесла я в класс две книжки и спрашиваю: «Что вы больше любите слушать — сказки или рассказы?» Тут сразу же поднялся невероятный шум. Одни кричат: «Сказки!» Другие: «Рассказы!» Ну, думаю, надо выдержать характер. И говорю твёрдо: «Послушайте сначала рассказ, а потом сказку». А ребята опять подняли крик. Одни требуют: «Читайте сначала сказку». А другие: «Нет, сначала рассказ». Я даже рассердилась. «Сейчас же прекратите шум! А не то совсем ничего не буду читать». На минуту стало тише. Тут мне надо бы сразу начать чтение, а я, по неопытности, возьми и спроси: «Что вы больше хотите — рассказ «Филипок» или «Косточку»? Только я это сказала, как в классе опять началось что-то невообразимое. Одни требуют «Филипка», другие — «Косточку», а нашёлся и такой, что не захотел ни того, ни другого. «Это, — кричит, — старая книжка! Эту я знаю, мне мама купила. Читайте новую!» Я стою и не знаю, что мне

делать. Вдруг открывается дверь, и входит завуч. «Что тут происходит? — спрашивает. — В соседнем классе невозможно заниматься». А мне даже и ответить неловко...

— Да ведь это же были первоклассники, они всегда шумят, — осторожно сказала Катя.

Людмила Фёдоровна засмеялась:

— Ну нет, у хорошей учительницы и первоклассники сидят тихо. И вот, Катюша, в тот день мне казалось, что было бы гораздо лучше для моих маленьких учеников, если бы вместо меня к ним пришёл опытный учитель. Я так и сказала Анне Сергеевне. И знаешь, что она мне ответила? Вы, Анна Сергеевна, может быть, этого не помните, а я, кажется, на всю жизнь запомнила ваши слова. — И, обратившись снова к Кате, Людмила Фёдоровна сказала: — Вот что объяснила мне тогда Анна Сергеевна: «Никогда не надо перекладывать своё дело на тех, кто умеет его делать лучше тебя. Надо стараться самой делать лучше. Все могут ошибаться — даже старые и опытные работники. Не бойся ошибок, только учись их исправлять». И знаете, Анна Сергеевна, как мне помогла эта ваша наука?

То, что Людмила Фёдоровна обращалась попеременно то к Анне Сергеевне, своей прежней учительнице, то к ней, своей ученице, было приятно Кате, и от этого правдивого, откровенного разговора ей казалось, что она сама становится старше и серьёзнее.

Когда Людмила Фёдоровна кончила, Анна Сергеевна ещё раз прошла по комнате и вдруг спросила, остановившись прямо перед Катей и глядя на неё сквозь очки усталыми и как будто чуть-чуть улыбающимися глазами:

— Ну, как же ты решила, Катя? Пойдёшь завтра к Надежде Ивановне отказываться или нет?

— Нет, — почти шопотом ответила Катя. — Я ещё попробую... Главное, себя надо хорошенько в руки взять.

— Конечно, это главное и есть, — сказала Анна Сергеевна. Катя поднялась с места:

— Ну, я пойду. Так не забудьте, пожалуйста, Анна Сергеевна и Людмила Фёдоровна: послезавтра — ровно в семь.

— Ровно в семь, — повторила Людмила Фёдоровна. — В девятнадцать ноль-ноль.

Сбегая вниз по ступенькам, Катя думала о своих учительницах:

«Какие они разные и всё-таки похожие чем-то... А только чем? Чем?»

Конечно, ни характером, ни наружностью учительницы не были похожи друг на друга. Рядом с Людмилой Фёдоровной Анна Сергеевна казалась ещё старше, серьёзнее, строже. А всё-таки они, и в самом деле, были чем-то похожи друг на друга.

Катя взглянула на большие круглые часы, висевшие на углу, и пошла ещё быстрее. Сегодня папа обещал прийти с работы пораньше, пока дети не спят, и Кате захотелось поскорее обо всём рассказать и ему, и маме, и всем.

«Вот удивительно! — думала Катя. — Анна Сергеевна учила Людмилу Фёдоровну! Интересно, строгая была тогда Анна Сергеевна? Боялась её Людмила Фёдоровна? Нет, наверно, не очень — ведь Анна Сергеевна тогда молодая была. А молодых всегда меньше боятся, они не бывают очень строгими... Подумать только, как давно Анна Сергеевна учит!..»

Катя подошла к своей школе. Школа вся светилась, словно была сделана из стекла. На освещённом снегу, под окнами, длинными полосами ложились тени оконных рам.

Катя всей грудью вдохнула острый морозный воздух и бегом побежала домой.

ПРОЩАЙ, СТАРЫЙ ГОД!

Все Катины тревоги отошли, казалось, куда-то очень далеко.

Сбор дружины остался позади. Это был очень большой и важный день в Катиной жизни. Впервые привела она свой отряд на такой большой сбор, первый раз выступила перед целой дружиной, да ещё от имени всех четвёртых классов. Когда, взволнованная, она поднялась на трибуну и рассказала, что её отряд собрал для детского дома больше ста книг и что в классе стали крепче дружить и лучше учиться, — по рядам пробежал одобрительный шопот, и Катя почувствовала, что сделано за это полугодие не так уж мало.

Правда, сначала Кате ничего не было видно за высокой трибуной. Да и её, наверно, никто не увидел. В зале засмеялись. Катя смутилась и замолчала. Но тут, к счастью, Надежда Ивановна принесла откуда-то скамеечку, Катя сразу увидела весь зал и даже заговорила громче. Никто в зале уже больше не смеялся. Когда Катя кончила, её долго хлопали.

Но самая торжественная минута была та, когда Людмила Фёдоровна, по предложению Надежды Ивановны, повязала новенькие красные галстуки новым пионеркам — Клавье и Тоне.

И вот вторая четверть кончилась. А с ней вместе подошёл к концу и старый год.

Ещё с осени было условлено, что на этот раз Катя и Миша будут встречать Новый год вместе со старшими. Мама обещала, а уж если мама пообещает — значит, так и будет.

До сих пор Новый год наступал для Кати и Миши как-то незаметно — пока они спали. Нынче они в первый раз сами услышат, как пробьют двенадцать раз часы Спасской башни и загудит весёлым шумом Красная площадь.

Неизвестно почему, Катя даже немножко волновалась, думая об этом.

Правда, особенно торжественной встречи нынче решили не устраивать, так как Сергею Михайловичу послезавтра — второго января — надо было делать большой доклад о работе экспедиции, и завтра он собирался весь день готовиться к этому своему докладу. Но всё-таки новогодние хлопоты начались уже с самого утра.

В этот день ударил сильный мороз. Наружные стёкла окон покрылись белой серебристой тканью, словно расшитой тонкими узорами — травами и пальмовыми ветками.

Придя из школы, Катя ещё в передней почувствовала запах смолы и хвои. На полу были кое-где рассыпаны ёлочные иголки.

— Уже купили? — обрадовалась Катя. — А где она?

— Вон там! В углу! — закричал Миша. — Смотри, какая большая!

Катя бросилась в комнату. Ёлка стояла между окном и ди-

ваном, темнозелёная, густая и пахучая. Кате показалось, что ёлка принесла с собой в городскую квартиру и лесной свежий воздух и даже какую-то особенную, морозную тишину зимнего леса.

— Ну что, хорошую ёлку вам папа достал? — спросила бабушка, входя в комнату.

— Очень! Просто замечательную! — сказала Катя. — А знаешь, бабусенька, какая у меня новость?

— Опять новость? — испугалась бабушка.

— Нет, ты не бойся, хорошая новость. Мы завтра вместе с Анной Сергеевной и Олей едем в Орехово-Зуево! В детский дом. Мама уже позволила. Я её встретила по дороге.

— Мороз на дворе... — осторожно начала бабушка.

Катя с опаской поглядела на неё.

— Да мы же поедем в таком поезде, где топят! — с жаром стала доказывать она на всякий случай. — Анна Сергеевна сказала, что это поезд не пригородный, он идёт далеко, даже дальше Орехово-Зуева, а в таких поездах очень хорошо топят.

И чтобы бабушка, чего доброго, не придумала ещё чего-нибудь страшного, вроде простуды или крушения поезда, Катя достала из сумки табель.

— Вот посмотри, бабушка, нам уже выдали. За вторую четверть.

— И нам тоже выдали! — сказал Миша. — Знаешь, Катя, сколько у меня отметок? Семь!

— Сколько — это ещё не важно, — ответила Катя. — Пусть хоть двадцать. Важно — какие.

— Одни пятёрки! — с гордостью сообщил Миша. — Только по пропущенным урокам четвёрка.

Катя и бабушка засмеялись.

— Молодец! — сказала Катя.

— А у тебя, Катюша? — спросила бабушка.

— И у меня тоже все пятёрки. Даже по естествознанию. Уж этого я никак не ожидала.

— А я ожидал, — уверенно сказал Миша.

Бабушка ласково потрепала Мишу по голове, а заодно провела рукой по Катиным растрепавшимся волосам.

— Ну иди, Катюша, отнеси табель на место. Потом папе и маме покажешь.

Катя пошла к себе и выдвинула ящик стола, чтобы спрятать табель. И вдруг ей на глаза попался тот самый листок, на котором она однажды записала свои обязательства: «Буду — не буду».

Катя вынула листок и стала его читать. Было очень интересно и даже как-то приятно проверить сегодня, перед самым Новым годом, что сделано в старом году.

«Не буду дразнить Мишу», — прочитала Катя и сама удивилась, зачем надо было это писать. Как-то само собой вышло, что она уже довольно давно перестала поддразнивать младшего брата. И для этого ей даже не понадобилось особых стараний. Во-первых, теперь у Кати было гораздо меньше свободного времени, а во-вторых, и Мишук за эти полгода сильно переменялся — перестал засовывать за шкаф её школьную сумку, вырывать у неё из тетрадок листы, чтоб рисовать на них корабли и танки, брать без спросу её карандаши, точилки, кисточки для рисования, ножницы для рукоделия.

Наверно, это всё просто-напросто оттого, что они оба — и Катя и Миша — за последнее время выросли.

Но, в общем, как бы там ни было, а первое обязательство выполнено. Катя взяла карандаш и поставила против первой строки галочку.

А второе? «Буду помогать дома по хозяйству». Ну, с этим обязательством дело, пожалуй, обстоит не так уж благополучно. Иногда Катя помогает, а иногда и забывает помогать. Но всё-таки не было случая, чтобы она отказалась помыть посуду, вытереть пыль или пойти за хлебом, когда ей об этом напоминали. Как же это отметить? Катя на минутку задумалась и нерешительно вывела в конце второй строки галочку с минусом.

Ну, а что дальше?

Катя быстро пробежала глазами и остальные обязательства. Да, почти во всём она сдержала слово. С бабушкой спорит редко — разве только когда бабушка её слишком кутает. В школе стала гораздо внимательнее, на уроках почти совсем не разговаривает, задачи решает намного лучше. Вот уж и по арифметике у неё пятёрка.

Но два обязательства так и остались невыполненными: «Буду рано вставать и делать по утрам зарядку» и «Будем искать Серёжу, пока не найдём».

Зарядка! Как же это она, Катя, совсем-совсем забыла про эту несчастную зарядку? Ведь и Таня тоже ей об этом не раз говорила, а всё забывается и забывается. Ну да ладно! Можно будет начать с Нового года — и уж тогда без единого пропуска.

А вот последнее обязательство — искать Серёжу Решетникова — очень трудно выполнить. Кате даже странно показалось, как это ей в голову пришло написать такое невыполнимое обязательство. Ну как найдёшь этого мальчика, если о нём ничего, ну вот ровно ничего неизвестно — жив ли он, а если жив, то где его искать? В городе, в деревне? В Сибири? На Кавказе? В Казахстане? Может быть, давным-давно его кто-нибудь чужой нашёл и усыновил, и Серёжа теперь не знает даже, какая у него раньше была фамилия?

Катя взяла карандаш и приписала под последней строчкой: «Очень жалко, но это невозможно».

Потом она положила листок на место и тут заметила ещё один листочек, где её же рукой, но другими чернилами было написано:

«Узнать, как разыскивают пропавших детей, и начать всем отрядом искать Серёжу Решетникова».

На этот раз Катя уже ничего не стала отмечать ни значками, ни словами, а просто положила листок на место и побежала к ёлке.

Ёлка была даже лучше, чем показалась Кате сначала: такая густая, тёмная, колючая, пахучая...

Катя молча стояла перед ней. Она трогала упругие колкие ветви, гладила шелковистые шишечки.

— Вот бы их позолотить! — сказал Миша.

— Не надо, — ответила Катя. — Так они ещё лучше. Ведь это настоящие!

— А когда же мы будем украшать? — спросил Миша. — Уже скоро вечер, а она ещё неубранная.

Катя вздохнула:

— Без Тани нельзя. Ох, скорее бы она шла!

И точно подслушав их разговор, в комнату вошла Таня.

Катя и Миша были так заняты ёлкой, что даже не услышали сё звонка.

— Ну, товарищи, — сказала Таня, — за дело!

Недолго думая она вскочила на стул и достала со шкафа большую картонку, перевязанную крест-накрест бечёвкой.

— Давай мне! Давай мне! — закричали наперебой Катя и Миша.

— Держите оба, — сказала Таня, — только осторожней.

И она плавно опустила им на руки большую и очень лёгкую картонку.

И вот крышка снята. В открытой картонке засверкало хрупкое ёлочное богатство — пушистые нити золотой и серебряной мишуры, длинные цепи бус, большие радужные шары, похожие на мыльные пузыри.

— Катя, смотри — птичка! — в восторге закричал Миша. — А хвост-то, хвост! Погляди — так и дрожит.

— Да, замечательная, — согласилась Катя, хотя видела эту птичку уже много раз.

Но Таня не давала им времени любоваться шарами, птичками, рыбками. Она уже стояла на лесенке возле ёлки и командовала оттуда, точно с мостика корабля:

— Подавайте мне бусы. Держите нитку за оба конца, чтобы не путалась. Катя, прикрепи нижнюю петельку вон к той ветке направо. Миша, подай вон тот шарик.

— Шарик-фонарик, — сказал Миша и, бережно взяв за тоненькую проволочную петельку, понёс Тане большой серебряный шар с разноцветными впадинками на боках.

И вдруг раздался лёгкий звон. Блестящие осколки шара искрами разлетелись по полу, а в руках у Миши осталась только проволочная петелька.

— Разбился! — в ужасе закричал Миша. — Только это не я, он сам!

— «Сам»! — с горечью сказала Катя. — Разве можно держать за петельку? Надо держать снизу, вот так!

Она взяла другой шар, золотой, и, подняв руку, протянула его Тане. Но шар скользнул вниз по её поднятой ладони и рассыпался вдребезги так же, как и Мишин серебряный.

Катя и Миша только молча переглянулись. А Таня спрыгнула с лесенки и сказала с досадой:

— Эх вы, помощники! Самые лучшие шары разбили.

Катя прикусила губу, а у Миши на глаза навернулись слёзы. Тане стало жалко их.

— Ну ничего, случается...

— Это потому, что мы очень спешили, — сказал Миша.

— Ну, давайте не торопясь. Мишук, развешивай внизу золочёные орехи, флажки и бумажные цепи. Они не быются. А ты, Катя, подавай мне стеклянные игрушки двумя пальцами — вот так, но только не жми.

Мало-помалу ёлка становилась всё пышнее, ярче, богаче. Она так и поблёскивала, играла, перемигивалась с электрической лампой всеми своими стеклянными звёздами, бусинами, золотыми нитями.

— А всё-таки тех шаров не хватает, — грустно проговорила Катя. — Мы их всегда вешали по обе стороны звезды.

— Да и звезда у нас для этой ёлки слишком маленькая, — сказал Миша, задрав голову. — Сюда нужно вó какую!

— Ничего, — сказала Таня, — и так очень хорошо. Вот посмотрим, что скажет папа.

Таня унесла стремянку на кухню, а Катя и Миша уселись рядом на диван и принялись молча оглядывать ёлку.

— Знаешь, Катя, — сказал Миша, — вон ту белочку надо перевесить поглубже. Чтобы она как живая сидела на ветке.

— Уж не трогай лучше, — сказала Катя. — А то ещё что-нибудь разобьётся.

Как раз в эту минуту замок в передней щёлкнул, и оттуда послышались голоса.

— Наши! — закричал Миша и опрометью кинулся навстречу папе и маме.

— Осторожно, — сказал папа, — разобьёшь. У нас тут такие сокровища!

И он поднял высоко над головой плоскую картонную коробку.

Мама вместе с Таней и бабушкой унесли на кухню це-

лую гору каких-то свёртков и пакетов. А папа, прихватив с собой попку, пошёл вместе с Катей и Мишей посмотреть ёлку.

— Ну как? — с тревогой спросила Катя.

— Ну как? — переспросил Миша.

— Великолепно! — сказал папа. — А будет ещё лучше. Посмотрите-ка, что я принёс.

И он вынул из коробки четыре больших стеклянных шара: два золотых и два серебряных.

— Молодец папа! — всплеснув руками, крикнула Катя. — А мама ещё говорит, что ты недогадливый. Ты догадливей всех на свете!

— Да ведь я знал, что у нас только два таких шара.

— Ни одного, — со вздохом сказал Миша. — Оба разбились. Сами.

Папа засмеялся:

— Ну, ничего. Давай-ка я повешу их вокруг звезды. Только погодите, сначала надо новую звезду укрепить.

— Какую — новую? Разве есть новая? — в один голос спросили Миша и Катя.

— А то как же? А ну-ка, Михаил, достань из коробки и подай её.

Миша, затаив дыхание и прикусив кончик языка, достал из коробки большущую пятиконечную звезду, сверкающую алыми и серебряными гранями.

Папа, наклонившись, взял у Миши из рук звезду и, встав на стул, ловко надел её на самую верхнюю веточку, прямую и тонкую, как свеча.

— Вот здорово! — разом ахнули Катя и Миша, а заодно и подросевшая в эту минуту Таня.

— В самом деле, здорово! — сказал папа. — Ну, ёлка уже наряжена, а вот мы — ещё нет. Живо одеваться! А я бриться пошёл.

Когда Катя в красном шерстяном платье и с белыми бантами в косах вернулась к ёлке, бабушка уже поставила на стол самое большое блюдо со своим знаменитым новогод-

ним пирогом и теперь проверяла, есть ли перед каждым прибором бокал и бумажная розовая салфеточка. Бабушка была в своём парадном темносинем платье с высоким воротником, а под самым подбородком у неё красовалась брошка, которая ужасно нравилась Кате — эмалевая ласточка с рубиновым глазком. Когда бабушка поворачивалась, глазок у ласточки так и поблёскивал. Эту ласточку бабушка обещала подарить Кате в день окончания школы.

Катя посмотрела на часы. Было и поздно и рано — одиннадцать часов. Обычно в это время Катя уже спала, а сегодня надо было ждать ещё целый час, пока наступит Новый год. Шестьдесят минут... Минутная стрелка двигалась так медленно, что, казалось, никогда-никогда ей не обойти этот небольшой белый круг.

Катя отвернулась и посмотрела в окно. В доме напротив уже зажгли ёлку. А вон ещё ёлочка, маленькая-маленькая. Эта, видно, стоит на столе.

Катя опять поглядела на часы. Стрелка за это время едва перескочила через две чёточки.

— Бабушка, у нас, кажется, часы испортились. Стрелка почти не движется.

Бабушка засмеялась:

— Займись чем-нибудь, Катенька. Стрелки пойдут быстрее. Но Катя сейчас ничем не могла заняться.

— Мишка, ты уже готов? — крикнула она и пошла искать брата.

Миша ползал по полу между своей кроватью и столом и что-то искал.

— Ты что тут делаешь? — спросила Катя.

— У меня пуговица от курточки оторвалась.

— Давай пришью.

Катя пришила пуговицу, и за это время совершенно незаметно прошло целых десять минут. Часы и в самом деле пошли быстрее.

В передней позвонили. Катя и Миша побежали встречать. Это был единственный новогодний гость Снегирёвых — Пётр Иванович Воркутов, тот маленький смуглый человек с бритой головой и седыми моржовыми усами, который седьмого

ноября угощал их на Пушкинской площади конфетами «Золотая рыбка». На этот раз он принёс другие конфеты, — у них было смешное название: «Ну-ка отними!» Пётр Иванович вытер заиндевевшие усы платком, и они сразу стали чёрными.

— Дядя Петя, а я научился кувыряться через голову не хуже, чем вы, — сказал Миша.

— Не может быть, — сказал дядя Петя серьёзно.

— Пойдёмте — покажу.

— Идём, идём.

Но показать своё искусство Мише не удалось.

— Пётр Иванович, иди-ка сюда, — позвал папа.

Они оба прошли в соседнюю комнату, и там начался какой-то громкий разговор. Потом заговорил один папа. Катя и Миша слышали только отдельные слова: «напластование», «общее количество», «породы», «соли»...

— Ой, я боюсь, они долго будут разговаривать, — сказал Миша Кате. — У них какой-то очень научный разговор.

— Должно быть, папа свой отчёт ему читает, — тихо проговорила Катя.

— А ты видела, какой у папы отчёт? — с ужасом спросил Миша. — Во!

И он показал обеими руками.

Оба они с тревогой посмотрели на часы. Минутная стрелка, которая ещё недавно еле ползла, теперь неслась на всех парах. Часы уже показывали без двадцати двенадцать.

— Надо маме сказать! — решительно предложила Катя. — Иначе всё пропало!

Катя с Мишей побежали искать маму. Но мама уже сама шла им навстречу. Она была такая красивая, нарядная, как будто собиралась в театр.

— За стол, за стол, — сказала мама. — Прекратить учёные разговоры. Сергей, зажигай ёлку.

И всё сразу переменилось. Большую лампу над столом погасили, а зато ёлка засветилась сверху донизу — от пола до потолка — десятками цветных огоньков. Красные, синие, зелёные, они мерцали в гуще ветвей, отражались в стёклах окон, в графинах и бокалах, в полированных дверцах буфета и в глазах у всех сидящих за столом. И казалось, что всю комнату за-

няла собой ёлка. Все смотрели на неё и говорили только о ней.

— Красавица! — сказал дядя Петя. — Ведь это такое простое дело — взяли обыкновенное дерево, навешали на него всяких побрякушек, а до чего хорошо!

Все на минуту примолкли. Большие мохнатые тени от колючих ёлочных лап шевелились на стенах, и в тишине слышно было только, как звучно отсчитывают время стенные часы.

— Включайте радио, — сказала мама.

Таня встала, воткнула вилку провода в штепсель, и комната сразу наполнилась весёлым уличным шумом, шорохом колёс по асфальту и протяжными гудками автомобилей.

— Красная площадь, — тихонько сказал Миша.

Но вот, как большое сердце, застучали часы Спасской башни.

Катя медленно оглядела сидящих за столом. Лица у всех были серьёзные, торжественные. И казалось, что каждый думает о чём-то очень важном.

«Надо и мне задумать что-нибудь особенное, хорошее, — сказала себе Катя. — Учиться по-настоящему, не только ради пятёрок, никого не огорчать, больше думать о других, чем о себе, и чтобы все, все были счастливы... И чтобы на земле не было войны, а был мир!»

А мерное постукивание кремлёвских часов уже сменилось гулками, звонкими ударами. И часам Кремля вторили чуть надтреснутым, знакомым звоном старые стенные часы в доме у Снегирёвых.

Когда и кремлёвские и домашние часы пробили двенадцать раз, папа поднял свой бокал.

— С Новым годом! — сказал он.

— С Новым годом, с Новым годом! — подхватили все — и большие и маленькие.

Сразу зажглись все лампы в комнате, зазвенели ножи и вилки, и все за столом заговорили громко и весело.

— А я, между прочим, что-то видел под ёлкой, — сказал папа. — Ты не заметил, Мишук?

— Там ничего не было, — ответил Миша.

— А ты проверь, проверь. И ты, Катерина.

Миша опрометью кинулся к ёлке, а Катя смущённо пошла за ним. Оба наклонились к белой крестовине ёлки и увидели по обе стороны её два пакета: один очень длинный, узкий, а другой — небольшой, но увесистый. Миша нырнул под ёлку и вытащил оба. На серой обёртке было что-то написано цветным карандашом. Миша прочёл и сказал:

— Это тебе, Катя, а это — мне.

И они наперебой принялись сдирать обёрточную бумагу.

— Кажется, лыжи! — с восторгом сказал Миша, когда из бумаги высунулся темнокоричневый полированный, загнутый вверх носок.

— А у меня — коньки, — сказала Катя. — Ой, спасибо!

— Ужинать, ужинать, ребята! — напомнила мама. — Потом налюбуетесь.

Ещё не кончился ужин, как неожиданно зазвонил телефон. Таня подбежала к письменному столу и взяла трубку.

— Лида? — спросила она. — Спасибо. И тебя тоже поздравляю... Скоро выйду. Жди меня в метро. У кассы...

Она с виноватым видом посмотрела на всех:

— Не знаю, что делать... Она будет ждать...

— Иди, иди, Танюша, — успокоила её мама. — Повеселись там, потанцуй.

— Да ведь холодно, поздно, — вмешалась бабушка. — Ну куда она пойдёт?

— Молодым никогда не холодно и никуда не поздно, — сказал Пётр Иванович. — Я когда-то на студенческих вечеринках до утра под Новый год плясал. Идите, идите, девушка, я вам пальто подам.

И, подхватив Таню под руку, он потащил её в переднюю.

— А мы что теперь будем делать? — спросил Миша.

— Спать, — коротко сказала бабушка.

Катя и Миша молча посмотрели на маму.

— Ну, пусть они ещё десять минут потанцуют, — сказала она.

Папа завёл патефон. Пётр Иванович пошёл танцевать с мамой, папа с Катей, а бабушка с Мишей. Но Миша сразу же наступил бабушке на мозоль, и она, охая, села на диван. Тем и кончился новогодний вечер.

НОВЫЙ ГОД НАЧИНАЕТСЯ

И вот наступило утро первого января. Было ещё совсем светло, и все в доме спали, когда Катя, стараясь никого не разбудить, на цыпочках вышла из комнаты и побежала по коридору мыться. Но Ирина Павловна всё-таки услышала лёгкий скрип двери и осторожные шаги дочки.

— Это ты, Катюша? — негромко окликнула она.

— Я, мамочка, — шопотом ответила Катя. — Ты не беспокойся. Спи. Я всё сама.

Но когда Катя оделась и причесалась, на скатерти уже дымился горячий кофейник, и мама, сидя у стола, готовила ей бутерброды в дорогу. Накормив Катю, она так закутала её тёплым шерстяным платком поверх мехового капора, что поцеловать дочку на прощанье ей удалось только в кончик задорного, чуть вздёрнутого носа.

— Веселись там, — говорила Ирина Павловна шопотом, осторожно снимая дверную цепочку и стараясь не скрипнуть дверью, — но смотри будь умницей.

И мама, выйдя на лестницу, чуть не в десятый раз перечислила всё, чего Катя не должна делать: не выходить на станциях, не сидеть на сквозняке, не отходить от Анны Сергеевны, не терять варежки и так далее, и так далее. И Катя в десятый раз дала «честное пионерское», что не простудится, не заблудится и ничего не потеряет.

На улице было мало народу. Видно, москвичи, встречавшие Новый год, ещё не успели выспаться. Редкие прохожие торопливо шли по бульвару с поднятыми воротниками. Эти, видно, и не ложились вовсе и теперь торопились домой, чтобы подремать хоть часок.

Крепкий, плотный, схваченный морозом снег легонько поскрипывал у Кати под ногами. Кое-где поблёскивали тёмные наледи, и Катя невольно вспомнила про свои новые коньки. Тяжёлые, блестящие, немножко тупоносые, они лежат в углу комнаты на скамеечке, завернутые в голубую бумагу, и ждут, когда Катя обновит их. Завтра! Завтра же вместе с Таней они непременно пойдут на каток. Ну, а сегодня?

Сегодня она поедет в поезде куда-то далеко, в новый, не-

знакомый город, увидит незнакомые улицы, незнакомые дома, новых людей... От этих мыслей Кате стало ещё веселей, она даже слегка подпрыгнула от радости и бегом побежала к школе. Ей было жарко, и морозный ветерок приятно охлаждал щёки.

В вестибюле школы пахло елью и смолой, так же как и дома. Ещё вчера огромная ёлка стояла здесь, в углу, а потом её унесли в зал.

Катя увидела своих подруг, закутанных так же, как и она.

— Катенька, наконец-то! — обрадовалась Аня. — А я уже боялась, что ты не придёшь.

— Ну вот ещё! Я же сказала, что приду.

Аня Лебедева и другие девочки были сегодня похожи на кульки — их даже трудно было сразу узнать.

Оля Егорова, тоже в платке и валенках, держала в руках книжечку и что-то записывала.

— Снегирь прилетел! — весело закричала Ира Ладыгина. — Оля, запиши — нас уже семь! — И она добавила с улыбкой: — Оля всех нас записывает, чтобы мы не потерялись. Подумаешь — маленькие!

— А бывает, что большие хуже маленьких, — сказала Настя, обидевшись за старшую сестру. — Таковую, как ты, Ирина, не мешало бы за руку вести всю дорогу.

— За меня не беспокойся, — отрезала Ира. — Я-то уж нигде не пропаду.

— Ну ладно, девочки, — остановила их Оля. — Не ссорьтесь.

Катя оглядывалась вокруг.

— А почему нас так мало? — спросила она. — И Анны Сергеевны ещё нет... И Наташи. А Стеллу, наверно, не пустили?

— Её никогда никуда не пускают, — сказала Лена.

Как раз в эту минуту входная дверь открылась, и вошли Анна Сергеевна, Стелла и ещё какая-то незнакомая женщина в меховой, немного потёртой шубе и в вязаном платке поверх низко надвинутой на лоб барашковой шапочки. Женщина крепко держала Стеллу за руку.

— Это Стеллина мама, — шопотом сказала Лена Ипполи-

това и толкнула Катю в бок. — Здравствуйте, Антонина Степановна!

— Здравствуй, Леночка! — ответила Стеллина мама. — Ты тоже едешь? Не боишься мороза?

— Нет, — сказала Лена. — Мама меня так закутала!..

Девочки между тем окружили Анну Сергеевну.

— С Новым годом, Анна Сергеевна! А мы на поезд не опоздаем?

— С Новым годом, с Новым годом! Не опоздаем, — ответила Анна Сергеевна, снимая очки и протирая их платочком. — Ну, сколько же вас собралось?

— Всего семь, — ответила Оля и поправилась: — Со Стеллой уже восемь... И я — девятая. А как же быть с остальными?

— Ну что ж, — сказала Анна Сергеевна, — поедем без них. Видно, остальных не пустили из-за мороза.

— Вот видишь, Стелла, — с укором проговорила её мама. — Не пустили! А ты меня уверяла, что едут все. Идём-ка лучше домой!

— Ой, что ты, мамочка! Честное слово, со мной ничего не случится.

— Но ведь семнадцать градусов! — сказала Антонина Степановна. — А к вечеру будут все двадцать пять.

— В вагоне прекрасно топят, — успокоительно сказала Анна Сергеевна.

Стеллина мама с сомнением покачала головой:

— Не знаю, не знаю... По-моему, разумнее было бы вернуться. Ну, да если тебе так уж хочется, Стелла, поедем, пожалуйста.

Стелла испуганно посмотрела на мать.

— «Поедем», мамочка? — переспросила она негромко. — Разве ты тоже?..

— А что же делать? Не могу же я пустить тебя одну в такой мороз!

— Да ведь не одна же я поеду! — сердито и жалобно проговорила Стелла. — Ты посмотри, сколько нас! И Анна Сергеевна с нами, и Оля!..

— У Анны Сергеевны не двадцать пар глаз, а только одна. А Оля такая же девочка, как ты. За ней самой смотреть надо.

Стелла быстро обернулась и через плечо поглядела на Олю. Та отвела глаза и слегка покраснела.

— Что ты, мама! — Голос у Стеллы дрогнул, и на глазах показались слёзы. — Ну как ты можешь так говорить! Оля — большая, она уже в восьмом классе! И потом, ведь ни одна мама, кроме тебя, не едет! Ну чего ты боишься?

— Хорошо, хорошо, погоди, — резко остановила её Антонина Степановна. — Подумаешь, какое несчастье — мать хотела поехать с ней на ёлку!

Она отстранила Стеллу рукой и крупными шагами подошла к Анне Сергеевне.

— Вы меня простите, но у меня к вам большая просьба — последить за моей девочкой особенно внимательно.

Анна Сергеевна слегка нахмурилась:

— Хорошо, не тревожьтесь, я слежу. В дороге за каждой из них приходится смотреть особенно внимательно.

Стеллина мама немного смутилась:

— Да-да, я понимаю, конечно. Но дело в том, что Стелла подвержена ангинам...

— Хорошо, — коротко и сухо сказала Анна Сергеевна. — Будьте спокойны.

И, подозвав Олю, взяла у неё книжечку и принялась сама проверять, кто едет.

Катя почувствовала, что Анне Сергеевне почему-то не совсем приятен этот разговор, да и Оле как будто неловко. А уж девочки — так те просто боятся, как бы сердитая Стеллина мама и в самом деле не вздумала поехать с ними в детский дом.

«Ну, а что было бы, если б это была не Стеллина, а моя мама?» — неожиданно мелькнуло у Кати в голове. И ей сразу представилось, как они с мамой вместе неторопливо идут по утреннему морозно поскрипывающему снегу (не за руку, понятно, как Антонина Степановна со Стеллой, а под руку — это совсем другое дело: за руку водят только маленьких). Входят вместе в школьный подъезд, и мама, как всегда, сразу же находит для себя работу: она поправляет на Ирке Ладыгиной большой шерстяной платок, застёгивает под горлом у Лены Ипполитовой крючки, переплетает кому-то косу... Смеётся, со всеми болтает, шутит...

Да, конечно, если бы на месте Стеллиной была бы её, Катина, мама, всё пошло бы совсем по-другому. И девочки были бы рады и Анна Сергеевна. А уж сама Катя была бы просто счастлива. Только мама ни за что не поехала бы, если другие матери не едут. Разве что в родительском комитете ей бы поручили или Анна Сергеевна очень попросила. А так, только чтобы проводить Катю, ни за что! Ой, что будет, если эта Антонина Степановна и взаправду поедет с ними? Ведь и сейчас уже она не отходит от своей Стелочки ни на шаг. Бедная Стелла! Лена Ипполитова говорит правду: трудно ей, бедняжке, живётся!..

Думая обо всём этом, Катя невольно повернулась и стала по очереди поглядывать то на Стеллу, то на её суровую и чересчур заботливую маму.

«Ой, что это я? — спохватилась Катя. — Уставилась на них, как на диковинных зверей в зоопарке. Даже невежливо».

И, притворившись, что смотрит вовсе не на Стеллу с мамой, а на входную дверь, громко заговорила:

— Девочки, а где же Наташа? Неужели опоздает, и мы так и уедем без неё?

— Наташа с нами не поедет, — сказала Аня. — Она кашляет, и температура у неё тридцать семь и одна.

— Вот глупо! — сказала Ира Ладыгина. — Уж лучше было бы тридцать восемь и одна.

— Что это ты говоришь? — спросила Катя. — Почему тридцать восемь и одна лучше?

— Ну как ты не понимаешь? Не так было бы обидно. А то что же это за температура — тридцать семь и одна? Вовсе да же и не жар, а ты всё-таки сиди дома.

— Да, правда, ужасно досадно, — сказала Катя. — Ну, мы вернёмся и всё ей расскажем.

Все вышли на улицу, и девочки построились парами. Аня, конечно, сразу же оказалась возле Кати, Настя пошла рядом с Леной Ипполитовой, Стелла — с Ниной Зеленовой, а Валя Ёлкина — с Ирой Ладыгиной. Несколько поодаль, оглядывая всю шеренгу, пошли Анна Сергеевна и Оля. Антонина Степановна шагала рядом с дочкой, но у входа в метро Стелла сказала:

— Мамочка, ну иди же, иди домой!

Голос у неё был робкий и просительный. И Антонина Степановна, чуть поколебавшись, помахала всем рукой и отстала.

После её ухода девочкам сразу стало как-то легче и свободнее. Все заговорили громче. Ира Ладыгина и Валя Ёлкина, схватившись за руки, обогнали Стеллу с Ниной и зашагали во второй паре вслед за Катей и Аней. Когда же раздвижная дверь вагона метро с мягким шумом закрылась за ними, они уселись все в ряд на кожаное сиденье, и у них началась такая весёлая болтовня по всякому поводу и даже без повода, что вся компания чуть не проехала станцию «Курская».

В ВАГОНЕ ПОЕЗДА

Поезд стоял у перрона. Увидя стайку школьниц, проводница приветливо крикнула им с площадки одного из вагонов:

— А ну-ка, дочки, заходите!

Она была одета в чёрную шинель с медными пуговицами, из кармана у неё торчал жёлтый флажок.

— С Новым годом вас! — приветливо сказала она, сойдя на платформу.

— С Новым годом! — ответили девочки хором и одна за другой быстро вскарабкались по крутым, узеньким ступенькам.

Вагон и в самом деле оказался такой, какие бывают в поездах дальнего следования — со спущенными верхними полками, со столиками возле окон и занавесками. Сквозь двойные стёкла виднелся другой поезд, но не паровой, а электрический — с широкими окнами и целой сетью проводов над крышами.

В вагоне было как-то по-домашнему тепло. Анна Сергеевна велела девочкам раздеться, а шубки, платки и шапки повесить над скамейками возле окон.

Вокруг было совсем свободно. Все скамейки оказались пустыми. Видно, в это раннее новогоднее утро мало нашлось охотников путешествовать.

Настя пристроилась у столика, и сейчас же на нём оказалась вышитая салфетка, а у Нasti в руках — вязанье и крючок.

Катя села у окна с другой стороны, напротив Насти. Рядом с Катей примостилась Аня Лебедева.

Стелле Анна Сергеевна велела сесть подальше от окна и от дверей. Все девочки невольно переглянулись. А у Стеллы на лице появилось такое же, немножко обиженное, выражение, какое было у неё в школе перед самым отъездом.

— Эх, жалко, что совсем нет пассажиров! — сказала Ира Ладыгина. — Мы одни, и больше никого...

Но в эту самую минуту с площадки донеслись голоса, смех, и в вагон ввалилась целая ватага лыжников — парней и девушек, одетых в одинаковые тёплые, мохнатые куртки и брюки. Лыжники расставили по стенкам вагона свои лыжи и палки и принялись рассаживаться, занимая все свободные места. Вагон сразу заполнился до того, что одному из лыжников даже не хватило места.

— Товарищи, — сказал он, оглядываясь вокруг. — А ведь мы, кажется, попали в детский вагон!

— Вот ещё, «детский»! — обиделась Валя Ёлкина. — Они, наверно, думают, что мы первоклассницы.

— Да нет, какой же это детский вагон, — отозвался басом один из лыжников, сидевший на краешке скамьи у дверей. — Разве не видишь, что здесь старушки едут? А впрочем, садись ко мне на колени, сойдёшь за ребёночка.

Со всех сторон так и посыпались шутки:

— Папаша, смотри, как бы сынок тебя не раздавил! Ребёночек крупный. Верных семьдесят два килограмма.

— Папаша, дай ребёнку покурить, а то он заплачет.

— Дал бы, да вагон для некурящих.

Уже промелькнули мимо широкие окна стоявшей на соседнем пути электрички, и в вагоне стало светлее. А поезд, который должен был увезти из Москвы девочек с их учительницей и лыжников, казалось, и не думает двинуться в путь. И вдруг, совсем неожиданно, мимо окна медленно и плавно пошли назад отцепленные вагоны, низкие крыши, высокие трубы, кирпичные стены, дощатые заборы... Под вагоном с гулким роко-том уже начали свою работу колёса. Поезд ускорял ход, и всё быстрее бежали в обратную сторону телеграфные столбы. Протянутые между ними провода были похожи на линеечки в

школьной тетрадке. Расстояние между линейками делалось то уже, то шире, линейки то будто выпрямлялись, то становились волнистыми. Поезд шёл всё быстрее и быстрее.

Кто-то из лыжников затянул песню «Где ж вы, где ж вы, очикарие?», и в вагоне стало ещё веселее.

А где-то далеко впереди гудел паровоз, и по этому доносившемуся издалека гудку чувствовалось, что впереди ещё много, много вагонов.

Девочки то смотрели в окна, то снова оглядывались на весёлых пассажиров. Даже Анна Сергеевна с интересом посматривала на этих здоровых, жизнерадостных парней и девушек и чуть заметно улыбалась. Может быть, ей вспомнились собственные студенческие годы...

Но особенно понравилась эта весёлая, громкоголая компания Ире Ладыгиной. Каждая шутка вызывала у неё настоящий восторг. Она даже подпрыгивала и хлопала в ладоши.

Из разговоров молодых людей нетрудно было догадаться, что они едут на лыжную вылазку в какое-то очень хорошее место, где есть и холмы и крутые обрывы.

— Вот бы и нам на вылазку! — с завистью сказала Ира, на всякий случай краешком глаза поглядывая, не слушает ли её Анна Сергеевна. — А то собирались, собирались — и на тебе: собрались в детский дом. Это почти всё равно, что в школу.

— Ну и не ездила бы, если тебе неинтересно, — сказала Настя Егорова. — Никто тебя силком не тянул.

— Да я же не говорю, что неинтересно, а только на лыжной вылазке, конечно, веселее.

Ира отвернулась и прижалась лбом к стеклу.

А за окнами простирались снежные поля, мелькали дощатые высокие платформы дачных посёлков. Но поезд, не обращая на них внимания, нёсся мимо, мимо, и опять за окнами вырастали то снежные насыпи, то белые берёзки с чёрными ветками, то молодые сосенки с тонкими, словно покрасневшими от мороза и ветра стволами. Казалось, эти берёзки и сосенки только что выбежали к рельсам, чтобы посмотреть на проходящий мимо поезд.

Но вот поезд замедлил ход, лыжники, как по команде, вскочили и двинулись к дверям. И тут, неожиданно для всех, Ира

Ладыгина накинула на плечи шубку и юркнула вслед за лыжниками на площадку вагона.

— Ира! — крикнула Анна Сергеевна. — Ладыгина! Ты куда ж это?

— Я сейчас, Анна Сергеевна! — донёсся из-за дверей Ирин голос. — Только посмотрю, какая это станция...

Анна Сергеевна сразу поднялась, но Оля уже успела набросить на себя платок и кинулась вслед за Ирой. В эту минуту вагон дёрнуло, и поезд тронулся. Девочки кинулись к окнам. Вдоль станции, чернея на снегу, тянулась длинная вереница пассажиров.

Дверь с шумом открылась, и Оля вбежала обратно в вагон. Но Иры с ней не было.

— Где же она? — спросила Анна Сергеевна, и девочки увидели, как изменилась в лице их учительница.

— На площадке её нет, — проговорила Оля, глядя на Анну Сергеевну круглыми от испуга глазами.

Все так и обмерли. Учительница нахмурилась.

— Вот что, — сказала она решительно. — Сидите спокойно на местах. Может быть, она в другом вагоне.

— А что, если она осталась на станции? — спросила Оля.

— Тогда придётся заявить начальнику поезда, — ответила Анна Сергеевна каким-то не своим, глуховатым голосом и, кое-как накинув пальто, вышла из вагона.

Девочки остались одни с Олей.

— Неужели Ира и вправду сошла на станции? — спросила Катя, как будто Оля знала больше, чем она.

Оля только пожала плечами и вздохнула:

— Кто её знает! Могла и сойти. От Ирки всего можно ждать...

— Нет, вряд ли она сошла, — рассудительно сказала Настя. — Если бы Ира вздумала сойти, она бы и платок надела и варежки взяла. А ведь она только на себя шубку набросила... Даже не в рукава надела, а так — на плечи накинула.

— Это, пожалуй, верно, — сказала Оля.

Все задумались.

— Ой, девочки, — грустно проговорила Аня, — я боюсь, что Ира всё-таки осталась на станции...

— Да зачем же ей было оставаться? — спросила Валя.

— Конечно, незачем, — сказала Аня, — а просто из шалости. Спрыгнула на платформу, а поезд в это время и тронулся... Что-то она теперь будет делать? Билета у неё при себе нет, все билеты у Анны Сергеевны...

— Подумаешь, беда какая... — заметила Стелла. — Что она, маленькая? Имя и фамилию свою знает, адрес — тоже. Я это в три года уже назубок знала. Вернётся домой — и всё тут.

— Да ведь и денег-то у неё нет! — сказала Катя вспыхнув. — Как же она без денег доедет?

— Очень просто, — всё так же спокойно и невозмутимо продолжала Стелла. — Может пойти к начальнику станции. Рассказать всё...

— Да, «рассказать»! — оборвала её Катя. — А если она уже плачет и даже слова не может выговорить? Что тогда?

— Тогда уж не знаю. — И Стелла отвернулась к окну.

А Валя вздохнула.

— Лыжники, наверно, давно ушли, — сказала она. — И осталась наша Ирка на станции одна. Одна-одинёшенька... Сидит там, как дура, под часами и ревет.

Все испуганно посмотрели друг на друга и на Олю.

— Ну, отчаиваться ещё рано, — сказала Оля, стараясь говорить спокойно. — Не пропадёт.

Но Олины слова никого не успокоили. Легко сказать — «не пропадёт», когда она уже пропала! Впрочем, видно, у самой Оли на душе не было спокойно. Она так и покачивалась из стороны в сторону, приложив руки к щекам, а Кате с Настей — тем и вовсе не сиделось на месте. Они то вскакивали, то садились снова.

Сначала все ещё ждали, что дверь вот-вот откроется и в вагон как ни в чём не бывало войдёт Ира... Но с каждой минутой эта надежда таяла, и теперь девочки поглядывали на плотно закрытую вагонную дверь, ожидая возвращения Анны Сергеевны. Какие-то вести она принесёт?

— Ох, как её долго нет! — вздохнула Валя. — Как ты думаешь, Олечка, почему?

— Наверно, к этому самому... ну, к начальнику поезда пошла, — ответила Оля, всё ещё качаясь на скамейке и держась

за щёки, словно у неё болели зубы. Она в это время думала о том, что́ будет, если придётся вернуться в Москву без Иры. Как сказать об этом Ириным родителям? Надежде Ивановне? Вере Александровне?

— А что же может сделать начальник? — спросила молчавшая до сих пор Нина Зеленова. — Ведь он в поезде, а Ирка наша на станции сидит.

— Может телеграмму дать. Или на ту станцию, где Ира осталась, позвонить, — ответила Оля, с трудом произнося слова.

— Да она, может быть, совсем и не там осталась, — сказала Валя и всхлипнула. — Мы же видели всех, кто вылез на той станции. Ирки там не было. Вдруг она пропадёт совсем, — что мы тогда делать будем?

Девочки с ужасом посмотрели на Валю.

— Как это — «совсем пропадёт»? — сказала Лена. — Не может она совсем пропасть. Помните, девочки, Анна Сергеевна говорила нам, что в Москве есть такой отдел... при милиции, — там разыскивают пропавших детей.

— Да, да, — подхватила Настя, — мы ещё хотели разыскать того мальчика, про которого нам Катя рассказывала, — сына героя... Серёжу Решетникова, что ли?

Всем стало ещё грустнее. Каких-нибудь несколько минут назад Ира, весёлая, бойкая Ира, сидела тут вместе со всеми, и вдруг она исчезла, и теперь надо думать о том, как бы разыскать её через милицию...

Катя в сотый раз вскочила с места.

— Нет, девочки! — решительно заявила она, поглядев на приунывших подруг. — Мы её найдём! Обязательно найдём! Серёжа Решетников — это совсем другое дело. Он пропал уже давно, тогда ещё война была. Тогда, может быть, разбомбило дом, где он жил. Или мало ли что... — Катя перевела дух и продолжала: — А Ира останется цела. Разве что страху натерпится или насморк схватит. А так — ничего особенного с ней не случится. Не может же она потеряться в дороге, как зонтик или рукавичка!

Катя говорила уверенно, стараясь успокоить не только подруг, но и себя самоё, и всё же тревога за Иру, помимо её во-

ли, всё больше и больше росла в ней. Что-то сейчас делает эта глухая Ирка? Конечно, ей уже не до смеха и шалостей.

И Кате представилась маленькая, занесённая снегом дачная платформа. Под навесом на каком-то бочонке или ящике сидит Ира. Ветер взметает снежную крупу, посвистывает в щелях дощатого навеса. Ире холодно, страшно. Она кое-как натянула на свою рыженькую головку воротник шубки, засунула в рукава озябшие руки. А её пушистый платок и шерстяные пёстрые варежки едут без неё в тёплом вагоне.

Катя взглянула на Ирин серенький мягкий платок, висящий у окна вагона. У платка тоже был какой-то грустный, осиротевший вид. А вот и корзиночка с едой, которую дала Ире на дорогу её мама. Завтрак остался, а Иры нет. И едет себе завтрак всё дальше и дальше...

У Кати к горлу подступил комок. На глаза навернулись слёзы. Аня это заметила и, не сдерживаясь уже больше, закрыла лицо руками и заплакала. Глядя на Аню, залилась слезами и Валя.

— Знаете, девочки, — сказала Настя, тоже вытирая глаза ладонью, — уж лучше бы нам совсем не ехать на ёлку, а сойти на следующей станции и поехать обратно в Москву.

— Да, конечно, — согласилась Лена Ипполитова. — Мы же всё равно не сможем веселиться.

И правда, девочкам было совсем не до веселья. Даже странно было вспомнить, что ещё совсем недавно, в этом самом вагоне, все они были такие весёлые и беззаботные.

А поезд, как нарочно, мчался теперь на всех парах. И чем дальше уходил он от той маленькой станции, где пропала Ира, тем больше становилась тревога. Вагон покачивало, и всё в нём звенело — вентиляторы под потолком, матовые стеклянные шары ламп, оконные стёкла и чья-то кружка на столе. То и дело по вагону быстро проходили продавцы в белых фартуках с плетёными корзинами, с голубыми сундучками и предлагали певуче, как ни в чём не бывало:

— Пирожки с вареньем! Кто желает?

— Сливочное мороженое в вафельных стаканчиках! Кто желает мороженого? Пожалуйста!

В другое время девочки, конечно, пожелали бы и пирожков

с вареньем и мороженого, которое они с удовольствием съели бы вместе с вафельными стаканчиками. Но теперь им было совсем не до мороженого и даже не до завтраков, уложенных в чемоданчики и сумки. Вся радость поездки была испорчена, отравлена вконец! Катя даже невольно стала сердиться на Иру: ведь так было бы хорошо, если бы не она!

Наконец Анна Сергеевна вернулась — серьёзная и озабоченная. Она даже как будто немного похудела за это время.

— Ну что, что?.. — бросились к ней девочки.

— Пока её нет, — тихо сказала Анна Сергеевна. — Я заявила начальнику поезда. Будут искать. — И, не садясь, добавила коротко: — Скоро приедем. Соберите вещи.

Все молча начали собираться. Тихо, не говоря ни слова, разобрали платки и пальтишки и так же тихо помогли друг дружке одеться, закутаться, завязать узлы платков и шарфов. Под конец Оля сняла с крючка Ирин платок и, вздохнув, сложила его вместе с Ириными варежками. И вдруг вагонная дверь раздвинулась, и вошла проводница.

— Вот. Получайте, — сказала она, широко улыбаясь.

Из-за её плеча, посмеиваясь, выглянула Ира Ладыгина.

Все так и вскрикнули от неожиданности. Девочки бросились к Ире, стали обнимать, тормошить её и наперебой расспрашивать, где она была и кто её нашёл.

— Мы тебя так жалели, так жалели! — говорила Аня. — Даже плакали! Думали, что ты со ступенек свалилась или на той станции осталась и замёрзла там на платформе...

Но вид у Иры был совсем не такой, чтобы нужно было о ней плакать. Лицо у неё разругалось, и она не только не выглядела замёрзшей, но видно было, что ей жарко, весело и она очень довольна собой.

— Да ну, рассказывай же скорей, где ты пропадала! — крикнула Оля.

Ира засмеялась.

— А я вовсе и не пропадала, — сказала она лукаво и поглядела на девочек. — Я просто пряталась.

Оля даже руками всплеснула:

— Пряталась? Зачем? От кого?

— Как это — от кого? От всех вас... — так же задорно от-

ветила Ира. Она поглядела на серьёзные лица вокруг и догадалась, что никому, кроме неё самой, эта затея не кажется забавной. — Я думала, вы меня будете искать и скоро найдёте... — сказала она растерянно. — Я же была совсем рядом, в соседнем вагоне.

— В соседнем вагоне? И ты не видела, что Анна Сергеевна тебя ищет? — спросила Оля.

— Видела, — ответила Ира, — оттого и пряталась.

Все переглянулись.

— Я думала, всем будет очень смешно...

Тут на Иру так и посыпался град упреков. Особенно сердились на неё Аня и Валя — наверно, за то, что они столько из-за неё плакали. Обе они принялись так стыдить и упрекать её, что Анна Сергеевна даже остановила их:

— Ну ладно, хватит. Ладыгина и сама уже, наверно, понимает, какую глупую шутку она затеяла. В другой раз мы её с собой никуда не возьмём. А пока не будем с ней разговаривать.

Ира засопела, и глаза у неё наполнились слезами.

— Простите, Анна Сергеевна, — пробормотала она. — Я больше не буду!

Но Анна Сергеевна молчала. Оля молча протянула Ире её вещи, а Валя всё-таки не выдержала и спросила сердито:

— Где же ты там пряталась, глупая девчонка? (Она хотела сказать: «дура ты этакая», но при Анне Сергеевне не решилась.) Под лавкой, что ли?

— Нет, — ответила Ира и всхлипнула. — Там один дяденька большую шубу повесил у окошка, а сам заснул... Я и спряталась под эту шубу... то-есть под эту доху... на меху.

— «Доху на меху», — передразнила её Настя. — Постыдилась бы хоть рассказывать. Бессовестная!

А проводница подошла с веником — подметать пол — и, посмотрев на Иру, сказала:

— И какие ещё есть озорницы несознательные! Вот погоди, — и она погрозила Ире веником, — доберусь я до тебя!

Девочки, конечно, поняли, что это не всерьёз, но Ира на всякий случай отошла от строгой хозяйки вагона подальше.

Всю остальную дорогу никто с Ирой не разговаривал.

Она молча, с трудом глотая, съела свои бутерброды и, ни на кого не глядя, стала одеваться. Платок завязала так, что одна из её коротеньких рыжих косичек вылезла наружу, но никто этого даже как будто и не заметил.

В вагон опять вошла проводница.

— Орехово! — деловитым, кондукторским голосом объявила она, а потом добавила шутливо: — Приехали с орехами. Будьте здоровы. А тебе, озорница, — обернулась она к Ире, — досталось бы от меня на орехи, кабы я была твоя учительница.

Анна Сергеевна слегка улыbnулась, и все построились друг за другом в проходе.

Ира хотела было протиснуться вперёд, но Анна Сергеевна взяла её крепко-накрепко за руку, как маленькую.

— Пойдёшь со мной, — сказала она.

Ира густо покраснела, но руку не выдернула.

Замедляя ход, поезд подходил к станции.

ПРИЕХАЛИ!

Хоть и казалось, что в этом новогоднем поезде совсем немного пассажиров, но как только он остановился, из вагонов высыпало столько народу, что платформа сразу почернела.

Анна Сергеевна со своими ученицами тоже вышла из вагона.

— Погодите, девочки, — сказала она, — пускай сначала толпа схлынет. А то вас затолкают. И потом, я думаю, что нас кто-нибудь встречает, а в этой суматохе мы никого не найдём, да и нас не найдут.

И в самом деле, толпа скоро поредела, и тут девочки увидели длинную платформу, покрытую снегом, и одноэтажное вокзальное здание. Над платформой была укреплена большая стеклянная рама с отчётливой, видной издалека надписью: «Орехово».

Под часами, возле зала ожидания, стояла какая-то большая девочка в синем лыжном костюме, в ушастой мальчишечьей шапке и в мохнатых рукавицах. Девочка внимательно оглядывалась по сторонам, должно быть кого-то поджидая.

— Ну, вот это — Машенька Дмитриева, — сказала Анна Сергеевна. — Пришла нас встречать.

В ту же самую секунду девочка заметила московских гостей и, махнув пушистой рукавицей, бросилась к ним.

— А я смотрю-смотрю, все проходят, а вас нет, — сказала она весело, поздоровавшись с Анной Сергеевной и по очереди пожимая всем девочкам руки своей крепкой, горячей рукой. — Идёмте скорей, а то замёрзнете. Сегодня мороз — просто жуть! Ещё хорошо, что ветра нет.

— Ты одна? — спросила Анна Сергеевна.

— Нет, с Бульбой, то-есть с Тарасовым Аликом, — поправилась Маша. — Он на площади дожидается. С санями. Есть у вас с собой какие-нибудь вещи?

— Да нет, какие там вещи, — сказала Анна Сергеевна. — Мы же к вам всего на денёк.

— Всего на один день? Как жалко! Ну, идёмте.

И Маша быстро зашагала к выходу, то и дело оборачиваясь через плечо. Девочки невольно прибавили шагу, чтобы не отставать от неё. Позади всех шла Анна Сергеевна, крепко держа за руку Иру. Вид у Иры был понурый и несчастный. Она никак не могла попасть в ногу с Анной Сергеевной и поэтому даже как будто слегка прихрамывала.

— Что, у этой девочки, наверно, нога болит? — негромко спросила Маша у Насти, которая шла в первой паре.

Настя переглянулась с Леной Ипполитовой и ответила, усмехнувшись:

— Да нет, ничего у неё не болит. Просто она у нас такая... особенная. Приходится водить её за руку.

Маша с удивлением посмотрела на Настю, но расспрашивать не стала.

Тяжёлая вокзальная дверь, поскрипывая, отворилась, и все вышли на площадь. Девочки невольно зажмурились — так ярко блестел на солнце свежий, ещё недавно выпавший снег.

— А где этот ваш мальчик с саночками? — спросила Валя, оглядываясь по сторонам.

— Да вот же он!

В эту же минуту к широким ступеням вокзала лихо подкатали розвальни. Лошадью правил худенький мальчик в такой

же шапке-ушанке, как у Маши, и в полушубке. Он на ходу со-скочил с низких широких саней, устланных сеном и прикрытых толстыми байковыми одеялами.

— Тпру! Да стой же ты, — сказал он, прикручивая вожжи к передку. — Здравствуйте, тётя Аня!

— Здравствуй, Алик! Здравствуй, дружок! — Анна Сергеевна наклонилась к нему и поцеловала его. — Ну, как твои дела?

— Только по геометрии четыре, — ответил Алик, притапты-вая снег большим валенком.

— Молодец. Это ты нас повезёшь?

— Я.

— А не вывернешь?

— Что вы! Знаете, как наш конь меня слушается? Лучше, чем Семёна Игнатьевича. Ну, устраивайтесь поудобнее. Ма-ша, а ты как — с нами или на лыжах?

— На лыжах, — сказала Маша и вытащила откуда-то из-под байковых одеял длинные лыжи и палки с колёсиками.

— Вот так саночки! — в восторге обежав розвальни кругом и усаживаясь на сено, сказала Валя Ёлкина. — Я думала — они какие-нибудь маленькие... ну, просто салазки. Без лошади. А это настоящие санищи! Скажи, Настя, ты когда-нибудь ездил-ла на лошадях?

— Верхом не ездила, — сказала Настя, — а в санях и на те-леге сколько раз. В колхозе.

— Ну, а я только в такси каталась. Да ещё на грузовике, когда на дачу ездили. А на лошади ни-ко-гда!

— Я тоже не ездила, — тихо сказала Нина Зеленова.

— А у нас в лагере были две лошади, — сказала Катя: — Красавица и Тётка.

Все засмеялись.

— А вашу лошадку как зовут? — вежливо спросила Лена Ипполитова, внимательно, сквозь очки, оглядывая большую темногнедую лошадь, поседевшую от мороза.

— Грачик, — коротко ответил Алик. — Ну как, уселись?

Маша оглядела розвальни, кое-где подоткнула сено, при-крыла всем ноги одеялом.

— Удобно? — спросила она. — Можно трогать?

— Нет, мне неудобно, — сказала Стелла. — Кто-то сел мне на ногу.

— Кто?

— Не знаю. Кажется, Аня Лебедева.

— Вот и неправда! — обиделась Аня. — Это ты меня всё время в бок толкаешь.

Алик обернулся. Видно было, что ему немножко смешно, но из вежливости он сдерживает улыбку.

— Перестаньте спорить, — тихонько сказала Оля. — Давайте я сяду между вами. Стелла, убери, пожалуйста, ноги.

— Да! Конечно, я всегда всем мешаю, — сказала Стелла, но всё-таки поджала под себя ноги.

— Ну теперь наконец всё в порядке? — спросила Анна Сергеевна. — Можно ехать?

— Анна Сергеевна, — робко сказала Ира, — а мне нельзя сесть вперёд, поближе к лошади? Я ведь даже править немножко умею.

— Где же ты этому научилась? — недоверчиво спросила Настя.

— А в Зоопарке. Я в прошлом году каждое воскресенье на пони каталась. И на осле иногда.

— Не выдумывай, пожалуйста! — сердито оборвала её Стелла. — «Каждое воскресенье»! Скажет тоже...

— И ведь это тебе не пони, — рассудительно добавила Лена. — Это большая лошадь!

— Совершенно верно, — подтвердила Анна Сергеевна, чуть заметно улыбаясь, — большая лошадь. Ну, Алик, едем, а то мы никогда не доберёмся до дому. А где же Маша?

— Она вперёд побежала, — сказал Алик. — Боковыми улицами. Раньше нас дома будет — вот увидите. Она здорово бежит! Но-о, трогай! — Алик покрутил в воздухе вожжами.

Грачик дёрнул сани и пошёл крупной рысью.

С жадным любопытством оглядывалась Катя по сторонам. Она сейчас чувствовала себя настоящей путешественницей — так интересно ей было ехать по новому, незнакомому городу. По сторонам мелькали старые дома — кирпичные и деревянные, и новые, бетонные, с широкими окнами. Вдоль тротуаров тянулись тополя, липы, белые от мороза, там и тут стояли дере-

вянные скамейки со спинками. Улица то суживалась, то снова расширялась, и тогда она становилась светлой и просторной.

В этот день движение было не очень большое. Но всё-таки иногда легковые и грузовые машины обгоняли Грачика. Должно быть, он привык к ним и не обращал на них внимания, только иной раз начинал чаще перебирать ушами.

— Всё-таки немножко боится, — сказала Ира.

— Да нет, не боится, — ответил Алик. — Машинами его не удивишь. Он — городской конь. Вот только к автобусам ещё не совсем привык. Их нам недавно Москва подарила.

— А это какая улица? — спросила Катя.

— Главная, Ленинская, — отрывисто сказал Алик и почмокал губами: — Нн-о, птичка!

Это очень понравилось девочкам. Они стали повторять наперебой:

— Птичка! Вот так птичка!

— А что же вы удивляетесь? — спросила Анна Сергеевна. — Конечно, птичка, если назвали Грачиком.

Будто услышав своё имя, Грачик слегка повернул голову, тряхнул гривой и побежал быстрее.

— Вот это наш горсовет, — объяснил Алик, показывая на темнокрасное с белым здание.

— Немножко похож на наш Моссовет, — сказала Катя.

Алик кивнул головой:

— Это все говорят.

— И кинотеатр у вас такой же, как у нас на Арбате, — сказала Аня. — «Художественный». Я прочитала название.

Девочкам было занятно и весело замечать всё, что в Орехове похоже на Москву, и так же интересно замечать всё, что не похоже.

— У нас дома гораздо выше. И магазины больше.

— А витрины похожие. Вон дед Мороз — совсем как у нас.

— И картина перед кино — точь-в-точь такая же, как в Москве.

— И машины такие же: «Победа», «Москвич».

— А вот троллейбусов нет...

— А что это за памятник мы проехали? Вон там — за углом? Какой-то человек со знаменем. Кому это?

— Петру Моисеенко, — сказал Алик, поглядывая на девочек через плечо. — Это он устроил первую стачку на морозовской фабрике. Место это так и называется — «Двор стачки». А вон там, напротив, — наш Дом пионеров.

Девочки оглянулись и увидели гипсовые фигуры пионера и пионерки, стоящие у подъезда одноэтажного особняка.

— Ну, теперь не пугайтесь, — сказал Алик, — я сверну в переулок, и мы так помчимся, что только держись!

— Осторожнее, Алик, — сказала Анна Сергеевна озабоченно.

— Не бойтесь, тётя Аня. Там никаких ухабов нет. А если даже и выверну, — прибавил он усмехаясь, — так в снегу мягко!

Он лукаво посмотрел на девочек и опять взмахнул вожжами. Девочки невольно ухватились друг за дружку, и все разом подпрыгнули на повороте. Теперь перед ними открылась неширокая улица с высокими сугробами. Деревянные дома с белыми пышными шапками на крышах казались какими-то особенно уютными. Поднимаясь над кирпичными трубами, вился штопором, совсем как на детских рисунках, лёгкий дымок. Из-за заборов деревья протягивали свои ветви, отяжелевшие от снега.

— Ой, как тут хорошо! — задумчиво сказала Нина Зеленова.

— И как тихо, — добавила Лена. — Совсем народу нет. Только вон там впереди какой-то лыжник бежит.

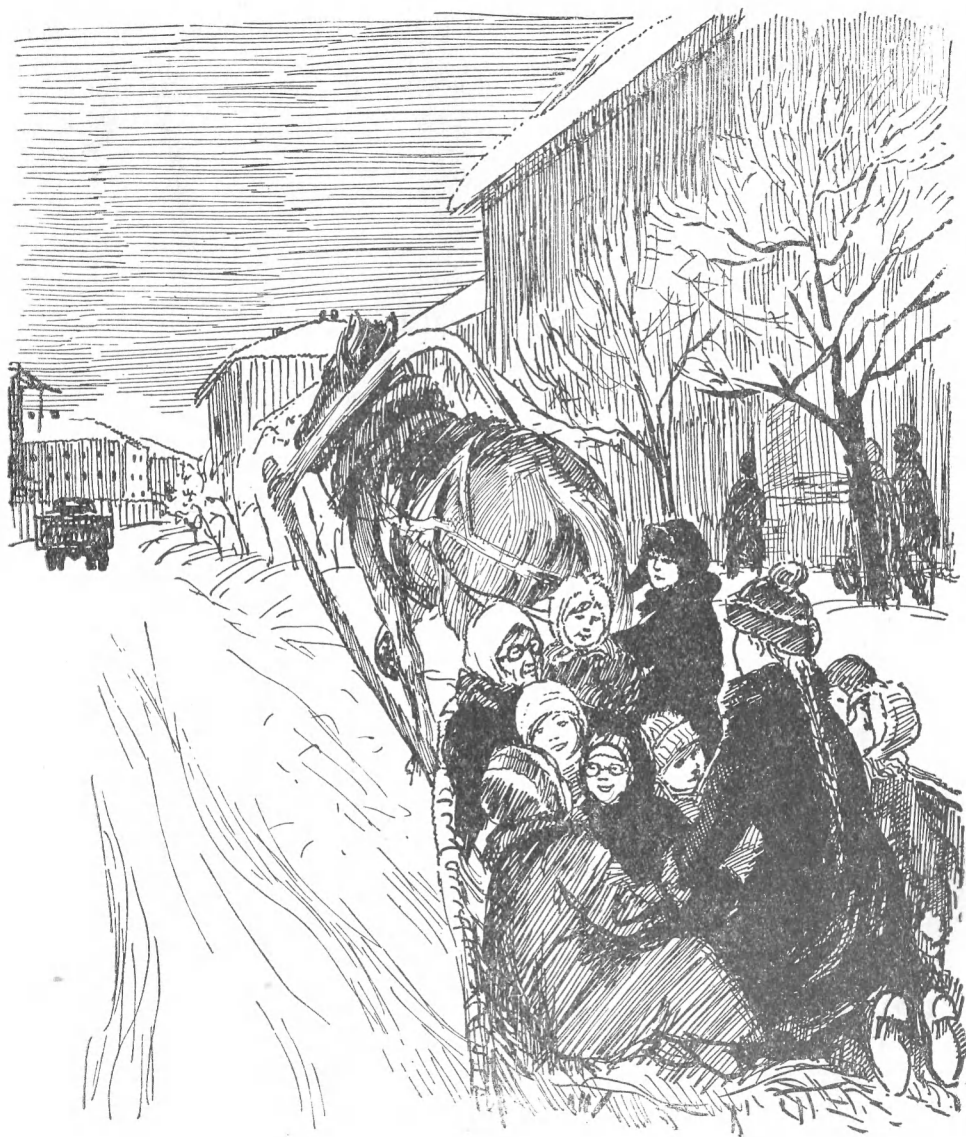
— Да это же Маша, — сказал Алик. — Она раза три дорогу срезала, вот и обогнала нас. Ну, ничего, теперь мы ей покажем!

Он прикрикнул на Грачика, и тот послушно побежал ещё быстрее. Замелькали заборы, дома, и вот уже розвальни поравнялись с лыжницей, бегущей по дороге ровным, широким шагом.

— Подсадить, Машук? — крикнул Алик, слегка привстав с места.

— Езжай, езжай, гостей заморозишь! — ответила на бегу Маша.

И розвальни пронеслись мимо. Ещё поворот, спуск с одной горки, подъём на другую — и опять длинная улица, вся белая от снега.

— Приехали! — сказал Алик и, натянув вожжи, остановил Грачика.

— Мне кажется, я могла бы ехать так целый год, — мечтательно проговорила Катя. — До того хорошо!..

— Приехали! — сказал Алик и, натянув вожжи, остановил Грачика.

Расчищенная дорожка вела между снежными сугробами к самому крыльцу двухэтажного бревенчатого дома. Не успела Анна Сергеевна позвонить, как дверь открылась. Должно быть, кто-то уже заметил гостей из окна. Навстречу приезжим так и пахнуло домашним теплом.

В ГОСТЯХ

— Здравствуйте, здравствуйте! — слышались отовсюду оживлённые голоса. — Проходите сюда. Раздевайтесь. Небось замёрзли?

После яркого зимнего дня и ослепительного снега в коридоре казалось темновато, и трудно было разобрать, кто это говорит.

Катя всмотрелась и увидела полную пожилую женщину в темнокрасном вязаном жакете, а за ней много ребят — и девочек и мальчиков, сбжавшихся со всех сторон.

— Ну вот мы, Валентина Егоровна, и нагрянули к вам, — говорила Анна Сергеевна, пожимая руку женщине в вязаном жакете. — Девочки, познакомьтесь, это — директор детского дома, мама всех шестидесяти ребят.

Валентина Егоровна внимательно посмотрела на каждую из девочек:

— Ну, как доехали? Наш ямщикок, надеюсь, вас не вывернул? Обязательно хотел сам за вами поехать.

— Алик? — переспросила Анна Сергеевна. — Нет, он довёз нас великолепно. Я и не знала, что он так хорошо умеет управляться с лошастью.

— О, мальчики у нас тут все такие лошадики, — сказала Валентина Егоровна, — Грачику от них прямо покоя нет. То его моют, то чистят, то прогуливают.

— Ох, я бы тоже его и кормила и прогуливала, если бы тут жила, — сказала Ира Ладыгина вполголоса.

— Да, тебе только доверь лошадь, — ещё тише проговорила Настя. — Ты и лошадь куда-нибудь заведёшь и сама пропадёшь.

— Что вы там шушукаетесь, девочки? — спросила Анна Сергеевна. — Раздевайтесь скорее.

— Да-да, — подхватила Валентина Егоровна. — Раздевайтесь и заходите в комнаты. А вы, хозяйки, ведите гостей в столовую. Они, верно, проголодались в дороге.

Столовая была невысокая, но просторная комната в первом этаже. Несколько столиков было празднично накрыто белыми подкрахмаленными скатертями.

С мороза здесь казалось особенно тепло. Всё вокруг выглядело как-то по-домашнему: и вышитые занавески на окнах и чайные чашки в буфете — красные, с белыми горошинами. В белой кафельной печке потрескивали и щёлкали дрова. Катя заглянула в дырочки железной дверцы. Там всё гудело, бушевало — дверца так и подскакивала.

Уже переодетая, в синем шерстяном платье с белым отложным воротничком, раскрасневшаяся с мороза, Маша Дмитриева серьёзно и в то же время весело отдавала распоряжения:

— Люда, ставь тарелки! Шура, носи ложки и вилки! Тося, тащи миску с супом! Галя, давай сюда пирожки!..

Катя поняла, что Маша здесь за старшую в этой большой семье. Ребята слушались её с полуслова. Девочки несколько раз подбегали к ней и что-то спрашивали шопотом.

Маша отвечала деловито, чуть шевеля своими тёмными тоненькими бровями, и вела себя совсем как большая. И только по тому, как быстро, слегка подпрыгивая на бегу, носилась она по столовой и коридору, было заметно, что она ненамного старше своих подруг.

Сдвинув два столика и оправив на них скатерти, Маша усадила гостей и озабоченно проверила, есть ли у всех ножи, вилки и ложки.

В это время несколько пар ног дружно затопало по коридору. Дверь открылась, и на пороге показалось несколько девочек и мальчиков. Впереди всех стояла какая-то очень тоненькая и довольно высокая белокурая девочка с мягкими светлыми волосами, лёгкими, как пух одуванчика. Она держала за руку ма-

ленькую круглощёкую девчурку лет семи, должно быть, первоклассницу. Девчурка была в сарафанчике и с большим розовым бантом на голове.

— Вы чего? — спросила Маша.

— Мы так... — сказала белокурая.

— Так, — басом повторила девочка с бантом.

— Ну, если «так», — сказала Маша улыбаясь, — подождите, пока мы пообедаем. Вы небось сыты, а мы ещё не ели.

Вся компания разом повернулась и, точно её ветром сдуло, исчезла в коридоре.

— Постойте! — закричала им вслед Маша. — Люда, пошли сюда Алика! Он ещё тоже не обедал.

— Тарас! Тарас Бульба! — дружно закричали ребята в коридоре. — Обедать иди!

— Кого это они зовут? — удивилась Валя Ёлкина.

— Алика.

— А почему же он Тарас Бульба?

— Потому что — Тарасов.

Алик не заставил себя ждать. Он вошёл в комнату и, придерживая дверь, пропустил в столовую одну за другой трёх девочек. Первая из них осторожно несла большую миску с супом, а две другие — по блюду с пирожками.

— Ой, сколько пирожков! — обрадовалась Ира. — С чем это?

— Для тебя с перцем, — язвительно ответила Стелла. — Ты других не заслужила.

Ира бросила на Стеллу сердитый взгляд и скорчила такую гримасу, словно она и в самом деле отведала перца.

— С мясом, с рисом и с капустой, — приветливо ответила Ире одна из девочек, как будто она даже и не слышала, что сказала Стелла. — Вот эти длинненькие — с рисом, кругленькие — с капустой, остальные — с мясом.

— Ну, принимайтесь за дело, — сказала Маша. — Тося, разливай суп. Алик, что же ты стоишь? Садись. Вот для тебя место.

— У вас тесно, — застенчиво и даже как будто испуганно сказал Алик. — Я лучше вон там сяду, в уголку.

— Что же, тебе отдельно подавать?

— Я сам возьму.

Он подошёл к столу, взял обеими руками тарелку супу, а потом вернулся и выбрал себе три пирожка разных сортов.

Пока Тося разливала по тарелкам суп, Валя Ёлкина успела разломить пополам и попробовать два пирожка.

— Ой, — сказала она, — как странно! У меня пирожки перепутались: вот длинненький, а вот круглый, и оба с рисом.

— А у меня все три с капустой, — негромко сказал Алик со своего места.

— Не может быть! — возмутилась девочка, которая принесла пирожки. — Покажи.

— Я их уже съел, — спокойно ответил Алик.

— Ну, значит, выдумываешь.

Валя смутилась и покраснела.

— Всё равно, — сказала она, — и с рисом очень вкусно!

— Нет, ты теперь вот этот возьми, — посоветовала Маша. — Этот уж наверно с мясом.

Все с интересом повернулись к Вале. Валя надкусила пирожок и сказала виновато.

— Опять с рисом...

Тут всем стало очень весело. Девочки начали разламывать пирожки и наперебой объявлять во всеуслышание:

— У меня — с капустой!

— У меня — с мясом!

— У меня — тоже с капустой!

— Как интересно! — сказала Катя. — Будто загадки разгадываешь. Девочки, отгадайте, какой у меня?

Загадывая и отгадывая, девочки очистили всё блюдо и уже нехотя ели второе.

Алик кончил обедать раньше всех. Он подошёл к печке, помешал угли и принялся разбивать кочергой чёрную, еще совсем крепкую головню.

Никто не заметил, как рядом с ним очутилась Ира.

— Дай, я помешаю! — сказала она тихонько и, взяв кочергу, изо всех сил ударила по головне.

Головня подскочила, как живая, и вывалилась из печки прямо на пол. В комнате едко запахло дымом. Но тут Алик быстро наклонился, схватил головню и швырнул её обратно в печь.

Должно быть, он немного обжёгся. Щёки у него сразу покраснели, и он невольно замахал пальцами.

Оля вскочила с места.

— И чего ты, Иринка, всюду суёшься! — крикнула она с досадой. — Без тебя в печке не помешают! Ещё не хватало пожар тут устроить! Смотри, из-за твоих фокусов Алик себе руку обжёг.

— Пустяки, — сказал Алик. — У меня руки привычные — ни холода, ни жара не боятся.

— Вот видишь, ничего не случилось! — обрадовалась Ира. — Он сам говорит: «пустяки».

— Тебе всё пустяки! — накинулась на неё Катя. — Всю поездку нам испортила, а теперь здесь представление устраиваешь.

— Прямо стыдно за тебя! — сказала Стелла.

— Весь класс срамишь, — прибавила Настя.

И они тут же наперебой рассказали Маше, Алику и тем девочкам, которые угощали их обедом, что натворила Ира Ладыгина в поезде.

— Вот потому-то Анна Сергеевна и вела её за ручку, как маленькую! — сказала Стелла.

Пока девочки рассказывали, Ира сидела, зажав уши. Но, должно быть, она всё слышала, потому что после слов Стеллы вскочила и, топнув ногой, крикнула:

— Если так, я опять от вас убегу!

— Ты и дороги не знаешь, — сказала Стелла.

— Знаю! — буркнула Ира. — А не буду знать, спрошу.

— Думаешь, мы опять из-за тебя реветь будем? — рассердилась Аня. — Можешь хоть на край света бежать — не заплачем.

— Да хватит вам, — вмешалась Маша. — Что старое помнить? Пойдёмте, я вам лучше наш дом покажу. Пошли?

Все поднялись с мест. Одна только Ира осталась сидеть за столом.

— А ты что? — спросила Катя оглядываясь. — Идём!

Но Ира будто и не слышала. Она перебирала пальцами край скатерти и даже не подняла головы.

— Да перестань ты душить! — строго сказала Катя и, по-

дойдя, потянула Иру за лямку передника. — Это не ты должна на нас обижаться, а мы на тебя. Слышишь?

Ира только передёрнула плечом и круто повернулась. Кате показалось, что она плачет.

— Ну вот, этого ещё не хватало! — проговорила Настя. — Тоже нашла время реветь. Наелась пирожков и ревёт. Брось, пожалуйста!

— Ладно, идём, девочки, — позвала подруг Стелла. — Хватит с ней нянчиться. Посидит, подумает — умнее станет.

И девочки вышли из комнаты, оставив Иру одну.

— Вот тут у нас групповая комната старших ребят, — сказала Маша, открывая дверь в угловую комнату с длинным, затянутым чёрной клеёнкой столом посередине. — Здесь мы уроки готовим, читаем, рукодельничаем, а иногда и просто бездельничаем — болтаем, смеёмся...

— А кто эти занавески вышивал? Очень хорошо, — сказала Настя.

— Ну — кто? Наши девочки.

— И ты?

— Нет, я плохо вышиваю. Я в столярной мастерской работать учусь — вместе с мальчиками. Я и дрова всегда вместе с ними пилую. Вон там — возле сарая.

Она подвела девочек к окну. Они увидели небольшой двор, тщательно разметённый посередине и заваленный по краинам пухлым снегом. Около сарая под навесом стояли кóзлы, и два мальчика в ушанках и куртках дружно пилили толстенный берёзовый чурбан.

Один из мальчиков был Алик, другой — какой-то незнакомый, широкоплечий и, должно быть, очень сильный. Он пилил легко и свободно, как будто это ему ровно ничего не стоило.

— Почему они работают сегодня — в Новый год? — спросила Аня. — Разве у вас дрова кончились?

— Ну что ты! У нас дров напилено надолго, — ответила Маша. — Это так — для тренировки, мускулы развивают. И всегда они всё вместе делают. Где Бульба, там и Решето, где Решето, там и Бульба...

— Какое ещё «решето»? — удивилась Валя.

— Это просто прозвище такое. Мальчишки у нас ужасно

любят давать друг другу прозвища. Учителя их от этого отучают-отучают, да никак отучить не могут... Ну, давайте я вам теперь покажу другие комнаты, мастерскую, пионерскую и лестницу на чердак. Там дымовая труба проходит, и от этого очень тепло. Сядешь на ступеньку с книжкой, и прямо уходить не хочется.

— Пойдёмте, — сказала Оля. — Только надо бы всё-таки позвать Иру. Что она там делает совсем одна?..

— Верно, — сказала Катя. — Уж слишком мы на неё напали. Да ещё в праздник, в гостях... при чужих ребятах.

— Можно, я сбегая за ней? — сразу предложила Валя.

— И я с Валею! — подхватила Аня. — Я помню, где у вас столовая.

И обе девочки побежали по коридору.

— Почему на этой двери написано: «Не входить»? — спросила Стелла. — Это только сейчас или всегда так?

— Нет, только сейчас. Вечером всех пустят.

И Маша хитро посмотрела на девочек. Стелла ещё что-то хотела спросить, но в это время из столовой вернулись Аня и Валя.

Иры с ними не было.

— Ой, девочки! — крикнула Аня, прижимая к груди оба кулака и глядя на Олю круглыми от испуга глазами. — Ирки нет! Уехала.

— Как уехала?! Куда?

Все так и застыли на месте.

— Домой! В Москву! На поезде! — проговорила, запыхавшись, Валя.

— Да откуда ты знаешь, что уехала? — спросила Катя.

— Может быть, просто под столом сидит или за дверью прячется? — добавила Стелла. — От неё всего можно ожидать.

— Нет, уехала... Записку оставила!.. — сказала Аня дрожащим голосом.

— На столе нашли, — объяснила Валя, еле переводя дух, — там, где мы обедали. Вот она!

Оля схватила записку. На клочке бумаги было нацарапано:

«Не беспокойтесь, я уехала в Москву. Денег у меня хватит — 1 рубль 58 коп. Скажите Анне Серг., что я никуда не

спряталась, а просто уехала. А Катя пусть не говорит, что я всем поездку испортила. А Настя съела пирожков не меньше, чем я, даже больше. А Стелла — злючка и воображала. Маше, Алику и всем здешним ребятам пламенный привет, а вам нет!

И р а».

Все молча пробежали глазами записку и растерянно переглянулись.

— Вот беда! — тихо сказала Оля. — А что, Анна Сергеевна уже знает?

— Нет, мы Анну Сергеевну ещё не видели, — ответила Валя.

Оля посмотрела на Машу с таким отчаянием, как будто случилось непоправимое несчастье.

— А когда ближайший поезд на Москву? — спросила Оля.

— Сейчас узнаю, — сказала Маша. — Только не волнуйся, Олечка. Билет стоит дороже. Ире не уехать на её деньги. Я сейчас разыщу Валентину Егоровну, и она пошлёт на станцию за Ирой наших ребят. Они живо...

— А вдруг Ира всё-таки уже уехала? — сказала Аня. — Вдруг она села в товарный поезд или просто уехала без билета?

— Как это — без билета? — удивилась Стелла. — Без билета ездить нельзя.

— Нельзя, да можно! — сердито объяснила Настя. — И очень даже просто — зайцем.

— Нет-нет! — сказала Маша. — Она ещё и до станции дойти не успела. Вот увидите! Сейчас мы за ней пошлём. Подождите меня вон там, в пионерской комнате. А я сейчас...

И, на бегу открыв девочкам дверь, Маша, а за ней и Оля стремглав бросились куда-то в глубину дома.

КТО КОГО НАШЁЛ?

Первое, что увидели девочки в пионерской комнате, был большой книжный шкаф. Они сразу узнали свои книги за стеклянными дверцами.

Ещё бы не узнать! Вот Стеллин Некрасов в красном переплёте с серебряными буквами, вот Настины книги, Валины, а

вот и Катин Гайдар — между двумя какими-то толстыми незнакомыми томами в переплётах.

В другое время Катя, конечно, сразу бы принялась перебирать и рассматривать все эти знакомые и незнакомые книги, но сейчас ей было не до того. Тревожные мысли одна за другой го и дело приходили ей в голову. Ещё так недавно казалось, что всё обошлось: Ирка нашлась, сидела вместе со всеми за столом и ела пирожки. Так нет! Надо же было её донимать до тех пор, пока она опять не пропала! И теперь это гораздо страшнее. Скоро вечер, поднимается выюга... «Ах, какие мы все глупые, неосторожные! Ведь вот Анна Сергеевна не рассказала же Валентине Егоровне, что у нас случилось в дороге, а мы взяли и всё выболтали...»

От досады на себя Катя только кусала губы и накручивала на палец кончик косы так туго, что ей даже становилось больно. Она смотрела в окно на бегущие по земле снежные вихри и до того была занята своими невесёлыми мыслями, что даже не заметила, как в пионерскую комнату вернулись Маша и Оля.

Все девочки так и бросились к ним:

— Ну что?.. Как?..

— Всё в порядке, — ответила Маша.

— Нашлась? Как хорошо!..

— Да нет, не нашлась ещё, — словно извиняясь, ответила Маша, — но непременно найдётся. Двое из наших ребят отправились на станцию по Ленинской улице, а четверо побежали другой дорогой.

— А как Анна Сергеевна? — спросила Катя. — Знает уже?.. Волнуется?

— Ну конечно, волнуется, — ответила Оля. — Она сейчас звонит на вокзал по телефону. К дежурному по станции. Ох, эта Ирка! Всю железную дорогу переполошила.

И Оля опустилась на стул в таком изнеможении, словно сама только что сбегала на вокзал и обратно. Но, не посидев и пяти минут, она опять выскочила из комнаты.

А Маша подошла к книжному шкафу и, открыв дверцы, спросила так, будто ничего не случилось:

— Девочки, вы видели ваши книги? Мы некоторые из них переплели...

— Теперь они уже не наши, — ответила Аня и тяжело вздохнула.

Все с удивлением посмотрели на неё.

— Да нет, это я не потому, что они не наши, — сказала Аня, тусто краснея. — Вот глупости! Я просто Ирку вспомнила.

— Ничего, девочки, всё обойдётся. Вот увидите! — сказала Маша. — А вот посмотрите, какие карманчики мы подклеили к вашим книгам.

И Маша стала показывать карманчики, подклеенные изнутри к обложкам и переплётам. В карманчиках хранились розовые и синие картонные карточки с номерками и названиями книг, как в настоящей библиотеке.

Но чем больше старалась Маша занять девочек, тем тяжелее становилось у Кати на душе. Даже тяжелее, чем тогда, в поезде. В тот раз никто не был виноват, кроме самой Ирки. А теперь все виноваты, и больше всех, конечно, она, Катя. Уж она-то должна была сообразить, что нельзя попрекать человека три часа подряд. Никто не выдержал бы — не то, что Ира Ладыгина!..

Как будто подслушав её мысли, Маша неожиданно сказала:

— Конечно, может быть, не надо было столько раз напоминать ей про эту историю в вагоне. Я это знаю по нашим ребятам — уж чего у нас тут только не бывало... Нас ведь много, и все мы разные. Вот вы заметили ту девочку, что заходила в столовую, когда мы обедали? Беленькую такую, кудрявую?

Катя сразу вспомнила худенькую девочку с лёгкими, как пух одуванчика, волосами. Она кивнула головой:

— Это та, которая привела с собой маленькую с розовым бантом?

— Ну да, да. Люда Князева. Вот вы не поверите: с ней просто сладу не было, когда она к нам только что поступила. То ревёт, то прямо в драку лезет...

— Вот бы никогда не подумала, — сказала Настя. — Она на вид такая спокойная...

— Вот вам и спокойная! На всех обижалась... А ребята заметили и, конечно, давай её дразнить. До того додразнили, что она чуть кусаться не начала. И вот как-то раз приходит к нам в группу Валентина Егоровна и говорит: «Я хочу, чтобы вы, стар-

шие, помогли мне в одном важном деле. Надо, чтобы с завтрашнего дня ребята перестали дразнить Люду. Следите за собой и за другими. А того, кто хоть раз её заденет, я безо всяких разговоров переведу в другой детский дом. Так и знайте». А Люду она позвала к себе, в свою комнату, усадила и объясняет: «Слушай, Люда, я решила прикрепить одну из старших девочек к младшей группе. Она будет помогать Клавдии Петровне, воспитательнице. Для этого нужен человек спокойный, терпеливый, ласковый. Я выбрала тебя!» Люда до того удивилась, что и ответить ничего не могла. Так и прикрепили её к младшей группе...

— Ну и что? — спросила Катя.

— Очень хорошо вышло, — ответила Маша. — Малышам она сразу понравилась. Такая хорошенькая, беленькая, кудрявая — они это любят. А потом оказалось, что она и в самом деле терпеливая, спокойная, ласковая... Да-да, только наши ребята этого не знали, когда дразнили её. А теперь видят, какая она... Подход нужен!

Все немножко помолчали.

— Да, это, конечно, правда — подход нужен, — задумчиво сказала Лена Ипполитова. — Но какой же может быть к Ире подход, если её нету? Вдруг на этот раз её так и не найдут?

— Ну что вы! — возмутилась Маша. — Знаете, какой народ наши ребята? У нас Клавдия Петровна летом часы потеряла. В лесу. Вечером. И то нашли. А уж вашу Иру небось полегче найти, чем маленькие ручные часики.

— Нет, вы её не знаете! — с отчаянием прошептала Валя.

Маша хотела было сказать девочкам ещё что-то успокоительное, но в это время входная дверь гулко хлопнула, из коридора донёсся топот чьих-то ног, и весёлый, торжествующий голос выкрикнул:

— Идут, идут!..

Катя, Маша и остальные девочки ринулись в переднюю и увидели Алика. Алик, улыбаясь, стряхивал веничком с валонок снег, а рядом стоял его широкоплечий товарищ, который раньше пилил с ним дрова. Он был в распахнутом пальто и в серой ушанке, сдвинутой на затылок. Должно быть, ему было очень жарко. Он снял ушанку и вытер платком свой широкий, крутой лоб.

— А Ира?.. Нашлась?

Девочки не успели задать этот вопрос. Ира сама неожиданно вынырнула из-за спины широкоплечего мальчика, вся красная, со сбившимся платком и с рыжей растрёпанной чёлкой, засыпанной снегом. Снежинки на её волосах и ресницах таяли и текли капельками по разгоревшимся щекам, как слёзы. Но лицо у неё было радостное, почти счастливое, а глаза так и сияли.

— Ирка, где ты была? — крикнула Валя, которой удалось протиснуться первой сквозь толпу окружавших Иру ребят.

— Ой, девочки! — сказала Ира задыхаясь. — Вы же ничего-ничего не знаете! Сейчас я вам всё расскажу!

Но в это время ребята расступились и пропустили вперёд Анну Сергеевну и Валентину Егоровну.

— Ну вот — камень с души! — сказала Валентина Егоровна.

— Молодцы мальчики! — добавила Анна Сергеевна. — Спасибо!

— А как же вы её всё-таки нашли? — не выдержав, спросила Катя. — Ведь в переулках, наверно, темно...

— «Нашли»! — задыхаясь от волнения, повторила Ира. — Вы лучше спросите, кого я нашла! Ой, девочки, вы с ума сойдёте!.. Вот его!.. — И она схватила за рукав широкоплечего мальчика.

Мальчик засмеялся:

— Вот так «находка»! Ведь я-то никуда не удирал.

— А как тебя зовут? Как? Ну скажи — как?

— Ну, Серёжа...

— А фамилия, фамилия?..

— Ну, Решетников.

Ира с торжеством повернулась к девочкам:

— Ага! Слышали? Серёжа Решетников...

— Не может быть! — тихо сказала Катя.

А Валя Ёлкина всплеснула руками:

— Вот вам и Решето... А мы и не догадались!

— А может быть, это всё-таки не тот Серёжа Решетников? — осторожно спросила Катя. — Может, какой-нибудь другой?

— Нет, это он! — решительно ответила Ира. — Я его по до-

роге обо всём расспросила! У него папа танкист был... А папин товарищ — Андрей Артёмов. Тот самый! Всё-всё подходит!

Серёжа смущённо пожал плечами.

— Ну, подходит — и ладно, — сказал он. — Идём, Бульба, у нас ещё дела много.

И, слегка наклонив голову, он нырнул в гущу ребят, толпившихся у двери.

— Анна Сергеевна, — сказала Катя, проводив Серёжу глазами. — Если всё это правда, надо завтра же написать Андрею Артёмову, что Серёжа нашёлся. Вот-то он обрадуется!

— Да ведь товарищ Артёмов у нас уже был, — сказала Маша. — Недавно. Серёжа теперь с ним переписывается. Он может вам и адрес дать.

— В самом деле, это удивительная история, — сказала Анна Сергеевна. — Знаете, Валентина Егоровна, сколько у нас было разговоров про вашего Серёжу? Но только я не знала, что это тот самый. И ведь я его здесь сто раз видела, а вот никогда мне и в голову не приходило спросить, как его фамилия. И на этот раз мы могли уехать, так и не узнав, кто он. Надо же было нашей Ирине потеряться, чтобы мы его нашли!

— Видите, значит, я недаром бегала! — крикнула Ира, бойко тряхнув косичками.

— Ладно, ладно, гордиться особенно нечем, Ладыгина, — сказала Анна Сергеевна. — Подумай, сколько ты всем хлопот и волнений доставила. И не только нам, но и друзьям нашим.

— Ну, мы на этот раз её прощаем, — сказала Валентина Егоровна. — И вы, Анна Сергеевна, на неё не сердитесь. Она больше никогда не будет. Правда, востроглазая?

— Правда, — чуть слышно ответила Ира.

— Ну, вот и хорошо. Иди, пригладь волосёнки. Скоро ёлку зажигать будем.

ИСТОРИКИ

Уже во всём доме зажёгся свет. Откуда-то — из разных комнат, из коридоров, с лестницы — доносились голоса, смех, топтливые шаги, а в пионерской комнате, где опять собрались московские школьницы, было тихо. После всех тревог и волне-

ний этого дня девочкам было даже приятно посидеть спокойно вокруг большого стола, покрытого красной скатертью.

Чтобы занять гостей и самой заняться приготовлениями к ёлке, Маша положила на стол большой, увесистый альбом в плотном коричневом переплёте с золотой надписью, чётко выведенной на первой странице: «Наш город прежде и теперь».

— Это альбом исторического кружка, — сказала Маша. — Все мы над этим альбомом повозились — Серёжа, Алик, Юра Белов, Люда... ну, и я немножко. А чтоб вам было интереснее рассматривать, я к вам кого-нибудь из наших историков пришлю.

И она убежала, как всегда слегка подпрыгивая.

— Девочки, посидите здесь, отдохните, — сказала Оля. — А я тоже пойду. Надо немножко Маше помочь.

И она ушла. Девочки остались одни.

Лена Ипполитова пододвинула к себе альбом, поправила очки и, низко наклонив голову, осторожно перевернула картонную голубоватую страницу. Рядом с ней устроилась Валя Ёлкина.

Стоя на коленках, Валя разглядывала картинки и фотографии, иногда даже щупая их пальцем.

— Смотрите, девочки! Это у них всё наклеено. И как аккуратно! Ровненько...

— А ты не трогай руками, — сказала Катя. — Надписи тушью сделаны. Ещё размажешь!

— Что ж это историки ихние не идут? — спросила Ира. — Без них тут ничего и не разберёшь.

— Почему не разберёшь? — усмехнулась Стелла. — Я прекрасно всё разбираю. Да тут и написано: «Казармы для рабочих», «Нары в два ряда».

— И я разбираю, — негромко добавила Нина Зеленова. — Вот, например, извозчик по улице едет... Фонарь зажигают...

— Да разве это история? — удивилась Ира. — Извозчик. фонарь!

— А что ж, конечно, история, — задумчиво ответила Лена Ипполитова. — Это же давно было — значит, история.

— Да ведь тут не только извозчики и фонари, — вмешалась Катя. — Смотрите, вот мальчики на какой-то фабрике... На-

писано: «Передний мальчик, средний и задний». А что это значит?

— Покажите-ка!

Настя Егорова заглянула через Катино плечо:

— Станок-то это ткацкий, только, конечно, не такой, как теперь бывают. Моя бабушка на таком работала, когда молодая была. А вот что тут делают мальчишки, средние-передние, я и сама не пойму. Ленка, поищи, не написано ли там чего.

Лена близоруко нагнулась к самому альбому.

В это время в комнату вошёл шупленький паренёк, тоже в очках, как и Лена, и очень серьёзный.

— Историк! — шопотом сказала Аня.

«Историк» подошёл к столу, быстрым взглядом окинул стралицу, которую разглядывали девочки, и сразу стал объяснять очень громко и ни на кого не глядя:

— В царское время на фабрики брали ребят с самых малых лет. Вот мальчишки у станка. Кто стоял впереди — тот назывался «передний». Кто позади — тот «задний». Ну, а средний, конечно, стоял посередине.

— Это понятно, — сказала Катя.

Мальчик посмотрел на неё сквозь стёкла очков, немного смутился, но продолжал так же громко и серьёзно:

— Работали они с утра до ночи, как и большие рабочие. Иногда даже засыпали у станка на полу. А чуть кто провинится — плёткой стегали.

Все испуганно поглядели на «историка»:

— Какой ужас! Откуда ты знаешь?

— Читал. Да и старые рабочие рассказывали. Ну что, посмотрели уже?

И мальчик откинул ещё один лист альбома.

— А тут, — продолжал он, — рабочие пришли в контору к приказчику выпрашивать у него свою же получку.

— Зарплату? — спросила Настя.

— Ну да, — ответил «историк». — Но тогда говорили не «зарплата», а «получка». Только получать-то им мало приходилось. За всё штрафовали...

В эту минуту дверь распахнулась настежь.

— Белов! Юрка! Ты куда подевался? — крикнул кто-то из коридора. — Без нас рояль передвинут... Бежим!

«Историк» живо вскочил с места, сказал девочкам скороговоркой: «Прочитайте сами. Тут всё написано!» — и скрылся за дверью.

Лена послушно и добросовестно принялась вычитывать, за что какие штрафы полагались:

«Пострадал на работе — штраф. Сам виноват. Не зевай».

«Мимо окон хозяйского дома в шапке прошёл — и за это штраф. Непочтение к хозяевам».

«На улицу с песней или гармоникой вышел — опять штраф».

— Ах, какая тяжёлая жизнь была при царе! — сказала Валя. — Мой папа тоже при царе родился — он с пятнадцатого года. И как только он выжил!

— А как моя бабушка выжила? — спросила Настя. — Ведь она даже не при одном, а при целых трёх царях жила. Ну, конечно, ей плохо было...

— Ясное дело, — согласилась Нина Зеленова. — Читай дальше, Леночка!

— Нет, постойте, девочки! — сказала Катя. — Вы знаете, мне до сих пор как-то не верится, что это тот самый Серёжа Решетников...

Ира сразу вскочила с места:

— Да его же сам Артёмов признал! Он ему даже фотоаппарат привёз. И знаете — чей? Который от Серёжиного папы остался... Это мне сам Алик рассказал. По дороге.

— Наверно, все фотографии в альбоме Серёжа этим своим аппаратом снимал, — сказала Аня.

Валя Ёлкина кивнула головой:

— Уж наверно он! Замечательные снимки! Смотрите-ка: «Часть вторая. Наш город теперь». Видите, вот Ленинская улица, по которой мы ехали...

— А это горсовет! — узнала Катя.

— А вот это вокзал! — крикнула Ира. — Всё прямо будто настоящее. Вот как здорово Серёжа снимает! Знаете что, девочки? Давайте попросим его снять нас.

— Альбом смóтрите? — вдруг раздался чей-то знакомый голос.

Девочки обернулись. В дверях стоял Серёжа.

— Маша послала меня сюда вместо Юры Белова, а я не много задержался. Уж извините, пожалуйста. Что-то в проводке у нас не ладилось. Пришлось нам с Тарасовым немножко повозиться...

— А ты даже электричество чинить умеешь? — тихо спросила Валя.

— Ну, пробки заменить — дело не хитрое.

— А снимаешь ты как хорошо! — с восторгом сказала Ира. — Нам до того понравилось!..

— Правда? — спросил Серёжа. — Ну так скажите это Юре Белову. Это всё его работа. А я только недавно в фотокружок записался.

— Вон что!.. — немножко разочарованно протянула Аня. — А кто буквы в альбоме рисовал? Очень красивые буквы.

— Это Алик и Люда.

— Ну, а переплёт кто делал? — уже неуверенно спросила Ира. — Не ты? Нет?

— И переплёт не я. Маша со своей бригадой. Я тут только фотографии наклеивал и рисунки.

— А рисовал кто? — спросила Катя. — Знаешь, мне один рисунок очень понравился. Мальчик возле водокачки с газетой в руке. Газетчик, что ли?

— Нет, это не газетчик, а мальчик с фабрики, — ответил Серёжа. — Ему рабочие поручили сигнал к стачке подать. Как махнул он газетой, так и началось. Все станки стали... Да там на левой стороне всё про это написано. Если будет у вас время, прочтите.

— Обязательно прочту, — сказала Катя. — А кто же всё-таки нарисовал газетчика, то-есть мальчика с газетой?

— Ну, это как раз я.

— А рассказ про него кто написал?

— Мы с Бульбой, то-есть с Тарасовым.

— Вот вы какие! — сказала Аня. — И рисовать умеете и рассказы сочинять.

— Мы ничего тут не сочиняли. Всё правда. История.

Тут дверь открылась, и в комнату вбежала Маша, а за ней несколько девочек.

— Скорей, скорей! — заговорили они все разом. — Идёмте. Сейчас ёлку зажигать будут!

ЁЛКА

— Есть у вас тут Яхонтова Ляля? — спросил дед Мороз.

— Есть, — ответил чей-то тоненький голосок из глубины зала.

— Ученица первого класса?

— Первого, Семён Игнатьевич!

Дед Мороз засмеялся, погладил свою ватную бороду и погрозил пальцем:

— Так вы говорите, что у вас есть Яхонтова Ляля? Отличница? Ну, значит, это ей.

Девочка в белом переднике с крылышками вспорхнула с места, пересекла большую комнату, освещённую только цветными огоньками ёлки, и остановилась перед роялем, в котором, как в тёмной воде, отражались серебристые шары и красные, зелёные, синие лампочки. Дед Мороз нагнулся и подал ей прямо в руки большую куклу в коробке. Девочка сразу же подняла крышку, сказала: «Ой, какая чудненькая!» — и побежала на место.

Малыши один за другим получали подарки.

Дед Мороз, должно быть, хорошо знал, кому из ребят что подходит. А скорее всего, это знала Валентина Егоровна. Вот она сидит у стены рядом с Анной Сергеевной, что-то шепчет ей и показывает кивком головы то на одного из ребят, то на другого.

Наконец очередь дошла до ребят постарше.

— Ученику четвёртого класса Юре Белову! — снова объявил дед Мороз и протянул Юре какую-то плоскую коробку.

— Можешь и сам письма писать и другим разносить, — сказал он.

Юра взял коробку обеими руками, поправил очки и пошёл

на своё место, как раз позади Кати. Там он сразу же принялся показывать подарок своему товарищу.

— Ого! — удивился тот. — Печать настоящая, чтобы штем-пелевать. Конверты, открытки! Даже телеграммы, то-есть бланки для телеграмм.

— И квитанции тоже есть, — сказал шопотом Юра. — Вот это здорово!

Катя оглянулась. Да, это и в самом деле был замечательный подарок!

Юра осторожно взял печать, подышал на неё и приложил сначала к подушечке с краской, а потом к листку маленького блокнота.

— Смотри, смотри! — сказал он товарищу.

На листке бумаги чётко оттиснулся синий кружок со звёздочкой посередине, а на ободке ясно отпечатались слова: «Пионерская почта».

Тем временем дед Мороз продолжал вызывать ребят, а подарки вручала им Снегурочка — Люда Князева. Она была в белом полушубке и в белой шапочке.

— Ученику пятого класса! — провозгласил дед Мороз, передавая Люде что-то похожее на толстую книжечку или на коробочку. — Отличнику Решетникову Сергею!

Люда подняла Серёжин подарок высоко над головой, и в руке у неё блеснул круглым, выпуклым глазом электрический фонарик.

Немного смущённо, чуть вразвалку, Серёжа подошёл к Снегурочке. Он не торопился. Чувствовалось, что он нарочно идёт так медленно, чтобы не быть похожим на младших ребят, которые бегом бежали за подарками. Он сказал «спасибо», взял фонарик и с тем же нарочито равнодушным видом пошёл назад.

Катя обернулась и посмотрела на Серёжу.

— Видишь, Бульба, лампочка тут не больше пяти ватт, а как ярко горит! Это всё от рефлектора и выпуклого стекла, — вполголоса сказал Серёжа, внимательно разглядывая фонарик. — А батарейки нет. Зато есть ручная динамка.

— Ручная динамка! — повторил Алик. — Вот это да-а!

— А у тебя что? — спросил Серёжа. — Компас? Дай-ка по-

смотреть. Ничего себе, стоящий... Летом, в походе, пригодятся и компас и фонарик.

И Катя невольно позавидовала этим мальчикам, что они пойдут в настоящий поход, где понадобятся и компас и фонарик.

— А ну-ка, где наш баянист? — раздался вдруг голос деда Мороза. — Тащи-ка сюда свой баян.

С места поднялся Алик. Он прошёл между двумя рядами стульев и скрылся за дверью.

А тем временем Снегурочка уже раздала последние подарки. Кате и её подругам достались бумажные кульки с мандаринами, конфетами и орехами.

Но не успели девочки развязать кульки, как из боковой двери в комнату уже протиснулся баян, а за ним показался и Алик.

Он сел на стул возле самой ёлки и принялся не спеша перебирать пальцами лады. Сначала он как будто только прилаживался, тихонько спрашивал о чём-то свой баян и, склонив голову набок, прислушивался, что тот ответит ему. Потом вдруг решился, откинулся назад, тряхнул светлым хохолком и громко заиграл что-то такое весёлое, задорное, что всех так и подняло с мест.

Дед Мороз взял за руки Катю и Настю, Снегурочка протянула руки Ане и Вале, другие девочки — остальным Катиным подругам, и ребята закружились в хороводе. А в середине стояла, расставив мохнатые лапы, широкая и очень густая ёлка. Она так и поблёскивала фольгой и серебристыми клочьями ватного снега.

Но вот музыка утихла. Катя едва успела передохнуть и пригладить растрепавшиеся волосы, как перед ней очутился Юра Белов.

— Ты председатель совета отряда Екатерина Снегирёва? — спросил он.

— Я. А что?

— Распишись.

Юра протянул Кате карандаш и телеграмму с таким видом, будто он по крайней мере уже лет десять служил почтальоном.

— Пометь время получения, — сказал он.

Катя пометила, но не стала распечатывать телеграмму, а

бросилась к девочкам и Оле. Оля распечатала, и все увидели настоящий телеграфный бланк, только очень маленький. На нём было написано карандашом:

«Новым годом товарищи москвичи желаем здоровья успехов
просим выступить нашем концерте

Дед Мороз Снегурочка»

— Выступить? — с тревогой повторила Оля. — Пойдёмте-ка, девочки, посоветуемся.

Девочки выбежали из комнаты и, окружив Олю, начали советовать, кому выступать. Откуда-то появилась и Маша.

— Ну что, будете выступать? — спросила она. — Мы хотим вам целое отделение отвести. Первое будет ваше, а второе — наше.

— Ой, целое отделение! Это слишком много, — сказала Оля. — И почему первое? Лучше мы потом.

— Да нет, ведь вы — гости. И к тому же мы своих столько раз видали и слышали, что нам уже надоело... Вы не стесняйтесь!

— Хорошо, мы подумаем, — сказала Оля.

— Ладно, думайте. Только скорей! — ответила Маша и ушла к своим ребятам.

— Олечка, — с жаром сказала Катя, — конечно, у нас хватит номеров на целое отделение. Ну вот, давайте считать: Нина Зеленова будет танцевать, Аня Лебедева сыграет, Стелла и Лена Ипполитова могут читать стихи... А мы с Настей можем спеть, если уж очень понадобится. Как ты думаешь, Настя?

— Ой, я, кажется, охрипла, девочки! — откашливаясь, сказала Настя. — Боюсь, что у меня ничего не выйдет. Вот послушайте сами.

И она сдавленным голосом с трудом пропела:

В саду ягода-малинка,
Калинка моя...

— В самом деле, никуда, — сказала Оля. — И где это ты простудилась, Настасья? А ты, Катя, можешь спеть? Одна?

— Нет, одна я никогда не пела. Ну да это ничего. И без нас с Настей обойдутся. Аня сыграет...

— А я с собой нот не взяла! — испуганно прошептала Аня.

— Но ты же иногда играешь и без нот.

— А сейчас я, кажется, всё забыла.

— И я не могу танцевать! — решительно заявила Нина.

— И ты не можешь? Почему не можешь? — растерянно сказала Оля. — Девочки, да что же это будет? Тогда надо прямо сказать, что от выступления мы отказываемся. Только это ужасно неловко. Думали-думали и придумали, что ничего не умеем... — Она сердито посмотрела на Нину: — И что это с тобой приключилось? Ты же в балетном кружке учишься, в Городском доме пионеров! Даже в Большом театре выступала.

— Да-да, ты там танцевала школьную польку! Я помню! — закричала Катя. — Вот её и станцуй!

Нина даже руками всплеснула:

— Что ты, Катюша! Знаешь, сколько там народу участвует — и девочек и мальчиков?

Все помолчали.

— Ну, а кроме этой самой польки, ты ничего-ничего не умеешь? — спросила Валя.

— Как это — ничего! — обиделась Нина. — Ещё довольно много танцев умею... Например, испанский танец и неаполитанский — тарантеллу. Только для тарантеллы нужен костюм, а здесь у меня ничего нет.

Девочки огорчились.

— Что же ты не взяла его с собой! — укоризненно сказала Лена. — Постой, а может, что-нибудь и здесь найдётся? Я сейчас у Маши спрошу.

— Ничего не найдётся! — так же упрямо ответила Нина. — Это же итальянский народный танец. И костюм нужен итальянский — коротенькая широкая юбка и корсаж со шнуровкой.

— Ну, юбка-то, наверно, здесь нашлась бы, — сказала Настя. — А вот корсаж со шнуровкой навряд ли...

— А если без корсажа и без шнуровки? — осторожно спросила Валя. — Без них никак нельзя станцевать эту самую... тарантулу?

Нина сердито засмеялась:

— Какая ещё там тарантула! Конечно, станцевать всё мож-

но, но получится совсем не то... И ещё у меня для этого танца нет тамбурина, бубна. Понимаете?

— Можно, в крайнем случае, в поднос стучать — тоже очень звонко получится, — предложила Ира.

— Сама стучи!

— Ну, а испанский танец? — неуверенно спросила Оля.

— Для испанского танца нужно фигаро... И кастаньеты, чтобы щёлкать.

— А ты щёлкай пальцами, — не унималась Ира.

— Да не умею я!

— Ну, так мы будем щёлкать, а ты только танцуй.

Но Нина упрямо замотала головой и отошла в угол.

— Привереда! — крикнул ей вслед кто-то.

— Если ничего не понимаете в танцах, так и не говорите! — чуть не в слезах ответила Нина.

Все с укором посмотрели на строптивую танцовщицу.

— Такая была всегда тихоня, — сказала Настя, — а вот какая оказалась! И корсаж ей нужен, и фигаро какое-то, и кастаньеты, и тамбурины, и мандарины...

— Мандаринов мне совсем не надо! — крикнула Нина. — Вы просто хотите, чтобы все надо мной смеялись. Чтоб я провалилась!..

И, отвернувшись к стене, она всхлипнула. А из комнаты уже доносились нетерпеливые аплодисменты и топание ног.

— Скорей, скорей, нас торопят! — сказала Катя и, заглянув в приоткрытую дверь, с ужасом увидела, что в комнате уже всё переменялось. Под потолком горит большая яркая лампа, публика расселась по местам, крышка рояля поднята.

— Ну, что же вы, девочки? — сказала Маша, вбегая в коридор. — Я уже объявила, что в первом отделении выступают наши гости.

— Анечка, родненькая, миленькая! — бросилась к подруге Катя. — Пойди сыграй! Будь настоящим товарищем! А мы пока постараемся что-нибудь выдумать...

Аня заколебалась.

— Что же мне сыграть? — спросила она.

— Что хочешь! — сказала Оля. — Только не подведи нас. Играй, да подольше! Ну, ступай!

И Аня пошла. Она так нерешительно, так осторожно подходила к роялю, словно опасалась, что сейчас из-под него выскочит тигр. Катя с волнением следила за ней. Неужели Аня так боится? Или она нарочно идёт медленно, чтобы протянуть время?

Но вот Аня всё-таки подошла к роялю, опустилась на круглую табуреточку, оглянулась на дверь, за которой стояли её подруги, и одёрнула на коленках платье.

Катя затаила дыхание. «Играй же, играй!» — повторяла она про себя, изо всех сил стискивая кулаки.

Но Аня сидела у рояля, чуть нагнувшись над клавишами и сложив на коленях руки. От волнения Катя даже зажмурилась и отвернулась к стене. И вдруг она услышала громкие, уверенные звуки рояля. Аня играла — да так быстро и бойко, что не только зал, но даже коридор наполнился певучим гулом.

— Играет, да ещё как! — с облегчением сказала Оля и тут же прибавила с тревогой: — Ну, а дальше-то что же будет? После Ани? Кто следующий?

Тут опять на пороге появилась Маша. Придерживая за собой дверь, она спросила шопотом:

— Вы не можете сказать мне все номера вашего отделения? Подряд? Я сейчас запишу.

Девочки растерялись и молча смотрели друг на друга.

— Сейчас, — сказала Оля и прислушалась: — Ой, кажется, Аня уже кончила. Да, так и есть!

Из комнаты донеслись аплодисменты. Катя бросилась к двери и отчаянно замахала Ане руками:

— Играй ещё! Всё равно что! Только играй!

Но Аня была уже в коридоре.

— Ничего сыграла? — спросила она, слегка задыхаясь. — Мне под конец было совсем не страшно. Идите, девочки, тоже. Это очень приятно — выступать, особенно под конец. Ну, что же вы? Трусихи!..

Но девочки только молча переглядывались.

А за дверью уже опять нетерпеливо хлопали — всё громче, настойчивее, требовательнее.

— Ну, что же объявить? — спросила Маша. — Кто теперь?

И вдруг вперёд выбежала Ира Ладыгина.

— А можно мне сплясать что-нибудь? — спросила она и задорно тряхнула косичками. — Русскую!

Все удивлённо посмотрели на неё.

— А ты разве умеешь?

— Вот увидите!

Девочки не успели оглянуться, как в зале уже зазвучал звонкий Машин голос:

— Русскую пляску исполнит ученица четвёртого класса московской средней школы Ирина Ладыгина!

И через раскрытую дверь Катя увидела, как за рояль уселся сам дед Мороз. Он засунул за воротник свою ватную бороду, тряхнул головой, и его большие крепкие пальцы так и побежали по клавишам.

— Что ж, Ирина, иди! — негромко сказала Оля.

— Ой, да я же пошутила! — вскрикнула Ира и замахала обеими руками. — Я вовсе и не думала...

Все так и ахнули.

— Опять пошутила?! Нашла время шутить! — прошипела Настя хриплым шопотом и от досады толкнула Иру обеими руками в спину. Не удержавшись, Ира так и вылетела в открытую дверь и остановилась только у рояля. Её встретили шумными хлопками.

— Что ты сделала, Настасья! — в ужасе выдохнула Оля. — Что же теперь будет?

Но ничего страшного не произошло.

Ира обвела смеющимися глазами всех сидящих вокруг, взмахнула платочком и понеслась по натёртому полу, как по льду. Никто в зале и не поверил бы, что эту смелую, весёлую плясунью только что силой вытолкнули из коридора в зал. Она то останавливалась, поводя плечами, то переступала с носка на каблук и с каблука на носок, то подбоченившись, шла прямо на публику, то отступала, помахивая ладошками.

— Ай да Ира! — вырвалось у девочек, стоявших в коридоре. — Нинка, смотри!

Нина Зеленова прищурила глаза и одобрительно кивнула головой.

— Ничего, — снисходительно сказала она. — Это — лубок. Комический номер.

Через раскрытую дверь Катя увидела, как за рояль уселся сам дед Мороз.

— По-твоему, ничего? — с упрёком сказала Катя. — А по-моему, отлично. Смотри, все смеются, хлопают, а ты стоишь тут в углу и только глаза таращишь. Тарантула!

Нина обиженно и виновато отвернулась.

А в комнате уже плясала не одна Ира. Глядя на неё, пустились в пляс ещё две девочки, а за ними и Юра Белов со своей почтой подмышкой. Ира уже теперь плясала за мальчика. Она не хуже Юры Белова, которому немножко мешала коробка с почтой, выкидывала коленца и, загребая ногами, шла вприсядку.

Девочки с платочками в руках плавно скользили вокруг неё и Юры.

В комнате хлопали, смеялись, кричали «бис».

— Молодец, Ира! Всех нас выручила! — говорили девочки в коридоре.

— Би-ис! — несло из комнаты.

Наконец Ира, вся красная, запыхавшаяся, показалась в коридоре. Её и здесь встретили дружными хлопками.

— Здрóрово! Молодчина! — говорили ей со всех сторон.

В коридор заглянула Маша:

— Иди, Ирочка! Не успокаиваются, зовут!

— Иди хоть поклонись, — сказала Оля. — Или ты что-нибудь ещё умеешь?

Ира секунду подумала.

— Дайте мне штаны и блузу, — сказала она.

Маша даже не сразу поняла:

— Штаны и блузу? Зачем?

— А я матросскую плясать буду.

Маша кивнула головой:

— Ладно. Сейчас.

Через несколько минут Ира уже натягивала на себя, поверх платья, синие длинные штаны и белую блузу с откидным воротником. Целая буря аплодисментов поднялась в комнате, когда Ира вразвалку вышла к роялю в полной матросской форме. Под бескозыркой, надетой набекрень, прятались её рыжие косички. Она бойко посмотрела по сторонам и сказала на всю комнату:

— «Яблочко»!

Зазвенела песня, и вместе с ней всё веселей и стремительней плясала Ира.

— Я сыграю! — крикнул Алик, услышав, как дед Мороз подбирает на рояле мотив «Яблочка».

— Иди, иди, баянист, — сказал дед Мороз и, положив на рояль ватную бороду и мохнатую шапку, отошёл к публике.

И вот задорная песня зазвенела в комнате. Началась как будто исподтишка, вкрадчиво и лукаво, потом зазвучала громче, быстрее, отчаянней. И вместе с нею всё веселей, подбористей и стремительней плясала Ира. Сначала, засунув руки в карманы, она деловито, с серьёзным лицом, отбивала то ступнёй, то каблуком частую дробь чечётки, потом разошлась, разыгралась

и принялась тянуть канаты, лазить по мачтам, поглядывать в подзорную трубу, грести вёслами и просто плясать, как взбредёт на ум и куда поведут ноги.

Всё это выходило у неё так смешно и весело, что публика хваталась за бока. Ребята стучали ногами, хлопали, кто-то от восторга вместо «браво» даже закричал «ура».

Катя видела, что Анна Сергеевна смеялась до слёз. Вытирала глаза платочком и опять смеялась.

— Этот танец я тоже знаю, — печально сказала Нина Зеленова. — Только я не догадалась, что здесь можно достать матросский костюм.

— Да, конечно! — покашливая, сказала Настя. — Только ты бы потребовала к этому костюму якорь, пушку и настоящую мачту. А то бы у тебя ничего не вышло.

Все засмеялись, и даже сама Нина Зеленова.

Ира, наверно, плясала бы до самого утра, но Алик не выдержал. Он поставил баян на пол и стал вытирать платком лоб и шею.

— Первое отделение окончено! — звонко объявила Маша. — Антракт!

— Как? Всего два номера? — испуганно сказала Лена Ипполитова.

— Ничего, зато очень хорошие. Можно сказать, отличные! — успокоила её Катя.

— В самом деле, очень хорошо, — сказала Анна Сергеевна, входя в коридор. — И Аня очень мило играла, а уж Ира!.. Ну кто бы мог подумать, что она у нас такая артистка!

— Смотреть на неё — и то весело, — добавила Маша.

— Вы ещё её не знаете! — с жаром сказала Валя Ёлкина.

— Нет, теперь уже немножко знаем, — ответила Маша.

После антракта ребята детского дома играли на деревянных ложках, Люда Князева вывела в зал целый хор малышей, и они спели «Повадился журавель, журавель», а она дирижировала. Потом мальчишки строили «пирамиду», а в самом конце вечера Юра Белов сфотографировал сначала общую группу, затем московских гостей отдельно и наконец Иру в матросском костюме с бескозыркой набекрень.

Счастливые и усталые, разошлись ребята по спальням.

В прохладной, проветренной спальне было свежо и тихо. Чистые, чуть влажные простыни приятно пахли уютом и слегка охладили шею и щёки. Но Катя всё-таки не могла уснуть.

Как это удивительно бывает в жизни, думалось ей. И не искали Серёжу, а он сам нашёлся. И всё получилось лучше, интересней, чем она ожидала. Ей, Кате, всегда казалось почему-то, когда она думала о Серёже, что это какой-то печальный, несчастный, бледный мальчик, всеми заброшенный и одинокий. А он вон какой — сильный, крепкий, весёлый! Должно быть, он похож на своего отца, героя. Очень славный мальчик. Вот бы подружиться с таким!

А Ирка-то, Ирка! Её тоже как будто сегодня нашли — да не тогда, когда она пряталась в вагоне или убегала на станцию, а вот сейчас, на вечере, когда она всех так удивила. А ещё все девочки и она сама, Катя, говорили, что Ира испортила им праздник. Не испортила, а наоборот — без неё не было бы всё так весело, так удачно. И ведь они с Ирой учатся уже четвёртый год в одном классе. Можно было бы знать её получше и не думать о ней только одно плохое — что она озорница, болтунья и пересмешница. Хорошо, что Анна Сергеевна устроила эту поездку! Кажется, ничего нет особенного. Просто побывали в гостях на ёлке. А сколько узнали нового — и новый город, и новых людей, и даже друг дружку увидели по-новому!

Да и Анна Сергеевна, оказывается, не совсем такая, как в школе. Там от неё никуда не скроешься. Шепнёшь кому-нибудь словечко на уроке, она сейчас же посмотрит в твою сторону удивлёнными глазами. На переменке зашумят в коридоре, она уже тут как тут: «Что случилось? Пожар? Ах, нет? Тогда зачем же так кричать?» Начнёшь бумажку вертеть в руках, когда она что-нибудь объясняет, и то она заметит, подойдёт и потихоньку вынет бумажку из рук.

Признаться, Катя даже немножко побаивалась, будет ли весело с ней на ёлке. Вдруг она всё время будет делать замечания, ставить в пример детдомовских ребят или даже просто смотреть строгими глазами. Когда на тебя так посмотрят, всё веселье сразу проходит.

А вышло совсем по-другому. Анна Сергеевна нисколько не мешала им: делай что хочешь. А когда Ирка плясала, Анна

Сергеевна смеялась, кажется, больше всех. Прямо до слёз. Оказывается, ездить с ней просто замечательно! Она как будто и не смотрит на тебя и не ходит за тобой следом, а всё-таки всё время чувствуешь, что она где-то близко и, если понадобится, непременно выручит.

Надо будет обо всём этом рассказать дома — маме, Тане, бабушке. И про дорогу, и про Серёжу, и про Анну Сергеевну. Что-то они скажут, когда узнают, что Серёжа нашёлся?!

И Кате вдруг очень сильно захотелось увидеть поскорей своих.

Гудки паровозов, протяжные и тревожные, доносились откуда-то издалека и как будто звали: домой, в Москву!

Да ведь ждать недолго. Завтра утром они сядут опять в поезд, и вагон, подрагивая, побежит по рельсам, среди волнистых сугробов и засыпанных снегом ёлок. А там и Москва. Всего только два с половиной часа дороги!

«Да неужели мы только сегодня утром выехали из Москвы? Как всё-таки много можно увидеть за один день, когда куда-нибудь уезжаешь!.. А Наташа, бедная, верно, просидела весь этот день дома. Ведь ей, должно быть, и на улицу нельзя. Какой скучный у неё первый день года! Надо будет ей тоже подробно всё рассказать, так, чтобы ей показалось, что она и сама была на ёлке в Ореховском детском доме».

— Настенька, а Настенька, ты уже спишь? — спросила Катя.

— Сплю, — тихо ответила Настя. — А ты?

Катя тихонько засмеялась:

— Я тоже сплю.

Она поправила подушку, плотнее закуталась в одеяло, и крепкий сон подкрался к ней сразу, как будто только и ждал этого мгновения.

КАТИНА МИНУТА

За окнами ещё было темно, как ночью, а в комнатах уже горел свет. Несмотря на ранний час, в доме все встали.

— Пишите нам письма, девочки, — говорила Маша, завязывая у Кати на спине концы тёплого платка. — Будете писать?

— Будем, Машенька, — отвечала за всех Катя. — И вы все тоже пишите. И не забудьте прислать нам карточки!

Девочки крепко обнялись. Кате показалось, что она уже давным-давно знает эту темноглазую, спокойную и уверенную Машеньку, знает и ласковую, беленькую Люду Князеву, и Серёжу, и Алика, и Юру Белова...

И этот город, который только вчера был для Кати и её подруг совсем новым, неизвестным, сейчас тоже показался ей каким-то родным, давно знакомым.

Вот если пойти прямо-прямо по улице Ленина, то там дальше будет Дом пионеров, напротив него, немножко наискосок, — памятник Петру Моисеенко, ещё дальше — телеграф, потом — кинотеатр «Художественный», горсовет и ещё дальше — вокзальная площадь и вокзал, тот самый, где Катя впервые увидела Машу и Алика.

До свиданья, дорогие новые друзья!

Ирина Павловна ждала Катю к часу дня. В одиннадцать двадцать три приходит поезд. Пока маленькие путешественницы с учительницей и Олей доберутся сначала до школы, а потом до дому, пройдёт ещё целый час, а то и больше. Ведь когда девочки возвращаются с уроков, они и то минут пятнадцать-двадцать провожают друг дружку от подъезда к подъезду, а сегод-ня у них столько впечатлений...

Ровно к часу дня бабушка приготовила обед, Таня накрыла на стол, и Миша, взобравшись на подоконник, стал смотреть в окно, хотя морозные узоры мешали ему.

Часы пробили два, половину третьего, три, четыре... День уже клонился к вечеру, а Катя всё не возвращалась.

Ирина Павловна сидела за своей работой и, время от времени поднимая голову, смотрела то на часы, то на окно. Миша устал стоять на коленках. Он слез с подоконника и ушёл к бабушке.

За окном уже было темно. Горел, покачиваясь, фонарь. На синеве оконного стекла серебристо поблёскивали ледяные узоры. Вчера они были похожи на листья и травы, а сегодня превратились в сплошное, очень мелкое кружево. Но это кружево

было не прозрачное, а как будто нашитое на белую плотную ткань. Ирина Павловна невольно загляделась на этот рисунок, сделанный невидимой рукой мороза. В другое время она бы, пожалуй, перенесла ледяной узор в свой блокнот, в котором делала наброски, и морозное кружево превратилось бы в конце концов в замысловатый узор на какой-нибудь шелковистой лёгкой ткани. Но сейчас Ирине Павловне было не до того.

«Где же это она? Что там с ними случилось? — думала Ирина Павловна, то и дело отрываясь от работы. — Ведь если Анна Сергеевна выехала с девочками не утренним поездом, а дневным — в двенадцать пятьдесят девять, — то и тогда Катя должна была бы уже давно быть дома...»

— Ничего не будет, мамочка, не волнуйся, — говорила Таня, перехватывая её тревожный взгляд.

Но сама она нет-нет, да и поднимала голову от толстой книги, лежавшей у неё на коленях, поглядывала на часы и сердито пожимала плечами: «Ничего не понимаю!»

Устроившись в уголке дивана, возле ёлки, Таня старалась вдуматься в то, о чём говорилось в книге. Но сосредоточиться было трудно. Строчки мелькали перед глазами, путаясь с мыслями о Кате.

«Неужели Анна Сергеевна решила задержаться в детском доме ещё на один день? — думала Таня. — Нет, вряд ли! Что же могло случиться?»

Таня опять взглянула на мать. Ирина Павловна была уже не в силах, видимо, продолжать работу. Она встала и подошла к окну, хотя за окном ничего нельзя было разглядеть. Круглое окошечко, которое проделал Миша, прикладывая к стеклу разогретый пятак, уже затянулось новым лёгким узором.

— Ну что ты, мамочка? — ворчливо сказала Таня. — Я же тебе говорю, что ничего... ну ровно ничего с ними не случилось. Ты совершенно напрасно волнуешься.

Ирина Павловна с сомнением слегка покачала головой.

«А вдруг и в самом деле не напрасно?» — тревожно подумала Таня.

Постояв у окна, Ирина Павловна вернулась к своему столу и опять — в который раз! — взялась за работу. Рисовать кисточкой на мельчайших клетках миллиметровой бумаги было

нелёгкое дело. Оно требовало самого пристального, самого напряжённого внимания. В этой работе малейшая ошибка, малейший просчёт в клеточках приводили к тому, что на ткани при печатании рисунка получался брак.

Несколько минут в комнате было совсем тихо. Слышно было только, как часы звучно отсчитывают минуты.

— Всё-таки это очень странно, — проговорила Ирина Павловна, опять кладя кисточку на стол. — Просто не знаю, что и думать. Ведь Анна Сергеевна собиралась выехать утренним поездом.

— А возможно, — неуверенно сказала Таня, — что она решила немного задержаться. Наверно, в детском доме её уговорили погостить ещё денёк. Ведь теперь каникулы.

Дверь тихонько приоткрылась. Мягко ступая своими тёплыми войлочными туфлями, в комнату вошла бабушка.

— Взгляни, Иринушка, — сказала она, — который час. Не вижу без очков... пятый или шестой?

— Седьмой, — ответила Ирина Павловна упавшим голосом. Бабушка так и села на стул.

— Седьмой?! Да что же это такое? Ну и денёк! Ну и денёк! И Серёжа ещё не звонил?

— Нет, не звонил ещё.

Конечно, Ирину Павловну беспокоило, что Сергей Михайлович, у которого на три часа дня был назначен доклад, до сих пор ещё не позвонил. Но доклад мог начаться и попозже и затянуться подольше. Серёже только дай поговорить о своей работе — он и до утра не кончит. А потом обсуждение, разговоры о будущей экспедиции. Мало ли что... Раньше восьми он вряд ли позвонит. А вот что с Катей? Что с Катей?

— Обедать будем сейчас, — шопотом спросила бабушка, — или подождём ещё немножко? Третий раз разогреваю. Суп выкипел, второе перестоялось.

— Ну, давайте уж обедать, — сказала Ирина Павловна. — До какого же часа ждать? Все голодны.

Она сняла свой рабочий халат и пошла мыть руки. В комнатах давно горел свет, и казалось, что это уже не обед, а ужин.

За столом все молчали. Говорил один только Миша. Для него это и в самом деле был ужин. Бабушка давно уже покормила его одного супом и голубцами.

— Почему это так? — рассуждал Миша. — Обещали по радио тридцать градусов, а дали только двадцать?

Таня невольно улыбнулась:

— Сколько было, столько и дали. Больше, наверно, не хватило.

Ирина Павловна ничего не сказала. Она прислушивалась к звукам шагов на лестнице за стеной.

— Ох, неспроста ребёнка так долго нет, — проговорила она словно про себя.

Миша с тревогой посмотрел на маму. Он знал, что когда мама или папа говорят про него или про Катю «ребёнок», то, значит, дело серьёзное.

— А почему Катя ещё не приехала? — спросил Миша.

Но мама была занята своими мыслями.

— Вот что, я пойду в школу, — сказала она, решительно вставая с места.

— Мамочка, да ты ведь простужена, — остановила её Таня. — И ты пойми: девочки могли разойтись по домам, даже не заходя в школу. Лучше позвонить по телефону.

— У Анны Сергеевны нет телефона, — сказала Ирина Павловна.

— Ну, тогда кому-нибудь из родителей.

— Хорошо. Позвони.

Таня стала перелистывать длинный зелёный блокнот, где были записаны по алфавиту номера телефонов всех родственников и знакомых.

Среди записей, сделанных папой, мамой и Таней, были написаны Катиной рукой телефоны некоторых её одноклассниц. Таня сразу увидела фамилию, выведенную такими крупными буквами, что она заняла целых две строчки: «Кузьминская Стелла».

В скобках было написано крошечными, чуть заметными буквами «воображала», а рядом приписано — «бывшая».

Но не успела Таня набрать номер «бывшей воображалы»,

как телефон зазвонил сам. Таня схватила трубку, мама и бабушка тоже бросились к телефону.

— Слушаю, — сказала Таня. — Папочка?.. Нет, ещё не приехала... А что у тебя? Всё в порядке?.. Принято на «отлично»? Ну, поздравляю, папочка!.. Катя? Я думаю, они все остались ещё на денёк в Орехове... Мама — ничего, только охрипла немножко. Да нет, ничего особенного, просто кашель, простудилась, наверно. Все мы тебя поздравляем! Скоро приедешь?.. Ещё задержишься? Ну, не волнуйся, не волнуйся, всё будет хорошо.

Таня положила трубку.

— Видно, блестяще прошло! Только за Катю беспокоится.

— Ну, позвони же кому-нибудь из родителей, Танечка, — сказала Ирина Павловна. — Мне трудно говорить.

Таня набрала номер.

— Это квартира Кузьминских? — спросила она. — Можно попросить к телефону маму Стеллы?

Ирина Павловна внимательно следила за выражением Таниного лица.

— Это вы? — спросила опять Таня. — Здравствуйте! — И она вежливо поклонилась, словно в трубке её видели. — С вами говорит сестра вашей дочери... то-есть что я... сестра вашей подруги... Ой, нет, простите! Сестра подруги вашей дочери. Вашей Стеллы! Я, знаете, немножко волнуюсь! Мы все очень волнуемся. Скажите, пожалуйста, ваша девочка ещё не приехала? Ах вот как! Приехала?..

У Тани сделалось удивлённо-испуганное выражение лица.

— Спроси когда! Когда приехала? — шепнула ей Ирина Павловна.

— Когда приехала? — повторила Таня, и мама увидела, что лицо у Тани ещё больше вытянулось. — Давно? Как давно?.. В половине первого уже была дома? А вы не знаете, Катя Снегирёва пошла домой? Спросите, пожалуйста, у Стеллы.

Таня помолчала в ожидании ответа.

— Да-да, я слушаю, — сказала она опять в трубку. — Ах так? Ну, спасибо. До свиданья.

Она положила трубку и оглянулась на мать.

— Стелла говорит, — медленно сказала Таня, — что Анна

Сергеевна с вокзала привела девочек в школу, а оттуда они сами разошлись по домам.

Ирина Павловна побледнела.

— Что же теперь делать? — спросила она тихо.

— Может быть, Катюша зашла к кому-нибудь? — проговорила бабушка не совсем уверенно.

— Ну, нет! — сказала Ирина Павловна. — Она же не маленькая, понимает, что её ждут дома. — Она минуту помолчала. Глаза её, не мигая, глядели куда-то в стену. — Нет, с ней что-то случилось!..

— Ну вот, уже и «случилось»! — чуть ворчливо сказала бабушка. — Да ежели бы со всеми детьми каждый день что-нибудь случалось, так и взрослых бы на свете не было. Нет, мать моя, покуда нет пожара, в набат не бей. Думаешь, я детей не растила? Растить растила, а с ума не сходила. Да не тройку, как ты, а целых полдюжины. Все — сыновья, все — озорники... Один твой Сергей чего стоил!

Миша сразу обернулся:

— Ой, бабушка! Значит, наш папа озорник был? Расскажи, пожалуйста!

Бабушка сразу переменила фронт:

— Очень даже тихий был мальчик, серьёзный, послушный... Вам бы с него пример брать.

Миша с сомнением покачал головой. Ирина Павловна грустно усмехнулась.

Наступило долгое молчанье. Каждый думал, где искать пропавшую Катю.

— Мамочка, не волнуйся так, — сказала наконец Таня. — Я уверена, что всё обойдётся. Но на всякий случай... можно позвонить в районное отделение милиции или в детскую травматологическую больницу.

Услышав слова «милиция» и «больница», Ирина Павловна забеспокоилась ещё больше.

— Подождём ещё немножко, — сказала она.

И все молча стали ждать, то и дело поглядывая на стрелки часов.

Ирина Павловна нетерпеливо постукивала по столу концами пальцев. Картины, одна страшнее другой, вставали у неё

перед глазами. Вот на улице толпа. Кто-то крикнул: «Под машину попала!.. Девочка...» У ворот больницы останавливается «скорая помощь». Выносят носилки... Белокурая, растрепавшаяся косичка свисает с носилок. Ручка в пёстрой варежке... Побледневшая щека...

А как всё хорошо, легко и светло было ещё вчера утром!

— Ну сколько же ещё можно ждать! — почти с отчаянием сказала Ирина Павловна и вскочила, как будто не она сама предложила подождать ещё немножко. — Надо прежде всего обойти всех девочек.

Она решительно пошла в переднюю, закутала платком голову и стала торопливо одеваться. Но крючок воротника почему-то никак не хотел захватить петлю.

— Мамочка, оставайся дома! — строго сказала Таня, отнимая у неё пальто. — Ты же простужена. Заболеешь совсем — хуже будет. Я сама пойду.

— И правда, — сказала бабушка. — Пусть лучше Танечка сбегает.

Таня надела пальто и нагнулась, чтобы натянуть боты.

— Возьми мой платок, — сказала мама. — Мороз ужасный.

— Хорошо, — ответила Таня.

— И вот рукавицы мои надень, — сказала бабушка. — Они потеплее твоих будут.

— Спасибо, надену.

Таня надела поверх шапочки мамин платок и взяла из рук бабушки её толстые, мохнатые рукавицы.

И в эту минуту раздался звонок. Ирина Павловна толчком распахнула дверь и отступила, приложив руку к груди:

— Наконец-то!..

Перед ней стояла её пропавшая дочка, закутанная, как эскимос.

— Где ты была? Что случилось?

Мама дрожащими руками принялась распутывать Катин платок, расстёгивать меховые пуговицы её шубки.

Таня, хмурясь, швырнула под стул боты.

— Ничего не случилось, — ответила Катя, не замечая, что Таня на неё сердится. Глаза у Кати так и сияли. — Мамочка,

Танечка, бабушка, как нам весело было! Если бы вы только знали! А как Ирка пляшет! Ну, просто умора! Настоящая артистка. Все так смеялись, даже Анна Сергеевна. Ну честное пионерское! А Нинка Зеленова нас чуть не подвела. Она до того упрямая, понимаете, — без какого-то тамбурина танцевать не может. Настя так и сказала ей: «привереда». Ох! — Катя всплеснула руками. — А самого главного я вам ещё не рассказала. Серёжа нашёлся! Понимаете, тот самый! Серёжа Решетников! У нас Ирка пропала, а он пошёл её искать — её нашёл и сам нашёлся.

— Все нашлись, одна ты у нас неизвестно где целый день пропадаешь, — с укором сказала бабушка.

— Как это — пропадаю? Где?

— А вот это тебя надо спросить! — сердито сказала Таня. — Болтаешь-болтаешь разную чепуху, а не видишь, что на маме лица нет. Когда поезд пришёл?.. В одиннадцать двадцать три? А сейчас сколько времени? Иди посмотри! Скоро семь!

Руки у Кати опустились:

— Что ты! Неужели семь? У нас, наверно, часы спешат.

— Нет, отстают на три минуты! — ещё резче сказала Таня и, сорвав с себя пальто, с размаху повесила его на крючок вешалки.

— А ты куда собиралась, Танечка? — робко спросила Катя.

— Сама не знаю куда. За тобой! В школу, в больницу, в милицию...

Катя испуганно посмотрела на Таню, потом на маму, на бабушку. Тут только она увидела, что все какие-то не такие, как всегда.

Бабушка смотрит на неё укоризненно, покачивая головой, а мама даже похудела и побледнела, как будто она была сильно больна.

— Ой, мамочка! — сказала Катя, поднеся обе руки к щекам. — Как же это так случилось?

— Тебе лучше знать, — ответила за маму Таня.

— Ой, мамочка! — повторила Катя, виновато глядя на Ирину Павловну. — Ну зачем ты так беспокоилась? Да ты подумай сама: ну что со мной могло случиться? Ведь я только на минутку зашла к Наташе — рассказать про Серёжу, про ёлку...

— «На минутку»! — грустно усмехнулась мама. — Знаю я твои «минутки». Уж чего я только не передумала...

Катя покраснела:

— То-есть я хотела на минутку... А потом как-то забыла.

— Ну ладно, — сказала мама. — Иди мыть руки и обедать.

— Я уже обедала, у Наташи...

— Ну, по крайней мере, хорошо, что ужинать не осталась, — сказала бабушка.

Катя ничего не ответила, только низко опустила голову.

— А папа ещё не вернулся? — робко спросила она, не смея прямо поглядеть в глаза маме, бабушке и Тане. — Вы не знаете, он уже сделал доклад?

— Сделал, — сказала мама. И, помолчав, прибавила: — Он тоже весь день беспокоился за тебя.

И мама пошла работать. Катя поняла: раз мама не рассказывает ей о папином докладе — значит, она очень огорчена и даже сердится.

Катя пошла к себе в комнату и села на кровать. Ей было тяжело и горько. Как могло случиться, что она забыла о маме? Ведь мама, провожая её вчера утром, уже тогда начала за неё беспокоиться. А сегодня-то, сегодня! Каково ей было ждать целый день, покуда Катя, не думая ни о чём, сидела у Наташи и, захлёбываясь, рассказывала про всё — и важное и не важное, что было в дороге и в детском доме, до ёлки и после ёлки. Нет, подумать только, как она, Катя, бранила Иру Ладыгину за то, что та заставила беспокоиться учительницу, Олю и подруг! Чего только они ей не наговорили, когда проводница привела её в вагон! «Бессовестная, несознательная, эгоистка...» А чем Катя лучше Иры? Ещё гораздо хуже. Ира, по крайней мере, пропадала всего какой-нибудь час за оба раза, а Катя ухитрилась пропасть на целый день! И всем дома было из-за неё плохо.

Катя уткнула голову в подушку. Никто к ней не подходил, не спрашивал о поездке в детский дом. А ведь так хотелось рассказать подробно обо всём, а больше всего про Серёжу!

Вдруг кто-то положил руку Кате на плечо. Это был Миша.

— Расскажи про ёлку. Весело там было? — спросил он.

— Весело, — грустно сказала Катя.

— Что ж ты не рассказываешь?

— Завтра.

Она быстро разделась и легла в постель. Больше ей ничего не оставалось делать.

А Ирина Павловна сидела за работой, низко наклонившись над частой сеткой миллиметровки. Ей хотелось подойти к дочке, но она нарочно удерживала себя. Пусть побудет одна и подумает. И ей вспомнилось, как ещё трёхлетним ребёнком Катя однажды провинилась. Ирина Павловна отвела её в тёмную переднюю и сказала:

«Постой-ка здесь и подумай о том, что ты сделала».

Ирина Павловна ушла тогда в комнату, а из передней скоро послышался голосок:

«Очень неприятно тут стоять...»

«Ну, значит, наказание подействовало», — решила мама.

И, позвав маленькую дочку, она спросила:

«Ну что, подумала?»

«Подумала», — сказала девочка.

«Что же ты подумала?»

«Что там — волк...»

Ирина Павловна улыбнулась своим воспоминаниям. Она почувствовала нежность к своей девочке и жалость. Она видела в приоткрытую дверь её белокурую голову, уткнувшуюся в подушку, и понимала, что теперь Катя по-настоящему, всерьёз думает, да не про волка, а про то, что она сегодня натворила, и, пожалуй, винит себя... Может, даже ещё суровее, чем она заслуживает.

Тихонько ступая, Ирина Павловна вошла в «Катемишину» комнату, но Катя уже спала крепким сном, обхватив подушку обеими руками.

Катя проснулась поздно — так сильно устала она за последние два дня. Она села оглядываясь. Мишина постель была уже застлана. Но вставать Кате ещё не хотелось, и она легла снова. Ей вспомнилось всё, что было вчера. Катя поморщилась, словно от боли. Как она покажется на глаза маме и всем остальным? Сама веселилась, а им доставила одни только огорчения! А ещё под Новый год задумала, что будет помнить

о других больше, чем о себе. Вот тебе и больше! Но почему это так получается? Кажется, что стоит только задумать что-нибудь хорошее, и всё само собой сделается. А потоммотришь — как-то выходит совсем наоборот.

И тут Катя стала вспоминать, что же ещё такое задумала она и не сделала? «Учиться не только ради отметок, а по-настоящему». Ну что ж, так и будет. Сейчас каникулы, а после каникул она непременно выполнит это обязательство. А что ещё? Ах, да! «Делать по утрам зарядку, начать с Нового года, но зато уже без пропусков».

Катя потянулась. Ох, как не хочется не только делать зарядку, но даже вставать! Вот, кажется, так бы и повернулась опять на бок и спала, спала! До самого обеда. А ещё лучше было бы проснуться этак через недельку, когда все дома забудут про вчерашнее и перестанут сердиться. Но нет! Если не попросить у мамы прощения, всё равно будет как-то тяжело и неприятно. Перед самой собой будет стыдно за трусость. Не побоялся же папа сказать Павлику (тому самому, который нёс Катю на плечах седьмого ноября): «Извини меня, я виноват», когда оказалось, что прав Павлик, а не папа. А Павлик гораздо моложе, чем папа. Это ещё труднее.

Катя решительно села.

«Вот нарочно сегодня же начну с самого трудного — зарядку сделаю, а потом извинюсь».

И, уже не раздумывая больше, она вскочила и, став босиком на коврик, принялась через силу делать всё, чему учила её не раз Таня, — выпрямляться, откидываться назад, выгибая грудь вперёд, и низко кланяться, дотрагиваясь пальцами до пола. Кате даже хотелось сейчас подольше проделывать все эти упражнения, чтобы отодвинуть ещё немножко встречу с домашними. Что ни говори, а легче присесть и подпрыгивать, чем просить прощения.

Конечно, самое простое было бы написать маме записочку, как это Катя делала раньше, — ну, написать: «Мамочка, прости меня» или «Пожалуйста, не сердись, я больше не буду», потом засунуть записку маме под чертёжную доску, а самой спрятаться где-нибудь. Но теперь Катя уже большая, ученица четвёртого класса, председатель совета отряда. И это не по-

пионерски — подсовывать записки и прятаться, вместо того чтобы просто и смело признать свою вину. Как это ни трудно, она подойдёт и скажет, глядя маме прямо в глаза: «Прости меня, я виновата».

От плавных и упругих движений Катя почувствовала себя бодрее и как-то спокойней и уверенней.

Она умылась, причесалась и пошла к маме.

Ирина Павловна сидела за обеденным столом перед швейной машинкой, а Миша, стоя рядом, крутил ручку. Катушка наверху быстро вертелась, а иголка внизу старательно делала своё дело: прыгала и стучала, оставляя за собой на белой ткани ровную, прямую строчку. Мама была так занята, что не заметила, как вошла Катя.

Катя остановилась на пороге. Если бы тут не было Миши, она сразу бы попросила прощения. А при нём было как-то неловко.

Но мама уже увидела её и всё поняла.

— Мишук, — сказала она, — пойді попроси бабушку поставить на плиту утюг.

Миша убежал, и тут Катя так и бросилась к маме и горячо, быстро заговорила:

— Мусенька, дорогая, честное пионерское, я никогда в жизни не буду тебя огорчать! Я вчера думала-думала и решила: ничего себе не прощать. А ты прости меня! Вот увидишь — я и учиться буду ещё лучше, и зарядку делать я уже начала. Только, пожалуйста, не сердись!

Вместо ответа мама взяла обеими руками Катину голову и поцеловала дочку в её неровный, неумело проведённый пробор.

— Верю, — сказала мама. — И не сержусь.

КАРТИНА ПРОШЛОГО

Листок за листком облетели в календаре все десять дней зимних каникул. И вот снова — школьные будни.

Катя успела уже соскучиться по классу, по Анне Сергеевне, Оле, Надежде Ивановне и даже по своему месту у окна.

И теперь она с особенной охотой ходила в школу и, ещё ро-

зовая от утреннего морозного ветра, садилась за парту. Начи-
нался долгий, спокойный и деловой рабочий день.

Как-то раз вскоре после каникул Анна Сергеевна принесла
в класс большую, наклеенную на картон цветную литографию.

Вслед за учительницей тихонько вошла старшая вожатая,
Надежда Ивановна. Она сразу же направилась в конец класса
и села на свободное место, на краешек одной из парт.

Катю несколько не удивил приход Надежды Ивановны на
урок. Она знала, что старшая вожатая собирается стать учи-
тельницей истории, учиться на заочном отделении Педагогиче-
ского института и уже скоро кончает курс. Значит, она пришла
поучиться у Анны Сергеевны. И немудрено: ведь вот и Людми-
ла Фёдоровна говорила, что каждый разговор с Анной Сергеев-
ной — для неё урок.

— Здравствуйте, девочки, — сказала Анна Сергеевна, кла-
дя картину на стол. — Садитесь.

И когда все уселись, она сейчас же приступила к делу:

— Ну-с, о чём я рассказывала на прошлом уроке?

— О начале революционного движения в России, — без за-
пинки ответила Лена Ипполитова, как будто читая по книжке.

Анна Сергеевна кивнула головой:

— Так. А сегодня я хочу послушать вас. Чтобы вам было
интереснее и легче отвечать, я пришла к вам на этот раз с по-
мощницей.

Девочки невольно посмотрели на Надежду Ивановну. Но
она только улыбнулась и покачала головой: «Нет, нет, это не
я...» Все с удивлением перевели глаза на Анну Сергеевну. Что
же это за помощница такая? В классе никого из взрослых не
было, кроме учительницы и старшей вожатой.

Анна Сергеевна, лукаво прищурившись, похлопала рукой
по оборотной стороне литографии.

— Вот моя помощница, — сказала она и, высоко подняв
картину, издала показала её классу. — Кто у нас сегодня де-
журная?

Валя Ёлкина подняла руку.

— Возьми литографию и поставь её так, чтобы всем было
видно.

Валя приняла большой картонный лист обеими руками и

осторожно поставила на специальную подставку — штатив. Поднявшись на цыпочки, она подкрутила винтики, и картина как будто сама собой поползла вверх. Сделав своё дело, Валя отошла к партам и посмотрела на литографию, сначала наклонив голову на правый бок, а потом на левый.

— Так, кажется, будет хорошо, — сказала она.

— Всем видно, девочки? — спросила Анна Сергеевна.

— Всем, всем! — раздалось отовсюду.

— Садись, Валя Ёлкина... Девочки, посмотрите внимательно на то, что здесь нарисовано. Вам, наверно, всё это знакомо?

Да, конечно, знакомо. Ведь это была та же картина, что и у них в учебнике истории, но только там она занимала всего полстраницы, а здесь была чуть ли не в половину классной доски. Нарисована на ней была фабричная контора. За перилами стойки сидел, развалиясь в кресле, хозяин фабрики. Пухлые руки, сложенные вместе, лежали у него на животе. За стойкой теснилась толпа рабочих. Всё это было, как в учебнике, но выглядело совсем по-другому. Здесь можно было разглядеть, например, в какой рваный платок завернут ребёнок на руках у женщины, какие толстые синие жилы вздулись на обнажённых до локтя руках старого рабочего, какие большие, не по-детски серьёзные глаза у мальчишки, облокотившегося на перила. А хозяин-то, хозяин! Сидит, словно врос в кресло, хмурый, сердитый, и ни на кого даже не глядит.

— Ну, девочки, — сказала Анна Сергеевна, дав им как следует разглядеть литографию и минутку пошептаться между собой. — На прошлом уроке мы с вами узнали о первом рабочем союзе и о знаменитой Морозовской стачке. — Учительница оглядела класс. — Сейчас мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь из вас рассказал, когда и как рабочие стали объединяться и почему они начали борьбу со своими хозяевами. Об этом нам расскажет... — Заметив, как старается уклониться от её взгляда Катина соседка, Наташа Оленина, Анна Сергеевна остановила свой выбор как раз на ней: — Об этом нам расскажет... Наташа Оленина.

Наташа озадаченно взглянула на учительницу, словно спрашивая: «Почему же именно я?» — а потом взяла свой дневник, поправила галстук и пошла отвечать.

И отчего это всегда так бывает? Если хочешь, чтобы тебя вызвали, ни за что не вызовут. А если ты нетвёрдо знаешь урок и отвернёшься, чтобы не встретиться глазами с учительницей, так тут уж непременно вызовут: пожалуйста, иди отвечай.

Катя с тревогой посмотрела на растерянное Наташино лицо. Её пухлые, всегда румяные щёки немного побледнели. Уже несколько минут она стояла у доски, покусывая нижнюю губу.

— Ну, почему же ты молчишь?

Наташа глубоко вздохнула и грустно заговорила:

— Ещё при царе... Александре Втором... рабочие начали борьбу.

— С кем? — спросила Анна Сергеевна.

— С капиталистами, — тихо сказала Наташа. — Рабочие предъявляли... свои требования... сообща...

«Ой, всё по учебнику, — подумала Катя, — а совсем не по картине. А ведь тут столько всего нарисовано! Кажется, до вечера не пересказать».

И перед глазами у Кати встал тот большой самодельный альбом, который показывал гостям Юра Белов в пионерской комнате детского дома. И ей прежде всего почему-то вспомнился рисунок, наклеенный на отдельную страницу: сложенная из кирпича тяжёлая башня, а у её подножия мальчик в картузе, с газетой в руках. Как похож тот мальчик на этого парнишку с картины — такие же у него большие, широко открытые глаза, такие же тощие руки торчат из коротких рукавов...

«Нет, всё-таки очень жалко, что вызвали не меня, а Наташу, — подумала Катя. — Ей трудно, а мне было бы интересно и легко».

И Катя еле удержалась, чтобы не поднять руку. Но как-то неудобно высказывать, когда твоя подруга не слишком хорошо отвечает урок.

Должно быть, и Насте, и Лене, и Стелле, и всем, кто ездил в Орехово-Зуево, тоже очень хотелось ответить за Наташу. Они переглядывались, поднимали руки, и видно было, что их так и подмывает поправить или добавить что-то. Но Анна Сергеевна даже и не смотрела в их сторону.

— Как же боролись рабочие с фабрикантами? — спросила

она опять. — Посмотри на картину и расскажи попросту, своими словами.

Наташа молчала.

— Ну, кого ты видишь на этой картине?

— Рабочих. И хозяина.

— Зачем же рабочие пришли в контору? Чего они требуют? — терпеливо спрашивала Анна Сергеевна.

Наташа скользнула взглядом по картине и прочла вслух название, напечатанное внизу:

— «Рабочие требуют от хозяина повысить им заработную плату».

— Так. Требуют повысить заработную плату. Что же заставило их пойти к хозяину и требовать? Как жилось тогда рабочим?

— Плохо, — вздохнув, сказала Наташа.

Анна Сергеевна кивнула Насе, которая уже давно сидела, подняв руку, и, не мигая, смотрела на учительницу.

— Ну-ка, Егорова, помоги Олениной. А ты, Наташа, и вы все слушайте внимательно.

Настя вскочила и, стоя у своей парты и поглядывая то на учительницу, то на стоявшую у картины Наташу, бойко начала:

— Рабочим жилось в те времена очень плохо. Очень тяжело. Работали они шестнадцать-восемнадцать часов в сутки. Жили в казармах. А казармы были вроде тюрьмы. Платили рабочим гроши. И чуть что — штраф. Челнок стукнул по голове — штраф. Сам виноват. В казарме громко заговорил — опять штраф. Прямо душили людей штрафами. Так и моя бабушка говорит — она тоже ткачихой была, только не на Морозовской, а на Трёхгорке. Вместе с большими на фабрике работали и ребята. Ну вот, терпели, терпели рабочие, и не хватило у них больше сил терпеть. Тут, на этой картине и нарисовано, как рабочие не выдержали, ворвались целой толпой в контору и прямо к этому, толстобрюхому...

Смех в классе заглушил Настины слова. Надежда Ивановна тоже улыбнулась.

— Тише, девочки, — сказала Анна Сергеевна. — Продолжай, Настя.

И Настя продолжала:

— Ворвались они и кричат: «С голоду нам помирать, что ли? Не будем за такие гроши работать!» И не стали...

— Хорошо, Егорова, садись, — сказала учительница. — А ты что хочешь сказать, Ипполитова?

Лена поднялась и серьёзно, блеснув очками, добавила:

— Хозяин фабрики не согласился прибавить заработную плату, и тогда рабочие устроили стачку. То-есть забастовали.

— Правильно, Ипполитова. Садись. Ну что же, Оленина, — Анна Сергеевна повернулась к Наташе, — урок ты, конечно, учила. Нельзя сказать, чтобы твёрдо выучила, но всё-таки видно, что читала. Однако, дружок, — Анна Сергеевна подошла к Наташе и положила ей руку на плечо, — этого маловато. Надо не только заучивать слова, а вникать в них, думать, воображать. А не то слова так и останутся словами. Ну, давай свой дневник.

Наташа робко протянула ей дневник, завёрнутый в синюю глянцеви́тую бумагу, и Анна Сергеевна поставила в нём какую-то отметку, но увидеть издали, какую, Катя не могла. Опустив голову, Наташа вернулась на своё место и, смущённо пожав плечами, показала Кате под партой три вытянутых пальца.

«Тройка, — поняла Катя. — А ведь такой лёгкий урок — ничего бы не стоило получить пятёрку».

Наташа сидела рядом красная, огорчённая, но утешать её сейчас было некогда.

Раздумывая, кого бы ещё вызвать, Анна Сергеевна опять переводила взгляд с одного ряда парт на другой.

— А теперь одна из вас расскажет, как проходила Морозовская стачка, — медленно сказала Анна Сергеевна. — Ну, кто хочет?

Все, кто ездил в Орехово-Зуево, подняли руки. Не подняла одна только Катя. Теперь, после Наташиной неудачи, ей было бы особенно неловко хвалиться своими знаниями.

— А что же ты, Снегирёва? — спросила Анна Сергеевна, пристально взглянув на Катю. — Я думаю, тебе есть о чём рассказать нам? Ну-ка, иди сюда!

Катя встала и, не глядя в сторону Наташи, пошла отвечать.

Ей даже незачем было глядеть на картину. Она знала больше, чем было тут нарисовано.

— Мы сами видели, — сказала Катя, — своими глазами видели город, где были раньше фабрики Морозова и где была Морозовская стачка. А руководил стачкой рабочий Моисеенко, Пётр Анисимыч. Другие рабочие его звали просто Анисимыч. Бывало соберутся они где-нибудь, а Моисеенко возьмёт в руки газету и делает вид, будто читает вслух. А на самом деле он не читает, а говорит, и совсем не то, что в газете написано, а что-нибудь своё. Ну вот, например: «Долго ли мы ещё будем терпеть эту каторгу? Хозяин опился нашей кровью, лопнет скоро...»

В классе опять, как и тогда, когда отвечала Настя, засмеялись. Анна Сергеевна подняла ладонь:

— Тише... Рассказывай, Снегирёва. Ну, и что же рабочие?

— Рабочие слушали и удивлялись, — продолжала Катя. — Как это, думают, в газетах стали свободно обо всём писать? Да ещё удивлялись, что Анисимыч даже в темноте буквы видит.

Катя рассказывала, а учительница отошла к окну и оттуда слушала её, время от времени одобрительно кивая головой.

Надежда Ивановна раскрыла свою записную книжечку и, поглядывая на Катю, что-то записывала.

А Катя рассказывала, оживляясь всё больше и больше:

— И сразу восемь тысяч человек как один бросили работу. Ну, Морозов, конечно, вызвал полицию, солдат. Но рабочие и тут не сдались. У солдат и у полиции было всё — и ружья, и штыки, и сабли, а у рабочих что? Почти ничего. Они дрались чем попало. Доски из забора выворачивали, камни из мостовой. И вот в одной стачке Анисимыча ранили. А он хоть и маленького был роста, но зато сильный, как великан. Ухватился он руками за штык, да как крикнет солдату: «Ты что, своих колоть?!» Солдат так и отступил. Но, конечно, им, рабочим то-есть, было трудно выдержать. Царское правительство на этот раз победило. Анисимыча арестовали, сослали на север, в Архангельскую губернию. А всё-таки царь и его министры не на шутку испугались, что рабочие подымаются на борьбу, и немножко им уступили. Но только совсем немножко. Ну, стали меньше штрафовать и платить чуточку побольше. А рабочие поняли, что если

они будут бороться не в одиночку, а все вместе, то многого могут добиться...

Катя рассказывала бы ещё и ещё, но Анна Сергеевна оставила ее:

— Садись, Снегирёва. Отлично. Видно, тебе было полезно, что ты побывала в Орехово-Зуеве?

— Очень! — ответила Катя. — Я теперь так ясно себе всё представляю.

— И я!.. И я!.. — донеслись голоса Катиных подруг, ездивших вместе с ней.

— Вот и хорошо!

Анна Сергеевна подошла к своему столу и, обмакнув перо, вывела в Катином дневнике такую большую пятёрку, что Катя увидела её ещё издали. Взяв дневник с этой новой пятёркой, она быстро прошла к своему месту и, не глядя в Наташину сторону, поскорей сунула его в самую глубь парты.

А в это время Анна Сергеевна, неторопливо похаживая по классу, принялась рассказывать новое. Она говорила о том, как совсем ещё молодой Владимир Ильич Ленин собирал вокруг себя самых стойких и верных людей, как в Петербурге, на окраине, за Невской заставой, устраивались тайные сходки, как под руководством Ленина рос и развивался «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Анна Сергеевна говорила спокойно и негромко, но каждое её слово было слышно даже в конце класса, потому что девочки сидели тихо-тихо. Только раз кто-то нечаянно стукнул крышкой парты. Как нарочно, этот стук раздался в ту минуту, когда Анна Сергеевна сказала: «Они сидели, прислушиваясь к каждому стуку. Ведь это могли быть жандармы с обыском». Тут в классе кто-то тихонько вскрикнул: «Ох!», а Катя даже вздрогнула...

ИЗ-ЗА ЧЕГО ОБИДЕЛАСЬ НАТАША?

Урок кончился. Анна Сергеевна поручила Вале Ёлкиной отнести литографию в учительскую, а сама, как всегда торопливо, простилась с классом. Ей ведь ещё нужно было поспеть на урок в мужскую школу.

— Не беспокойтесь, Анна Сергеевна, — сказала, пожимая ей руку, Надежда Ивановна, — я сегодня сама провожу девочек.

Все стали собирать книжки, переспрашивать друг у друга, что задано на завтра.

Ира Ладыгина помогла Вале Ёлкиной снять со штатива литографию.

— Давай-ка сюда эту помощницу, — сказала бойко Ира. — Только, по-моему, без неё урок отвечать куда легче. Жарь по учебнику — и всё. Ой, девочки! — вдруг крикнула она, сделав круглые глаза. — А что, если Анна Сергеевна завтра принесёт сюда все картины из Третьяковки? Вот вам, скажет, ещё помощницы! Посмотрите и расскажите: ты, Клава Киселёва, про богатырей, а ты, Тоня Зайцева, про Грозного Ивана, про Разина Степана и про всю историю...

Девочки засмеялись. А Надежда Ивановна, сдерживая улыбку, погрозила Ире пальцем.

— А вот какую бы картину, — спросила она, — показать Ире Ладыгиной, чтобы она научилась больше думать и меньше болтать?

— Я в одном журнале видела такую картину, — сказала Катя, — называется «Лесная тишина».

— Нет, а вот я другую видела, ещё больше подходит, — сказала Настя Егорова, — называется «Мельница над рекой».

Все засмеялись ещё громче, даже сама Ира. Одна только Наташа молча, ни на кого не глядя, укладывала в сумку книги.

— Наташа, — сказала Катя, — ты не огорчайся. Анна Сергеевна тебя, наверно, скоро опять спросит. Ведь до конца четверти ещё очень далеко.

— Я не огорчаюсь, — коротко и сухо ответила Наташа.

Катя внимательно на неё посмотрела:

— Значит, сердисься?

— Нет, за что же?

В первый раз за полгода Наташа разговаривала с Катей так неохотно, не отвечая на взгляд подруги ни взглядом, ни улыбкой. Это было так не похоже на кроткую Наташу, которая умела дружить ровно и спокойно, безо всяких обид и объяснений.

Вот если бы Аня обиделась ни с того ни с сего, это было бы

другое дело. Катя бы несколько не удивилась. А тут ей стало как-то не по себе. Она небрежно сунула в сумку книги, защёлкнула замок и уже хотела было уйти, но что-то удержало её. Она остановилась перед Наташей и сказала, глядя ей прямо в глаза:

— Послушай, Наташа, почему ты обиделась? Ведь я же не виновата, что мне поставили пятёрку!

Наташа густо покраснела:

— А разве я говорю, что ты виновата? Что же ты думаешь, я тебе завидую? Как тебе не стыдно так думать, Катя!

— А за что же ты сердишься?

У Наташи от обиды даже выступили на глаза слёзы.

— Я знаю, что ты гораздо способнее меня, — сказала она, не отвечая Кате на вопрос, — и, пожалуйста, получай сколько хочешь пятёрок. Я только рада за тебя. А всё-таки и ты, и Настя, и Лена Ипполитова — вы все не настоящие подруги.

— Это почему же? — спросила Катя.

— А ты сама не понимаешь?

— Честное пионерское, нет, — ответила Катя, уже совсем озадаченная.

— А пионерке, да ещё председателю совета отряда, пожалуй, следовало бы догадаться, — вдруг услышала Катя за своим плечом голос Надежды Ивановны.

Катя обернулась.

Надежда Ивановна стояла возле их парты и слушала разговор. Маленькая, тоненькая, прямая, с гладко причёсанными тёмными волосами, аккуратно подстриженными, она казалась очень молоденькой, почти школьницей. Но глаза у неё были такие серьёзные, будто они были старше её.

— Да, — твёрдо проговорила Надежда Ивановна, — Наташа права: вы плохие подруги. Вот скажи мне, как и где ты узнала всё, о чём рассказывала сегодня так хорошо на уроке?

— Ну, во-первых, Анна Сергеевна нам говорила...

— А во-вторых?

— Во-вторых, мы видели ореховский альбом. Да и ребята тамошние нам много рассказали. А уж после этого мне самой интересно стало. Я у старшей сестры книгу попросила...

Надежда Ивановна понимающе кивнула головой.

— Вот как? — переспросила она. — Да, так оно всегда и

бывает. Как начнёшь что-нибудь узнавать, так одно за другое и цепляется. Видела картинку, хочется узнать, что на ней нарисовано, прочитала про это рассказ — кажется мало, хочется узнать больше. А чем больше знаешь, тем становится интереснее. Правда?

Катя хотела сказать: «Да, правда», но не успела. Вместо неё ответила Зоя Алиева:

— Правда, Надежда Ивановна!

Катя и не заметила, как возле них столпились девочки и что они уже давно слушают их разговор.

— Так вот, — сказала Надежда Ивановна, — должна тебе сказать, Катя, и тебе, Настя... — Надежда Ивановна посмотрела на них по очереди своими тёмными, серьёзными глазами (сейчас она не улыбалась, и поэтому глаза у неё казались темнее). — Должна вам сказать, что я слушала сегодня вас обеих с большим удовольствием, но и с большим удивлением. Как это вы столько узнали и не захотели поделиться этим со своими подругами — товарищами по классу и отряду? Неужели же вам приятно приберегать свои находки только для себя?

— Ой, что вы, Надежда Ивановна! — разом закричали Катя и Настя.

— Мы просто не догадались, — виновато сказала Настя.

— В голову не пришло! — добавила Катя. — Не знаю почему, но я всегда забываю про самое главное.

Она сказала это с таким отчаяньем, что Надежда Ивановна невольно улыбнулась, и от этого лицо её сразу посветлело, и даже глаза как будто стали не чёрные, а карие.

— Ну, ничего, — сказала она, похлопав Катю по плечу. — Дело поправимое. Вы, наверно, теперь и сами видите, что если учить уроки только по одним учебникам, то это и труднее и скучнее. Учебник — это основа, без него, конечно, никак нельзя. Но если мы хотим узнать про что-нибудь поподробнее, надо, кроме учебников, читать книжки, ходить в музеи, смотреть картины...

— Ездить в другие города, — добавила Ира Ладыгина.

— Да, когда это возможно, — кивнула головой Надежда Ивановна. — Только при этом не надо пропадать на всех станциях.

Она засмеялась и потрепала Иру по голове.

— А я не на станции, я в вагоне пропала, — сказала Ира. — И не пропала, а спряталась.

— Тем хуже, — серьёзно проговорила Надежда Ивановна, и улыбка сошла с её губ. — Ну так-вот. В Орехово-Зуево удалось съездить всего шести или семи девочкам...

— Восьми, — поправила её Настя. — И наша Ольга — девятая.

— Хорошо, восьми. Но ведь в классе вас тридцать шесть. Значит, остальные двадцать восемь и не видали и не узнали того, что удалось узнать восьми счастливицам. Выходит как-то несправедливо.

— Очень даже несправедливо! — поддержала Настя. — Знаете что? Я придумала! Давайте на следующем сборе расскажем всем остальным девочкам, тем, кто не ездил с нами, про всё, что мы узнали.

— И потом на каждом сборе так делать! — с жаром подхватила Катя. — Узнал что-нибудь важное, прочитал хорошую книгу — всем сказать, чтобы и другие прочитали.

— Правильно! — сказала Надежда Ивановна. — Очень дельное предложение. Ну, до свиданья, девочки. Уже поздно.

— Пойдём домой, Катюша, — сказала Наташа как ни в чём не бывало. — Ты книжки сложила?

— Сложила.

Катя с благодарностью посмотрела на подругу, и, взявшись за руки, они зашагали по коридору.

Ещё в раздевалке у Кати и Наташи завязался важный разговор.

— Знаешь, что я придумала? — говорила Катя. — Мы напишем в детский дом письмо и попросим, чтобы они к сбору прислали нам некоторые страницы из своего альбома, хотя бы самые интересные.

— Как? — испугалась Наташа. — Вырывать страницы из альбома? Из такого хорошего?

— Да нет! Как можно вырывать? Если мы попросим, они и перепишут. А Юра Белов может и переснять кое-что, Серёжа — срисовать. Знаешь, как он рисует? Замечательно!

Дверь школы открылась и, плавно качнувшись на сильной пружине, захлопнулась за девочками. Они остановились на широких ступенях крыльца. Крупные снежинки косо летели по ветру и, падая на рукава и варежки, медленно таяли.

— Наташа, а Наташа! — сказала опять Катя, разглядывая у себя на обшлаге белую кружевную звёздочку. — А надо бы нам тоже устроить исторический кружок. Как у ореховцев. И начать можно с альбома.

— Про Орехово-Зуево? — спросила Наташа.

— Нет, зачем! Ореховцы сделали ореховский, а мы сделаем московский. Хочешь?

— Хочу, — сказала Наташа. — Только я очень мало знаю.

— А ты думаешь, я — много? Вот начнём делать — и узнаем. Завтра скажем всем девочкам, Анне Сергеевне, Надежде Ивановне, Оле — и начнём. Ну, до свиданья, Наташенька. Знаешь, я сегодня же напишу в Орехово и попрошу прислать нам план альбома. Это нам пригодится.

Девочки крепко обнялись, и каждая побежала к своему дому.

«Какая умная наша Надежда Ивановна! — подумала Катя, избегая по лестнице. — Всё сразу поняла и помогла нам. Без неё мы бы так скоро не помирились».

Придя домой и пообедав, Катя уселась у своего края стола и принялась писать письмо в Орехово.

Миша сидел напротив и тоже писал у себя в тетрадке, часто обмакивая перо в чернильницу и заботливо вытирая его промокашкой:

«Кошка поймала мышку».

ДРУЖБА

Катя сама не понимала, почему это так бывает, что первая половина недели всегда кажется длиннее, чем вторая. Понедельник... вторник... среда... До воскресенья ещё как будто так далеко! Но вот прошёл четверг. Не успеешь оглянуться, как позади уже и пятница, а там и суббота — конец недели.

«Правду говорит бабушка, что за временем не угонишься! — думала Катя, возвращаясь в субботу из школы. — Вот и ещё одна неделя кончилась».

Но что там неделя! Теперь, после зимних каникул, целые месяцы замелькали всё быстрее и быстрее.

В начале школьного года, в те долгие осенние месяцы, когда всё в классе было ещё так ново, Кате казалось, что до зимних каникул целая вечность. Время текло неторопливо. Дни, правда, были короткие — не успеешь погасить свет, как опять зажигаешь, — но зато какими просторными казались вечера!

А теперь, после Нового года, время как будто заторопилось, полетело на крыльях. Быстро прошёл январь месяц, ещё быстрее — самый короткий месяц, февраль, и вот уже до весны рукой подать. День всё прибавляется, да зато и дел прибавляется всё больше и больше — просто дня не хватает.

Почти на каждом уроке Анна Сергеевна напоминала своим ученицам, что экзамены уже не за горами. Теперь им надо было и новое проходить — последние страницы учебников — и повторять старое, то и дело возвращаясь к давно пройденным уже страницам.

А тут ещё московский альбом. Его давно уже пора было доделать, да мешали другие дела. Каждое воскресенье Катя вместе с подругами наклеивала на большие листы плотной бумаги цветные открытки, фотографии, старательно переписанные стихи из журналов.

А на заглавном листе она нарисовала четырёхэтажный многооконный дом за железной узорной оградой и на стене дома у входной двери маленькую вывесочку: «Средняя школа имени Н. К. Крупской».

«Что бы сказали ореховцы, если бы увидели наш альбом?» — думала Катя.

Ровно через неделю после того, как она отправила в Орехово письмо, пришёл ответ от Серёжи. Писал он немного — всего несколько строчек, — но зато в конверте оказался подарок: маленькая книжечка в плотном, вроде кожаного, переплёте, величиной с половину конверта. Это был макет детдомовского альбома. Смастерили его Серёжа, Алик и Юра Белов.

Катя и её подруги по очереди открывали коричневый с золотыми буквами переплёт и перелистывали странички, где было почти всё, что и в большом ореховском альбоме, но только очень маленькое. Кате эта книжечка в первые дни нравилась, кажется, даже ещё больше, чем настоящий альбом, — может быть, именно потому, что была такая маленькая. Но когда Катя стала показывать этот макет своим домашним, ей понадобилось много и долго объяснять бабушке и Мише, как выглядят ореховские дома, улицы и фабрики на самом деле. Должно быть, оценить этот макет по-настоящему могли только те, кто видел большой детдомовский альбом.

То же было и в классе.

«Ореховские» — так прозвали в классе девочек, которые побывали в Орехове, — любовались каждой страничкой макета, узнавали всё, что видели, а другие девочки больше слушали, что говорят подруги, чем рассматривали эту крошечную, уютную книжечку.

— Надо бы и нам что-нибудь послать в Орехово, — предложила Настя.

— Обязательно надо! — согласилась Катя. — Только что бы такое послать получше, поинтереснее? Ну, да что-нибудь придумаем.

Но придумать оказалось не так-то легко. Да, по правде сказать, и времени на обдумывание не хватало. Катин отряд всё чаще собирался то у себя в классе, то в пионерской комнате, то по звеньям — у кого-нибудь на дому. Кате уже не приходилось, как в начале школьного года, ломать голову над тем, чем занять отряд. Девочки то и дело сами прибегали к ней с каким-нибудь новым предложением. Валя Ёлкина прочла книжку о таком лагере, где мальчики долго отказывались дружить с девочками, потому что считали их трусихами и плаксами, и Вале очень хотелось обсудить на сборе вопрос, как заставить мальчиков уважать девочек. Зоя Алиева, которую выбрали в совет юных зрителей при Детском театре, хотела рассказать на сборе, какие спектакли будут ставить в будущем году. Аня Лебедева собрала очень много открыток с видами Москвы и пересмотрела у себя дома «Огонёк» чуть ли не за целый год, чтобы выбрать страницы, которые можно было бы вырезать или

переснять для альбома. Целый сбор посвятили рассматриванию открыток и фотографий.

Катя едва успевала справляться со всеми этими делами, а дни так и летели.

И вот уже стало чувствоваться, что морозам конец. По утрам, когда девочки шли в школу, стояла ещё как будто нетронутая, крепкая зима. Зачастую снег порошил мостовую, ветер гнал по обледенелым тротуарам белую пыль, и на ступенях школьного крыльца лежали только что наметённые волны свежего снега.

А когда девочки возвращались домой, была уже настоящая весна. Выпавший утром снег успевал потемнеть и подтаять. С крыш капало, а пробившееся сквозь тучи солнце по-весеннему пригревало щёки.

Незаметно подошло и восьмое марта.

Накануне этого дня школьницы собрали в классе восемнадцать рублей (по пятьдесят копеек с каждой девочки) и купили в большом цветочном магазине на Арбате пышную и нарядную гортензию в горшке. Цветок унесла с собой Аня Лебедева. Она обещала девочкам, что будет поливать его так, чтобы не помялась розовая рогожка, в которую был обёрнут горшок.

Наутро Аня перед школой зашла за Катей, и обе подруги зашагали рядом по аллее бульвара.

Аня бережно, обеими руками, несла завёрнутый в газету горшок с высокой, широколистой и как будто накрахмаленной гортензией. А Катя несла обе сумки — свою и Анину. Сегодня Катина сумка была гораздо толще, чем всегда: в ней, кроме книжек, лежал уже совсем готовый московский альбом.

Буйный мартовский ветер рвал бумагу из Аниных рук, и она ещё крепче прижимала к себе горшок с живым, нежным цветком. Над верхушками деревьев метались, шурша крыльями, встревоженные галки.

— Ты осторожней, скользко, — говорила Катя. — И вообще, дай лучше цветок мне. У тебя, наверно, руки озябли.

— Ничуть не озябли, сама донесу, — отвечала Аня, всё ускоряя шаг. Наконец она почти побежала вперёд и вдруг в самом деле, поскользнувшись, с разгона упала прямо в снег, лицом вниз.

— Что — вдребезги?! — закричала не своим голосом Катя, подбегая ближе.

Но Аня быстро вскочила на ноги. К груди она крепко прижимала свою драгоценную ношу. Горшок был цел и невредим. Катя осторожно пощупала цветок под бумагой и убедилась, что гортензия тоже цела.

— Как это тебе удалось так ловко упасть? — спросила она, стряхивая снег с Аниного пальто. Аня, у которой брови и ресницы были ещё в снегу, мотнула головой и сердито сказала:

— Сама разобьюсь, а его не разобью!

Девочки пошли медленнее.

В раздевалке они бережно, с опаской развернули чуть-чуть влажную бумагу. Все три шапки гортензии, пышные, нежно переливающиеся из белого в голубой, сиреневый и розовый, были целёхоньки. Даже ни один из крупных яркозелёных листьев не отломился и не помялся. Одним словом, гортензия выглядела так, будто её только что принесли из магазина, где она стояла на полке, среди нарядных корзин и букетов в больших вазах.

Анна Сергеевна вошла в класс, как всегда деловито, с классным журналом в руках. Увидя на столе цветы, она остановилась на минуту, как будто не узнавая своего стола.

— Что это, девочки? — словно не понимая, спросила она.

Тут Зоя Алиева, которой было поручено поздравить Анну Сергеевну, выступила вперёд и торжественно начала:

— Дорогая Анна Сергеевна! — Она немножко помолчала, перевела дыхание и повторила громче и решительнее: — Дорогая Анна Сергеевна! Горячо поздравляем вас с Международным женским днём! Желаем вам здоровья, успехов, чтобы всё у вас... то-есть у нас... было хорошо. А цветок этот мы потом завернём и сами отнесём к вам домой.

Анна Сергеевна, улыбаясь, кивнула головой:

— Спасибо, спасибо, дорогие девочки! Я, конечно, очень благодарна вам и тронута. А цветок давайте лучше оставим здесь, в классе. Ведь я так мало бываю дома, и ухаживать-то за ним некому. А здесь вы по очереди будете присматривать за моим цветком. Ладно?

— Хорошо, Анна Сергеевна, — ответили хором девочки. — А где он будет стоять? У вас на столе?

— Нет, на столе он будет нам немножко мешать. Я из-за него не увижу, кто из вас вертится и шалит на уроке... Нет-нет, — это я так, в шутку: в последнее время вы отлично себя ведёте. Но только цветок нам лучше всего поставить на подоконник, вот тут, посередине. Посмотрите, как хорошо! И в классе как-то стало нарядней и веселей. Правда?

— Правда! — дружно ответили девочки.

— А теперь давайте заниматься.

Но тут Анна Сергеевна заметила, что у Кати на парте, рядом с учебниками, лежит пухлая, в красном шёлковом переплёте книга.

— Что это, альбом? Уже готов? — спросила Анна Сергеевна и подошла поближе.

Катя встала:

— Да, Анна Сергеевна. Хотите посмотреть? Мы так торопились, чтобы кончить к сегодняшнему дню.

— Вот молодцы! — сказала Анна Сергеевна. — Конечно, посмотрю с удовольствием, но только не сейчас, а после уроков. А пока положи альбом в парту, чтобы он не отвлекал от работы ни вас, ни меня.

...Как только прозвенел последний звонок, Анна Сергеевна сама вспомнила про альбом, взяла его у Кати из рук и тут же начала перелистывать.

— Великолепно сделан, — сказала она, — не хуже ореховского. Неужели сами обтянули? А буквы как хорошо получились! Ну прямо точно напечатанные.

И в самом деле, альбом вышел на славу. Сквозь красный шёлк нигде не проступило ни одного пятнышка клея. Буквы, вырезанные из золотой бумаги, были одна в одну — прямые и очень аккуратные.

Вкось — из угла в угол — шла сверкающая надпись: «Наша Москва. Альбом. Составил 4-й кл. «А» Московской средней школы им. Н. К. Крупской».

На плотных, гладких страницах ровным, старательным почерком — то с нажимом, то лёгким прикосновением пера — были переписаны стихи разных поэтов о Москве и коротенькие

рассказы о том, как выглядели раньше различные улицы города. Рассказы чередовались с видами теперешней Москвы — Кремля, Красной площади, набережных, театров и скверов с пышными каскадами фонтанов. Глянцевитый картон цветных открыток поблёскивал и отсвечивал, словно водяная гладь. Под снимками нынешней Москвы были чётко выписаны старые и новые названия улиц и объяснения, когда что построено и что тут было прежде.

— Вот как! — проговорила с улыбкой Анна Сергеевна. — Вы даже знаете, откуда взялись названия улиц и переулков!

— Да, только жалко, что не все названия, Анна Сергеевна, — сказала Лена Ипполитова. — Мы знаем, что на Поварской жили повара, в Хлебном переулке — хлебники, пекаря, а вот откуда взялся, например, Воротниковский, мы так и не узнали. Что там, воротнички делали, что ли?

Анна Сергеевна рассмеялась:

— Нет, там жили «воротники» — привратники, охранявшие городские ворота.

Наконец учительница отложила альбом в сторону, сняла очки и сказала:

— Я вижу, девочки, что вам немало помог макет, который вам прислал Серёжа Решетников?

— Да, очень помог! Очень! — ответили девочки.

А Катя спросила:

— Может быть, и нам тоже сделать макет своего альбома? И тоже послать в Орехово?

Но не успел класс отозваться на это предложение, а Кате уже пришла в голову новая мысль.

— Девочки, — сказала она, — а что, если бы мы послали в Орехово не макет, а самый альбом? Как вы думаете, Анна Сергеевна?

Но за Анну Сергеевну ей ответила Аня Лебедева. Она круто повернулась в сторону Кати и спросила, всплеснув от удивления руками:

— Альбом послать? Наш альбом? Да что ты, Катя! Ведь у

ореховцев же есть свой! А мы столько работали, так радовались, и вдруг — нá тебе, отправим, а сами ни при чём!

— Правда, — сказала Стелла. — Пошлём лучше макет.

Аню и Стеллу поддержали ещё несколько девочек.

Катя растерялась. Пожалуй, она слишком поторопилась, предлагая отослать альбом. Ведь не она одна его делала, а весь отряд — и «ореховские» и «не ореховские» девочки. Может быть, лучше отнести его в пионерскую комнату и отдать Надежде Ивановне? Пусть она положит его на большой стол, чтобы каждая из девочек могла в свободную минуту присесть и перелистать в тишине красивые и плотные страницы.

Но тут подняла руку Настя.

— Анна Сергеевна, — сказала она серьёзно и неторопливо. — А я думаю, что Снегирёва права. Ведь ореховским-то ребятам этот альбом будет интереснее, чем нам. Мы и так хорошо знаем Москву. А они, если и приезжают сюда, так ненадолго, на денёк-другой.

— А что же нам останется? — спросила Стелла. — Ведь мы столько работали, читали, столько музеев обегали!

— Вот это и останется, — сказала Анна Сергеевна улыбаясь.

— То-есть что? — спросила Ира Ладыгина.

— Ну, как ты не понимаешь! — сказала Настя. — То, что узнали, то у нас и останется.

Катя обрадовалась.

— Ну конечно! — сказала она. — А как удивятся ореховцы! Вы только подумайте: принесёт почтальон посылку, а они сначала и догадаться не смогут, что в ней такое. А потом развернут... а там вот что!

И она подняла обеими руками раскрытый, пестреющий всеми красками альбом.

Никто из девочек уже больше не спорил. Всем захотелось, чтобы альбом как можно скорее оказался в Орехове.

— А нельзя ли послать его воздушной почтой? — спросила Аня.

— Ну, если так, то уж лучше по телеграфу, — смеясь, ответила Анна Сергеевна.

САМАЯ ГЛАВНАЯ НОВОСТЬ

На другой же день четыре девочки — Катя, Настя, Лена и Аня — снесли на ближайшую от школы почту большой пакет, завернутый в толстую бумагу, и целую кипу писем. Ореховским ребятам писали теперь не только те девочки, которые у них побывали, но и Зоя Алиева, и Наташа Оленина, и многие другие.

А спустя ещё некоторое время из Орехово-Зуева тоже пришла посылка, а вместе с ней и письмо.

Только что кончился последний урок.

— Что это, Надежда Ивановна? — спросили девочки, увидя в дверях старшую вожатую с большим пакетом в руках, густо покрытым штемпелями и марками.

Пакет был такой же объёмистый, как и тот, что девочки послали в Орехово.

— Неужели наш альбом назад вернулся? — с тревогой спросила Аня. — Может быть, мы адрес перепутали?

— Нет, это не наша посылка, — сказала Катя. — Эта по-больше нашей. Что же в ней такое?

— А вот сейчас увидим! — весело ответила Надежда Ивановна и принялась быстро распаковывать на столе посылку. Из бумаги выглянул уголок кожаного переплёта.

— Альбом! Не наш, а ореховский! — крикнула Валя Елкина.

Катя помогла развернуть обёртку и открыла крышку альбома. На первом листе красовалась теперь надпись, которой прежде не было: «Дорогим московским друзьям от орехово-зуевцев».

Да, это был тот самый «исторический» альбом, который Юра Белов показывал Кате и её подругам в день Нового года.

Девочки, которым не удалось съездить на каникулах в Орехово-Зуево, так и бросились разглядывать альбом.

А Катя подошла к Надежде Ивановне и, приподнявшись на цыпочки, посмотрела через её плечо на конверт, который та держала в руках.

— Надежда Ивановна, можно, я прочту это письмо вслух?

— Почему же нельзя? Письмо вам и адресовано.

Катя осторожно вскрыла конверт и вынула из него листок, исписанный мелким почерком.

— От Маши Дмитриевой, — сказала она, заглянув в конец письма, и стала читать вслух:

— «Дорогие девочки! Милые наши московские подруги, знакомые и ещё незнакомые!

Большущее спасибо вам за подарок и письма. Когда мы рассматриваем ваш альбом, нам кажется, что мы тоже вместе с вами в Москве, в столице нашей Родины. Пусть и вам кажется, когда вы будете перелистывать наш альбом, что вы все — вместе с нами, у нас в городе.

Вы спрашиваете, какие у нас новости.

Живём мы хорошо. Все здоровы. Уже начали готовиться к экзаменам. Занимаемся мы так. После школы отдыхаем, а потом садимся заниматься. Сначала делаем уроки на завтра, а когда всё приготовлено, повторяем то, что раньше прошли. Уроки делаем в одиночку, а к экзаменам готовимся, то-есть повторяем, вместе, по группам. Но, конечно, в разных комнатах. В каждой группе у нас — пять-шесть человек. И кто-нибудь один — ведущий. Так готовиться и легче и веселей, чем отдельно.

А самая главная новость у нас вот такая: от нас уезжает Серёжа Решетников. Конечно, не сейчас, а после экзаменов. Поедет он в Ленинград, чтобы поступить в Нахимовское училище. Это для него очень хорошо, он давно мечтает стать моряком, а к тому же в Ленинграде теперь Андрей Артёмов, товарищ Серёжиного отца. Ты, Катюша, кажется, знаешь его? Когда вы все были у нас на ёлке, ты про него говорила. Он инженер-конструктор и работает на стройке университета. А после Нового года его послали в Ленинград — следить, как там на заводах выполняют заказы стройки. Андрей Иванович там проживёт, наверно, долго, может быть целый год и, конечно, будет Серёжу часто навещать. А когда ему придётся уехать, Серёжа уже совсем привыкнет к новому училищу. Мы за Серёжу очень рады, но всё-таки нам всем очень жалко, что он от нас уезжает, особенно жалеет Алик Тарасов. Да и сам Серёжа, наверно, будет скучать по нашему дому. Конечно, он потом привыкнет и не

будет скучать — ведь у него будут новые товарищи. Но сначала ему, наверно, будет очень скучно.

Больше новостей у нас нет никаких. Шлём всем вам, Оле и Анне Сергеевне горячий привет».

Под письмом оказалась короткая приписка:

«Дорогие товарищи!

Спасибо за ваш замечательный подарок. Вы поработали гораздо лучше нас.

С пионерским приветом

Серёжа Решетников».

— Всё! — проговорила Катя и опустила руку с письмом.

А Валя торжествующе сказала:

— Вот видите! Оказывается, и мальчики умеют уважать девочек!

Все засмеялись.

Письмо из Орехова прочитали ещё раз — медленнее и внимательнее.

— Подумать только — в Нахимовское! — сказала Ира Ладыгина. — Серёжа уже тогда мне говорил, что хочет быть моряком. В его бескозырке я и танец матросский плясала. А теперь у него будет полная матросская форма.

— И он каждое лето будет уходить в плаванье, — сказала Катя. — Вот счастливый! Надо бы его попросить, чтоб он писал нам обо всём, что увидит. Только жалко, что мы-то его больше никогда не увидим...

— Нет, почему же! — сказала Надежда Ивановна. — Ведь по дороге в Ленинград он непременно должен проездом побывать в Москве. Вот вы с ним и повидаетесь.

— Ой, правда! — обрадовались девочки. — Только куда же нам сго позвать? Может быть, сюда — в школу?

— Что ж, пригласите его, а может, и ещё кого-нибудь из ореховских ребят, — сказала Анна Сергеевна: — Машу, Люду, Алика...

— Непременно пригласим. Сегодня же напишем! — отозвались девочки.

— Но это будет, конечно, после экзаменов, — продолжала

Анна Сергеевна. — А пока и нам и ореховцам не до того. Вы заметили, что Маша пишет об экзаменах? Ребята в детском доме уже начали готовиться!

— Да, да, заметили, — опять отозвались в классе. — И занимаются они вместе, по группам, а не в одиночку. Так, наверное, гораздо веселее... Анна Сергеевна, а может быть, и мы будем так готовиться? Вместе? По несколько человек?

Анна Сергеевна и Надежда Ивановна обменялись взглядом, и Катя почувствовала, что они молча советуются друг с другом и как будто одобряют это предложение.

— Хорошо, девочки, — ответила Анна Сергеевна. — Я тоже думаю, что так готовиться вам будет и легче и веселей.

ПОЛОВИНКИ ЗВЕНЬЕВ

В конце марта закапало с крыш, и зима окончательно отступила. Уже без умолку чирикали воробьи на карнизах, и всю Москву заливало яркое солнце. Наступила совсем тёплая погода. На площадках у метро, на панелях в переулках запрыгали через верёвочку девочки, а мальчишечий народ выехал на самокатах. Пришла весна, а с ней — и весенние каникулы.

Но и каникулы пролетели, как один большой, яркий день. Началась самая короткая и вместе с тем самая ответственная четверть в школьном году — последняя.

Во всех коридорах, на каждом этаже, появились на стенах плакаты, которые настойчиво напоминали и спрашивали:

СКОЛЬКО ДНЕЙ ОСТАЛОСЬ ДО ЭКЗАМЕНОВ?

И каждое утро цифра под этим плакатом менялась: 45, 44... 41, 40...

Неожиданно, за неделю до Первого мая, пришло лето. Деревья ещё стояли голые, с чуть набухшими почками на ветках, а трава уже пробилась, зазеленела, и солнце грело совсем полетнему.

Стёкла, вымытые к Первому мая, ярко поблёскивали, и в комнаты вливалось что-то свежее, праздничное.

Теперь Кате и её подругам оставалось подняться ещё на одну ступеньку — с честью сдать свои первые в жизни экзамены.

Придя в школу после Первомайского праздника, Катя, и не глядя на плакат, почувствовала, что теперь-то уже до экзаменов осталось совсем немного времени. На переменах, в шуме голосов, то и дело слышалось: «Девочки, а вы сколько повторили? Я уже географию до конца прошла и теперь за естественную возьмусь». — «А я повторяю так: каждый день по пятнадцати страниц... По пяти из каждого предмета». — «Ну и будет каша!» — «Никакой каши! Думаешь, лучше, как ты? Ничего подобного! Пока одно будешь учить, другое из головы вылетит».

Катя с уважением слушала эти разговоры и почтительно смотрела на пятиклассниц, шестиклассниц, семиклассниц, у которых столько экзаменов и все такие трудные!

В самом конце коридора целым подоконником завладели десятиклассницы. Они просматривали какие-то записи в толстых клеёнчатых тетрадях и говорили как будто бы даже совсем не по-русски: «косинус, синус, котангенс...»

Девочки на цыпочках проходили мимо этого окна.

— Готовятся на аттестат зрелости, — шопотом сказала Лена Ипполитова, прогуливаясь с подругами по коридору и оборачиваясь в сторону десятиклассниц.

— А ты откуда знаешь? — недоверчиво спросила Ира Ладыгина.

— Ну, это все знают, — подтвердила Катя. — Наша Татьяна тоже сдавала... Только тише, девочки, нельзя им мешать.

Она схватила под руки Иру и Лену и потащила их в другую сторону, поближе к своему классу, то и дело оглядываясь на десятиклассниц, которые казались ей даже старше и серьёзнее Тани.

— А зубрят, как мы, — с удовлетворением сказала Ира. — Ладонями уши зажимают... Девочки, а вы уже готовитесь к экзаменам? Я и не думаю. Чего там готовиться?

— Ну и провалишься, — серьёзно сказала Лена Ипполитова. — Я, например, готовлюсь.

— И я тоже, — сказала Катя.

— Да вы же и так всё знаете.

Лена только усмехнулась и пожала плечами. А Катя громко объявила:

— Девочки, кто хочет готовиться вместе? Давайте собираться целыми звеньями!

— Ну, целыми звеньями — это уж слишком много, — сказала Настя. — Так у нас ничего не выйдет.

— Тогда половинками звеньев, — подхватила Катя.

И она сразу же принялась отбирать девочек для своей «половинки»: Наташа, Аня, Лена Ипполитова...

— Нет, так не годится, — опять остановила Катю Настя. — Ты только хороших учениц собираешь. Лучше возьми к себе в «половинку» таких, кому труднее учиться. Например, Тоню Зайцеву.

— Ну что ж, — согласилась Катя. — Можно и Тоню. А с Наташей и Аней мы всё равно будем заниматься вместе. Кто ещё хочет к нам в «половинку»?

— Я! — крикнула Ира Ладыгина.

— И я, — тихонько сказала Нина Зеленова.

— Ладно. — Катя озабоченно наморщила лоб. — Только смотрите — не опаздывать и не отлынивать. Начнём завтра же.

В тот же день в классе появилось ещё пять таких «половинок».

Анне Сергеевне понравилась Катина затея, но она посоветовала, чтобы в каждой «половинке» одна из девочек была ведущей. И само собой получилось так, что ведущими стали самые лучшие ученицы: Катя, Лена, Стелла, Настя и ещё две девочки.

Придя домой, Катя вытащила из ящика своего стола классные тетрадки, в которых она ещё осенью, под диктовку Анны Сергеевны, начала записывать правила по русскому языку.

Страницы были исписаны стройными, продолговатыми буквами, но всё-таки Катя не узнала собственного почерка. Теперь она писала гораздо мельче и по своему изменившемуся почерку сама почувствовала, как выросла за зиму.

«Странное дело, — подумала она, — чем становишься старше, тем буквы делаются меньше».

Но всё-таки она с удовольствием просматривала свои старые тетрадки. Всё было так аккуратно записано — и правила

и примеры, — что стоило только взглянуть на страницу, как они сразу всплывали в памяти.

«Ничего не пропало!» — удивившись самой себе, подумала Катя.

Как они пригодятся теперь, эти странички, и не только ей одной, а всей их шестёрке!

«Молодец, Катюшка, хвалю!» — сказала Катя и пододвинула к себе свою собственную фотографию в темнокрасной блестящей рамочке. Оттуда, из-за стекла, смотрела на неё светло-волосая девочка, одетая в парадную пионерскую форму, а за её плечами простиралось дружинное знамя.

Эта фотография появилась в доме у Снегирёвых совсем недавно. Перед майскими праздниками Надежда Ивановна пригласила в школу фотографа, и он снял лучших председателей отрядов и лучших звеньевых. В их число попала и Катя. Когда Оля позвала её в пионерскую комнату сниматься перед знаменем, Катя от смущения и радости покраснела так, что стала почти такого же цвета, как знамя. Второго мая на сборе дружины Катя получила из рук Надежды Ивановны свою карточку с надписью внизу: «Председателю совета отряда № 12 за хорошую работу».

И сейчас Катя нет-нет, да и поглядывала с удовольствием и даже с некоторым недоумением на эту свою фотографию. Она всё ещё не могла понять, как это вышло, что, делая свои интересные, но самые простые, каждодневные дела, она вдруг оказалась одной из лучших пионеров во всей дружине.

Поглядев с минуту на свою фотографию, Катя унесла её в другую комнату и поставила на диванную полочку.

— Ты что там делаешь, Катюша? — спросила мама, поднимая голову от работы.

— Со стола всё убираю, ко мне сейчас девочки придут, — ответила Катя. — Мамочка, у нас есть что-нибудь сладенькое? А то нам повторять нужно...

— Ну, если повторять, — сказала мама, — то что-нибудь найдётся.

Она встала и пошарила в буфете.

— Вот орешки китайские есть. Годится?

— Ну ещё бы! Очень даже годится.

— Вот и хорошо, забирай. Только не очень сорите.

— Мы осторожно.

Катя поставила к себе на стол тарелку с хрупкими желтоватыми орешками, придвинула к столу несколько стульев, положила перед каждым по листку бумаги и по карандашу. Достала из сумки нужные книжки, сложила аккуратной стопкой тетради с записями.

«Ну что же они не идут?»

Она стала коленями на подоконник и поглядела вниз. Нет и нет! А уже пять часов.

В эту минуту в передней раздался робкий звонок. Катя соскочила с подоконника и бросилась открывать. Это были Наташа и Аня.

— А знаешь, почему мы опоздали? — сразу заговорила Аня. — Знаешь, почему? Потому что мы к Наташиной маме на службу заходили. Она нам билеты перепечатала.

— В шести экземплярах, — добавила Наташа. — На папиросной бумаге. А то машинка больше четырёх не берёт.

— А на папиросной берёт? — спросила Катя, с уважением поглядев на свою опытную в житейских делах подругу.

— Вот погляди.

Наташа осторожно достала из сумки папку с надписью посередине «Дело №...» и вынула оттуда целую пачку тонких, нежно шелестящих листков.

— Просто замечательно! — сказала Катя. — Мамочка, мамочка, посмотри, как нам перепечатали билеты! Это всё — Наташина мама!

Ирина Павловна вышла в переднюю и полюбовалась на билеты.

— Очень хорошо! — похвалила она. — Ну идите, занимайтесь.

— Что ты, нас ещё мало! — ответила Катя. — Ещё трое должны подойти.

В эту минуту кто-то сильно дёрнул за ручку двери, и звонок зазвенел на всю квартиру.

— Это, наверно, Миша, — с укором сказала мама. — Такой озорник — чуть звонок не продавил.

Но это был не Миша. Это была Ира Ладыгина.

— Не закрывай дверь, — закричала она, — там ещё Нинка плетётся!

— А Тоню Зайцеву вы не видели? — спросила Катя. Вздыхая она обещала прийти.

— Нет, не видели.

— Ну, скорей раздевайтесь, пойдёте в комнату и там подождём ещё немножко.

Девочки вошли в комнату и уселись вокруг стола.

— У вас хорошо заниматься, — оглядываясь по сторонам, сказала Нина Зеленова. — Стол большой.

— Мы тут вдвоём занимаемся, — объяснила Катя. — Я и братишка. Девочки, Наташа принесла нам билеты. Вот посмотрите.

Она положила на стол пачку лёгких, воздушных листков. Тёплый ветер, влетая в окно, шевелил их края и даже поднял на воздух один-два листка, лежавших сверху.

— Ой, как здорово! — закричала Ира. — Девочки, их можно пускать, как мыльные пузыри. Вот смотрите!

И она принялась дуть на пачку билетов так, что они разлетелись по всему столу.

— Что ты, Ирка! Перестань сию же минуту! — закричали разом девочки, ловя и удерживая воздушную стаю листков.

— Ну вот, теперь все будут помятые! — чуть не со слезами сказала Аня. — И заниматься уже не так приятно.

— Пустяки, — успокоила её Наташа, — их можно даже утюгом прогладить.

— Просто надо на них какую-нибудь толстую книгу положить, — сказала Катя, — они сами прогладятся. Вот что, девочки: Тони всё нет, а время идёт. Давайте заниматься. После занятий я схожу к ней и узнаю, что там случилось.

— Зачем же после? — спросила Ира. — Я сейчас сбегаю. Начинайте без меня, а я через пять минут приведу её.

— Хорошо, — согласились все. — Только поскорее. А то и ты тоже пропадёшь — что же это будут за общие занятия?

— Я живо! — крикнула Ира, и через секунду дверь парадной хлопнула.

Без Иры в комнате сразу стало тихо.

— Мы будем заниматься так, — деловито сказала Катя и

по очереди посмотрела на девочек. — Начнём повторять по билетам русский устный. Потом устроим отдых. А когда отдохнём, будем повторять арифметику. А завтра наоборот: сначала будем заниматься по арифметике, а потом — по русскому.

— А всё-таки я ужасно рада, что попала к тебе в шестёрку, а не в какую-нибудь другую, — сказала Аня, подперев обеими ладонями подбородок. — Ну ещё в Настину или Ленкину — ничего, а вдруг бы в Стеллину?

— А что такого? — спросила Катя. — Стелла очень хорошо знает грамматику и пишет без ошибок. А задачи решает лучше меня.

— Нет, я бы тоже с ней учиться не могла, — тихо сказала Нина Зеленова. — Она как посмотрит на меня, так я все слова сразу забываю. Молчу как рыба.

— Ты и так всегда молчишь как рыба, — сказала Аня. — Удивляюсь я тебе, Нинка! Неужели тебе совсем не хочется разговаривать? Неужели ты и дома такая?

— Какая «такая»? — спросила Нина и сильно покраснела.

Кате показалось, что глаза у Нины подозрительно заблестели.

— Ну что ты, Ниночка! — сказала Катя. — Аня же вовсе не хотела тебя обидеть! Просто мы удивляемся, что ты такая молчаливая.

Катя пододвинула к ней тарелку с орешками:

— На вот, грызи орехи.

Нина взяла горсточку орехов и, ломая их пальцами, сказала:

— Вот вы удивляетесь, а я вам иногда даже завидую. Смотрю — все разговаривают-разговаривают, а я бы, может, и хотела поговорить, да не успею слова сказать, как уже всё скажут другие...

— Странно, — проговорила Наташа.

— Ужасно странно! — подхватила Аня. — И почему это так? Сколько нас, а все мы разные... Ой, Ирка звонит! Идут!

Девочки все вместе побежали открывать. Но за дверью стояла одна Ира.

— А Тоня где же? — спросили все разом.

— Не пустили! — сердито ответила Ира.

— Как — не пустили?! Да ты сказала, что мы будем вместе к экзамену готовиться?

— Сказала. А Тонина мама говорит: «Отец не позволяет. Велел дома заниматься. Одной. А ходить взад и вперёд — это только зря время терять».

Девочки молча переглянулись.

— Прямо не понимаю! — с горечью проговорила Катя. — Как это можно не пустить?

— А я понимаю, — с грустной усмешкой сказала Нина. — Вас всюду пускают, поэтому вы и не понимаете.

— А тебя разве не пускают? — удивилась Ира. — Ты же ездила с нами в Орехово-Зуево!

— Ну, в Орехово-Зуево меня пустили, потому что Анна Сергеевна с нами ехала.

— А сюда?

— А сюда — потому что близко.

— Так ведь Тоне ещё ближе! — сказала Катя. — Мы с ней в одном доме живём. Только лестницы разные... Ну, идёте заниматься, а то у нас уже сколько времени зря пропало! Так никакого толку не будет. Ирина, садись на место, да смотри не болтай! Ни одного словечка лишнего! Слышишь?

— Почему это только я?..

— Да уж потому! Сама знаешь.

Все уселись за стол, и Катя, взяв в руки один из листков, прочла вслух:

— «Билет номер первый. Перечислить буквы в алфавитном порядке. Назвать из них гласные. Какой член предложения называется подлежащим? Разобрать предложение...»

В открытое окно донёсся со двора чей-то звонкий голос:

— Палочка-выручалочка, выручи меня!

Все разом обернулись к окну. Голоса манили, дразнили, притягивали...

Катя решительно встала и закрыла окно.

— Аня, скажи все буквы в алфавитном порядке.

— Что я, маленькая? — обиделась Аня.

— Ты, может, и на экзамене собираешься торговаться?

— Так ведь то — экзамен!

— А сейчас ты к экзамену и готовишься. Ну, отвечай!

Аня начала очень бойко, но после буквы «з» пропустила «и», а всю азбуку оборвала на букве «щ».

— Что же ты остановилась?

— Всё! — сказала Аня.

— Как — всё? А где у тебя «э», «ю», «я»?

— Ой, я забыла!

— Ира Ладыгина, скажи ты.

Ира ответила бойчее, но тоже запнулась раза три.

— Ты немножко лучше знаешь, — сказала Катя. — А теперь давайте по очереди, быстро-быстро, прямо как скороговорку! Кто запнётся, тот дома ещё раз повторит.

— Да что ты, Катя! — всплеснула руками Ира. — Это уже зубрёжка какая-то! И вообще некоторые у нас в классе говорят, что к экзаменам готовятся только зубрили...

— Кто это говорит? — оборвала её Катя.

А Наташа рассудительно заметила:

— Говорят те, кто сами-то зубрят, да только потихоньку от всех. Ой, девочки, если бы вы знали, как я боюсь экзаменов! Ведь мне-то уж никак нельзя не выдержать! Я же и так...

— Ничего не так! — прервала её Катя. — Ты по болезни осталась, а не потому, что не выдержала. Это совсем другое дело.

Но Наташа только горестно покачала головой:

— Другое — не другое, а на третий год в одном классе оставаться нельзя. Наверно, тогда уже исключают?

Все испуганно посмотрели друг на друга. Это никому не приходило в голову.

— Ну да ладно. Авось выдержу, — без особой уверенности сказала Наташа. — Посмотри, Катюша, что там дальше? Гласные или согласные?

Девочки называли сперва гласные, потом согласные и, определив, что такое подлежащее и сказуемое, принялись разбирать предложения. Придумывали их все по очереди. Разобрали Анино, Наташино, Нинино...

— А может быть, сделаем маленький перерыв? — спросила Ира. — Ведь мы уже сорок минут занимаемся! Это почти как на уроке.

Но Катя даже не оглянулась на неё.

— Давайте разберём такое предложение, — сказала она: — «Весеннее солнце заливало землю яркими лучами».

— Очень красиво, — проговорила задумчиво Аня. — Это ты сама придумала?

— Нет, — ответила Катя. — Это из какой-то книжки, только не помню из какой. Ну, кто знает, где тут подлежащее?

— «Солнце»! — закричали девочки все сразу.

И каждой захотелось ещё сказать, где тут сказуемое, определение и дополнение.

— Я тоже придумала, — сказала Ира, когда фраза была разобрана до конца: — «Весеннее солнце зовёт всех на улицу гулять».

Девочки с усмешкой переглянулись. А Катя сказала:

— Знаешь что, Ира? Иди!

Ира пожала плечами:

— Куда?

— Гулять.

— Да я не хочу, — сказала Ира, растерянно поглядев на девочек. — Это я только так, для разбора придумала.

— Ну, а если для разбора, так разбирай.

И когда Ира кончила, Катя сказала:

— Умница ты, Иришка, только уж больно много дурачишься.

— Ничего! — Ира бойко тряхнула рыжими косичками. — Знаете, как мой папа говорит? Когда умный дурачится — полбеды, а вот когда дурак умничает, это похуже.

— Твой папа, наверно, весёлый? — спросила Катя.

— Ещё какой! — сказала Ира. — Прямо пообедать спокойно не даст. Всё смешит, смешит...

— Счастливые! — вздохнула Аня. — А наш папа за обедом разговаривать не позволяет.

— Ну, хватит болтать! — остановила девочек Катя. — Теперь давайте скорей пройдем ещё один билет, а потом сделаем перерыв.

Так как всем хотелось поскорей сделать перерыв, занятия пошли гораздо быстрее. Девочки, уже не отвлекаясь, не глядя в окно и не пересмеиваясь, повторили все правила, придумали примеры, прочитали наизусть басню «Слон и Моська».

— А теперь пойдёмте на бульвар, побегаем, — предложила Катя. — Отдохнём немножко, а потом ещё позаймёмся. По арифметике.

Все сразу вскочили с мест и бегом побежали вниз по лестнице.

По дорожкам бульвара, среди зазеленевших деревьев и кустов, важно катили на трёхколёсных велосипедах маленькие мальчишки. В колясках, стоявших возле скамеек, сидели сонные, разморённые солнцем младенцы. У Нины в руках неожиданно появилась скакалка. Оказалось, что Нина всегда, на всякий случай, носит её с собой.

Аня и Наташа взялись за концы верёвочки, а перед верёвочкой выстроились гуськом Нина, Ира и Катя.

— Давайте только по всем правилам, — сказала Нина, — с пожаром, с опоздалом, с выручалом и с вылетом.

— Нет, — сказала Катя, — с опоздалом, с выручалом и с вылетом не выйдет. Народу мало. А с пожаром можно.

Верёвочка быстро завертелась, и голые коленки так и замелькали.

Это и был «пожар» — высший класс прыганья через верёвочку.

— Двадцать! — крикнула Аня, считавшая прыжки, и девочки поменялись местами.

Наконец все досыта напрыгались.

— А Тоня-то, бедная! — сказала Наташа, когда девочки пошли опять вверх по лестнице. — Всё одна и одна...

— Да, — согласилась Ира. — Вот мы и учимся вместе и играем вместе, а ей и поиграть не с кем.

— Ужас прямо! — добавила Аня. — Как ей должно быть скучно!

— Не в том дело, что скучно, — сказала Катя. — Главная беда, что Тоня может не выдержать экзаменов.

— Удивляюсь я на этих родителей, — сказала Ира. — Какие иногда бывают несознательные!

Наташа неодобрительно покачала головой:

— Ой, Ира, как ты говоришь! Разве можно? Всё-таки родители...

— А держать Тоньку взаперти можно? Вот провалится, что вы тогда запоёте?

Катя остановилась в раздумье, теребя кончик косы.

— Действительно, так нельзя оставить... Ведь Тоня — не лентяйка. Она учит, только никогда не знает, выучила или нет. Её проверять надо. А проверить-то и некому. Нет, завтра же пойду к ней. Обязательно!

На другой день Катя с самого утра пошла к Тоне.

Должно быть, у Кати был очень встревоженный вид, потому что Тонина мама, открыв ей дверь, сразу же спросила:

— Что случилось?

— Ничего не случилось, — начала Катя, — но может случиться...

Тонина мама не поняла:

— Что может случиться? С кем?

— С вашей Тоней. Да-да, только не пугайтесь, пожалуйста, — добавила Катя. — Я сейчас вам всё объясню. А Тоня где? Дома?

— В булочную пошла... Да что такое?

Катя перевела дыхание и начала рассказывать:

— Знаете, Тонина мама... то-есть товарищ Зайцева, мы теперь готовимся к экзаменам вместе — половинками звеньев. Вы сами понимаете — это очень важно, чтобы мы сдали экзамены как следует. Ведь мы в этом году кончаем...

— Да что ты! — перебила Катю Тонина мама. — Неужто учиться больше не будете?

— Нет, будем, конечно, — объяснила Катя. — Мы же кончаем только начальную школу. А потом перейдём в среднюю. И вот нам очень важно хорошо кончить и перейти в пятый класс. Мы друг друга проверяем, и это нам очень помогает.

— Так-так, деточка, — проговорила Тонина мама. — Понимаю — ты за Тоней пришла. Тут ещё одна ваша ученица за ней приходила, бойкая такая, весёлая.

— Да, я знаю, — сказала Катя. — Это Ира Ладыгина, из нашей «половинки». С Тоней нас было бы шестеро, а так — пятеро. И нам очень не хватает Тони!

— Что ж поделаешь, деточка! — вздохнула Тонина мама. — Отец не хочет. Он этого не любит, чтобы девочки валандались без дела.

— Как это — без дела? — повторила Катя, не скрывая обиды. — Мы же учимся, а не валандаемся.

— Ну, может, и учитесь, — примирительно сказала Тонина мама. — А только наш отец говорит, что девочки как соберутся вместе, так и начинают трещать да болтать, а дело — ни с места. Ни к чему, говорит, эта беготня друг к дружке. А я что могу сделать? Спасибо тебе, деточка, сознательная ты, умница. А уж Тонечка как-нибудь сама...

Катя постояла ещё с минуту у порога, потопталась в нерешительности и взялась за ручку двери.

— Ну, я пойду, — сказала она и вышла на площадку лестницы.

«Что же делать? — подумала она. — Как быть? Ах, вот что! Надо пойти к Оле — посоветоваться. А заодно и с Настей поговорить. Вместе мы что-нибудь да придумаем».

УРОК ВО ДВОРЕ

В последнее время, после Первомайского праздника, Оля гораздо реже стала бывать в своём отряде. Пионерская работа в школе уже закончилась, и к тому же у самой Оли теперь было очень много дела. Она готовилась к экзаменам. А при переходе из восьмого класса в девятый нужно было сдать целых шесть экзаменов!

Но Катя знала, что Оля и сейчас очень интересуется делами своего отряда и, наверно, встревожится, когда до неё дойдёт, что Тоня Зайцева — одна во всём классе — не ходит на занятия.

— А, Катюша! — приветливо сказала Оля, открывая Катю дверь. — Ты к Насте или ко мне?

— К вам обеим, — ответила Катя. — Очень уж нужно посоветоваться, Олечка.

— Хорошо, я сейчас, — сказала Оля. — Вот дочитаю две странички и приду. А ты пока пойдёшь к Насте, она в кухне.

И Оля, повернувшись, быстро пошла в комнату. Олины гу-

стые волосы были сегодня только перевязаны сзади лентой, а не заплетены в косу. Должно быть, Оля как встала утром, так сразу же и взялась за книжки. В руках у неё была чёрная клеёноччатая тетрадка и раскрытый учебник с надписью на корешке: «Физика».

Разостлав на краю кухонного стола сложенное вчетверо байковое одеяло, Настя аккуратно разглаживала белый подкрахмаленный воротничок.

— Ты что это делаешь? — спросила Катя, с удовольствием следя за тем, как ловко Настя одной рукой расправляет уголки воротничка, а другой — проводит по ним утюгом.

— Что я делаю? — переспросила Настя и усмехнулась. — Танцую.

Катя смутилась:

— Нет, я хотела спросить, что ты гладишь.

— Юбку, — опять с усмешкой ответила Настя.

— Какую юбку! Это же воротничок, — сказала Катя. — Разве я не вижу?

— А если видишь, зачем спрашиваешь? Это я Оле глажу, ей теперь некогда.

— Некогда? — огорчилась Катя. — А ведь я, Настенька, пришла с ней поговорить.

Настя сразу поставила утюг на подставку.

— Что-нибудь случилось?

— Не случилось, но может случиться, — повторила Катя те же слова, что сказала сегодня утром Тониной маме. — Понимаешь, Тоня Зайцева не ходит на занятия. Мы уже второй день занимаемся без неё.

— Да что ты говоришь! — удивилась Настя. — Плохо дело... А остальные девочки ходят?

— Остальные ходят. Вчера все были у меня, а сегодня мы все были у Наташи. А твоя «половинка» — как?

— Только недавно ушли. Вы сколько билетов повторили?

— Вчера — три по русскому и два по арифметике, а сегодня — уже четыре по русскому.

— А по арифметике только два? — спросила Настя и покачала головой. — Ведь ещё неизвестно, какой будет первый экзаме́н. Может, и арифметика.

— Это-то правда, но я русский больше люблю, — призналась Катя.

— Ну, мало ли что больше любишь, — сказала Настя. — А вот Клава Киселёва больше всего любит телевизор смотреть. Так ей, может, совсем не готовиться к экзаменам, а просто сидеть да глядеть?

Она крепко провела утюгом по белоснежной плотной ткани воротничка и, отложив его в сторону, озабоченно посмотрела на Катю:

— А почему же всё-таки Тоня не ходит? Заболела, что ли? Вот ещё беда! Перед самыми экзаменами!

— Да нет, не заболела, отец не пускает, — сказала Катя.

Настя положила перед собой другой воротничок, ещё не разглаженный, и, набрав в рот воды из кружки, так сердито прыснула на него, как будто во всём виноват был именно этот скомканный воротничок.

— А ты бы послала к Тоне кого-нибудь из девочек, — сказала Настя, задумчиво водя утюгом взад и вперёд.

— Посылала уже.

— Кого?

— Ладыгину.

Настя удивлённо посмотрела на Катю:

— Ирку Ладыгину? Нашла кого посылать! Лучше сама бы сходила.

— Ходила.

— Ну и что?

— Да всё то же. Не пускают.

— Ну подожди, — сказала Настя. — Сейчас Ольга придёт. Подумаем вместе, что делать... Оля, Оля! — закричала она. — Знаешь, какая история? Тоня Зайцева не ходит на занятия!

— Как это — не ходит? Почему не ходит? — спросила Оля, сразу же появившись на пороге.

Она даже не успела положить на место учебник физики и держала его в руке, зажав палец между страницами.

Катя повторила всё, что сказала ей сегодня утром Тонина мама.

— Да-а, — задумчиво протянула Оля, — вот так исто-

рия! А по каким предметам Зайцева учится хуже и по каким лучше?

— По всем не очень-то хорошо, — ответила Катя.

— Главное дело, она сама не знает, что́ знает, а чего не знает, — добавила Настя.

— Понимаешь, Олечка, — сказала Катя, — она вовсе не бестолковая. Она и задачу может решить и диктовку без ошибок написать. Но на письменных она ужасно пугается...

— А на устных она сбивается, — сказала Настя. — Как учительница на неё посмотрит, так она и забудет, что́ хотела сказать...

— Да-а, — ещё многозначительнее протянула Оля. — Выходит, что ей особенно важно было бы заниматься не одной, а со всеми вместе. Она бы каждый день отвечала вам, и это было бы для неё вроде репетиции, что ли...

— Вот-вот, а отец, как назло, её не пускает! — с горечью сказала Катя.

— Что же делать? — Оля прошлась взад и вперёд и остановилась у подоконника, постукивая по стеклу пальцами. — Может быть, мне самой к нему сходить? Или даже попросить Анну Сергеевну?

Настя с сомнением покачала головой.

— Конечно, если Анна Сергеевна поговорит с родителями, так Тоню пустят, — сказала она. — А только ты не знаешь, Оля, как Тоня боится отца. Он, наверно, сердитый очень. Я заметила, что и мама Тонина его боится. Вдруг он после этого ещё больше на Тоньку рассердится? Тоня тогда со страху и совсем голову потеряет...

— Олечка... — нерешительно сказала Катя. — Мне, знаешь, пришла в голову одна мысль, только я не знаю, будет ли это хорошо... Что, если я отдельно с Тоней позанимаюсь? Ну, хотя бы русским устным.

— Так ведь её к тебе не пустят.

— Ну, я сама к ней зайду. Или, может, во дворе её встречу. Пускают же её когда-нибудь гулять. А мы с ней в одном доме живём.

Оля оживилась:

— А что ты думаешь! Это хорошо! Попробуй, Катюша.

— Ну, а я тогда попробую с ней по арифметике позаняться, — сказала Настя. — Ты, Катя, когда к ней пойдёшь?

— Да, пожалуй, завтра с утра.

— Ну, а я пойду к вечеру.

— Вот и прекрасно! — Оля опять открыла учебник физики на том месте, где держала палец, и, читая на ходу, ушла в комнату.

— До полуночи сидеть будет, — сочувственно глядя ей вслед, сказала Настя. — А ты что — уже домой? Ну погоди, я тебя провожу немножко.

Хотя в доме, где жили Снегирёвы, двор был неплохой, Катя больше любила гулять по бульвару. Там весной пахло липами, зеленели газоны, а на аллее желтел свежесыпанный песок.

Но сегодня Катя твёрдо решила хоть целых два часа бродить по двору, пока не встретит Тоню. Заходить к ней домой ей всё-таки очень не хотелось.

В сущности говоря, и здесь было совсем неплохо. И сюда, во двор, наконец проникла весна, высушила каменные плиты и развернула маленькие листики на тоненьких деревцах, недавно посаженных вокруг низкой деревянной загородки, где влажно желтела большая куча песка. Ребятишки деловито копошились в этой загородке, рыли в песке какие-то ходы и пекли бесчётные пироги и куличи.

Трудно было поверить, что совсем недавно здесь ещё громоздились пластами кучи грязного, тяжёлого снега. Кате тогда ещё подумалось, что зима прячется в углах двора; на улице от неё нет и помину, а здесь хоть с горы кататься. Но солнце и дворники быстро сделали своё дело.

Катя вытащила из кармана крошечный кусочек мела и, быстро начертив на сухих, чистых плитах сетку из девяти клеток, немножко попрыгала на одной ноге. Прыгать было легко и приятно, но ведь она не для этого пришла сюда. Катя подняла голову и поглядела на тот корпус, где жила Тоня. Вот, кажется, их окно... В третьем этаже, второе от края. Окно было открыто. Тюлевая занавеска, выбиваясь в щёлку, трепетала на ветру. Но Тони не было видно.

Нет, всё-таки, пожалуй, придётся подняться к ним и вы-

звать Тоню. А то сколько ни прыгай тут во дворе на одной ножке, от этого Тоня умнее не станет.

Решительно оттолкнув ногой стёклышко, которое она осторожно подталкивала носком, Катя засунула руки в карманы пальто и зашагала к Тониной лестнице.

Дорогу ей преградило несколько туго натянутых верёвок, на которых были развешаны одеяла и чьи-то зимние пальто с меховыми воротниками.

Катя нырнула под полу одного пальто и наткнулась на другое. Рукава его беспомощно висели чуть ли не до земли, и казалось, что пальто изнемогает и от жары, и от усталости, и от того, что само оно слишком тёплое и тяжёлое. Дальше, решительно преграждая Кате дорогу мохнатыми полами и широко распялснными рукавами, висела большая, толстая шуба на рыжем меху. Всем своим видом шуба как будто говорила: «Стоп, ни с места!»

Катя согнулась чуть ли не вдвое и, нырнув под рыжую полу, вылезла с другой стороны. Вылезла — и остановилась. Между висячими стенками из одеял и шуб на маленькой скамеечке сидела Тоня с книжкой в руках. Одета она была в какую-то старенькую курточку.

— Тонечка! — так и бросилась к ней Катя. — Ты что тут делаешь?

— Русский устный учу, — грустно сказала Тоня. — А ты что тут делаешь?

— А я тебя ищу. Мне очень нужно с тобой поговорить!

— Это про что? — испугалась Тоня. — Ты, наверно, сердишься, что я заниматься не прихожу? Так ведь мне нельзя! Папа не позволяет.

— Знаю, знаю, — сказала Катя. — Вот что, Тонечка. Если не позволяют, ты и не приходи. Мы с Настей решили помогать тебе по русскому устному и по арифметике. Я буду по русскому.

— Ой, вот хорошо! Только ведь мне отсюда уйти нельзя. Я вещи караулю.

— Ну и карауль. Тут очень хорошо заниматься. Никто нас не видит, никому мы не мешаем. Ну-ка, подвинься. Ты с чего начала?

Рыжие полы раздвинулись, и между ними просунулась чья-то стриженная голова.

— Вот басню повторяю.

— Дай мне книжку. Отвечай.

Глаза у Тони стали круглые, и она начала, часто мигая и облизывая губы:

— «Ворона и Лисица». Басня Крылова.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась...

— А вот и не так! — вдруг раздался чей-то знакомый голос. Край рыжей шубы приподнялся, из-под тяжёлой, мохнатой полы вылезла Лена Ипполитова с книжкой в руке и, как всегда, в очках на носу. — Надо так:

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру...

— Ну зачем ты её сбиваешь? — сказала Катя. — Ты же знаешь, что она и так легко сбивается.

— Но ведь так — неверно!

— Почему неверно? Пусть выучит сначала без морали, раз ей так легче, а потом с моралью... А ты как сюда попала?

— Так же, как и ты.

— А зачем?

— Хочу немножко подиктовать Тоне. Мне Настя сказала, что она будет с Тоней заниматься по арифметике, ты — по русскому устному. Ну, а я буду по письменному...

Тоня даже смутилась:

— Ой, девочки! Как же это? Ведь вы и в своих половинках звеньев занимаетесь и со мной ещё будете? Вам же трудно...

— Ничего, — сказала Катя. — Наша Таня всегда говорит, что если хочешь хорошо выучить предмет, начни его другому объяснять — и сам поймёшь лучше, да и запомнишь твёрже. Так что нам от этих занятий только польза будет. Ну, Тоня, говори басню.

— С моралью или без морали?

— Как хочешь.

— Я лучше сперва без морали.

— Ладно, начинай.

Тоня опять округлила глаза и заморгала:

Вороне где-то бог послал кусочек сыру...

— Кар-р-р! — вдруг раздалось где-то за шубой. Рыжие волосы раздвинулись, и между ними просунулась чья-то стриженная голова.

— Валерка, убирайся! — закричала Тоня. — Ну чего ты лезешь? Чего подслушиваешь?

Но Валерку не так-то легко было прогнать. Он стянул с верёвки какой-то старый, отпоротый от шубы меховой воротник и, подсунув его себе под пояс, принялся вилять им, будто хвостом. Глядя на Тоню прищуренными глазами, он вертелся перед ней и выговаривал сладким голоском:

«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!»

— Ну вот, он всегда так! — чуть не со слезами крикнула Тоня, отнимая у Валерки воротник.

Лена укоризненно покачала головой.

— Перестань! Сейчас же перестань! Как тебе не стыдно? — сказала она мальчишке с упрёком.

Но мальчишка уже успел прицепить себе новый хвост — какую-то метёлку. Он насмешливо взглянул на Лену и, приставив к глазам пальцы наподобие очков, протянул нараспев:

Мартышка к старости слаба глазами стала;

А у людей она слыхала,

Что это зло ещё не так большой руки:

Лишь стоит завести очки.

— Ну вот, теперь сами видите, — проговорила Тоня. — Прямо не знаю, как от него отвязаться!

— Очень просто, — сказала Катя. — Помните басню «Прохожие и собаки»? Полает — и отстанет.

Мальчишка как будто немного растерялся. Видно, он не мог придумать, какой басней отбить этот удар. Но тут, к счастью для обеих сторон, где-то за шубами пронзительно зазвонел велосипедный звонок. Мальчишка закричал: «Санька, дай

прокатиться!» — и пропал за шерстяными, ватными стенами так же внезапно, как и появился.

В просвет между шубами девочки увидели, как он бросился вдогонку за велосипедом, на котором катил, стоя на педалях и ныряя на каждом повороте, какой-то другой мальчишка, в синей майке.

— Санька, дай же... дай прокатиться! — кричал Тонин враг, во весь дух летя вслед за велосипедом.

Но Санька только тряхнул на ходу головой и выехал за ворота. За ним побежал и Валерка.

— Ну, теперь можно спокойно заниматься, — сказала Катя. — Тоня, кончай басню, потом разберём три предложения, и я пойду. А уж диктовать тебе будет Лена.

ПЕРВЫЙ ЭКЗАМЕН

Наступило девятнадцатое мая, последний день перед экзаменами.

Как ни уговаривала Катя все эти дни себя и подруг, что бояться экзаменов не надо, ей всё-таки было страшно. Может быть, потому, что в школе уже вывесили расписание, и Катя узнала, что первый экзамен будет по арифметике. Письменный.

Накануне Катя легла пораньше, но ей не спалось. Она думала о завтрашнем дне. Ведь это не шутка — первый экзамен в жизни! А к тому же завтра день рождения Миши, и вечером к нему придут гости — товарищи. И ухитрился же Мишук родиться как раз двадцатого мая, когда у всех начинаются экзамены! Ему, правда, хорошо, у него ещё никаких экзаменов нет, и он может праздновать день своего рождения хоть с самого утра. А вот каково будет завтра ей, Кате? Весёлая она придёт из школы или такая же грустная, как в тот день, когда принесла из школы двойку по естествознанию? Тогда было так тяжело, так стыдно перед всеми, и особенно почему-то перед Мишей, а завтра будет ещё тяжелее, если плохо сдать... Право, уж лучше бы Миша не звал к себе товарищей!

Катя громко вздохнула и перевернулась с боку на бок.

В соседней комнате мама гладила Катину школьное платье, ставшее за зиму коротковатым, а бабушка дошивала новый белый передник.

«Что-то завтра будет? — думала Катя. — А вдруг задача попадётся очень трудная? Аня-то, наверно, решит, и Нина тоже — им арифметика даётся легко, а вот как Ира, Наташа? Наташа, конечно, права — ей никак нельзя не решить! На третий год её, конечно, не оставят, но и переэкзаменовку держать очень неприятно, особенно если сидишь в классе второй год. Надо выдержать, и не меньше чем на четвёрку... А уж Тоня — та выдержала бы хоть на троечку! А то ведь она может не решить просто со страху».

Правда, Настенька говорит, что за Тоню бояться больше нечего. Они решали вместе по многу задач на все правила и на все случаи, и Тоня всё понимала и путалась только тогда, когда пугалась. Но ведь как раз на экзамене она и может испугаться. Тут человек и похрабрее, чем Тоня, струсит.

Сегодня утром Настя рассказывала, как они с Тоней готовятся к экзамену. «Я совершенно не подсказываю. Только если она вдруг растеряется, кивну и скажу: «Ну-ну, чего ты застряла? Смелее!» — и уже всё в порядке». А всё-таки странная эта Настя! Неужели она думает, что на экзамене ей удастся кивать Тоне и подгонять её? В том-то и дело, что там каждый отвечает сам за себя. Впрочем, только ли за себя? Конечно, нет. Вот, например, она, Катя, отвечает за всю их шестёрку, а Настя — за свою и Лена — за свою... В общем, и за себя и за других... Ох, трудное дело — эти экзамены!.. Что-то будет? Что-то будет?

Катя уткнулась лицом в подушку и вдруг почувствовала у себя на затылке папину большую и ласковую ладонь.

— Ну что, дочка? — спросил он и сел рядом с Катей, на край постели. И, будто отвечая на Катини мысли, он сказал: — Тебе совершенно нечего волноваться. Ты хорошо работала в году, а это — самое главное. Завтра тебе самой будет смешно, что ты волновалась.

— Да, но я же не только за себя боюсь, — сказала Катя. — Нас ведь шестеро!

— Ну, и все шестеро выдержат, раз вы все хорошо занимались.

Не столько от этих слов, сколько от тепла папиной большой ладони, от его негромкого уверенного голоса Катя вдруг успокоилась. Ей стало как-то особенно уютно, удобно. Она свернулась клубочком и крепко уснула.

Ночь прошла, как одна минута. Катя проспала до самого утра, ни разу не проснувшись.

Разбудила её Таня. Сначала она осторожно потрепала Катю по голове, потом легонько пощекотала ей пятку, но Катя только недовольно дёрнула ногой. Тогда Таня решила действовать энергичней. Приподняв Катину голову, она выдернула подушку. Катя вскочила и взглянула на Таню заспанными, ничего не понимающими глазами. Но, вспомнив, какой сегодня день, испугалась ещё больше.

— Ой, Таня, — сказала она, — ты из меня всю арифметику вытряхнула!

Таня засмеялась:

— Ну да, всю! Что-нибудь да осталось.

В комнату вошла мама. В руках у неё было Катино школьное платье, удлинённое насколько возможно и выутюженное, с новеньким белым воротничком, и белый пышный передник.

— Проснулась наша девочка? — сказала мама.

И Катя почувствовала в её ласковом голосе те особые нотки, которые обычно звучали у неё в день Катиного рождения или тогда, когда Катя бывала нездорова. Но ведь сегодня она не больна, а день её рождения будет только через месяц... А вот Мишу надо бы поздравить. Где же это он?.. Уже встал и убежал куда-то...

Катя быстро вскочила и начала одеваться.

На столе в соседней комнате её поджидал завтрак — яичница и любимые Катины гренки, — но есть что-то не хотелось. Прибежал Миша и стал показывать Кате подарок от папы и мамы — настоящий столярный ящик со всеми инструментами, но Кате не хотелось смотреть и на ящик.

— Ну чего она волнуется? — возмущалась Таня. — Она же всё прекрасно знает и решит любую задачу.

— А вдруг не решу? — начала было Катя.

Но Таня рассердилась:

— Никаких «вдруг»!

- А вдруг я всё перепутаю?
- А ты не позволяй себе путать!
- А вдруг девочки не решат?
- Ну, тогда уж не знаю...

Катя чуть слышно вздохнула и пошла попрощаться с папой. Но папа ещё спал, потому что накануне очень долго работал и поздно лёг. Катя постояла немножко у закрытой двери.

Все остальные вышли в переднюю провожать Катю — и бабушка, и мама, и Таня, и Миша.

— Ругайте меня! — сказала Катя. — Все ругайте!

Мама потрепала дочку по голове:

— Зачем же ругать, если ты хорошо подготовилась?

— А это, говорят, такая примета, — объяснила Катя. — Чем больше дома ругают, тем лучше сдашь экзамены.

— Ах ты, старушка суеверная! Ещё ни одного экзамена не сдала, а уже где-то набралась этих глупостей.

— Ага, ага! Вот ты меня и выругала! — обрадовалась Катя. — Ну, а теперь, мамочка, поцелуй меня.

Мама крепко прижала к себе Катю и поцеловала её в голову.

— Ну иди, иди, ещё опоздаешь. Эта девочка, что живёт у нас в доме, уже пошла. Я видела в окошко.

— Тоня Зайцева? Ну, она всегда приходит очень рано. А уж сегодня... Ох, надо и мне идти! Думайте, пожалуйста, обо мне. Все думайте, думайте, думайте!

И Катя, ещё раз оглянувшись, переступила через порог.

Мама вслед за ней вышла на площадку лестницы.

— Не торопись сдавать работу, — сказала она, поправляя на Кате завернувшуюся оборку передника. — Лучше лишний раз проверь. И, главное, не будь рассеянной! Слышишь, девочка?

Перегнувшись через перила, она смотрела вниз, пока там не хлопнула входная дверь. Только тогда все вернулись в комнату. Бабушка высунулась в открытое окно.

— С девочками пошла, — сказала она, — с Аней и Наташей. Поглядите-ка, все три в белых фартуках... ну, прямо — лебеди!

И на самом деле, не успела Катя выйти на улицу, как навстречу ей бросились Аня и Наташа. Они уже целых пять ми-

нут поджидали её на углу. Девочки взялись за руки и зашагали по тротуару.

Утро было чудесное. Сквозь незапылённую, свежую зелень листвы пробивался блеск солнца, синело небо. Листья трепетали все вместе, и каждый листок — отдельно, сам по себе, как будто стараясь что-то рассказать своим шелестом, своим трепещущим весенним шумом.

В школе сегодня было как-то особенно оживлённо и в то же время тихо.

Анна Сергеевна, торжественная, праздничная, в новом темносинем костюме, встречала своих учениц в вестибюле.

Класс, залитый весенним солнцем, блестел лаком парт. На столике Анны Сергеевны благоухали в кувшине свежие гроздья сирени. А классная доска была таинственно прикрыта газетой.

Девочки заняли свои места. В эту минуту дверь открылась, и в класс, к великой радости и удивлению всех учениц, вошла Людмила Фёдоровна, одетая по-весеннему, ещё наряднее, чем Анна Сергеевна.

Анна Сергеевна, слегка улыбаясь, обвела глазами класс:

— Видите, девочки, кто пришёл к нам на экзамен? Людмила Фёдоровна будет моей ассистенткой. Смотрите же!..

Она не договорила и, подойдя к доске, взялась за край газеты.

— Ой, девочки! — донёсся шопот откуда-то из глубины класса. — Как страшно!..

Анна Сергеевна обернулась.

— Ничего, ничего, — сказала она и сняла с доски газету. — Скоро всех отпустим.

На доске, разделённой белой чертой пополам, были написаны мелом примеры и задачи: три примера и задача — для сидящих слева, и столько же — для сидящих справа.

Обе задачи были про землекопов, выкопавших канаву, но только цифры в задачах были разные.

— А, землекопы! — обрадовалась Катя, как будто увидела старых знакомых. Она стала спокойно переписывать задачу на листок, лежавший на парте:

«14 землекопов в 16 дней выкопали канаву длиной в 3 км

360 м. Сколько землекопов в течение 11 дней выкопают канаву длиною в 1 км 980 м?»

Это была одна из тех задач, которые уже решались в году, и Катя сразу же успокоилась.

«И чего было волноваться? — подумала она. — В году бывали задачи куда потрудней. Только бы как-нибудь нечаянно не сделать ошибки в счёте...»

И Катя принялась осторожно и внимательно выписывать каждую букву, каждую цифру:

«1. Сколько метров в 1 день выкопают 14 землекопов?»

Легко и просто Катя превратила километры в метры, и дальше у неё всё пошло живо и весело. «Клубочек» разматывался сам собой и в конце концов привёл к ответу: «12 землекопов».

Катя поставила точку и осторожно, почти не поворачивая головы, краешком глаза посмотрела на девочек, с которыми готовилась к экзаменам.

Ничего, всё в порядке! Аня уже положила перо и поглядывает по сторонам весело и задорно. Должно быть, её землекопы поработали на славу. За Иру Ладыгину и Нину Зеленову тоже нечего беспокоиться — они всегда хорошо решают задачи, авось не подведут и теперь. Вон как старательно пишут, только перышки поскрипывают. И Наташа — молодец, не отстаёт от других. Вот задумалась на минутку, пошевелила губами — считает, видно. Потом нахмурилась, наклонилась над своим листком и опять принялась писать. Так. Ну, а что Тоня Зайцева? Катя оглянулась, и сердце у неё дрогнуло. Ой, что это? Отчего у Тони такие испуганные, круглые глаза и на щеках красные пятна? Неужели она не поняла задачу? Катя в тревоге повернулась в ту сторону, где сидела Настенька Егорова. Но поймать Настин взгляд ей не удалось. Настя преспокойно решала свою задачу и даже не заметила, должно быть, какие у Тони несчастные глаза. А ещё говорила: «Надо ей только кивнуть...» Вот тебе и кивнула! Ох, неужели Тоня провалится?

От огорчения Катя даже позабыла, что ей самой надо ещё решить три примера.

Неизвестно, что было бы дальше, но в эту минуту Людмила Фёдоровна встала со своего места и прошла по классу. На ходу она погладила по голове Наташу, постояла секунду возле

парты Клары Киселёвой и наконец, подойдя к Тоне Зайцевой, заглянула в её листок.

— Ну, что же ты? Решай дальше, — сказала она и, слегка кивнув головой, улыбнулась Тоне ласково и ободряюще.

Должно быть, Тоне и в самом деле только и надо было, чтобы ей кивнули. Она сразу повеселела, и перо её так и побежало по бумаге.

Тут уж и Катя успокоилась.

«Не буду больше думать ни о чём, кроме примеров», — сказала она себе и, тряхнув головой, чтобы отогнать все посторонние мысли, принялась аккуратно переписывать с доски столбики цифр.

А девочки уже одна за другой вставали и, подав свои листки, выходили из класса. Но Катя не спешила.

Решив все три примера, она чистенько всё переписала, проверила, нет ли где ошибок, и только тогда пошла к экзаменационному столу.

— Хорошо, можешь идти, — сказала ей Анна Сергеевна и, взяв у Кати листок, положила его на стол.

Катя вышла в коридор, и сейчас же вслед за ней выбежала, вся красная, Тоня.

— Уже решила? — обрадовалась Катя. — Какой у тебя ответ?

— Двенадцать. А у тебя?

— И у меня — двенадцать! Молодец, Тонечка, так быстро решила!.. А у тебя, Наташа?

— И у меня — двенадцать, — смущённо улыбаясь, ответила Наташа. — Но только, кажется, я вопросы не совсем верно написала...

Катя даже немножко рассердилась.

— Да как же это может быть! — сказала она. — Уж если верно решила — значит, и вопросы верные. Выдумываешь, лишь бы только волноваться! Ну идёте, девочки.

Все с шумом побежали по коридору, забыв о том, что в других классах ещё идут экзамены.

А навстречу им почти бегом бежала Оля.

— Ну что, как? — спросила она, запыхавшись от бега и от того, что была, как и все школьницы, в шерстяном форменном

платье. — Скорей говорите, у нас через десять минут начнётся экзамен!

Девочки обступили Олю, но Катя не дала им рассказывать.

— Всё благополучно, Олечка, иди, а то опоздаешь, — сказала она, вдруг как-то особенно остро почувствовав, что Оля не только вожатая, но и сама ещё школьница. — И, пожалуйста, не думай про нас. Мы не подведём.

— Ну ладно уж, — сказала Оля и, зажмурившись на секунду и встряхнув головой, добавила: — Ой, девочки, как страшно!..

— И тебе? — удивилась Валя Ёлкина.

— А я что, не человек? — усмехнулась Оля и, перекинув за плечо свою толстую косу, убежала.

МИШИНЫ ГОСТИ

Как на крыльях, летела Катя в этот день домой. Хотелось поскорей рассказать дома, что на экзамене было совсем не страшно, а даже приятно и весело, что ассистенткой была Людмила Фёдоровна и что все девочки решили задачу. А ещё очень радостно было думать о том, что самый трудный экзамен уже за плечами, и сегодня можно до самого вечера ничего не делать, а просто отдыхать. Нет, всё-таки молодец Мишка, что родился в такой хороший день!..

Когда Катя подошла к дверям своей квартиры, там уже стоял какой-то мальчик, круглолицый, с белыми бровями и с веснушками на носу — наверно, один из Мишиных гостей.

— К вам уже можно? — спросил он у Кати, не решаясь, видимо, позвонить.

— Приходи в шесть, — сказала Катя. — А то, пожалуй, ещё ничего не готово.

Но Мишины гости, которых он пригласил за целую неделю до дня рождения, оказались крайне нетерпеливым народом. Хотя им всем было сказано русским языком, чтобы они пришли ровно в шесть часов вечера, стук в дверь раздался, когда ещё не было четырёх часов.

— Уже можно? — спросили за дверью.

— Ещё нельзя! — ответил Миша.

— А когда будет можно?

— Я же сказал — в шесть!.. Ой, ребята, что мне подарили! Целый ящик столярных инструментов. Там всё есть — и пила, и молоток, и топорик, и рубанок, и эта...как её... стамеска.

— И всё — настоящее?

— Ну да, как же! — сказал кто-то из гостей. — Игрушечное, конечно.

Миша обиделся.

— Нет, не игрушечное! Нет, не игрушечное! — закричал он. — Всё, хоть и маленькое, а самое настоящее. Пилу я уже попробовал: вот такую доску распилил!

— Взаправду пилит?

— Ого! Ещё как... Видишь, у меня уже палец завязанный?

После этого разговора мальчикам ещё сильнее захотелось поскорей попасть к Мише в гости. Один даже стал барабанить каблуками в дверь. И только когда Ирина Павловна, выйдя на площадку, попросила мальчиков подождать хотя бы до пяти часов, если уж им так не терпится, — они послушались и ушли.

Без двадцати минут пять снова слышались за дверью нетерпеливые голоса:

— Уже можно?

— Ещё нельзя! — отозвался Миша через цепочку. — Ещё нет пяти часов. Подождите на лестнице.

Но тут в переднюю вошла мама.

— Какой же ты негостеприимный хозяин! — сказала она, стараясь говорить серьёзно и едва сдерживая улыбку. — Разве так встречают гостей?

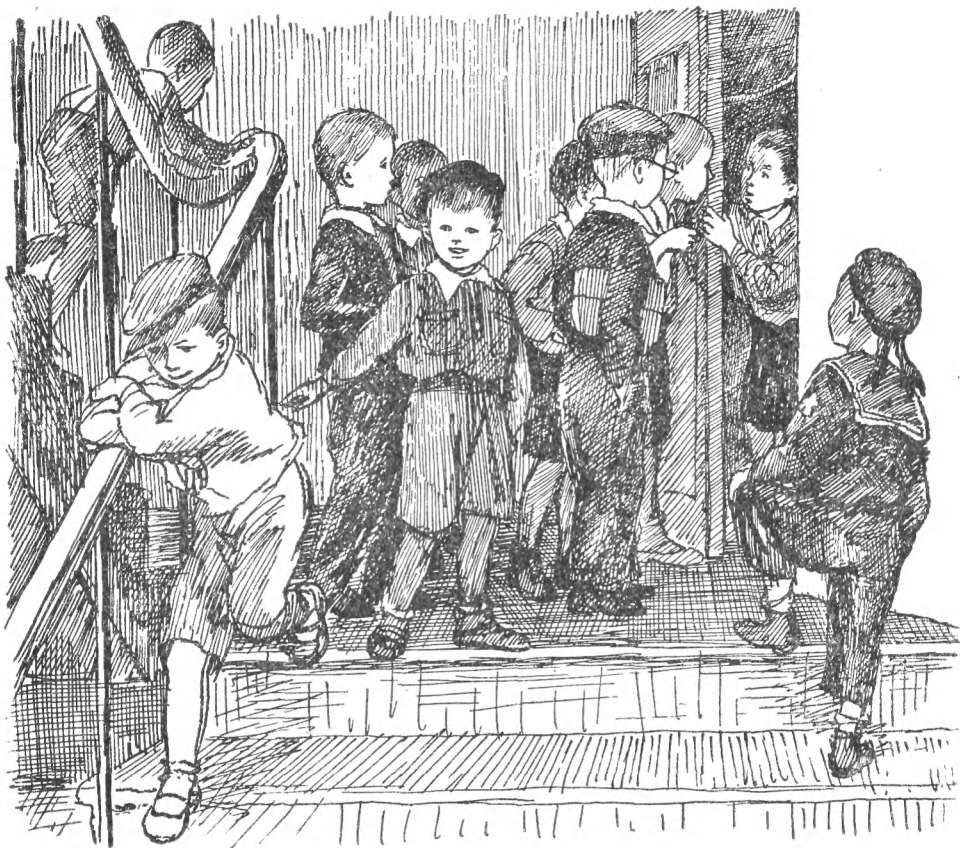
И она открыла дверь. В переднюю ввалилась целая толпа Мишиных одноклассников. Бабушка, выглянувшая из комнаты, даже руками всплеснула:

— Гости — со всех волостей!

А мама сказала нарочно громко:

— Добро пожаловать, дорогие гости!

Миша растерялся. Приглашая гостей, он не рассчитал, что для них потребуется так много места. В широком и длинном классе эти мальчики занимали всего несколько парт, и казалось, что их не так уж много. А тут гости заняли сразу всю переднюю.

— Уже можно? — спросили мальчики.
— Ещё нельзя! — ответил Миша.

Хорошо ещё, что на улице было тепло и они пришли без пальтишек, а то на вешалке не хватило бы места.

— Вы что же, — спросила мама, — сговорились прийти все вместе или случайно встретились возле нашего дома?

— Сговорились, — серьёзно, баском сказал маленький рыженький мальчик в вельветовых штанах и в рубашке с галстуком. И он сунул Мише в руки какой-то пакет.

Миша развернул и закричал:

— Ой, с карманчиками! Я как раз такой и хотел!

— Какие там карманчики? — спросила бабушка.

— Для марок, — объяснил Миша. — Альбом с карманчиками.

— А марки мы всем классом собирали, — сказал рыженький мальчик.

Миша бросился в комнату показывать новый подарок Тане и Кате, накрывавшим на стол к чаю.

— Ну что же ты за хозяин такой! — сказала опять мама, ведя за собой Мишиных товарищей. — Гостей бросил, а сам убежал.

Миша растерянно смотрел на мальчиков, не зная, что ему с ними делать.

— Идите к нам в комнату, — предложила Катя. — Только ничего не трогайте из моих вещей. А то я вас!..

Мама укоризненно покачала головой:

— И ты тоже любезная хозяйка, нечего сказать.

Миша увёл своих приятелей, и они так дружно затопали, что на столе зазвенели чашки.

Через минуту из-за двери донёсся деловой стук молотка и повизгиванье пилы.

— Как бы они нам весь дом не распилили, — с некоторой тревогой в голосе сказала мама.

Катя осторожно приоткрыла дверь и заглянула в соседнюю комнату.

— Нет, ничего, — сказала она. — Распиливают крышку от старого лота. Такие смешные!

Она тихонько засмеялась. Сегодня её всё почему-то веселило и радовало.

Вместе с Таней она принялась раскладывать по тарелочкам угощение, а Ирина Павловна и бабушка начали разливать чай.

— Значит, Тоня Зайцева быстро решила задачу? — спросила у Кати Ирина Павловна.

Она уже наизусть знала все подробности сегодняшнего экзамена, но видела, что Кате очень хочется ещё поговорить о событиях нынешнего дня.

Катя не заметила этой маленькой хитрости.

— Да, представь себе, мамочка! — живо подхватила она. — Я даже глазам не поверила. Только сдала работу, выхожу в ко-

ридор и вижу — Тонька! А потом и Наташа! Правда, здорово? За Наташу я волновалась потому, что она сама очень волновалась. А за Тоню по-настоящему было очень страшно. И вдруг — всё так удачно! Ну, Тоньке-то, конечно, Настя помогла как следует подготовиться. Каждый день с ней задачи решала. А вот теперь я до того боюсь за Тонин русский устный! Ведь по русскому устному занимаюсь с ней я!

— Что же, разве ты меньше, чем Настенька, с этой твоей Тоней возилась? — спросила бабушка. — Каждый день чуть ли не по два часа во дворе с ней сидела...

— Ах, бабушка, да ведь ты не знаешь, как Настя всё основательно делает: уж она ничего не пропустит...

— И ты не пропустишь.

— Нет, я могу и пропустить. Ты же сама всегда говоришь, что я рассеянная.

Бабушка усмехнулась:

— На свои дела рассеянная, а на чужие очень даже аккуратная... Иринушка, ну что, как будто всё готово? — Она похозяйски осмотрела стол, посередине которого красовался большой, посыпанный сахарной пудрой крендель. — Пожалуй, можно уже и ребят позвать?

— Да, конечно, — ответила Ирина Павловна. — А то чай остынет. Танюша, позови их и посади.

Гости шумно расселись вокруг стола и вдруг почему-то притихли. Все опасливо посматривали на свои чашки чая и тарелочки со сладостями, но никто не начинал есть и пить.

— Ну, что же вы? — спросила Таня у мальчиков, видя, что они так ни к чему и не притрагиваются.

— Им горячо, — объяснил за товарищей Миша.

— Ну подуйте.

И Мишины товарищи, надув щёки, принялись так усердно дуть, что у всех покраснели уши. Это было ужасно смешно, и Катя невольно засмеялась. Мама издали, улыбаясь, погрозила ей пальцем. Но Миша немножко обиделся за товарищей. Свернув шариком серебряную конфетную бумажку, он бросил шарик в Катю, и сразу же ещё несколько бумажек полетело через весь стол.

— Это ещё что такое? — строго сказала Таня. — Прекратить сию минуту! Или мы попросим нашего уважаемого Михаила Сергеевича выйти из-за стола.

— Почему же меня одного? — спросил Миша и сразу замолчал. Он понял, что невежливо требовать, чтобы гостей выставляли из-за стола.

Звяканье чайных ложечек и звон чашек заглушили звонок в передней, — в комнату неожиданно вошёл Сергей Михайлович.

Он был в светлосером летнем костюме, который особенно любила Катя. Папа всегда казался ей в нём молодым и весёлым.

Катя и Миша, словно сговорившись, разом вскочили и бросились к отцу.

— Поздравляю тебя, сынок, ещё раз, — сказал он. — Ну что, ещё не все пальцы отпилил? Вот и хорошо! И тебя, Кутёныш, надеюсь, можно поздравить?

— Можно, — тихонько сказала Катя. — Людмила Фёдоровна была у нас ассистенткой. Она сказала, что у меня, наверно, будет пять. И все девочки из моей шестёрки решили, даже Тоня.

— Значит, нечего было трусить?

— Нечего. А всё-таки я уже боюсь следующего экзамена.

Сергей Михайлович засмеялся и, обняв Катю за плечи, вместе с ней подошёл к столу.

— Привет товарищам второклассникам! — громко сказал он.

Мишины товарищи молча обернулись. Должно быть, они смутились или не сразу поняли, что второклассники — это уже они сами.

— Ну, кто из вас перешёл во второй класс? — спросил Сергей Михайлович. — Поднимите руки. А кто остался на второй год, пусть ничего не говорит и только отвернётся к окну.

И сразу много, много рук поднялось над большим праздничным столом.

К окошку не отвернулся никто.

ПОСЛЕДНИЙ ЭКЗАМЕН

Уже три экзамена остались позади — устный и письменный по арифметике и письменный по русскому. И ровно столько же пятёрок получила Катя.

Но не одна Катя так хорошо сдавала экзамены. У многих в классе были пятёрки и четвёрки, троек было немного, а двойки и совсем пропали, как будто их никогда и на свете не было.

Тоня Зайцева, к радости Лены Ипполитовой и всей Катиной «половинки», написала диктовку на четыре. Теперь Катя и другие девочки из её «половинки» беспокоились за то, как Тоня сдаст последний экзамен — русский устный, так как на устных экзаменах Тоня больше робела и сбивалась.

У дверей школы Катя встретилась с Ирой и Тоней.

— Ну как, Тонечка? — спросила Катя. — Повторила ещё раз то, что я тебе велела?

— Да, но только не всё, — тихо ответила Тоня. — Я так боюсь, так боюсь! Сначала я повторяла всё подряд, а потом стала повторять вразброску. Подряд получается, а вразброску не очень. А больше всего я боюсь одного билета.

— Какого?

— Одиннадцатого, — испуганным шопотом ответила Тоня.

— А про что там? — спросила Ира.

— Про падежи. У меня родительный и винительный всегда путаются.

— Ну ничего! — ободряюще подмигнула ей Ира Ладыгина. — Уж я тебе как-нибудь подскажу.

Катя сурово посмотрела на Иру:

— Подсказывать? Да ещё на экзамене? Что ты, Ирка!

— А что тут такого? Подскажу — и всё! — задорно крикнула Ира и бегом побежала наверх.

...Класс сегодня казался больше и просторней, чем всегда. Это потому, что учениц сейчас было в два раза меньше: на экзамен пришла только первая группа. Второй группе было назначено явиться в час дня.

Девочки сели по одной на парте. Белые передники мелькали там и тут, словно белые островки.

Катя следила глазами за тем, как Анна Сергеевна проверяет

по записной книжечке список учениц. Рядом с Анной Сергеевной сидела Людмила Фёдоровна, а немного поодаль — ещё одна ассистентка, завуч Марья Семёновна, которая вручала на Танином празднике медали.

Поглядывая на учительский стол, Тоня Зайцева то и дело вздыхала потихоньку и что-то шептала, беззвучно шевеля губами.

«Повторяет билеты, — решила Катя. — И чего она так волнуется? Ведь не обязательно же ей попадётся как раз одиннадцатый билет!»

Девочки не сводили глаз со всех трёх экзаминаторов.

«Кого-то вызовут первой? — подумала Катя. — Первой — труднее».

Людмила Фёдоровна слегка кивнула Тоне, улыбнулась ей, и Тоня перестала вздыхать.

— Сейчас, — медленно начала Анна Сергеевна, — возьмёт билет... Ладыгина.

Катя оглянулась на Иру. Нисколько не смутившись, Ира спокойно встала и пошла за билетом. Одинаковые белые листки были разложены веером по всему столу. Она протянула руку и, не задумываясь, взяла самый крайний.

— Номер двенадцатый! — звонко прочитала она, повернув листок.

Тоня посмотрела на Катю грустными глазами.

«Как жалко, что не одиннадцатый, — прочитала Катя в её взгляде. — Мне бы он уже не достался».

Анна Сергеевна отметила что-то у себя в книжечке.

— Сядь на первую парту, Ладыгина, — сказала она, — и спокойно подготовься.

Ира тряхнула головой и, чуть улыбаясь, пошла на место. Видно было, что двенадцатый билет не слишком напугал её.

— А теперь, — сказала Анна Сергеевна, — пока Ладыгина готовится, возьмут билеты Оленина и Зайцева.

Наташа осторожно, словно боясь прикоснуться, взяла билет и дрогнувшим голосом назвала номер: «Се-седьмой».

«Ну вот, и эта трусит, — подумала Катя, заметив, что щёки и даже лоб у Наташи покрылись красными пятнами. — А ведь обещала мне не волноваться!»

Наташа села за одну из первых парт и низко нагнулась над своим листком. А тем временем к столу подошла Тоня Зайцева. Она потянулась рукой за билетом, лежавшим посередине. Потом подумала немножко, потянулась к тому, который лежал ближе, но вдруг отдернула руку и, не глядя, взяла первый попавшийся.

— Второй... — чуть слышно произнесла Тоня и пошла готовиться.

Ира и Катя вопросительно посмотрели на неё. Они не слышали, какой билет ей достался. Тоня откинула руку назад и показала за спиной два пальца.

«Всё в порядке. Билет номер два. Не беспокойтесь», — хотела она сказать подругам. Но девочки поняли иначе: два пальца — значит, две палочки — одиннадцать.

«Одиннадцатый! — огорчилась Катя. — И надо же! Словно нарочно! Ну, пропала наша Тонька — от одного страха засыпается».

Ира перехватила Катин взгляд и сочувственно покачала головой.

— Ну что, Ладыгина? — спросила Анна Сергеевна. — Можешь отвечать или ещё хочешь подумать?

— Могу! — звонко ответила Ира и пошла к экзаменационному столу.

Анна Сергеевна сняла очки и обернулась к ней. Людмила Фёдоровна и Марья Семёновна тоже приготовились слушать.

Бросив взгляд в сторону Кати, Ира ещё больше набралась храбрости и весело начала:

— Мне нужно придумать пример и разобрать его по членам предложения и по частям речи. Я придумала такой пример: «Страна моя любимая, я шлю тебе привет!» Начинаю разбирать сперва по членам предложения.

— Пожалуйста, — кивнула Ире с улыбкой Анна Сергеевна.

— «Я» — подлежащее, — бойко продолжала Ира. — «Шлю» — отвечает на вопрос: «что делаю?» Это будет сказуемое. «Страна моя любимая» — обращение...

Катя слушала толковый ответ Иры, и ей, да и всем девочкам, становилось всё веселей.

А когда Ира стала бойко и звонко читать басню Крылова «Ворона и Лисица», то все, даже Наташа и Тоня, которые сейчас готовились по билетам, невольно подняли головы и прислушались.

«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!» —

тоненьким голоском, чуть дыша, выговаривала Ира. Её золоти-сто-красная головка так и блестела в солнечном луче, зеленова-тые глаза лукаво шурились, и она была сейчас и в самом деле похожа на рыжую, хитрую лисичку; которую изображала.

«Спой, светик, не стыдись!» —

продолжала Ира, но Анна Сергеевна остановила её, чуть под-няв руку:

— Ты что-то пропустила...

— Ой, правда! — спохватилась Ира. — Это потому, что я слишком напирала на выражение.

Экзaminаторы с улыбкой переглянулись.

— Ну, не надо читать с таким выражением, — сказала Ан-на Сергеевна. — Читай спокойнее, проще.

Ира кивнула головой и уже без запинки дочитала басню.

— Хорошо, Ладыгина, — сказала Анна Сергеевна, когда Ира кончила. — Можешь идти. Или ты хочешь послушать, как будут отвечать твои подружки?

— Да, хочу!.. Если можно...

Экзaminаторы поставили у себя в книжечках какие-то крюч-ки и закорючки, а Ира пошла и села на свободную парту.

— Счастливая, — прошептал кто-то из девочек ей вслед.

Шопот был очень тихий, но Анна Сергеевна, конечно, услы-шала его.

— Скоро все будете такими же счастливыми, — ответила она громко и кивнула Наташе: — Оленина, ты готова?

Наташа начала так робко, словно не отвечала, а спраши-вала:

— «За горою засверкал, задрожал луч золотой». «За го-рою»: тут «за» — предлог. «Засверкал», «задрожал»: тут «за» — приставка.

— Правильно! — говорила Анна Сергеевна, держа в руках очки.

Людмила Фёдоровна тоже одобрительно кивала Наташе.

А Катя смотрела на подругу огорчённо и даже сердито:

«Знает куда лучше, чем Ирка, а как мямлит! Прямо вторая Тоня Зайцева!.. Нет, Тоня, пожалуй, ещё хуже. И чего она там чиркает на своём листочке? Ах, если бы можно было хоть словечко ей сказать, хоть немного успокоить её! Но как? Ведь не встанешь, не подойдёшь к ней!»

И тут Катя с тревогой вспомнила, что Ира собиралась под-сказывать Тоне. Вот ещё выдумала! Только подведёт и Тонию, и себя, и весь класс.

Осторожно повернув голову, Катя с опаской поглядела в сторону Иры Ладыгиной. Но Ира сидела тихо и что-то старательно писала, прикрывая листок ладонью. И вдруг она наклонилась, быстро сняла с ноги туфлю, сунула в неё исписанную бумажку и пустила по гладко натёртому паркету прямо к Тониной парте. Девочки так и замерли, а Тоня даже бровью не повела. Туфля стукнулась о парту и остановилась. Неизвестно, заметила ли что-нибудь Анна Сергеевна, но она как будто насторожилась и сказала, искоса поглядывая на Иру:

— Ладыгина, ты ведь уже ответила. Может быть, пойдёшь домой?

— А можно мне ещё немножко остаться? — непривычно робко спросила Ира. — Мне хочется послушать, как будут отвечать девочки.

Катя с ужасом посмотрела на неё. Неужели Ире так и придётся сидеть здесь без туфли целый день? Ведь в час дня начнётся уже экзамен во второй группе.

«Вот ещё история! Что же теперь делать?..»

Ира сидела вся красная, смущённая чуть ли не до слёз. Должно быть, она и сама не знала, что теперь делать. Отправив шпаргалку со всеми падежами, она думала, что Тоня достанет записку и незаметно пустит туфлю обратно. А вышло совсем по-другому. Туфля сиротливо приткнулась к Тониной парте, и не было никакой возможности вернуть её.

А между тем Анна Сергеевна кончила спрашивать Наташу Оленину и повернулась к Тоне:

— Ну что, Зайцева? Готова?

— Да, готова.

У Кати от удивления даже глаза широко открылись. Что это — неужели Тоня говорит так громко и спокойно? Или, может быть, это только показалось? Нет, в самом деле, лицо у Тони какое-то весёлое, и глаза по-новому блестят. Отчётливо и даже бойко она назвала по-порядку все звонкие и глухие согласные и, почти не меняя голоса, стала быстро, без запинки читать стихотворение Пушкина «Весна».

Молодчина Тоня! Только бы она теперь не сбилась на падежах... Да нет, какие же тут падежи? Ведь она, кажется, отвечает вовсе не одиннадцатый, а второй билет. Ну да! Так и есть, конечно, второй. И как это они с Ирой сразу не догадались, какой билет взяла Тоня! Ну что ж, очень хорошо. Но, если говорить по правде, Тоня и падежи могла бы ответить не хуже. Недаром же она, Катя, каждый день занималась с ней: когда была хорошая погода — в уголке двора на скамеечке или на досках, приготовленных для ремонта; а то на лестнице у окошка второго этажа — когда становилось холоднее и накрапывал дождь... Даже как-то странно, что завтра уже больше не надо будет поджидать Тоню во дворе, пряча книжку и тетрадку под полкой пальтишка.

Пока Катя думала обо всём этом, Тоня ответила по билету и замолчала.

Анна Сергеевна повернулась к ассистентам:

— Нет ли ещё вопросов?

— Нет, — быстро ответила Людмила Фёдоровна.

Но Марья Семёновна кивнула головой и, внимательно глядя на Тоню сквозь очки, спросила:

— Какие ты знаешь басни Крылова?

— Разные, — ответила Тоня. — «Кукушка и Петух»...

— А какой недостаток людей высмеивается в этой басне Крылова?

Тоня переступила с ноги на ногу и не совсем уверенно ответила:

— Бывает, что одна девочка хвалит другую только за то, что та хвалит её. Вот таких девочек и высмеивает Крылов.

Анна Сергеевна чуть-чуть улыбнулась:

— Разве только девочек?.. Ну, иди. Я тобой очень довольна.

И при этом Анна Сергеевна посмотрела на Катю, словно говоря этим взглядом: «Не только Тоню я хвалю, но и тебя и всю вашу «половинку».

А Тоня, сияющая от счастья, положила на стол билет и пошла в конец класса, на ходу оборачиваясь то к одной из своих подруг, то к другой.

После Тони пошла отвечать Аня. Она тоже хорошо справилась с грамматическим разбором и теперь рассказывала биографию Аркадия Гайдара. Но Катя уже почти не слушала, не смотря на то что отвечала одна из самых близких её подруг.

«Что-то будет с этой глупой Ирккой? — думала Катя. — Ведь нужно же ей будет уйти из класса, когда придёт вторая группа!»

Наконец Аня кончила. Марья Семёновна посмотрела на класс и сказала:

— Девочки, те, которые уже ответили, идите домой. Надвигается гроза.

— Да, если пойдёте сейчас же и не будете болтать в коридоре, — добавила Анна Сергеевна, — вы, пожалуй, успеете добежать ещё до дождя...

Наташа, Тоня и Аня быстро поднялись и вышли из класса. А Ира так и не вставала с места.

— А ты почему не идёшь? — обратилась к ней Анна Сергеевна.

— У меня пальто новое, — проговорила, ёрзая на парте, Ира. — Мама рассердится, если я попаду под дождь.

Учительницы, едва сдерживая улыбку, переглянулись.

«Ох, неужели они догадались, в чём дело?» — в страхе подумала Катя.

А по небу между тем медленно ползли тяжёлые, чёрные тучи. В классе стало почти темно. Внезапно налетел такой ветер, что чуть не сорвал с петель открытую оконную раму. Людмила Фёдоровна встала и принялась закрывать окно, но рама вырывалась у неё из рук, точно живая. Стекло дребезжало. Наконец окно удалось захлопнуть. Людмила Фёдоровна повернула выключатель, и три большие лампы под матовыми абажурами ярко осветили класс. Всё стало как-то по-зимнему. Только

в окна шумно хлестал бурный летний ливень, да где-то вдалеке словно перекачивал пустые бочки сердитый гром.

Экзамен продолжался. Одна за другой выходили к столу ученицы. Сейчас отвечала Клава Киселёва из Стеллиной «половинки». Стелла внимательно слушала её ответ.

«Моя Тоня знает лучше, — думала Катя. — Но и Клава отвечает неплохо. Видно, Стелла с ней как следует поработала. Может быть, ей было даже потруднее, чем мне. Правда, Клава ходила на занятия, но ведь она упрямая и с ленцой. А Тоня старательная...»

Катя устала ждать своей очереди. Она села поудобнее, облокотилась на парту, и как раз в эту минуту донеслось:

— Снегирёва!

Катя вскочила с места.

«Только смелее!» — сказала она себе. И, подойдя к столу, взяла ближайший билет.

— Номер одиннадцатый, — прочла она вслух и невольно переглянулась с Ирой.

Да, это был тот самый билет, из-за которого Ира так глупо попала!

Кате даже и не нужно было долго готовиться и вспоминать. Занимаясь с девочками и с Тоней, она выучила все билеты чуть ли не наизусть. Но всё-таки она пошла и села на первую парту — готовиться к ответу. Тем временем Анна Сергеевна вызвала Лену. И когда Лена ответила, как всегда, толково и неторопливо, — пошла отвечать Катя.

Она прочитала два предложения со словом «станция» в дательном и предложном падежах (эти предложения она сама придумала и записала на листочке): «В зимнее солнечное утро поезд подошёл к станции Орехово-Зуево»; «к станции» — дательный падеж. «Ребята из детского дома встречали нас на станции»; «на станции» — предложный падеж.

Анна Сергеевна улыбнулась и одобрительно кивнула головой:

— Молодец! Неплохие примеры придумала.

И вдруг в классе стало как-то особенно светло. Яркая синева неба отразилась в масляной краске стен. Лампы под потолком сразу померкли, как будто солнечный луч потушил их.

Все невольно посмотрели в окно. Дождь уже прошёл, и только по оконным стёклам сбегали последние капли дождя, сверкающие, словно налитые светом.

— Ну, дальше, Снегирёва. Что у тебя там ещё в билете?

Катя заглянула в листок. Ей нужно было сказать наизусть отрывок из рассказа Чехова «Ванька».

— «А погода великолепная, — начала Катя по памяти, глядя в окно на прояснившееся небо. — Воздух тих, прозрачен и свеж...»

Как раз в эту самую минуту Людмила Фёдоровна снова распахнула окно. Воздух после грозы был и в самом деле тих, свеж и прозрачен...

Кате поставили пятёрку, прежде чем она успела кончить свой ответ. Ей было даже немножко жалко, что её спрашивали так мало. Она медленно вышла из класса, и сейчас же вслед за ней выскочила, как ошпаренная, Ира Ладыгина. Казалось, что она прихрамывает, потому что одна нога была у неё только в чулке.

— Ух, — сказала Ира, — не знаю уж, как и решилась уйти! Теперь буду ждать, пока не кончится экзамен.

Катя покачала головой:

— Вечно с тобой что-нибудь случается, Ирка. Не можешь обойтись без приключений!

А дома Катю ждала ещё одна большая радость: письмо из Орехова, от Маши Дмитриевой.

«Дорогая Катюша, — писала она своим мелким, убористым почерком, — пишем вам всем в школу, и на всякий случай я пишу тебе отдельно, потому что не знаю, придёте ли вы все после экзаменов опять в школу и получите ли наше письмо. Мы — то-есть Серёжа, Алики и я — приедем скоро с Валентиной Егоровной в Москву. Серёжа уезжает в Ленинград, и мы едем его провожать. Когда это будет, мы ещё не знаем сами, потому что за Серёжей должен приехать из Ленинграда Андрей Иванович. Мы очень хотели бы встретиться в Москве со всеми вами, только не знаем, как это устроить. Вам-то приехать к нам было просто, — мы все живём вместе, а ведь вы живёте в разных ме-

стах. Правда, мы могли бы прийти к вам в школу, но школа ваша, наверно, уже будет закрыта.

Когда мы узнаём точно день приезда, мы вам пошлём телеграмму...»

Дальше, в самом конце письма, следовали всякие поклоны и приветы, но Катя, не дочитав, бросилась с письмом в соседнюю комнату, где мама накрывала на стол.

— Иди переоденься и вымой руки, — сказала Ирина Павловна, не замечая Катиного волнения. — Сейчас будем обедать.

Но Кате, конечно, было не до обеда.

— Мамоchка, подумай только, — взволнованно и торопливо заговорила она, — приезжают они! То-есть ореховцы! Только вот неизвестно когда. Они-то нас встретили на вокзале, надо бы и нам их встретить. А как быть, если мы не знаем, каким поездом они приедут? Нельзя же встречать все поезда!

— Конечно, нельзя, — спокойно подтвердила Ирина Павловна.

— Ну так что же нам делать? — почти с отчаянием проговорила Катя.

— Дай сюда письмо, — сказала мама и взяла у Кати листок.

Кате показалось, что мама очень уж долго читает строчки, которые она, Катя, пробежала в один миг.

— Ну что, мамочка? Ну что? Прочитала наконец?

Ирина Павловна не успела ответить. В комнату вошла Таня, вся покрасневшая, с портфелем в руках.

— А у нас новость, — сказала ей мама. — Катюша сдала последний экзамен и опять на пятёрку.

— Мамоchка, про пятёрку потом! — с мольбой в голосе сказала Катя. — Скажи сначала мне, что написать Маше.

Таня с удивлением смотрела на Катю:

— А что такое?

— Вот прочти. — Теперь уже мама протянула Тане Машинo письмо. — Надо как-нибудь организовать встречу ореховских ребят с Катиным классом и, очевидно, устроить их на ночлег. А это дело не простое. Ведь их приедет несколько человек.

— Да-а, — задумчиво сказала Таня. — задача! Ну ничего,

что-нибудь да придумаем... Мамочка, мы скоро будем обедать? Ужасно проголодалась!

— Всё готово, — ответила мама. — А где Миша? Ты его не видела?

— Видела. Он внизу. Я его уже позвала.

И на самом деле, Миша не заставил себя долго ждать. Он вбежал в комнату, весь разгорячённый, с грязными руками и со сбившейся чёлочкой. С тех пор как в школе у него кончились занятия, он снова казался не школьником, а просто маленьким мальчиком, потому что вместо длинных брюк на нём были, как прежде — в детском саду, короткие штанишки. Голые колени у него уже успели загореть и были порядком расцарапаны.

— Письмо? Кому? — спросил Миша.

— Мне! — с гордостью ответила Катя.

— Из Орехова! — сразу догадался Миша. — А что они пишут?

— Что скоро приедут, — сказала Катя.

— К нам?

— Ещё не знаю, к кому... Ну, Танечка, голубушка, придумай, что же теперь делать! Когда они приедут, в школе уже никого не будет. И потом, не могут же они ночевать в классах! Там же ничего, кроме парт, нет! Где же они будут спать?

— Только не устраивай, пожалуйста, панику, — сказала Таня спокойно и уверенно. — Ничего страшного нет. Алик, конечно, будет ночевать у Анны Сергеевны. Он же почти её приёмный сын. Кого-нибудь можно будет устроить у нас... Правда, мамочка?

— Одного можно, — сказала Ирина Павловна.

— Ну, вот видишь! Двое уже устроены.

Катя даже руками всплеснула:

— Танечка, милая, какая же ты умница! Ну конечно же, так будет отлично! Ещё одного человека можно устроить у Егоровых, другого — у Ирки Ладыгиной, третьего — у Ани, четвёртого — у Вали Ёлкиной, пятого...

— Плохо считаешь, пятиклассница! Это уже семь выходит, а приедут, наверно, всего четверо. Значит, надо только заранее договориться с родителями девочек и с Анной Сергеевной.

— А зачем они приедут? — спросил Миша. — В гости?

— Нет, провожать Серёжу в Нахимовское училище, — ответила Катя. — Понимаешь, в Нахимовское! И мы все поедем его провожать на вокзал!

— И я? — спросил Миша.

— Ну что ты! — возмутилась Катя. — Никто из девочек не возьмёт с собой младших братьев или сестёр. Это неудобно.

— Вот ты всегда так! — обиделся Миша. — Что мне хочется, то тебе непременно «неудобно»! А мне очень удобно на вокзал ехать. Если ты меня не возьмёшь, я сам поеду. На метро.

Губы у Миши задрожали.

— Ничего, Мишенька, — успокоила его Таня. — Ты поедешь со мной.

— С тобой? — спросила Катя. — Куда это?

— На вокзал, конечно.

— На какой?

— На Ленинградский.

— А тебе зачем?

— Мне тоже надо будет проводить одного человека.

— Кого?

— Андрея Ивановича, — ответила Таня.

— Какого это Андрея Ивановича? Артёмов? — удивилась Катя. — Ты же его почти не знаешь! Видела один раз.

— А ты сколько раз своих ореховцев видела? — улыбаясь, спросила Ирина Павловна.

— Также один, но ведь мы потом переписывались.

— Ну, и я с Андреем Ивановичем переписывалась, — сказала Таня.

У Кати сделались круглые от удивления глаза:

— Переписывалась с Андреем Артёмовым и мне ничего не сказала?

Катя произнесла это так обиженно, что и Таня и мама рассмеялись.

— А когда он приедет? — спросила Катя. — Может быть, ты и это уже знаешь?

— Нет, — ответила Таня, — пока не знаю, но надеюсь, что буду знать.

ПЯТИКЛАССНИЦЫ

Экзамены остались позади. Ученицы четвёртого «А», теперь уже пятиклассницы, снова собрались в школе. Только сегодня они пришли сюда не утром, как всегда, а после обеда.

Ещё внизу, у лестницы, Ирину Павловну и Катю встретили Аня, Наташа; Ира Ладыгина и Валя Ёлкина. Все они были в белых передниках и с белыми лентами в косах. Лица у них были необычно торжественные, но какие-то невесёлые. Даже Ира Ладыгина — и та присмирела. А уж про Аню Лебедеву и говорить нечего. Веки у неё припухли, а нос стал розовый — должно быть, она уже успела всплакнуть.

— Что это с вами, девочки? Отчего вы такие унылые? — тревожно и сочувственно спросила Ирина Павловна. — Так хорошо закончили год, а глаза на мокром месте! Случилось что-нибудь?

— Ох, вы не знаете! — чуть не плача, ответила Аня Лебедева. — Анна Сергеевна уходит...

— Как? Она не будет на вашем празднике?

— Нет, сегодня, конечно, будет, но в будущем году её уже не будет. То-есть у нас... в классе.

— Ах, вот в чём дело! — Ирина Павловна чуть заметно улыбнулась: она невольно вспомнила, как в начале года эта же самая Аня Лебедева обливалась слезами оттого, что Анна Сергеевна пришла к ним в класс, чтобы сменить заболевшую Людмилу Фёдоровну. Но, поглядев на взволнованные лица девочек, она сразу же согнала с губ даже тень улыбки. — Да, конечно, — сказала она, — расставаться с таким хорошим другом нелегко. Но ведь можно и не расставаться. Вот, например, ваша Людмила Фёдоровна — она, так же как вы, в младших классах училась у Анны Сергеевны, потом перешла в средние, старшие классы, окончила институт, сама стала учительницей, а дружба у них продолжается до сих пор... Так что особенно горевать вам нечего!

— Это-то правда, — вздохнув, сказала Аня. — А всё-таки будет уже не то...

Ирина Павловна потрепала её по отросшим за зиму, слегка вьющимся на затылке волосам.

— Ну что ж поделаешь! — сказала она. — Впрочем, если вам уж так не хочется разлучаться с Анной Сергеевной, можете опять поступить в первый класс и будете учиться у неё ещё целых четыре года. Ну как? Согласны?

Девочки переглянулись и негромко, как-то невесело засмеялись.

— Мы теперь уже на партах для первоклассниц и не поместимся, — сказала Валя Ёлкина, хотя как раз она, наверно, прекрасно поместилась бы на самой маленькой парте.

И, немного повеселев, девочки повели Ирину Павловну в класс.

Сегодня здесь было не так, как всегда: парты вынесены в коридор и на их месте — во всю длину класса — тянулся стол. Но это был не один большой стол, а несколько маленьких столиков, составленных вместе и накрытых скатертями. У противоположной стены поблёскивало чёрным лаком пианино, вдвинутое в класс ради сегодняшнего праздника. Анна Сергеевна, стоя у подоконника, возилась с цветами — ставила в вазы с водой огромные лиловые букеты сирени. А у стола трудились матери, накладывая на тарелочки ломтики торта, пирожные и конфеты в пёстрых бумажках. Со стены, казалось, смотрела с удивлением на всю эту домашнюю весёлую суету чёрная классная доска с несколькими, случайно уцелевшими, белыми буквами.

Ирина Павловна поздоровалась со всеми и сразу же принялась вынимать из хозяйственной сумки, которую принесла с собой, чайные чашки и блюдца.

Аня и Наташа помогали ей.

— Ой, сколько вы чашек принесли! — сказала Аня. — Гораздо больше, чем нужно.

Анна Сергеевна обернулась.

— Вот это хорошо! — сказала она, подойдя к Ирине Павловне. — Отлично, что догадались... А то я уж боялась, что нам не хватит...

И Катя заметила, что Анна Сергеевна обменялась с мамой улыбкой и каким-то особенным — быстрым — взглядом.

— А что, Анна Сергеевна, — спросила Катя, — разве не все принесли посуду? Ведь мы условились, что каждая девочка

захватит из дому по две чашки и по два блюда — для себя и для своей мамы.

— Да ведь у нас ещё гости будут, — сказала Анна Сергеевна. — Людмила Фёдоровна обещала прийти, Надежда Ивановна, Оля. А может быть, и ещё кто-нибудь заглянет...

— Кто заглянет? — спросила Катя.

— Ну мало ли... — сказала Анна Сергеевна. — Из учителей кто-нибудь или из родителей... А знаете, Ирина Павловна, — добавила она, — мне кажется, что тот край стола лучше бы оставить незанятым. И отложить пирожных и конфет.

— Да-да, — ответила Ирина Павловна и унесла на другой край стола одну из тарелок с пирожными.

— Мамоchка, — спросила тихонько Катя, идя вслед за мамой, — ты, наверно, знаешь, кого ждёт Анна Сергеевна? А?

— Гостей, наверно. А кого же ещё? — ответила Ирина Павловна, пересыпая конфеты из бумажного кулька в принесённую из дому вазочку.

— Каких гостей? — не унималась Катя.

Но тут к столу подошла Тонина мама.

— Это ваша девочка? — тихонько спросила она у Ирины Павловны, указывая глазами на Катю. — Ваша, да?

— Моя. А что? — встревоженно обернулась к ней Ирина Павловна.

— Спасибо вам, — проговорила Тонина мама. — Уж так ваша дочка помогла моей Тонечке, так помогла, что и сказать нельзя! Ведь у самой экзамены, а каждый день приходила с ней заниматься. И так это обстоятельно, безо всякого баловства... Уж на что у нас отец строгий, а и тот теперь Тоней доволен. Даже глазам не поверил, когда табель увидал.

— Ну, я очень рада! — горячо проговорила Ирина Павловна. — Очень! Очень!

А Катя совсем смутилась:

— Это не я одна помогала, Лена и Настя — тоже.

— И они, ясное дело, — сказала Тонина мама. — Спасибо им. А только затея-то твоя была — нам Леночка говорила... Так что уж позвольте мне вас ещё раз поблагодарить, — она неловко пожала руку Ирине Павловне, — за то, что дочка у вас такая сознательная.

Услышав эти слова, Катя покраснела до корней волос и, схватив под руки Наташу и Аню, потащила их в коридор — встречать Людмилу Фёдоровну и Надежду Ивановну.

Если бы она осталась в классе, она бы услышала ещё кое-что совершенно неожиданное. После Тониной мамы к Ирине Павловне подошла Антонина Степановна Кузьминская.

— Я тоже вам очень благодарна, — сказала она, пожимая руку Ирины Павловны своей большой, сильной рукой. — Правда, мы с вами незнакомы, но я много про вас слышала. Я — Стеллина мама.

Ирина Павловна растерянно улыбнулась.

— За что же меня благодарить? — начала она. — Право, я не знаю...

— Уж это позвольте знать мне, — твёрдо произнесла Антонина Степановна. — Должна сказать вам, что у вашей девочки такой... — она замялась, — такой, я бы сказала, общественный талант. Да-да, я не шучу! Под её влиянием и моя дочь стала настоящей общественницей... Я её прямо не узнаю. Редактор!..

Стеллина мама выговорила это слово чуть насмешливо, и трудно было понять, отчего это — от смущения, от неловкости или оттого, что она всё ещё не привыкла относиться серьёзно к общественным обязанностям своей маленькой дочки.

— Да и вообще в ней заметны какие-то перемены, — продолжала Антонина Степановна, — и, пожалуй, к лучшему. Больше рассказывает о школе, о подругах, стала как-то откровеннее...

— Ну, это уж совсем не моя заслуга и не моей Катюшки, конечно, — сказала, улыбаясь, Ирина Павловна. — Всем нам надо поблагодарить Анну Сергеевну и Надежду Ивановну. Это они сумели сделать так, что школа и отряд стали для наших девочек вторым домом...

— Да-да, конечно, — сказала Стеллина мама. — Я с вами согласна, но жаль, что дети наши немножко опережают свой возраст. Дочка моя редактирует газету, а я в её годы в куклы играла.

— Сказать по правде, — проговорила мама Вали Ёлкиной, маленькая, кудрявая женщина, казавшаяся скорее старшей сестрой Вали, чем её матерью, — они и сейчас не прочь поиграть в куклы. И это не мешает им писать заметки в свою газету.

— Может быть, может быть... — Стеллина мама отошла в сторонку и села у пианино.

А в это время Катя, Наташа и Аня стояли на площадке лестницы и, перегнувшись через перила, старались разглядеть, кто поднимается по лестнице.

— А что, Катюша, — спросила Аня, пытаясь неизвестно зачем как можно дальше просунуть ногу сквозь узорчатую решётку перил, — ореховцы так и не прислали телеграммы? Такая жалость! Ведь мы скоро разведемся...

— Да, ужасно жалко! — подхватила Катя. — Надо было нам хоть немножечко отложить наш прощальный вечер. Может быть, тогда ореховцы и успели бы приехать к нам...

— Конечно, надо было отложить, — сказала Наташа. — Удивляюсь, почему это Анна Сергеевна так поторопилась?

— Уж не знаю, почему, — сказала Катя. — Наверно, потому, что школа скоро закроется.

В эту минуту на повороте лестницы показалась Людмила Фёдоровна, и девочки, забыв обо всём, так и бросились к ней навстречу. Она была не одна. Рядом с ней шёл её маленький сын, тот самый Витя, который называл себя «сержантом Козыревым».

Девочки сразу же обступили учительницу и Витю. Он был в синей матроске и в бескозырке, с надписью на ленте: «Балтийский флот».

— Я — капитан! — сразу же заявил девочкам Витя.

— А где твой крейсер? — спросила Валя.

— В гараже, — ответил Витя не задумавшись.

Девочки засмеялись, а Витя, поняв, что дал маху, объяснил:

— У меня в гараже — море. Воды там много-много, до самого потолка!

Девочки ещё дружнее засмеялись и повели Витю к себе в класс, а потом побежали встречать новых гостей.

Навстречу им шла Настя со своей бабушкой. Катя хорошо знала эту старушку с темноватым лицом и белыми волосами, знала также, что Настя и Оля очень гордятся своей бабушкой, старой ткачихой с Трёхгорки.

— Здравствуйте, Варвара Васильевна! Здравствуй, Настенька! — сказала Катя. — А где твоя мама и Оля?

— Мама ещё на работе, а Оля придёт, — ответила Настя. — Только ненадолго. У неё завтра трудный экзамен.

Матери-хозяйки стали усаживать девочек за стол. Анна Сергеевна попросила Варвару Васильевну и Людмилу Фёдоровну сесть во главе стола. Но Варвара Васильевна сказала:

— Нет, уж я потом... вместе с мамашами, хоть я и бабушка. А пока давайте-ка я лучше буду чай разливать.

Настина бабушка заняла место у большого медного самовара, стоявшего на табурете, и в классе стало как-то домашнему уютно. Она уже было взялась своей тёмной, со вздувшимися жилками, рукой за кран деловито шумящего самовара, но в это время Анна Сергеевна подошла к столу и, обведя взглядом своих учениц, начала негромко:

— Дорогие мои девочки!..

Все головы разом повернулись к ней.

— Дорогие мои девочки! — зазвучал в тишине её голос. — Сегодня мы празднуем с вами окончание учебного года, а главное, окончание начальной школы. Вы уже — пятиклассницы. И я горячо поздравляю вас. Перешли вы все, и перешли хорошо. Многие из вас получают похвальные грамоты. Вы сами знаете, кто наши отличницы.

И Анна Сергеевна назвала их имена.

— Встаньте, встаньте! — заговорили вокруг.

Отодвигая стулья, отличницы поднялись. Их было довольно много, и среди них Ирина Павловна увидела и свою дочку. «Как моя Катюшка выросла!» — подумала она.

Когда отличницы сели, Анна Сергеевна продолжала:

— Мы с вами, дорогие девочки, прожили вместе почти целый год. И знаете, что меня всегда особенно радовало? То, что между вами растёт, крепнет дружба. Я радовалась всякий раз, когда замечала, что вы готовы помочь друг другу. И вот большим дружеским чувствам стало как бы тесно в стенах одной только школы. Ваша дружба охватила и детский дом, где у вас теперь столько новых друзей. — Анна Сергеевна немного помолчала, словно прислушиваясь. — Дорогие мои девочки, — продолжала она, — мы с вами расстаёмся, но не надо грустить. Людмила Фёдоровна и я — мы передаём вас в верные, надёжные руки учителей средней школы. И я надеюсь, что новые учи-

теля будут вами довольны так же, как были довольны мы. Спасибо вам за все хорошие минуты, которые вы нам доставили!

Катя невольно нагнулась над столом. Её соседки — Наташа, Аня, Настя, Лена — тоже поникли над своими тарелками. Все были готовы заплакать, но кое-как удерживались. Только Аня Лебедева, по обыкновению, дала волю слезам, и они частым дождём закапали на кремовую розу пирожного.

— Девочки, не надо! — сказала Людмила Фёдоровна, но и у неё как-то особенно заблестели глаза.

Анна Сергеевна поблагодарила родителей, которые помогали ей в её работе, и снова обратилась к своим девочкам, но уже с шуткой:

— Признавайтесь, у кого пирожные стали солёными?

Все насухо вытерли глаза и принялись пить чай, искоса поглядывая на Анну Сергеевну. Катя чувствовала, что учительница хоть и шутит, но взволнована не меньше, чем они все.

Тем временем Наташа заботливо ухаживала за Витей. Она наливала ему чай в блюдечко, и Витя с таким видом откусывал пирожное, как будто занят был очень важным делом.

— Мам, — сказал он, облизывая губы, — я тоже буду ходить в школу. Тут очень вкусные пирожные.

Все засмеялись и ещё усерднее принялись за торт и конфеты.

В наступившей тишине слышен был теперь только звон чайных чашек и ложечек.

«Странно, почему это до сих пор нет Надежды Ивановны», — подумала Катя.

Должно быть, Анна Сергеевна думала то же самое. Она время от времени поглядывала на дверь, а один раз даже встала и, подойдя к порогу, выглянула в коридор. Но в коридоре, видимо, никого не было. Анна Сергеевна вернулась на своё место.

— Девочки, — сказала она, — скоро, наверно, придут Надежда Ивановна и Оля. Они с вами и споют и затеют игры какие-нибудь. Антонина Степановна, Стеллина мама, обещала сыграть нам. А пока попросим Людмилу Фёдоровну рассказать нам о том, какие вы были в первом классе. Я думаю, это всем будет интересно — и вам и вашим мамам.

Девочки сразу шумно захлопали. Людмила Фёдоровна встала, поглядела, улыбаясь, на своих учениц и начала:

— Смотрю я на вас, мои девочки, и думаю, как выросли вы за эти четыре года! А помните вы день, когда в первый раз пришли в школу?

— Помним! Помним! — закричали все.

— Ну, и я отлично помню! — И Людмила Фёдоровна стала рассказывать о том, как удивили и рассмешили её на самом первом уроке некоторые девочки. — Помню, стала я вызывать моих маленьких учениц по алфавиту, чтобы с ними познакомиться. Каждая говорила: «Это я» — и вставала с места. И вдруг, когда я позвала: «Снегирёва Екатерина», из класса донеслось: «Это не я!» — «Кто это говорит?» — спрашиваю. Все молчат. Я опять вызываю: «Екатерина Снегирёва!» И снова раздаётся в ответ: «Это не я!» Тут я заметила сероглазую девочку со светлыми косичками и подошла поближе. «Как твоя фамилия, девочка?» — спрашиваю. Девочка встала. Смотрит не на меня, а на свою парту и говорит тихонько: «Снегирёва». — «Екатерина?» — «Нет, Катюша». А девочки смеются. «Что же тут смешного? — говорю. — Дома-то её никто Екатериной Снегирёвой не называет. Вот она сама себя и не узнала».

Девочки смеялись. Смеялись также и матери, особенно Ирина Павловна, и со всеми за компанию — Витя.

— Ещё, ещё расскажите, как мы были маленькие! — попросили девочки.

Витя тоже закричал:

— Ещё!

И Людмила Фёдоровна стала рассказывать ещё:

— Был и такой случай. Выстроила я всех своих девочек парами и повела по коридору. «Давайте, — говорю, — пойдём в ногу. Раз-два, левой, раз-два, левой...» Вдруг вижу — одна из девочек, самая маленькая, кудрявая, то и дело сбивается с ноги и чуть не падает. «Что с тобой?» — спрашиваю. А она в слёзы. «Я не умею, — говорит, — ходить на одной левой ноге».

— Это была Валя Ёлкина! — весело закричали девочки.

В классе опять стало шумно от смеха. Увлечённые рассказом Людмилы Фёдоровны, девочки не сразу заметили, как открылась дверь и в класс вошла Надежда Ивановна.

— Ореховцы!.. — Все разом вскочили с мест и откружили гостей.

— Сюда, пожалуйста, сюда! — сказала она кому-то, оборачиваясь назад.

Катя привстала с места, посмотрела — и даже вскрикнула от неожиданности: следом за Надеждой Ивановной в класс вошли Маша, Серёжа, Алик, а за ребятами — Валентина Егоровна.

— Ореховцы!..

Кто-то захлопал в ладоши. А Ира Ладыгина даже закричала: «Ура!»

Все разом вскочили с мест и окружили гостей:

— Когда же вы приехали? И почему не прислали телеграмму? И кто вас встретил? И когда уезжает Серёжа? И где Андрей Артёмов? И как вы догадались приехать как раз сегодня — словно нарочно?..

Вопросы так и сыпались со всех сторон. Ореховцы едва успевали отвечать.

Серёжа уезжает сегодня в семь пятьдесят пять. Андрей Иванович приедет прямо на вокзал. А встретила их Надежда Ивановна, и приехали они именно сегодня, потому что Анна Сергеевна написала Валентине Егоровне: «Пятого июня у нас будет маленький праздник по случаю окончания учебного года. Постарайтесь подоспеть к этому дню, чтобы застать всех нас в сборе». Ну они, ореховцы, и постарались.

Ах, так вот кого поджидала Анна Сергеевна! Вот для кого откладывала пирожные и конфеты! Вот почему была довольна, что мама захватила с собой побольше чайной посуды! Но ведь тогда выходит, что и мама принимала участие в этом заговоре?

Катя тихонько подошла к Ирине Павловне, хлопотавшей около стола, и слегка дёрнула её за рукав:

— Мамочка, так, значит, и ты тоже знала, что ореховские ребята приедут как раз сегодня?

Ирина Павловна лукаво прищурилась.

— Сказать по правде, знала, — ответила она.

— От кого?

— От Анны Сергеевны, конечно.

— Но почему же, почему ты ничего не сказала мне?

— Почему? — переспросила мама. — А потому, что мы с Анной Сергеевной хотели сделать вам к празднику неожиданный подарок. Что, разве плохо мы придумали?

— Нет, очень хорошо, — сказала Катя задумчиво. — Но только почему это все взрослые, даже самые честные, такие хитрые?.. Просто понять не могу!

ПРОВОДЫ

В семь часов пятнадцать минут вечера состав скорого поезда «Москва — Ленинград» был подан к платформе. И как раз в это же самое время — всего одной минутой позже — Таня и Миша вошли на перрон и зашагали вдоль вагонов.

Далеко вперёд тянулся поезд, и на каждом вагоне белела дощечка с надписью:

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Уже за окнами вагонов на столиках уютно светились лампы под жёлтыми абажурами, а у подножек стояли наготове проводники. Но на платформе было ещё тихо, пустынно, и только иногда показывался носильщик в белом фартуке, с чемоданами в руках, и за ним кто-нибудь из пассажиров.

Это были всё больше пожилые, неторопливые, солидные люди, которые не любят обычно приезжать к поезду в последнюю минуту. У них было с собой много вещей — чемоданы в аккуратных чехлах, хозяйственные сумки...

Впрочем, Таня с Мишей заметили и несколько таких пассажиров, которые вошли в вагон с одним портфелем подмышкой. Эти проходили по платформе вразвалочку, не глядя по сторонам, и с таким безразличным выражением лица, как будто собирались ехать не в поезде «Москва — Ленинград», а в троллейбусе, да и то каких-нибудь две-три остановки.

Это, должно быть, были деловые люди, которым часто приходится ездить в командировки. В Москве их никто не провожает, в Ленинграде никто не будет встречать. Придя к поезду пораньше, они просмотрят газету или журнал, покурят на площадке, а потом улягутся спать и откроют глаза не прежде, чем за окнами замелькают товарные платформы ленинградской станции.

Таня с удивлением смотрела вслед этим равнодушным пас-

сажирам. Ей-то на вокзале всё казалось каким-то особенным — заманчивым и таинственным — и так хотелось сесть в один из этих вагонов и, прижавшись к окну в коридоре, смотреть, как мелькают за стеклом леса, поля, города, посёлки и дороги...

Нет, когда она окончит институт, она непременно поедет куда-нибудь далеко — выберет себе школу на Урале, на Алтае или на Крайнем Севере... Да и во время каникул она будет стараться каждый раз побывать в каком-нибудь новом месте. Учителя летом свободны не меньше двух месяцев. А за два месяца можно много чего успеть: и в Москве пожить у своих и ещё как следует постранствовать — была бы охота.

Миша шагал рядом с Таней, ещё больше, чем она, увлечённый и взволнованный необычной, дорожной жизнью вокзала. Он так загляделся на всё происходящее вокруг, что даже забыл выдернуть свои пальцы из Таниной руки и покорно шёл возле сестры, как маленький — «за ручку». Всё нравилось ему здесь. Но лучше всего, конечно, был паровоз — тёмный, блестящий, с низкой широкой трубой.

Однакоже и багажные тележки, которые бегут сами вдоль платформы, нагружённые чемоданами, посылками и ящиками, тоже были очень занятные. Миша то и дело провожал их глазами, и Таня должна была смотреть в оба, чтобы он как-нибудь ненароком не угодил под тележку.

Раза два, а то и три, брат и сестра прошли всю платформу от начала до конца и от конца до начала. Миша всласть нагляделся на все вокзальные чудеса и тут вспомнил, для чего, собственно, они пришли сюда, на эту длинную, наполовину бетонную, наполовину дощатую платформу.

— А где же Серёжин вагон? — озабоченно спросил он, дёргая Таню за рукав. — Может быть, Серёжа уже в вагоне, а мы и не знаем?

— Ну что ты! — успокоительно ответила Таня. — В вагоне сидят только те, кого провожать некому. А у Серёжи будет много провожающих — и ребята из детского дома, и Катя с девочками, и мы с тобой. Просто, он ещё не приехал — рано.

Миша помолчал немножко и снова спросил:

— А как мы узнаём Серёжу? Мы же с тобой его никогда не видели!

— Да уж узнаем как-нибудь, — рассеянно ответила Таня.

— А как? — не унимался Миша.

Но Таня ничего не ответила. Крепко держа Мишу за руку, она всё так же шагала вдоль платформы, а вокруг становилось всё оживлённее. Народу прибывало с каждой минутой. Стало тесно, и уже нельзя было ходить мерным шагом, размахивая рукой и поглядывая по сторонам. Электротележка, совершая очередной рейс, раздвигала гущу народа, и женщина в старой куртке с форменными пуговицами, стоявшая впереди на подножке, кричала повелительно: «Эй, поберегись!»

Большая стрелка на светлом циферблате круглых часов заметно, слегка подпрыгивая, переходила с минуты на минуту.

Уже половина восьмого, а Серёжи и его друзей всё нет и нет.

Таня и Миша отошли в сторонку — так, чтобы хорошо видеть и всех входящих на платформу и вокзальные часы. Своим ручным часикам Таня уже почему-то не доверяла.

Между тем поезд на глазах у Тани и Миши ожил и стал похожим на густо населённый дом. На площадках теснились люди. Окна были приспущены, и пассажиры, выглядывая, громко разговаривали с теми, кто стоял перед вагоном на платформе.

Какая-то совсем маленькая девочка важно сидела на столике вагона с большой куклой в руках, и Миша позавидовал и девочке и даже кукле, что они так удобно устроились у самого окна и что поезд повезёт их куда-то далеко...

Чёрная минутная стрелка опять качнулась и стала на цифре «восемь», слившись с другой стрелкой, поменьше, — часовой.

— Просто не понимаю! — сказала Таня. — Они опоздают. Осталось всего пятнадцать минут!

Целая волна новых пассажиров влилась через решётчатые, приоткрытые наполовину ворота. Вот компания каких-то туристов с дорожными мешками за спиной и в одинаковых шапочках. Вон целая семья — мать, отец, четверо детей. Все они бегут, как будто поезд уже отходит. Мать кричит: «Скорее, скорее! Костя, возьми Зинушку! Петя, держи Васю за руку! Саша, не потеряй чемоданчик!»

Миша с тревогой и сочувствием поглядел им вслед.

— Ох, — сказала он, — и чемоданчик, пожалуй, потеряют и Васю, наверно...

Таня удивилась:

— Это ещё почему?

Миша пожал плечами:

— Ясно, почему. Чемоданчик, видно, довольно-таки тяжёлый, а Вася — ещё тяжелей. Ты посмотри, какой он толстый!

Таня засмеялась:

— Ничего, объявят по радио: «Утеряны чемоданчик и мальчик. Чемодан — маленький, чёрненький, а мальчик — беленький, толстенький». Их сразу и найдут.

Миша недосверчиво посмотрел на неё — шутит она или говорит всерьёз? Но в эту минуту Таня крепко сжала его руку:

— Смотри-ка, Мишук! Кажется, они...

И в самом деле, в толпе у входа на перрон замелькали белые передники и красные галстуки.

— Они! Они! — закричал Миша и со всех ног кинулся навстречу Кате, её одноклассницам и таинственному Серёже, тёмная куртка которого едва виднелась за оборками белых передников и пышными бантами провожающих его школьников.

Таня волей-неволей побежала вслед за Мишей.

— Танюша! А мы чуть-чуть не опоздали! — взволнованно заговорила Катя, увидев старшую сестру. — Вы давно здесь?

— Ужасно давно! — крикнул Миша. — Наверно, целых два часа!

— Не особенно давно, — сказала Таня, — минут двадцать, не больше. Здравствуйте, Анна Сергеевна!

— Здравствуйте, Танечка!.. Валентина Егоровна, это старшая сестра Кати Снегирёвой, будущая учительница, уже на второй курс переходит. Наша с вами, можно сказать, смена.

Валентина Егоровна, улыбаясь, пожала Тане руку:

— Очень рада. Познакомьтесь, Танечка, с моими питомцами.

— Да я уже с ними почти знакома, — ответила Таня. — Катюша так много про них рассказывала, что я сразу всех узнала. Это, конечно, Серёжа, это — Алик, а это — Маша... — Таня обвела глазами всю компанию. — А где же...

— Андрей Иванович придёт попозже, — сказала Анна Сергеевна, поняв её вопросительный взгляд. — Он звонил в школу, что его задержали...

— Но ведь уже без четверти восемь!

— В самом деле, — сказала Валентина Егоровна. — До отхода поезда — считанные минуты.

Все беспокойно посмотрели на часы. Стрелка опять слегка подпрыгнула и перешла на следующее деление.

— Ой, осталось всего девять минут! — сказала Ира Ладыгина. — Серёжа, что ты будешь делать, если твой Андрей Иванович опоздает?

— Он не опоздает, — неторопливо и с полной уверенностью сказал Серёжа.

— Конечно! — горячо подхватила Катя. — Разве он может опоздать! Даже смешно говорить...

Анна Сергеевна, улыбаясь, посмотрела на них обоих.

— Я думаю, Серёжа с Катей совершенно правы, — сказала она и почему-то посмотрела на Таню. — Беспокоиться нам нечего. Человек военный, сумеет рассчитать время...

— Да ведь осталось всего семь минут! — испуганно сказала Аня.

— Целых семь минут, — спокойно повторила Анна Сергеевна. — Это вовсе не такой маленький срок, как вам кажется.

— Ясное дело! — решительно подтвердил Миша. Он смотрел во все глаза на Серёжу и осторожно, ласково поглаживал его чемоданчик. — Серёжа, а Серёжа, — наконец не выдержал он. — А тебе, как только ты приедешь, так сразу и дадут морскую форму?

Серёжа слегка улыбнулся:

— Осенью дадут.

— Так зачем же ты теперь едешь?

Все засмеялись. Но Серёжа посмотрел серьёзно на Мишу и ответил обстоятельно:

— Я пока что буду жить у Андрея Ивановича. У него скоро отпуск, и мы вместе поедem путешествовать.

Миша даже захлебнулся от восторга:

— Путешествовать! На Северный полюс? Да?

Алик громко засмеялся, а Серёжа ответил вполне серьёзно, без улыбки:

— Нет, брат, не на Северный полюс, а на Северный Кавказ. Но это тоже довольно далеко...

— Катя, слышишь? — Миша дёрнул Катю за рукав. — Далеко поедут!

Катя молча кивнула головой.

Она сама не знала, отчего на душе у неё сейчас такая странная тревога — и грустно и весело вместе. Какие-то новые мысли теснились у неё в голове. Она думала о том, что вот Валентина Егоровна провожает сейчас своего Серёжу почти так же, как Анна Сергеевна проводила нынче их, хоть они никуда не уезжают и, может быть, будут каждый день встречаться с ней в школьном коридоре. А всё-таки она, Катя, и все её подруги как будто проехали часть пути, и теперь у них пересадка. Каждому надо найти своё место и ничего не растерять в дороге и никого не забыть из тех, кто остаётся.

Она смотрела на вагонные окна с раздвинутыми занавесками, на светящиеся колокольчики жёлтых абажуров, и ей казалось, что это она, Катя, едет куда-то. Так бывает, когда пароход отчаливает от пристани. Кажется, что не пароход отошёл, а пристань поплыла. А рядом шёл отрывистый предотъездный разговор. Катя и слышала и не слышала его.

— Серёженька, как только приедете, сразу же напиши, — говорила Валентина Егоровна, снимая какую-то пушинку с Серёжиного рукава.

Серёжа, не отвечая, несколько раз кивнул головой. И Катя вдруг поняла, что ему трудно говорить от скрытого волнения.

— Решето, слышишь? На зимние каникулы обязательно приезжай, — говорил Алик.

— Ладно уж. Приеду... в отпуск, — негромко ответил Серёжа.

Маша насмешливо и ласково посмотрела на него:

— Ишь какой! «В отпуск»...

— Так в Нахимовском говорят.

— А ты откуда знаешь?

— Читал... — ещё тише ответил Серёжа.

В эту минуту по всему перрону разнёсся чей-то очень громкий спокойный голос:

— Внимание! Через пять минут—в девятнадцать пятьдесят пять — от первого пути отправляется скорый поезд номер тридцать «Москва — Ленинград». Повторяю: через пять минут...

— Слышите, до отхода поезда всего пять минут, — сказала Валентина Егоровна. — Я уж начинаю волноваться. Где же, в самом деле, Андрей Иванович?

— А вот он! — не без гордости ответил Серёжа. — Идёт!

Все разом обернулись. По платформе быстро шёл Андрей Иванович Артёмов.

В одной руке у него были портфель и трубка с чертежами, в другой — большой букет цветов.

— Ну, дорогие провожающие, — весело сказал он, подходя к вагону, — вы нам цветов не принесли, так я вам принёс! Возьмите скорей, а я билеты достану. — И, сунув букет в руки Тане, он принялся рыться в бумажнике. — Уж вы простите, — говорил он, вытаскивая жёлтенькие картонки билетов и белые листки плацкарт, — здороваться ни с кем не буду, а то попрощаться не успею. Валентина Егоровна, не беспокойтесь о нас — всё будет отлично. Мы вам будем часто писать, и вы все нам почаще пишите. — Он искоса поглядел на Таню. — Ну вот, товарищ проводник, держите наши билеты.

— В порядочке, — сказала пожилая проводница. — Заходите в вагон. Отправление скоро.

— Сергей, прощайся!

Серёжа растерянно посмотрел вокруг, как будто не зная, с кого начать. Но тут Валентина Егоровна быстро подошла к нему, крепко обняла его и поцеловала в голову:

— Иди, иди, мальчик!

Множество рук протянулось к нему, он молча потряс их и, круто повернувшись, вскочил на площадку вагона. Вслед за ним вошёл и Андрей Артёмов.

Катя поглядела на часы. До отхода поезда осталась ещё одна — последняя — минута. Серёжа стоял рядом с высоким и худощавым Андреем Ивановичем и от этого казался меньше.

Кате на минутку показалось, что глаза у него как-то влажно блестят. Но он нахмурился и, немножко наклонившись вперёд, сказал:

— Смотри, Бульба, береги Грачика. А ты, Маша, пиши. А то от Тараса письма не дождёшься. Он писать не любит.

— А ты нас не забывай! — сказала Маша. — У тебя там много товарищей будет.

— Никогда не забуду, — тихо ответил Серёжа.

И все замолчали.

Кате вдруг захотелось, чтобы поезд поскорее тронулся: для разговора уже не было времени, и все стояли немного смущённые, и Серёжа, видно, был смущён, потому что все смотрели на него, не спуская глаз.

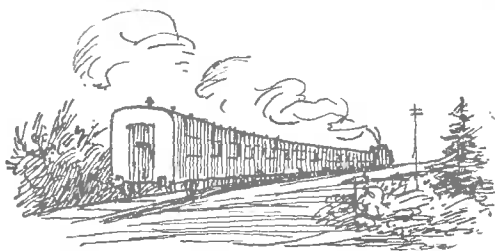
И вот вагон еле заметно тронулся с места. Все двинулись за ним, точно их потянула вслед какая-то невидимая нить.

Вровсь с вагоном крупно шагал Алик. Обгоняя одну другую, бежали девочки. Держа Мишу за руку, быстро шла Таня. Даже Анна Сергеевна и Валентина Егоровна пошли за вагоном. Они отстали первые.

Поезд шёл всё быстрее и быстрее. Алик, девочки и Таня с Мишей бежали вслед за ним до самого конца платформы. Но вот платформа кончилась, и волей-неволей все остановились на краю. Теперь перед глазами у них мелькали другие вагоны, из окон тоже тянулись чьи-то руки и кому-то махали платками и шляпами.

А Катя, Таня с Мишей, Алик и все девочки, стоя на краю платформы, смотрели вслед Серёжиному поезду, пока не блеснул и не исчез в синеве тёплого весеннего вечера красный огонёк на стенке последнего вагона.

1950—1953

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Опять в школу	3	Справедливо или несправедливо?	125
Первый урок	9	Клятва	134
Бывшие подруги	17	Всё по-другому	145
Дома	23	Трудная задача	152
Живая и неживая природа	30	На большой перемене	159
Дюймовочка	38	Честное пионерское	165
За стеклянной стеной	46	Разговор с отцом	169
Первый сбор	52	Папин чемодан	174
Старшие и младшие	67	Стелла Кузьминская	180
Танин праздник	80	У Нasti Егоровой	188
Рассказ о героях	86	После сбора	195
Молодые граждане	93	Как разыскивают пропавших детей?	200
Без Людмилы Фёдоровны	97	Подарки	203
Лучшее название	105	Седьмое ноября	212
Анна Сергеевна	115	Это моя школа	221

Часть вторая

Письмо	225	Кто кого нашёл?	345
От кого — что	229	Историки	350
«Угадайте, как их зовут?»	234	Елка	355
Аня и Наташа	245	Катина минутка	368
Контрольная	252	Картина прошлого	380
Тетрадки вернулись	260	Из-за чего обиделась Наташа?	387
Совет отряда	266	Дружба	392
Своими словами	274	Самая главная новость	400
Сёстры	283	Половинки звененья	403
Две учительницы	293	Урок во дворе	415
Прощай, старый год!	305	Первый экзамен	424
Новый год начинается	317	Машины гости	431
В вагоне поезда	322	Последний экзамен	437
Приехали!	331	Пятиклассницы	449
В гостях	338	Проводы	459

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

И л ь и н а Елена Яковлевна

ЭТО МОЯ ШКОЛА

*

Ответственные редакторы
С. В. Орлеанская и Л. И. Гульбинская.

Художественный редактор
С. И. Нижняя.

Технический редактор
М. Д. Суховцева.

Корректоры
Г. И. Гиляшова и Л. А. Кречетова.

* * *

Сдано в набор 14/IV 1955 г. Подписано к печати
16/VII 1955 г. Формат 70×92¹/₁₆—29,25—34,13 печ. л.
(28,1 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз. А04104.
Заказ № 563. Цена 10 р. 85 к.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

* * * * *

Фабрика детской книги Детгиза. Москва,
Сушеvский вал, 49.

Цена 10 р. 85 к.

Елена
Клыкина

ЭТО
МОЯ
ШКОЛА